

Уральская школа
драматургии

Олег Богаев
Русская народная почта
13 комедий

ЕКАТЕРИНБУРГ
2012

 УРАЛ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

УДК 8-21
ББК 84Р6
Б 73

**Автор идеи создания серии и
руководитель проекта — А.Ф. Бадаев**
Предисловие автора
Оформление художника А. Сайфулина

Серия основана в 2011 г.

Книга издана при поддержке Министерства культуры
Свердловской области

Б 73 Богаев О.А.

Русская народная почта: 13 комедий / Сост. В.Э. Исхаков —
Екатеринбург: Журнал «Урал», 2012. — 776 с.

ISBN 978-5-8295-0158-7

Успех «Русской народной почты» в 1997 году стал первым большим успехом уральской школы драматургии, заставившей говорить о себе как о всероссийском явлении. Являясь первым выпускником мастерской Николая Коляды, Олег Богаев получил признание в конце 90-х. В его пьесах играли такие известные исполнители, как Олег Табаков, получивший «Золотую маску» и «Хрустальную Турандот», Михаил Ульянов, сыгравший в пьесе Олега Богаева свою последнюю роль, и многие другие актеры русского и зарубежного театра. Соединяя традиции русского психологического театра и драматургии абсурда, автор создает свой неповторимый мир, где реальность наполнена сновидениями, а правда — трагикомическим вымыслом.

В книге собраны лучшие произведения автора, написанные в период с 1993 по 2010 год.

УДК 8-21
ББК 84Р6

ISBN 978-5-8295-0158-7

© Богаев О.А., 2012
© Журнал «Урал», 2012

От автора

Занавес. Спектакль окончен. Актеры покидают сцену, зрители — зал. Жизнь пьесы на сцене мимолетна и условна, пережив все волнения, драматург шагает домой. Постойте, а что же герои пьесы? Они живые, как мы, или нет? Где остаются герои, на бумаге? Или в сердцах людей? В любом случае пьеса — их дом, и от того, как он построен, зависит их долгая или короткая жизнь. Я пишу пьесы неполные двадцать лет, для одной головы это много, за это время случились сотни событий, поставили много спектаклей, и все же перед вами моя первая книга.

Страница за страницей, пьеса за пьесой, год за годом откроется перед вами моя творческая жизнь. В жизни я хожу с мрачным, даже скорбным лицом, но парадокс — я очень смешливый, могу даже сейчас, в своем возрасте, засмеяться в самых неподходящих местах. Почему? Жизнь очень часто абсурдна, рядом и счастье и горе, и слезы и смех. Правда жизни не в том, что мы видим, а в том, чего не замечаем. Например: старику тысяча лет, он не помнит уже, когда родился, и вдруг однажды утром подходит к зеркалу и делает открытие, что он давно не юноша. При этом он в течение всей жизни регулярно брился и смотрелся в зеркало. Бытового реализма не существует, есть только бытовой

абсурда, как есть абсурд и мистический, и психологический, абсурд социальный, общественный, личный. Есть абсурд национальный: немецкий, английский, американский и русский. Русский абсурд интересней всего: на первом этаже похороны, а на втором — свадьба. И все плачут. Или как один из моих героев сам себе пишет письма. Русский абсурд сострадателен, русский абсурд любит Человека, он не психолингвистический ребус абстрактных диалогов, русский абсурд открыто указывает на раны в человеческом сердце.

Что такое жизнь? Что такое человек? Наша жизнь и наш человек? Наш, потому что все мы, живущие в одном реальном времени, можем считать друг друга близкими. Соседи — это те, кто жил до нас или будет жить после нас. А мы-то с вами здесь и сейчас. Мы рядом, мы говорим, хотя очень часто не понимаем друг друга. «Здесь и сейчас» — так устроено мироздание, мы — здесь, и секунды — сейчас, в этом главное устройство не только жизни, но и модели театра как искусства.

Когда я сочинял пьесы, я думал о простых вещах и о том, почему человек их делает сложными: о любви, о счастье, об одиночестве. Когда я готовил эту книгу, искренне был удивлен: я написал не 13 трагедий, а 13 комедий, и даже не тринадцать, а по сути одну, но огромную. В моих пьесах часто присутствуют одни и те же персонажи, одни и те же темы и повороты сюжета. Конечно, что скрывать, я написал пьес куда больше, штук тридцать, но остальные, видимо, рассосались сами собой как ненужные мне и театру.

И еще хотел вам сказать главное. Самое главное! Хотя нет, не скажу, потому что это уже сказано в одной моей пьесе на странице... Нет, лучше читайте.

Сансара

Комедия в одном действии

Действующие лица:

ЖЕНЩИНА

СТАРУХА

СПЯЩИЙ ЗА ШИФОНЬЕРОМ

Сансара (буддийская мифология) — «блуждание», «круговорот», переход из одного состояния существования в другое.

Однокомнатная квартира.

Дверь в прихожую. Унылая вешалка. На стене зеркало, над зеркалом любовно развешаны стандартные таблички: «Не влезай! Убьет!», «Опасно для жизни», «Внимание! Высокое напряжение!», «Стой! Идут работы!».

В комнате мебель: шифоньер, тумба, кровать, полудиван, три шатких стула, круглый стол и тяжелое, неуклюжее кресло. На стене нехитрый ковер с изображением группы зайцев в роще у пня. На противоположной стене другой ковер, только этот больше и шире, — у лесного ручья все те же зайцы и рогатые олени, вожак вытянул длинную шею и смотрит вдаль на пыльное солнце, поднимающееся из-за гор.

На полу раскиданы стеклянные груши — сгоревшие электролампы, на потолке — тень спящего.

Электрические розетки выпали из стены, неприлично выглядят оголенные провода. Углы комнаты завалены разобранными на части бытовыми электроприборами. Чего только нет: раздетые утюги, гнутые паяльники, безносые чайники, кипятильники, обогревательные приборы, пылесосы,

светильники, искалеченный телевизор с черными потрохами, катушки магнитные, клубки разноцветного провода, части, запчасти и еще многое другое, чему, не владея тайной электричества, найти определение невозможно. То и дело в самых неожиданных местах попадаются подозрительные предохранители, пружинки, винтики, гайки, мелкие детали. Тут и там — в тарелке гречневой каши, в стакане с кипяченым молоком, в постели под подушкой, даже в волосах.

В кресле гора заросших пылью журналов — «Умелые руки» и «Юный техник». На столе капли застывшего припоя, раскрытые схемы магнитных цепей с жирными пометками карандашом, штангенциркуль, клещи, молоток. За всем смутно угадывается напряженная, порой мучительная работа электромонтера. За шифоньером вторая кровать, здесь спит кто-то, из-под одеяла выглядывает лысая макушка, над кроватью табличка: «Тихо! Идет электросон!»

Зимний вечер.

За шифоньером храп.

Посреди комнаты стоит серьезная старуха, кутается в пальто, греет нос в собачьем воротнике. Холодно. Где-то мяукает кошка. Под потолком потрескивает проводок, «шает» изолента, старуха смотрит на люстру. Лампочка то вспыхнет, то погаснет. Война с неисправным электричеством продолжается не первый день. Старуха ждет, переживает.

Лампочка снова загорается. Не успеет лицо старухи осветиться радостью, как снова комната погружается в темноту. Это повторяется назойливо, непрерывно. Старуха пытается привыкнуть к бесконечному мерцанию: берется то вязать, то читать. Раздражается. Откладывает занятие. Снова дежурит под люстрой, недовольно смотрит вверх. Нервно дрожит

свет. Старуха смиряется, накрывает голову кастрюлей. Настойчиво вяжет вслепую.

Не получается. Люстру замыкает.

Старуха теряет терпение, снимает с головы кастрюлю, кидает в люстру. Звон бьющегося стекла. Темнота. Удары. Звон летящей кастрюли.

ТОРЖЕСТВУЮЩИЙ КРИК СТАРУХИ. Вот тебе!.. (*Удары.*) На-а!! (*Удары, звон стекла.*) Получай!.. (*Удары, звон.*) Получай!! (*Удары, искры.*) Ага... Не нравится??

Тишина.

Человек за шифоньером засмеялся во сне.

Неожиданно под потолком зажглась спираль в разбитой лампочке. Старуха сидит, не моргает, в лице растерянность, затем удивление. Осторожно подходит, смотрит на чудо-лампочку без цоколя. Свет горит ярче и ярче. Резкий, ослепительный свет. Из комнаты убегают тени. Старуха запрокидывает голову, долго смотрит вверх, удивленно открыв рот.

Звонок в дверь.

Старуха не двигается с места, смотрит на потолок.

Звонок дребезжит, звенит беспрерывно, истерично.

Старуха опускает голову, трет затекшую шею, наконец выходит из оцепенения, слышит звонок, быстро ищет по карманам, достает ключ, бежит в прихожую.

Слышно, как поворачивается в скважине ключ, щелкает замок, скрипят дверные петли, слетает цепочка.

Внезапно звонок замолкает, наступает тишина.

На лестничной клетке что-то глухо падает, слышен звон рассыпавшейся мелочи.

КРИК СТАРУХИ. А-а-а-а-а-а-а-а-а-а-а!!!

Молчание.

В прихожей возня, ворчание старухи.

За шифоньером смех.

Старуха втаскивает за ноги приличную женщину средних лет. Женщина закатила глаза, не двигается, не дышит.

СТАРУХА (*перетаскивает женщину к окну*). Убилась... Что ж такое... Ах ты, прости, Господи... Как убилась... (*Хлопает женщину по щекам, наклоняется, слушает дыхание, прикрывает ладонью рот, отходит в сторону, оглядывается в панике.*)

За шифоньером храп.

СТАРУХА (*спящему*). Эй! Ты! Гадина спящая!.. Спит-храпит!.. (*Обращается к стенам.*) Вот он — все поглядите!.. Заслуженный электрик!.. Все провода за сорок лет на улице перещупал, а... (*Смотрит на неподвижно лежащую женщину.*) А дома, дома кнопка народ убивает и убивает! (*Стучит в стену.*) Верка!.. Что Верка... Семьдесят лет корове, и все нипочем — товарный поезд обгоняет!.. Несется!.. Пятьсот раз на дню звонит и звонит!.. По локоть в звонок залезет и даже не вздрогнет!.. А!.. Нечувствительная кобыла! Бык!..

Женщина лежит на полу, не дышит.

Старуха осторожно подходит, поправляет на женщине плащ.

Ты смотри... Долбануло шибко... Девка-то серьезная... Может, она пенсию принесла, а мы ее кнопкой... (*Смотрит.*) Похоже, что того... (*Спящему за шифоньером.*) Ну, чего спишь, старый дурак?! Влипли! Ведь померла же... (*Трясет спящего, дергает за руки.*)

Человек не просыпается, крепко спит.

СТАРУХА (*смотрит на женщину, подходит, шевелит ногой ее голову*). Ой, Гооооосподи... (*Прыскает в лицо женщины водой, оглядывается, находит аптечку, достает градусник, открывает рот женщины, вставляет градусник, напряженно смотрит. Снова быстро ищет что-то, суетится, находит маленькое зеркальце, протирает, прикладывает ко рту женщины, смотрит.*) Каюк... Сердчишко не дышит...

Булькнула вода в батарее.

Под потолком мерцает искра высокого напряжения.

СТАРУХА (*вынимает градусник, смотрит*). Ноль... (*Размышляет, смотрит на женщину. Вдруг видит на ее ногах сапоги, восхищенно смотрит, аккуратно стягивает, примеривает, видит на платье брошь, отстегивает, замечает в руке дамскую сумочку, с*

трудом разжимает холодные пальцы, высвобождает ремешок, надевает себе на плечо.)

Старуха ковыляет на высоких каблуках к зеркалу, смотрит на себя, любит. Открывает сумочку, хочет посмотреть. За шифоньером засмеялся во сне человек.

Старуха оглядывается, быстро закрывает сумочку, смотрит на женщину.

Задрожал свет в разбитой лампочке. Дрогнула нога женщины.

Старуха подходит, склоняется над женщиной, глядит ей в лицо, ждет. Губы женщины разжались, в горле зашипело, она широко открывает рот, пытаясь вдохнуть. Старуха быстро ищет что-то, перетряхивает коробки, роняет стул, находит книгу.

СТАРУХА (*листает, спешит, читает*). «Преждевременные роды....» (*Листает, читает.*) «Устройство башенного крана...» (*Листает.*) Ага!.. (*Быстро читает.*) «И кроме прочего, в полости рта может находиться инородное содержание: рвотные массы, соскользнувшие протезы, песок, ил, камень, трава...» (*Склоняется над женщиной, заглядывает ей в рот, читает.*) «После просмотра оказывающий помощь располагается...» (*Смотрит в брошюру, неловко примеривается к женщине, ложится рядом, набирает полную грудь воздуха, изо всех сил вдыхает в рот женщине.*)

Раздается хлопок.

Женщина широко распахивает глаза, пытается оттолкнуть от себя старуху.

ЖЕНЩИНА. Чт... Чт... Что!.. Вы... Де-лаааете!.. (*Кашляет.*)

СТАРУХА (*падает на спину*). Что я делаю...

ЖЕНЩИНА. Что это было?.. (*Поправляет юбку.*)

СТАРУХА (*облизывает с губ помаду*). Рисунок три...

ЖЕНЩИНА. Стыдно...

СТАРУХА. Стыдно??? (*Поднимается с полу.*) Мне стыдно?! Сама таскаешься по подъездам, кнопки ковыряешь!.. Чем тебя мой звонок соблазнил, а?

ЖЕНЩИНА. Стойте... (*Растирает ладонями виски, пытается вспомнить.*)

СТАРУХА. А вон нет! Он тебя, подругу, отвадил... На всю жизнь отвадил! Звоночек-то мой...

ЖЕНЩИНА (*растирает затылок*). Что же это я...

СТАРУХА (*скидывает с себя дамскую сумочку, сапоги, отстегивает брошь, кидает на пол женщине*). Знаю я, знаю... Аферы прокручиваешь. Хотела постановить нас! А вон — нет! (*Показывает фигу.*) Тут тебя наш звоночек и накрыл. Звоночек, а?! (*Подходит к окну, смотрит вниз.*) А вон и твой друг-полюбовник стоит... В черных очках, в парусиновой шляпе... Так и рыщет, собачий организатор... (*Грозит пальцем в окно.*) Узнала! Все ваши хитрые комбинации!.. (*Женщине.*) В ловушку попала, подруга, а? Ничего, тюрьма воспитает. Я закрыла преступную шайку! (*Уходит на кухню, оттуда ее громкий голос.*) Алло! Коммутатор? Мне нужны органы. Да. Да. Да. Да. Банда у меня.

Преступная организация. Опять сорвалось у них... Держать? Хорошо. Оцепить весь район! Что, уже оцепили? Хорошо. Стрелять без предупреждений? Так точно. Жду! *(Возвращается в комнату.)* Вот так у нас делается!..

ЖЕНЩИНА *(приглаживает вздыбленные волосы)*. Что со мной было? *(Пытается встать, с трудом садится.)* Я не помню... Я ничего не помню... Кто я?.. Что я?.. Где я?..

СТАРУХА. Крепко шарахнуло...

ЖЕНЩИНА. Какое сегодня число?.. Ночь или вечер? Сколько я была в этом состоянии?

СТАРУХА. Сколько нужно — столько и была! Следствию все расскажешь...

ЖЕНЩИНА *(оглядывает комнату и старуху)*. Зачем я пришла?

СТАРУХА. Ничего не дам. Ничего у меня нет!

За шифоньером храп. Молчание.

ЖЕНЩИНА. Вспомнила! Вспомнила... Я лечу... и впереди свет яркий... Вижу себя, я лежу на ступеньках... Вы открыли тяжелую дверь... Я лечу... Я лечу... Меня затягивает... Это называется — клиническая смерть... Быть не может! Как рассказывают — точно так! Туннель. Лечу... И все-все... Вся жизнь перед глазами... Сад дом окно белые стены кукла третья парта у окна... Забыла... Забыла!.. *(Закрывает глаза.)* Мама дом заяц заводная кукла третья парта у окна... *(Вспоминает, глаза закрыты, что-то видит.)*

Осень астры замерзшие лужи перемена мел диктант
 снег каток арахис белка переулочек водосточная тру-
 ба мальчик кепка папироса танцы мама темнота...
(Открывает глаза.) Елка бант отец часы подарок
 лето песни выпускной... *(Закрывает глаза.)* Теплый
 дождь пиджак гитара на перроне поцелуй... *(Вспо-
 минает, открывает глаза.)* Институт объемы газа
 архитектор Цэденбал стройотряд картошка кульман
 симпатичный аспирант...

Старуха внимательно слушает, вначале удивленно, затем
 подозрительно.

Женщина сидит на полу, разводит руками, пытается на-
 щупать воздух, глаза закрыты, видит что-то.

Курсовая босоножки вечер очередь в кино... *(Вспоми-
 нает.)* Насморк свадьба солнце море потеряла дно в
 Ялте дерево упало звезды зимняя гроза... *(Вспомина-
 ет.)* Одеяло теплое в роддоме подоконник апельси-
 ны медсестра боль туман и плач ребенка... *(Вдруг за-
 мирает, решительно поднимается на ноги.)* Где мой
 сын?!!

Старуха испуганно смотрит, ничего не понимает.

ЖЕНЩИНА *(торопится, ищет в сумочке, достает ма-
 ленький клочок бумаги, показывает старухе)*. Вы про-
 даете котят? Это ваш адрес? Ваш?! Котят... Ну?!

СТАРУХА. Продаю котят?..

ЖЕНЩИНА *(нетерпеливо)*. Котят, котят...

Старуха. Уже не продаю...

Женщина (*спешит, достает из кошелька мятые купюры*). Я заплачу... Мне нужен маленький котенок... Он появился на свет шестого числа по лунному календарю здесь, в вашей квартире, двести восемьдесят восемь часов сорок шесть минут назад. У него пятно на правом ушке. (*Сует старухе в карман купюры, еще и еще.*) Где он? Скорей!

Старуха. Уже не продаю.

Женщина. Пожалуйста, я спешу... (*Нетерпеливо оглядывается, быстро начинает искать под кроватью, под шифоньером, смотрит в тумбе.*)

Старуха. Женщина...

Женщина. Где он?.. Покажите мне его быстрее!.. (*Хлопает дверцами шкафа, перебирает вещи, заглядывает под стулья.*) Кс... Кс...

Старуха (*пораженно*). Женщина... А женщина...

Женщина (*становится на колени, смотрит в углы*). Сыро здесь... Вы его не обижаете?.. А кормите чем? (*Находит на полу блюдце с молоком, смотрит.*)

Старуха. Эй, женщина!

Женщина (*пробует молоко из блюдца, морщится*). Как вы можете... Это же прокисло, и комары прошлогодние плавают...

Старуха. Поставьте кошкино на место!

Женщина. Это вредно для детского желудка...

Старуха. У моей Сони нет желудка. (*Смотрит.*) Да что ж это такое! Женщина! Вы... не поняла?! (*Отбирает блюдце.*)

Женщина. Адрес ваш?

СТАРУХА. Наш. Уже не продаю.
 ЖЕНЩИНА (*переменившись в лице*). Как?
 СТАРУХА. Вот так. (*Разводит руками.*) Две недели никого... А тут являются. У-то-пи-ла. Все! Нету котят!
 ЖЕНЩИНА (*в ужасе смотрит на старуху*). Как... Утопила??
 СТАРУХА. ...В чулке и в воду. Все углы обгадили.
 ЖЕНЩИНА. У-то-пи-ла???
 СТАРУХА. Идите в подвал, там толпы котов бродят. Берите всех! Даром!
 ЖЕНЩИНА. Мне нужен один, с белым ушком.
 СТАРУХА. В подвал. Там разноцветные, густые и гладкие. Большой кошачий выбор. А здесь нету!
 ЖЕНЩИНА. Зачем мне разноцветных?
 СТАРУХА. Вам же приспичило.
 ЖЕНЩИНА. Я хорошо заплачу...
 СТАРУХА. У-то-пи-ла!
 ЖЕНЩИНА. Я прошу...
 СТАРУХА. Утопила. Утром. Четверых. Сразу.
 ЖЕНЩИНА. Но я...
 СТАРУХА. Женщина!..
 ЖЕНЩИНА. Врете. Вы... не имели права.
 СТАРУХА. Топила. Топлю. И буду топить.
 ЖЕНЩИНА. Вы не могли...
 СТАРУХА. Мои коты. Хочу — рожаю, хочу — убиваю.
 ЖЕНЩИНА (*долго смотрит на старуху*). Нет...
 СТАРУХА. Да.
 ЖЕНЩИНА (*не сводит взгляда со старухи, шепотом*).
 Убийца...
 СТАРУХА (*оглядывается*). Где?

ЖЕНЩИНА (*показывает на старуху*). Убийца...

СТАРУХА. Кто?

ЖЕНЩИНА. Ты... Убийца. Убийца! (*Бежит к окну, открывает форточку, кричит.*) Помогите! Люди!.. Гражданка из шестнадцатой квартиры убила!.. Убила моего сына!

СТАРУХА. Люди добрые, что она несет?!!

ЖЕНЩИНА (*рыдает, трясет перед лицом старухи кулаками*). Ты... Ты... Ты! Убила... старая дура!

СТАРУХА. ...Да кого я убила такого?

ЖЕНЩИНА. Ты убила моего сына!

СТАРУХА. Господиии! Что она несет такое... Какого сына??

ЖЕНЩИНА. Юру!!!

СТАРУХА. Юру?!!

ЖЕНЩИНА. Юру... я... я... (*Рыдает, угрожающе надвигается на старуху.*)

СТАРУХА. Я твоих Юр в глаза не видела!

ЖЕНЩИНА. Убийца... Ведьма старая! Я тебя... здесь... сейчас... своими руками... (*Смотрит на стол, выбирает предмет.*)

СТАРУХА. Что ж это такое... (*Спящему*). Что ты спишь?! Тут психопатка! (*Быстро залезает в шифоньер.*)

ЖЕНЩИНА (*находит кухонный нож, оглядывается*). Где ты?... (*Медленно идет по комнате.*) Ау-у...

СТАРУХА (*приоткрывает дверцу, смотрит*). Убьет, убьет... Не даст дожить...

ЖЕНЩИНА (*стоит посреди комнаты, оглядывается, смотрит под кровать, под стол*). Эй, старая... Поиграем в прятки?

СТАРУХА. Сердце...

ЖЕНЩИНА (*заглядывает в прихожую, поднимает нож, смотрит*). Все равно найду...

СТАРУХА. Вот тебе окрошка... Ничего не успела... (*Плачет*). Умру, кому достанутся пельмени?

ЖЕНЩИНА (*медленно приближается к дверцам шифоньера*). Ау, старая ведьма...

СТАРУХА. Закрутила в чулочек и в ведро... А они пищат в воде, ведро гудит... А этого — не убивала... Не убивала! (*Часто крестится*.)

ЖЕНЩИНА (*крадется к шифоньеру*). Бабка-а-а... Вылезай...

На кровати во сне засмеялся старик.

СТАРУХА. Смейся... Щас отрежет башку...

ЖЕНЩИНА (*у дверцы шифоньера, поднимает нож*). Эй! Выходи!..

Заскрипели дверцы, из шифоньера вываливается старуха в противогазе.

Женщина ахает и падает без чувств.

Старуха быстро достает из шифоньера бельевую веревку, связывает женщину.

За шифоньером грозный храп.

Старуха снимает противогаз, учащенно дышит, пьет воду.

СТАРУХА. Гляди-ка, отбились... Вот так каждый раз... То воры, то маньяки без перерыва... На улицу вый-

дешь — тут же разденут, откроешь дверь — зараз убьют... Собаки, из рук колбасу вырывают. Совсем совратился народ. *(Берет телефонную трубку, слушает.)* Последний аппарат изувечил... Балда... Говорила, не лезь внутрь, когда прибор не понимаешь...

Хохочет во сне старик.

Смешно?! *(Вздыхает, обреченно смотрит на кучу неисправных приборов, на женщину, встает, ищет в кармане ключи, берет шапку.)* Пойду ловить милиционера...

Под потолком затрещал проводок, задрожала спираль в разбитой лампочке. Резкий мигающий свет. Старуха останавливается, смотрит вверх. Вокруг лампочки закружилось облако пыли.

ДЕТСКИЙ КРИК *(за окном)*. Мама! Мама!.. Мама!..

Женщина открывает глаза, невероятным усилием разрывает веревки, освобождается, поднимается на ноги, удивленно озирается, кажется, видит все в первый раз. Старуха не замечает, абсолютно поглощена неопознанным свечением.

ЖЕНЩИНА. Что такое? Где я?.. *(Подходит к старухе, осторожно хлопает ее по плечу.)*

Старуха оглядывается, замирает.

Вы кто?..

Старуха пятится назад.

Я вас знаю?..

СТАРУХА. Не знаю...

ЖЕНЩИНА. Ничему не удивляйтесь... Понимаете, у меня две клинические смерти за одни сутки. (*Берет старуху за руку.*) Пойдемте.

СТАРУХА. Куда?..

ЖЕНЩИНА. В туннель.

Старуха пытается высвободить руку. Женщина крепко держит, тянет за собой.

Вы переживали клиническую смерть?.. Об этом много пишут.

Старуха вырывает руку, убегает в темную прихожую, открывает дверь, выбегает на лестничную клетку, звонит в двери соседей, стучит. Никто не открывает. Сбегает по лестнице, остановилась, вспоминает что-то, тихо возвращается к двери, бесшумно входит.

Смотрит в щель.

СТАРУХА. Спит, старый дурак...

ЖЕНЩИНА (*стоит возле шифоньера, прислушивается*).

Космический разум возвращает меня назад. Я буду жить на земле и выполнять свою миссию...

СТАРУХА. Бешеная!..

ЖЕНЩИНА (*смотрит на спящего*). Такое ощущение, словно меня пропустили сквозь игольное ушко...

За шифоньером захрапел старик.

Женщина тянется к спящему.

СТАРУХА. Эй! Эй!.. Эй!!! (*Желая отвлечь женщину*.) Вы случайно не родня Юрию Гагарину?.. Похожи как две капли воды!.. Честное слово!..

ЖЕНЩИНА. Нет... Нет. Знаете, один раз я видела в Большом театре Валентину Терешкову. Она похожа на моего Юру.

СТАРУХА. Вот! Видите! Чудо! Чудо чудное! У вас все очень хорошо!.. Вам идет черное платье, а нам нет... Честное слово!.. Вы согласна со мной?.. Согласна... Там... Это... Хоть чаю попейте на плите... Идите на кухню, идите... А деньги в шифоньере!.. Бери, бери!.. Все бери!.. Ничего не жалко, если тебе нужней... Конь белый мраморный в кладовке... Бери... Слушай... Слушай!.. Только дедушку моего не уродуй!.. Он хороший!

Женщина закуривает. Молчит.

ЖЕНЩИНА. Мой Юра не любил рыбачить и не ел уху. Тогда я болела ангиной и последний день говорила с ним шепотом.

СТАРУХА. Дома твой Юра... Сидит дожидается... Уходи ты с Богом!

ЖЕНЩИНА. Мой сын снова родился. Это было шестого числа по лунному календарю, здесь. (*Пауза.*) Я при-

хожу к вам за котиком с белым ушком... У Юры болело ушко... А вы... А вы... *(Закрывает лицо руками.)*
Убили.

СТАРУХА. Убили? Мы? Кого?..

ЖЕНЩИНА. Вы убили моего сына. *(Пауза.)* Я иду забирать своего Юрочку... Да... Он был похож на котика... Глаза большие... Усики маленькие... Думаю, заберу его, принесу домой и скажу: «Вот, Юрочка, ты снова дома...» Напою его молоком... И спать уложу.

СТАРУХА. Ой, девка-а-а-а... Тебе срочно доктора надо, понимаешь?

Женщина вжимает голову в плечи, смотрит в пустоту, медленно раскачивается из стороны в сторону.

А про котика скажу вот что... Я убила своего, понимаешь, своего котика. Слово-то какое — убила... Может, утопила? Это да. Точно. В ведре... В чулке... Пропали они пропадом. Тебе медика надо... У нас так председатель колхоза Ян Карлович чокнулся... Сидели на собрании, а он как запоем: «Снова замерло все до рассвета, дверь не скрипнет, не вспыхнет огонь. Только слышно, на улице где-то одинокая бродит гармонь». Да пел так страшно, грозно... Два часа слушали, а потом доктора позвали... Вот так. Серьезный был мужчина. Апельсины хотел выращивать.

Женщина сидит неподвижно, закрыв лицо руками.
Молчание.

Старуха на цыпочках входит в комнату, смотрит на женщину, хлопает себя по карманам, ищет ключ, видит связку у ног женщины, опускается, чтобы поднять. Женщина перехватывает ключи.

СТАРУХА (*тянет к себе связку ключей*). Отдай, я мигом...

ЖЕНЩИНА (*не отдает*). Убийца!

СТАРУХА. Тебе врача надо...

ЖЕНЩИНА. Сидеть! (*Отталкивает старуху, берет со стола сечку для рубки капусты.*)

СТАРУХА. Стой... Стой...

ЖЕНЩИНА (*поднимает над головой сечку*). Молись, ведьма.

СТАРУХА. Ты... это... Погоди... Я, кажется, припоминаю... Жив твой сыночек!.. Жив!! С белым ушком... С белым, ага?.. Жив. Пищал... Пищал!..

ЖЕНЩИНА. Жив?!

СТАРУХА. Живехонек!.. Коты — они живучие... Живучие!.. Ты сечку отдай, отдай... Порежешься... (*Выхватывает сечку.*) Сядь пока... Сейчас принесу... Сейчас... (*Пытается разжать кулак женщины, взять ключ, не получается, достает из-под кровати ведро, ставит на середину.*)

ЖЕНЩИНА. Юра?..

СТАРУХА. Слышишь?.. Пищит...

Женщина опускается на колени, прислушивается, смотрит в ведро.

Вон ваш, с белым ушком...

Женщина хочет достать что-то из ведра. Старуха не дает.
Плещется вода.

Вы слушайте!.. Слушайте...

ЖЕНЩИНА (*прикладывает ухо к ведру*). Не слышу...

СТАРУХА. А так...

ЖЕНЩИНА (*слушает с другой стороны*). Чуть-чуть...

СТАРУХА. Вот-вот... Ваш пискнул...

ЖЕНЩИНА. Слышно...

СТАРУХА. Глазки открыл...

ЖЕНЩИНА. Который?.. (*Смотрит в воду.*) Не вижу.

СТАРУХА (*указывает в ведро*). Да вот!.. Ваш!.. Слушайте...

(*Отходит от женщины, пятится назад, к стулу.*)

ЖЕНЩИНА (*смотрит в темную воду*). Одна вода... Не слышу.

СТАРУХА. Сейчас... Подаст голос... (*Берет стул.*)

ЖЕНЩИНА. Я ничего не слышу!

СТАРУХА. Тише... (*Крадется со стулом к женщине.*)

ЖЕНЩИНА (*смотрит в воду, зовет*). Юрочка... Юрочка...

СТАРУХА. Котятки-котяточки... (*Поднимает стул над головой, примеривается, выжидает момент для удара.*)

ЖЕНЩИНА (*вслушивается*). Звуки... Где-то далеко... Это не здесь... (*Встает, ходит по комнате, прислушивается.*)

За спиной крадется старуха со стулом.

Откуда эти звуки?... Словно жужжание...

Женщина оглядывается. Старуха взмахивает стулом. Женщина падает. Старуха наваливается на женщину всем телом. Борьба на полу.

СТАРУХА. О!.. А!..

ЖЕНЩИНА. Ба!.. Абу!.. Шшш!..

СТАРУХА. Сейча... Сейчас... Милиция... Где милиция?!!

ЖЕНЩИНА. Ба... Абу... Старая!.. Заду... шишь!..

СТАРУХА. О!! О... Боль... но... (*Опускает руки, не двигается.*)

Женщина сидит на полу, учащенно дышит. Поднимается, у нее сломан каблук. Смотрит на неподвижную старуху, берет платок, вытирает кровь из носа, запрокидывает голову.

Молчание.

ЖЕНЩИНА. В ту минуту я поверила бы во что угодно... Я стояла на троллейбусной остановке... Вечер... Снег... Тоска... И вдруг мне стало смешно... Так смешно, что люди вокруг разбежались... Я хохотала... Давно я так не смеялась... И правда, в один год потерять всех... Разве так бывает?.. Зимой — мать, весной — отца, летом — мужа, осенью — сына... Високосный год, чем не трагическая героиня семейного романа? Говорят — «тяжелое горе». Когда люди говорят эти два слова, они даже не понимают, что это. Горе даже не давит... оно висит над тобой... оно кругом... оно во

всем... Это не объяснить. Как передать словами все это?.. Говорят — время лечит. Все притирается, родные лица бледнеют, память теряет цвет, голоса, дом привыкает к пустоте, возвращаются старые привычки: телевизор, выкройки, свет, газ, утром на работу... Будни... Праздники... Сердце ноет, да привыкает, слава Богу, только... проклятые сны... Когда спишь и снова видишь прошлое — дом, тепло, блины, все здесь снова, рядом, как прежде, живые... И оказывается, ты тогда была счастлива, ты была невероятно счастлива с ними, родными... А проснешься... Проснешься ночью... И... Идешь на кухню и... И давишься холодными блинами. А утром снова солнце... Это солнце, которое дает надежду... и ничего, боль отходит. Иногда думаю, почему именно я, почему именно мне все это? Живут же люди. Живы и счастливы и даже не знают об этом. Смерть только в кино и видят... Утром шесть остановок на работу, вечером — семь обратно... Иду пешком. Боюсь домой идти, а ноги несут. Подойду к дому... А вдруг свет горит? Вдруг и не было високосного года, все живы, сидят и ждут меня дома? (*Пауза.*) Навстречу мне по дороге шел мальчик с гитарой. Откуда?.. Вокруг ни души... Снег... Мороз... А он идет, танцует от холода... Ветер в спину... Я ускоряю шаг... Мы поравнялись... Его нос побелел, обветрились губы, волосы покрылись инеем... Чем не встреча с городским снежным ангелом?.. Только где нейлоновые крылья?..

«— Можно?

— Что?

— Сигарету?..

Он пустил облако теплого дыма, посмотрел на меня, и вдруг:

— Я все знаю. Вы потеряли всех близких. Что делать, это кара за грехи вашей тридцать второй жизни... Не отчаивайтесь. Год пройдет, и все воскреснут.

— Интересно, это как?..

— Все просто. К примеру... Месяц назад вы потеряли сына. Но наша религия разрешит ваше тяжелое горе. Ваш сын не умер. Его душа после смерти вселилась в другое тело. Великое переселение душ. Сансара... Сансара...

— А что это значит?..

— А значит это то, что ваш сын стал живым котиком. Юра продолжает жить».

Телеграфный столб... Объявление.. Адрес... Второй этаж, шестая квартира. Котенок с белым ушком... И смерти нет, а есть сознание Кришны. *(Заблестели слезы. Достает из сумочки тонкую красочную брошюру, разглядывает цветные картинки.)*

Старуха приоткрывает один глаз, наблюдает за женщиной.

Храпит старик.

Женщина молча курит, безразлично перелистывает брошюру.

Под потолком задрожал свет в разбитой лампочке.

ЖЕНЩИНА. Кришна... Зришна... Вришна... Пришна... *(Закрывает брошюру.)* Сришна. *(Разрывает брошю-*

ру на части.) Фиолетовые Будды... Райские нирваны... Бивни из ушей... (Поджигает спичкой, кидает в ведро.) Фиолетовые обезьяны... Мочегонные миражи...

Заскрипела дверь шифоньера. Булькнула вода в батарее. Зашипел паяльник. На кухне хлопнула форточка, упала и покатилась молочная бутылка. На потолке зашевелилась тень спящего — повернулась на другой бок, поправила подушку и захрапела.

Женщина бесчувственно тушит сигарету о свою ладонь, идет на выход.

Старуха. Вы куда???

ЖЕНЩИНА. В Сансару.

СТАРУХА. Пойдите!.. *(Хватает женщину за руку.)* Пойдите... Что, вот так и уйдете??

ЖЕНЩИНА. Как — «так»?

СТАРУХА. Ну вот так — убивать, резать, душить хотели... унижать старух собирались...

ЖЕНЩИНА. Извините...

СТАРУХА. «Извините»?!

ЖЕНЩИНА. До свидания... Прощайте...

СТАРУХА. Какие до свидания?! Милая!.. Куда отправилась?! На большую дорогу?.. Я вас никуда не отпускаю... Вы опасная для народа. Я вас сдам только в надежные руки, гражданка!

Женщина пытается освободить руку. Старуха загораживает собой проход, не выпускает.

Стой!.. Ни шагу назад!.. Да ты знаешь, кто я? Ты, пропаганда?.. От меня не скроешься... Меня все оккупанты боялись... До сих пор письма пишут, людоеды... Переживают за свою фашистскую жизнь... Но я наблюдаю! Я слежу картину мира!.. Я вижу вас!.. Все вижу, враги человечества!.. Вот телеграммы в шкафу — Ганцы, Паульсы... Пощады просят, палачи... Совесть их загрызла... А жены плачут, просят за своих юнкерсов, эсэсовцев... А я говорю: нет! Видела?! Нет — отвечаю. Пока жива — не будет фашистам прощенья! Задобрить хотят. «Клавдия Егоровна... Клавдия Егоровна...» Ссссоббаки... Я — Клавдия Строгина! Член партии! Сядь! Сядь, тебе говорю!

Женщина опускается на диван, смотрит.

От меня, шпана казанская, один путь — ворота колонии строжайшего режима! И вперед с песнями про кондуктор!

Старик засмеялся во сне.

Старуха привязывает безучастную женщину к стулу, достает из шкафа свои медали, прикрепляет себе на грудь. Достает ученическую тетрадку, надевает очки.

Меня товарищ генерал попросил тебя допросить, пока они хватают группу мародеров. Ну, гражданка... Фамилия, имя, отчество?

ЖЕНЩИНА. Вера Петровна Холодная.

СТАРУХА. Адрес...

ЖЕНЩИНА. Проспект Космонавтов.

СТАРУХА (*внимательно смотрит, записывает*). Семейное положение?

ЖЕНЩИНА. Прочерк...

СТАРУХА (*смотрит, записывает*). Муж, дети...

ЖЕНЩИНА. Прочерк.

СТАРУХА (*подозрительно смотрит, записывает*). Какие перенесли заболевания?

ЖЕНЩИНА. Аппендицит... Любовь... Одиночество...

СТАРУХА (*записывает*). Место работы?..

ЖЕНЩИНА. Мосфильм.

СТАРУХА (*недоверчиво смотрит, записывает*). Фото- пленки и микрофильмы при себе?.. С какой целью явилась к Клавдии Строгиной на квартиру?!

ЖЕНЩИНА. Купить.

СТАРУХА. Убить?..

ЖЕНЩИНА. Купить котенка с белым ушком!..

СТАРУХА. Зачем? Отвечай! Громче!..

ЖЕНЩИНА. Теперь незачем.

СТАРУХА (*записывает*). Член какой партии, организации состоишь?..

ЖЕНЩИНА. Член партии мертвых.

СТАРУХА (*записывает*). С какого года?..

ЖЕНЩИНА. С прошлого.

СТАРУХА (*смотрит, подозрительно*). Пароль, шифр, агентурная кличка?

ЖЕНЩИНА. Я верю в космический разум.

СТАРУХА. Все! (*Стучит кулаком по столу.*) Хватит! Ты мне здесь дурочку не валяй!.. Говори, кто тебя за- слал?!

ЖЕНЩИНА. Внутренний голос.

СТАРУХА. Какой?

ЖЕНЩИНА. Внутренний.

СТАРУХА (*громко*). Подпишите! (*Подает лист бумаги.*)

ЖЕНЩИНА. Это что?..

СТАРУХА. Горячая путевка. (*Записывает.*)

ЖЕНЩИНА. Куда?

СТАРУХА. На нары, ягодка! Чемоданчик при себе?..

ЖЕНЩИНА (*не понимает, читает*). «Я, Вера Петровна Холодная, диверсант из космоса, член космического разума, признаюсь в том, что являюсь тайным агентом китайской Кришны, а также организатором антисоветской группы вредителей на фабрике детского питания...»

СТАРУХА. Понятые подойдут... Распишись. (*Подает женщине карандаш.*)

Женщина открывает свою сумочку, достает пистолет.

Старуха в панике вскакивает, бежит к шифоньеру, открывает дверцу, прячется.

ЖЕНЩИНА (*задумчиво смотрит на пистолет*). Юра, где ты?.. Сынок, ты меня слышишь?..

Под потолком затрещал проводок, задрожала спираль в разбитой чудо-лампочке. Свет горит ярче и ярче. Из комнаты побежали тени. Вокруг лампочки закружилась пыль. Старик засмеялся во сне.

Ножки шифоньера подломились, шифоньер медленно клонится набок и с грохотом рушится на пол.

Пауза.

Старик перевернулся на другой бок.

Женщина вытаскивает старуху из-под обломков шкафа, приводит в чувство.

СТАРУХА (*озирается*). Ох... Ох...

ЖЕНЩИНА. Нет... Нет... (*Показывает пистолет.*) Это игрушка... Игрушка моего сына...

СТАРУХА. Очнулась... Вижу — кругом темнота, ни сесть, ни встать, одно дерево... Значит, думаю, сыграла в ящик... Сейчас наверху похоронный оркестр заиграет... Лежу и ругаю себя — как же ты, старая, померла и даже не заметила? Лежу, привыкаю к месту, жду, когда явится небесный бухгалтер с моими грехами... Вдруг вспомнила — мама дорогая, четвертак в носке неистраченный! Застучала в крышку. «Откройте, — кричу, — позовите, черти, гробового слесаря!» — «Поздно, — говорят, — Земля не отвечает, душа в полете». (*Вздыхает, смотрит.*) Провожали брата Пашу, дак у него яма у самого завода была... Приехали, а яма — как озеро, купаться можно... Воду черпали, черпали, а она все протекает в могилу. Рыбкой нырять можно... Куда деваться, деньги заплачены. Мужиков этих нет, а панихида поджигается... Взяли Пашку, бултыхали, бултыхали... А из гроба воздух пошел, пузырьки с горошину, забавляться можно... Сверху глиной закидали, так и схоронили... Вот тебе — был Пашка, а стал амфибия... (*Пауза.*) А что, если и меня у завода положат?..

ЖЕНЩИНА. Не положат.

Старуха. Все-то ты знаешь.

Женщина. Знаю.

Старуха. Убила я твоих котят. Убила. Никогда так не делала, а тут сил нет. Две недели терпела... Объявления дед клеил-клеил... Милиционер явился — нельзя, говорит, в публичных местах клеить. Наложил дикого штрафа... (*Спящему.*) Эх, Миша, Миша, дядя Миша!.. Десять лет я с ним, и все спит... Принес как-то животное, кот — говорит. Я два дня смотрела и раскусила дурака. Кошка! Кошка! Сам котят ее не топит, мне самой надо. (*Пауза.*) А ты и правду из космоса или так, умом прикидываешься?

Женщина не отвечает, смотрит перед собой.

Куда я там после смерти денусь?..

Женщина. Туннель.

Старуха. Какой туннель?

Женщина. Туннель.

Старуха. Куда туннель?

Женщина. Туда.

Старуха. Куда туда??

Женщина. Я была там 15 минут.

Старуха. Где?

Женщина. ...Все потемнело. Стало как-то пусто в груди. Кровь, сердце остановилось. И вдруг я чувствую, что взлетаю легко к потолку... И вижу собственное тело. Оно показалось мне чужим, таким далеким. Снова все потемнело. Я быстро лечу куда-то... Меня засасывает в воронку, тянет как магнитом. Вижу тун-

нель. Скользкие стены, лабиринты... Тянет меня... И тут вся жизнь пронеслась перед глазами. Вижу — туннель кончается. Яркий, огненный свет! Тепло. И голос мужской меня спрашивает: «Кто ты?» Я отвечаю. А голос: «Нет... Нет... Рано тебе здесь быть... Ты не выполнила долг...» Сказал и вернул меня назад. Обратно очень больно.

СТАРУХА. Ты б мне показала...

ЖЕНЩИНА. Что???

СТАРУХА. Я ведь не туда залечу.

ЖЕНЩИНА. Как я это покажу???

СТАРУХА. Покажи.

ЖЕНЩИНА. Хорошо. Ляг прямо. Закрой глаза.

Старуха ложится, закрывает глаза.

Ты умерла.

СТАРУХА. Уже???

ЖЕНЩИНА. Сердце остановилось. Кровь захладела.

В глазах темно. *(Держит зеркальце перед старухой.)*

Твоя душа видит тело...

Старуха открывает глаза, смотрит на себя.

Сейчас через десять секунд твоя душа помчится в туннель. *(Завязывает полотенцем глаза старухи, смотрит на часы.)*

СТАРУХА. Взлетаю?..

ЖЕНЩИНА. Рано. Девять... Восемь... Семь...

СТАРУХА. Я готова...

ЖЕНЩИНА. Пять... Четыре... Три... Сейчас появится туннель.

СТАРУХА. Вижу...

ЖЕНЩИНА. Три... Два... Один... Внимание... Поехали!!!

Старуха поднимается с кровати, глаза завязаны, делает два шага, роняет стул, стоит посреди комнаты, хватается руками воздух.

Лети!.. Лети!..

СТАРУХА. Куда?.. Куда?

ЖЕНЩИНА. Прямо и налево! (*Берет старуху за плечи, ведет.*) Ты летишь... Скорей!.. Так! Так!.. Прямо!.. Туннель! Еще скорей! Налево!..

СТАРУХА. Не поспею...

ЖЕНЩИНА (*ведет старуху по комнате*). Прямо!.. Направо!.. Поворот... (*Водит старуху кругами по комнате, отпускает.*)

Старуха кружится, делает неуверенные шаги, старательно выполняет команды.

Нет-нет!.. Там лабиринты!.. Прямо... Прямо... (*Смотрит на часы.*) Еще... Еще немного... Внимание... Через пять секунд перед глазами пролетит вся жизнь!.. Три, два, один! Вспоминай!

СТАРУХА (*скороговоркой*). Я родилась в деревне Знаменка Пермской области... Мама тятя сестра Кока... Кока меня била баня шайка чугунок молоко колодезь месяц сапоги белые сапоги красные тятю увели...

ЖЕНЩИНА. Налево! Направо!

СТАРУХА (*двигается*). Валенки седуха мороз строят мост кулаки медведь отец весь в чирьях вернулся мельница журавли...

ЖЕНЩИНА. Прямо! Быстрей!.. Направо! Скорей!..

СТАРУХА (*быстро*). Лесники голова чужой коровы деревянная лапта свиноферма город тридцать третий год пионер трамвай пожарник профсоюзный клуб «Волга-Волга» краковяк Леня муж пижама дети нормативы ГТО...

ЖЕНЩИНА. Осторожно... Поворот! (*Ведет старуху.*)

СТАРУХА (*быстрее*). Ночью Ленечку забрали воронок беспартийный умывальник оперетта воскресенье диктор страшный Левитан муж второй опять забрали письма с фронта треугольник почтальон оккупанты Киев лагерь голод утро муравьи мир парад снижение цен сахар масло шоколадка я вредитель Колыма чуни рыло лесопилка целина... Забыла!.. Забыла... У Сталина пальцы толстые, а у Ленина личико маленькое!!!

ЖЕНЩИНА (*ведет старуху*). Не останавливайся!

СТАРУХА (*еще быстрее*). Новый год мыши елку уронили Ребентропп пять рублей кусок на платье василек впереди американец за спиной бежит китаец да здравствуют советские школьники «Свадьба в Малиновке» слава рабочему классу слава советской интеллигенции в цирке пляшут лилипуты съезды партия доклады макароны спички мыло дом в деревне часто снился Пашка рябину привез мельница тата, мама...

ЖЕНЩИНА (*вводит старуху в кухню*). Прямо... Прямо...
Налево!

СТАРУХА (*натывается на подоконник, стол, роняет посуду*). Мама молоко колодец сдача талоны дом ветерана мост задний желудок артрит хандрит остеохондроз льготы медаль колбаса столичная вишня крымская икра кабачковая рашпиль муж последний монтер не расписаны спит кошка протекает ведро...
Все! Не могу!!!

ЖЕНЩИНА (*останавливает старуху, поднимается на табурет, сверху, торжественным низким голосом*).
Душа, ты пришла!

СТАРУХА (*поднимает голову, глаза завязаны*). Ой, здравствуйте.

ЖЕНЩИНА. Ты достойно выполнила земной цикл!

СТАРУХА (*кланяется*). Спасибо.

Засмеялся во сне старик.

Старуха снимает с глаз повязку, взволнована.

Задрожал огонь в разбитой лампочке. Затрещал проводок. Потух свет. Старуха и женщина стоят в темноте.

Прямо... Направо... Потом налево??? (*Зажигает спичку.*)

ЖЕНЩИНА. Прямо, налево, снова прямо, опять налево, опять прямо, и дальше два раза налево, направо, два раза прямо и только потом, только потом, запомните, налево. (*Чиркает зажигалкой.*)

СТАРУХА (*пытается запомнить порядок*). Прямо, налево, прямо и на... Налево...

ЖЕНЩИНА. И дальше до конца, не сворачивая, прямо и прямо.

Бормочет во сне старик.

СТАРУХА. Доеду я до последней остановки... Скажу спасибо. Водитель объявит: «Приехала ты, Клавдия Егоровна, на тот свет...» Я слезу. А куда дальше идти?

ЖЕНЩИНА. В туннель.

Хохочет во сне старик.

Молчание.

СТАРУХА. В туннель... (*Зажигает свечку, подходит к ведру.*) Прости ты меня, дуру старую... Утопила я твоих котят... Просто сил нет... Всех. Четверых. Сразу. (*Смотрит в ведро.*) Стой... Их же было пятеро... Точно! Пятеро! Кс... Кс... Соня! Отвечай, куда последнего спрятала?! (*Ищет кошку.*) Соня!.. (*Заглядывает под кровать.*)

ЖЕНЩИНА. Ю-ю-юрочка?! (*Ищет.*) Юрочка...

Ищут кошку и котенка, заглядывают под кровать, стол, кресло.

Юра... Юра! Иди к маме... Кс... Котик мой!..

СТАРУХА. Кс... кс... Со-о-оня...

Ползают на полу, ищут, зажигают спички.

СТАРУХА. А что потом?.. Прямо... Налево... Прямо...

Там принял Бог меня... А потом? Что будет потом?

ЖЕНЩИНА (*ищет*). Где ты, Юрочка?.. Кс, кс, кс... Что будет потом? Потом — Сансара. Сансара!! Юрочка!.. Кс, кс... Вы можете вселиться в какое-нибудь живое или неживое существо... Юра!.. Юрочка... Кс, кс... Сансара... Иди ко мне, куда ты спрятался?.. Юрочка!.. Кс... (*Старухе*.) Можно стать кошкой, собакой или слоном!..

СТАРУХА. А коровой можно?..

ЖЕНЩИНА (*ищет*). Коровой, рыбой, цветком...

СТАРУХА (*оглядывается*). Коровой, рыбой, цветком. А утюгом?..

ЖЕНЩИНА. Телевизором, стулом, столом...

СТАРУХА. И лампочкой тоже?..

ЖЕНЩИНА. И дверью, и звонком, и даже спичкой...

СТАРУХА. А окном?

ЖЕНЩИНА. Ветром, снегом, птицей, травой...

СТАРУХА. А рекой?

ЖЕНЩИНА. Морем, лесом, горой... (*Заглядывает под тумбу, ищет*.) Юрочка... Кс... Кс... Выходи... Идет переселенье душ... Кс... Кс... От мамы спрятался... (*Ищет*).

СТАРУХА (*думает*). Деревом, что ли, стать?.. Может, ласточкой и летать на юг? (*Думает*.) А... А... можно мне стать... улицей, но в другом районе?

ЖЕНЩИНА. Можно!..

СТАРУХА. А городом?..

ЖЕНЩИНА. Можно стать Полярной звездой!!!

СТАРУХА. А богатой страной?..

ЖЕНЩИНА. Конечно!..

СТАРУХА (*думает*). Может, по старой привычке опять...
человеском, а?

ЖЕНЩИНА. Да!.. Да...

Засмеялся во сне старик. Крепко чихнул. Повернулся на бок.

Булькнула вода в батарее, воде ответил водопроводный кран низким, гортанным басом, застучал холодильник, упала крышка кастрюли, чайник кашлянул и выдохнул струюку пара.

СТАРУХА. Только это... Я попрошу там, в небесной конторе, чтобы это... Не бабой, а мужиком...

ЖЕНЩИНА (*прсовывает руку под комод*). Юрочка... Где ты? Ну, иди же к мамочке...

Неожиданно под потолком зажглась спираль в разбитой лампочке. Резкий, ослепительный свет заполняет комнату. Побежали тени. Фантастическое свечение.

Старуха запрокидывает голову, открывает рот.

СТАРУХА (*мечтательно смотрит на лампочку*). Сансрал, говоришь... Туннель. (*Спящему.*) Проснись, сверчок! (*Подходит, толкает его в бок, желая рассказать новость, тот опрокидывается на спину.*) А?..

Женщина разглядывает мышеловку, задевает пружинку, раздается хлопок.

СТАРУХА (*пораженно смотрит на неподвижного старика*). Миша-а-а... Дядя Миша-а-а... (*Смотрит, пятится, наталкивается на женщину.*)

ЖЕНЩИНА. Осторожно!.. Он где-то здесь... Не раздавите...

СТАРУХА (*смотрит на старика*). Помер... В туннель ушел.

Женщина поднимается, подходит, смотрит на старика.

ЖЕНЩИНА. Сансара...

СТАРУХА. А?

ЖЕНЩИНА. Переселение душ...

Старуха не понимает, глядит на женщину.

ЖЕНЩИНА (*показывает на лоб старика*). Тс-с...

СТАРУХА. Чего?..

ЖЕНЩИНА. Муха...

СТАРУХА. Муха???

ЖЕНЩИНА. Видите. У него. На лбу муха...

СТАРУХА. Муха-а-а...

ЖЕНЩИНА. Ползет, ползет...

СТАРУХА (*догадывается*). Дядя Миша теперь — чо?

ЖЕНЩИНА (*смотрит*). Он стал мухой.

СТАРУХА. Миша, Миша, дядя Миша... (*Смотрит, следит за крылатым насекомым.*) Вот ведь чо ты учудил... (*Смотрит.*) Был монтер, а стал насекомый... (*Смотрит.*) И летать, поди, умеешь?.. Мух... (*Осторожно взмахивает ладонью, муха взлетает, жужжит.*)

ЖЕНЩИНА (*отодвигает мебель, ищет, заглядывает в углы*). Юра... Котенок ты мой... Иди к мамочке... Пойдем домой... Я налью тебе молочка, спать уложу, песенку спою, завтра в школу... Ну?! (*Ищет котенка.*)

Старуха гоняется со стаканом за мухой.

СТАРУХА (*мухе*). Сядь, поговорим!..

Муха жужжит.

Все нервы вымотал!.. Что?! Что?! Говори по-человечьи! Я не понимаю!..

Муха кружится, бьется в стекло, летает под потолком.

СТАРУХА (*мухе*). Дядя Миша... Миша!.. (*Бежит по комнате, запыхалась.*) Ну, старый козел... Во характер! Не поймаешь! (*Теряет из виду муху, находит.*) Туннель!.. Миша! Туннель! Прямо, налево, направо и дальше без остановок! (*Муха летит на кухню, старуха за ней.*) Попросись обратно! Чтобы человеком!.. Человеком!!!

Хлопает форточка. Муха летит на улицу и скрывается в хлопьях снегопада.

СТАРУХА (*кричит на улицу*). Миша! Одень пальто! Сейчас же вернись! Кому говорю?! Замерзнешь! Миша!..

Миша!.. Туннель!! Прямо! Налево! Направо! *(Вглядывается в белую пелену снега, пытается разглядеть жужжащую точку.)*

ЖЕНЩИНА *(ищет, зовет)*. Юрочка... Кис, кис, кис... Где ты? Это Сансара... Не бойся. Просто ты стал маленьким пушистым котиком... *(Ищет.)*

Довольная старуха возвращается в комнату.

СТАРУХА. Улетел наш дядя Миша... *(Смотрит на непогоду в окне, улыбается.)*

Задрожал свет в разбитой лампочке. Запела дверь, другая, третья, загудел телевизор.

ТЕЛЕВИЗОР *(взволнованным голосом диктора)*. Смотрите!!! Смотрите!!! Миша поднимается высоко над стадионом! В небо!!! Какое зрелище! Он поднимается все выше и выше!!!

Женщина ищет. Старуха слушает телевизор и восхищенно смотрит в окно.

Прощай, Миша! Ты дарил нам радость шестнадцать дней! И теперь мы прощаемся с тобой... Тысяча девушек и юношей с флагами!.. Наш Миша улетает высоко в небо!! Невероятно, но его еще видно!!!

ЖЕНЩИНА. Сансара... Сансара... Сансара... Сан... Сара... *(Говорит как заклинание, ищет, начинает плакать.)*

СТАРУХА (*как заклинание*). Сансрал... Сансрал... Сансрал... Прямо... Налево...

ТЕЛЕВИЗОР. Над стадионом взмыла стая белоснежных голубей!!!

СТАРУХА (*напряженно смотрит в темноту окна*). Миша, Миша... Дядя Миша... Прямо... Налево... Направо и прямо, прямо...

ТЕЛЕВИЗОР (*крик диктора*). Салют!!!!.. Ура!.. Сотни, тысячи огней!!!

ЖЕНЩИНА (*ищет котенка, плачет, потекла тушь с ресниц*). Юрочка... Где ты? Кыс, кыс, кыс, кыс, кыс, кыс, кыс...

СТАРУХА (*мечтательно*). Туннель...

ТЕЛЕВИЗОР (*тихо поет*).

На трибунах становится тише,
Тает быстрое время чудес,
До свиданья, наш ласковый Миша,
Возвращайся в свой сказочный лес.

СТАРУХА. Миша... Человеком...

ТЕЛЕВИЗОР.

До свиданья, Москва, до свидания,
Олимпийская сказка, прощай,
Пожелай исполненья желаний,
Новой встречи нам всем пожелай.

СТАРУХА. Направо... Нет, налево... Направо и прямо...
Туннель. Не забыть.

ТЕЛЕВИЗОР.

Расстаются друзья,
Остается в сердце нежность,
Будем песню беречь,
До свиданья, до новых встреч...

Старуха смотрит в окно, пытается что-то разглядеть. Женщина ползает по полу, ищет котенка, плачет, смеется. Песня все тише и тише. Дрогнул свет в разбитой лампочке и потух. Комната освещается телевизионным экраном в зеленый, красный и желтый цвета. На кровати, широко раскинув руки, неподвижно лежит старик. Налетел ветер. Во дворе закачались деревья. В глухом переулке шаги, мяуканье котенка.

Занавес

Декабрь, 1993

Русская народная почта

Комната смеха для одинокого пенсионера
в одном действии

Действующие лица:

Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович
Жуков Иван Сидорович

Итого:

ЧЕЛОВЕК, 1 штука

Жуков Иван Сидорович — старик, ему много лет.

Он сидит и грустно смотрит то на телевизор, то на радиоприемник.

Два года назад у него скончалась от легочной болезни жена. Может показаться невероятным, но Иван Сидорович этой болезни как-то не заметил. А все же в памяти остался нечеткий, мятый след похорон: он помнил, как супругу закопали в землю, как поставили широкую (с запасом) оградку, как потом все стояли уныло на автобусной остановке и проклинали плохую погоду. Еще остался в памяти сороковой день, когда никто не пришел, и он один погружал большую поварешку в глубокую кастрюлю с компотом.

Он сознавал факт смерти жены, но «факт» для него был чем-то вроде трещины на потолке, которая сама по себе, а Иван Сидорович сам по себе. Возможно, сказалась логика старческого маразма, возможно, он боялся тревожить свое сердце дополнительным инфарктом, возможно, Иван Сидорович в душе был философом и почитал Платона в фразе: «Жизнь есть постоянное движение от рождения к смерти». Возможно, все возможно. Не знаю.

Все так же, как при жене, он рано утром шел с бидоном в молочный, днем сидел на скамеечке с приятелями, а вечером смотрел телевизор, слушал радио и переживал «за жизнь».

Прошло так два года. Жизнь текла непонятно откуда и куда, да и думать особенно ни о чем и не хотелось: реки не выходили из берегов, ровно тукала вода в водосточной трубе. Зимой при помощи «лентяйки» снег падал с перил балкона, весной доставались галоши, осенью — валенки.

Но неожиданно в начале осени, врасплох, молочный магазин перенесли в район новостроек, приятели (словно сговорившись) покинули его и вознеслись на «небесную скамеечку» к супруге, телевизор и радио безнадежно поломались. Скучно стало.

И вот наш Иван Сидорович целыми днями не показывает носа на улицу, сидит на табурете, раскачивает свое одиночество, поскрипывает половицей, и жалко ему себя. Не с кем поговорить, никто не зайдет.

Вспоминает он свою неразговорчивую супругу, приятелей-стариков из подъезда, жмурится на пустой экран телевизора, припоминает «живые картинки» с людьми и вздыхает.

Однако Иван Сидорович в школе, в ФЗО, на фронте, в трудовом коллективе всегда выделялся смекалкой и талантом на хитрые выдумки.

Именно сейчас, когда он сидит на табурете, в голове его происходит не по годам активная, серьезная работа мысли. И кажется, он что-то придумал!

Однокомнатная квартира Ивана Сидоровича.

В комнате простая обстановка: стол, накрытый клеенкой, комод, выкрашенный для красоты половой краской, на тумбочке телевизор, на кровати гора свежевystиранного белья, на полу коврик. Точно такой же коврик висит над кроватью. Когда-то жена работала на почте, пачками таскала домой чистые конверты и бланки телеграмм, но найти применение жесткой, грубой бумаге было сложно, остановиться она не могла и таскала, таскала, таскала пачками, тележками, связками, пока не ушла на заслуженный отдых. Из комода конверты перекидывали на антресоли, с антресолей — на балкон.

После смерти жены Иван Сидорович зачем-то вспомнил о конвертах, вернул конверты в тепло. Они долго стояли пачками у батареи, распространяли по квартире сырость и запах кислого клея с клопами. Теперь Иван Сидорович нашел конвертам применение. Из комода, из-под обоев, из шкафа, отовсюду, где только можно, выглядывают серые уголки писем. На конвертах один и тот же почерк.

Иван Сидорович поднимается с кровати, идет к шкафу, открывает, извлекает чистую тетрадку и пачку конвертов.

Торжественно достает из тумбочки стержень, дует в чернильную трубочку, садится за стол, смахивает рукой хлебные крошки.

С минуту Иван Сидорович сосредоточенно чешет в ухе колпачком авторучки, крякает и начинает старательно выводить каракули на чистом листе бумаги.

Иван Сидорович. Здравствуй, дорогой Иван. (*Думает, пишет.*) Пишет тебе ста-ра-я ком-па-ни-я: Мишка, Гриш-ка и Фе-дор. (*Думает, пишет.*) Наконец-то мы тебя нашли! (*В сторону.*) А сколько искали, одному лешему известно. (*Думает, пишет.*) После того, как мы с тобой кончили семилетку, ты пропал куда-то, и с концами. Нам говорили: уехал ты строить завод, но где и какой — мы не знали. (*Думает, пишет.*) Другие говорили, что ты уплыл на корабле в Арктику. Мы писали туда, но нам там дали ответ, что тебя там нет. Потом началась война, и мы перестали тебя искать. (*Думает, ходит по комнате, снова пишет.*) После войны мы тебя снова искали, искали, искали. (*В сторону.*) Искали, как же. Последний раз Михаил говорит, что видал тебя по телевизору, где ты танцевал «Лебединое озеро». Это, знаешь, было в 70-х годах. И вот сейчас в адресном столе нам дают твой адрес и говорят, что ты и есть тот самый настоящий Ванька Жуков, наш друг и товарищ. (*Думает, пишет.*) Ты ли это? Ответь нам, пожалуйста! А то

мы волнуемся. *(Думает, пишет.)* А то мы волнуемся. Старые школьные друзья Мишка, Гришка и Федор! *(Перечитывает, думает, пишет.)* Если, если ты — не ты, то ответь нам, не видал ли где Ивана Сидоровича Жукова, 1921 года рождения. Особые приметы... *(Смотрит на себя в зеркало, пишет.)* Ростом он средним, волосы седые... *(Смотрит в зеркало, пишет.)* Нос был у него курносый, отзывается на кличку «Старый пень».

Иван Сидорович разглядывает свои каракули, старательно сворачивает письмо, кладет в конверт, заклеивает, расправляет ладонью, подписывает конверт. Прячет письмо под рубашу, довольный, ходит по комнате, останавливается у зеркала, прячет конверт за зеркало. Ходит из угла в угол, насвистывает, садится на табурет, мечтательно глядит в окно.

ИВАН СИДОРОВИЧ. Чо-то седня будет... *(Глянул в окно.)*
О! Снегирек! Значит это, что весть какая мне будет. Неожиданная весть! *(Косится на зеркало.)*

Ходит по комнате, тревожно поглядывает на стену, где висит зеркало. Думает — как бы похитрее обмануть себя. Вот подходит к зеркалу, просовывает руку, достает письмо. Оглядывается. Кладет письмо на стол.

ИВАН СИДОРОВИЧ *(зовет, выкрикивает свое имя-отчество)*. Иван Сидорович! А Иван Сидорович! Тебе письмо срочное!! Пришло! Слышь, нет, козел старый?! Где ты? А-у-у-?! *(Вытянулся по струнке, ми-*

гает испуганно.) Я здесь! Это я. Иван Жуков. Это я самый. *(Громко, командирским голосом.)* Получи послание!

Оглядывается, подходит к столу, берет письмо, читает надпись на конверте.

Мне, что ли? *(Оглядывается, громко в сторону.)* Тебе! Забирай и вали отсюда! *(Тихо, едва слышно.)* Кто написал, откуда? *(Разрывает конверт, читает свои каракули.)* Мишка, Гришка и Федор?! *(Читает.)* Да ты что! Да ты погляди, а! Да ты посмотри, а! Да ты скажи, а! Ну надо же тебя! Ну дела! Дела, дела, дела.

Садится поудобнее, внимательно перечитывает свое письмо, играет: охает, ахает, широко улыбается. Дочитал, спрятал письмо обратно за зеркало.

Иван Сидорович *(загрустил, ходит из угла в угол, шаркает тапками)*. Ребята... Молодцы — ребята. Сколько лет! Разыскали через адресный стол. Не сдаются. *(Оживляется.)* Не сдаются, не сдаются. Ну, мы еще с вами повоюем!

Решительно ходит по комнате, смотрит то на окно, то на стол, то на комод. Вырывает из тетрадки чистый лист, садится за стол, пишет.

Здорово, ребята! Это я! Ваш настоящий Ванька Жуков! *(Думает, пишет.)* Очень радуюсь, что вы окон-

чательно нашли меня. (*Думает, пишет.*) Получил ваше счастливое письмо и тут же отвечаю. (*Думает, загрустил, пишет.*) Как же вы жили все это время? А? Мишка. Гришка. Федор. Как же вы на войне не погибли? Я думал — погибли. (*Думает, пишет.*) Ну, как вы жили? Я ведь ни шиша про вас не знаю. Небось у Мишки внуки да правнуки, а Федор женился ли на Анфисе-школьнице? А стал ли Гришка милиционером, как мечтал? (*Думает, пишет.*) Напишите мне про все. В каких городах живете, на каких улицах, какие у вас цены. (*Думает, пишет.*) А играете в домино? Если играете, то опишите, в какое: в «крест» или «пустышки»? (*Думает, пишет.*) А я люблю в «крест», чтобы концы обрубать с ходу. Чтобы у противника не было обычая юлить и завираться. (*Думает, пишет.*) У меня в Великую Отечественную дочка потерялась, а другие как-то не народились. В общем, жили мы с женой скромно. (*Задумался, долго сидит, наконец пишет.*) Гришка мне должен 12 щелбанов! Забыл небось? (*Думает, пишет.*) Теперь живу. На удовольствие. Очень жду вашего письма. Вот пока и все. Ваш настоящий Ванька Жуков. (*Думает и приписывает.*) А «Лебединое озеро» по телевизору танцевал не я. А кто-то другой.

Сворачивает письмо, кладет в конверт, заклеивает, подписывает, идет к комоду. Открывает — сыплются бандерольные конверты, исписанные одним почерком. Аккуратно складывает письма в комод.

Загрустил, садится на кровать, дремлет.

За окном зашелестели листья. Комната наполняется зелеными, голубыми, красными лучами света. Кровать, тумбочка, телевизор, шкаф словно накрыты дорогой полупрозрачной тканью, начинают переливаться сотнями сверкающих пылинков.

Слышны голоса.

Иван Сидорович повернулся лицом к стене — все исчезло. Иван Сидорович проснулся, сел, нашарил босой ногой тапочки, встал. Стоит в центре комнаты, что-то вспоминает. Идет к комоду, открывает, перебирает письма, исписанные одним почерком, нашел письмо. Разворачивает, читает.

«Очень жду вашего письма. Ваш настоящий Ванька Жуков».

Кладет письмо обратно, закрывает комод. Идет к столу, берет листок бумаги, чистый конверт, думает.

Мишка. Гришка. И Федор. (*Пишет.*) Здравствуй, Ванька! (*Думает, пишет.*) В домино мы не играем. Только в одни шахматы. Торопимся тебе отвечать про нашу жизнь. (*Думает долго, пишет.*) Жизнь наша как в сказке. (*Думает, пишет быстро.*) У нас выросли в большом количестве дети. И все хорошие, умные. Слова нам плохого не скажут. Берегут нас, как вазы хрустальные, берегут. Возят по субботам на курорты. (*Задумался, снова пишет.*) Война на нас совершенно не сказалась! Даже у соседей за всю войну

ни единой занозины. Так, легкие царапины. В общем, мы про войну и не слыхивали. Тети, дяди, братьевья двоюродные — все до одного здоровы и в уме. Внуки же кончили университеты на одни пятерки, внуки вышли замуж за серьезных парней. А проживаем мы в огромном, тихом городе, где нет морозов и грязи. (*Думает, пишет.*) Город наш красивый, о каком и мечтать только можно. Дома с прозрачными крышами, на балконах цветы разные, пол на улицах с мылом моют, во дворах сразу тебе растет ягода и грибы. (*Думает, пишет.*) Все у нас дешево, добротно, на совесть и радует глаза. Люди на улицах себя уважают, не пихаются, улыбаются приезжим. Воровства нет, про бедноту читаем только в старых книгах. Начальство не имеет наглости и политику не хочет. (*Смотрит на лист, на лбу капли пота, доволен, снова пишет.*) На этом кончили. Твои друзья. (*Старательно выводит.*) Миш-ка, Гриш-ка и Фе-дор!

Запечатывает письмо, прячет под матрас. Достает из кладовки гармошку, запекает: «Из-за острова на стрежень...» Сидит на табуретке, притопывает ногой, растягивает мехи. Спел последний куплет, отложил гармошку в сторону, задумался, долго сидит неподвижно, закрывает глаза — уснул.

За окном зашелестели листья. Комната наполняется зелеными, голубыми лучами света. Кровать, тумбочка, гора белья, шкаф — все начинает переливаться сотнями сверкающих снежинок.

В глубине комнаты друг напротив друга сидят королева Англии Елизавета II и В.И. Ленин.

ЕЛИЗАВЕТА (*оглядываясь на спящего Ивана Сидоровича*).

Нет, Владимир Ильич. Я думаю, что одиночество — это состояние духа человека, когда душа презирает собственное тело.

ЛЕНИН (*оглядываясь на спящего*). Вы считаете, что Иван Сидорович одинок? Напрасно.

ЕЛИЗАВЕТА. Не будете же вы спорить, что...

ЛЕНИН. Буду! Буду спорить... Видите ли, уважаемая... Одиночество — один из психогенных факторов, влияющих на эмоциональное состояние человека, находящегося в привычных условиях общественной изоляции.

ЕЛИЗАВЕТА. Нет, Владимир Ильич, вы не знаете, что такое одиночество. Человек сам себе пишет письма. Бедный Иван Сидорович.

ЛЕНИН. В ряде случаев возникает шоковое состояние, характеризующееся тревожностью, депрессией и...

ЕЛИЗАВЕТА. Это вы его довели.

ЛЕНИН. Я?!

ЕЛИЗАВЕТА (*вздыхает, качает головой*). Иван Сидорович... (*Вытирает слезы*.)

ЛЕНИН (*указывая на спящего*). Вот вам первая жертва экономических преобразований! Мешок в костюме! А был здоровый, крепкий мужик! Что натворили! Нет! Это вы! Купи-продай!

ЕЛИЗАВЕТА. Вас скучно слушать.

Ленин сжал кулаки, с угрожающим видом идет на королеву Англии. Иван Сидорович шевелится.

Т-сс! Он, кажется, проснулся.

Все исчезает.

Иван Сидорович открывает глаза, просовывает руку под матрас, достает письмо, читает, улыбается, встает, идет к комоду, прячет письмо. Ходит из угла в угол. Вспоминает. Идет к столу. Берет чистый конверт, лист, пишет.

Иван Сидорович. Здравствуйте, Иван Сидорович. (*Думает, пишет.*) Пишет вам директор телевидения. Центрального... Ваши соседи по подъезду нам сказали, что вы очень громко и красиво играете на гармошке. Мы очень ценим ваш особенный талант и умение играть русские народные песни. Особенно нам нравится, как вы играете «Калинку». (*Думает, пишет.*) Поэтому мы приглашаем вас сняться в одной передаче, которая будет про вас одного и вашу гармонию. (*Думает, пишет.*) Вас должны увидеть миллионы наших телезрителей!!!! (*Переводит дух, пишет.*) Нам приходят заявки, где просят вас, уважаемый Иван Сидорович, поиграть подольше... и по телевизору. Чтобы вас было всем видно. (*Думает, пишет.*) От всей души... сердечно... поклонник вашего таланта. Директор телевидения. Центрального.

Бережно сворачивает письмо, старательно подписывает конверт: «Ивану Сидоровичу Жукову».

Долго ходит, не знает, куда спрятать письмо, догадался засунуть под телевизор. Доволен собой.

Идет на кухню пить грузинский чай. Растирает грудь, кашляет, морщится. Пьет, скучно смотрит в окно.

Чай в стакане давно остыл, а он все смотрит в окно

и думает о чем-то. Проходит час, наконец он встает, бродит по комнате. Подходит к телевизору, хочет включить, бьет с силой кулаком по стенке телевизора.

Из-под телевизора вываливается письмо.

Искренне удивлен, читает, растерянно оглядывается, поднимает конверт.

ИВАН СИДОРОВИЧ. От директора телевидения... (*Изумлен, не может разобрать собственный почерк, включает лампу, надевает очки.*) Центрального. Телевидения... (*Напуган, опасно смотрит на конверт, решается распечатать, руки трясутся, читает письмо залпом, то и дело вскидывает брови и смущенно краснеет.*) От всей души... сердечный ваш... поклонник... Директор телевидения... Центрального...

Не верит своим глазам, внимательно изучает конверт, собственный почерк, в конце концов убеждается в подлинности письма.

Гордо ходит по комнате, смотрит на себя в зеркало, поправляет засаленный ворот рубашки. Взгляд падает на гармошку, лежащую на боку. Гармошка имеет жалкий вид: бока испарапаны, будто гармошку рвали когтями дикие

звери, мехи побиты молью, ремень истерся и стал не толще бельевой веревки. Иван Сидорович бережно укладывает гармошку под одеяло, возвращается к столу, не зная, как писать и что ответить своему «поклоннику».

Собравшись с мужеством, Иван Сидорович выдыхает воздух и начинает писать.

Здравствуйте, многоуважаемый директор Центрального те-ле-ви-де-ни-я... Это я... (*Думает, пишет.*) Иван Жуков. Сидорович. В своем письме вы написали (*думает, пишет*), что вам нравится моя игра на гармошке. Большое спасибо. Очень приятно такое слышать. (*Думает, пишет.*) Действительно, я умею играть «Калинку». Еще могу «Песню ткачих», «Амурские волны» и многое другое. (*Думает, пишет.*) Но слова я путаю, иногда — не знаю и приставляю свои куплеты. (*Думает, пишет.*) Что коснулось телевидения и вашего приглашения сняться, то... (*думает, пишет*) я вам на это скажу многое. Первое — я уже старый, и молодым девушкам будет неприятно видеть мою рожу. Второе — из дома я теперь редковаю выхожу. Разве что за хлебом. И коклетами. (*В сторону.*) Если хватит еще на коклеты. (*Думает, пишет.*) И уж давно я не был в центре... потому как могу по старости залезть под машину или потеряться в метро на «Кольцевой». (*Думает, пишет.*) Третье — если вы даже рискнете послать за мной водителя с автобусом, то все равно не поеду к вам. (*Думает, пишет.*) Значит, то... что молодым девушкам я не понравлюсь, а старые скажут: «Спятил

старый пень. Славы надо стало». А мне ее не надо. *(Думает, пишет.)* Я ради музыки все это. Испорчу вам всю передачу, напугаюсь сам. Природа моя стеснительная, много смущаюсь и возьму не те аккорды. *(Думает, пишет.)* Песня сломается, и вам скажут: «Кого ж вы взяли? Да на кой же леший!» *(Думает, пишет.)* Вот поэтому до свидания. Ваш настоящий Иван Жуков.

Иван Сидорович вытирает пот со лба, перечитывает. Прочитал. Остался доволен. Откладывает письмо в сторону. Идет на кухню, ставит чайник, ждет, когда закипит вода. Пьет.

Входит в комнату. Садится за стол, пишет новое письмо.

Иван Сидорович *(решительно)*. В отдел народного обеспечения. *(Думает, пишет.)* Требование! Я — Иван Сидорович Жуков — требую повесить мне пенсию... В магазине все дорого, а я уже человек пожилой. Пенсии мне хватает ровно на неделю. А следующие дни я варю китайскую лапшу и ем ржаной хлеб. *(Думает, пишет.)* Как же вы дошли до жизни такой, что не можете всем государством прокормить одного ветерана войны и труда? *(Думает, пишет.)* Поглядите сами: последнюю неделю я мру как кошка, а семь дней после выдачи наестся не могу и все ем, ем, пока гречка не кончится. Желудок треснет мой, и вас судить будут. *(Думает, пишет.)* Жены и телевизора нет... а я очень люблю коклеты, и мне хватает ровнехонько на два кэгэ с мешочком. Итак, я

официально требую возвысить мне пенсию до уровня жизней и лишить всякой квартплаты!

Стучит кулаком по столу, ставит точку. Вдруг взгляд падает на письма от «директора ТВ», «ответ директору ТВ» и на написанное только что. С ужасом сравнивает почерк, рвет письма и бросает на пол.

Иван Сидорович в замешательстве ходит по комнате, не знает, что делать, берет пустой заварник, заглядывает туда, крутит ручку телевизора, выходит на балкон, смотрит, как бьются снежинки о кирпичную стену дома, снова в комнате.

У соседей играет пластинка: томный голос негритянки переливается разными оттенками, плывет в грустном море меланхолии. В глазах Ивана Сидорович заблестела тоска. Он ложится на кровать, отворачивается к стенке. Жует таблетки.

За окном шумят листья. Комната наполняется зелеными, голубыми лучами света. Все переливается сотнями сверкающих песчинок.

В глубине комнаты королева Англии Елизавета II и В.И. Ленин играют в домино.

ЕЛИЗАВЕТА. Владимир Ильич, как вы думаете, он сошел с ума или еще нет?

ЛЕНИН. Если вы куда-то торопитесь...

ЕЛИЗАВЕТА. Нет-нет!

ЛЕНИН. Ваш ход.

ЕЛИЗАВЕТА. А он скоро умрет?

ЛЕНИН. Вам-то какое дело?

ЕЛИЗАВЕТА. Как вы можете так говорить?

ЛЕНИН (*раздраженно*). Повторяю: Иван Сидорович — пролетарий. И если вы будете тянуть его в свою шайку, то...

ЕЛИЗАВЕТА. То?

Ленин поет «Интернационал».

Все исчезает.

Иван Сидорович просыпается. Открывает глаза. Играет на гармошке «Вот кто-то с горочки спустился...».

Повеселел, ходит по комнате. Совершая десятый круг, Иван Сидорович повеселел, начинает говорить себе под нос, размахивать руками.

Садится за стол, легко вырывает из тетрадки листок, кладет на стол новый чистый конверт. Пишет.

ИВАН СИДОРОВИЧ. Здравствуйте, Иван Сидорович Жуков! Жуков! Жуков! (*Выводит преувеличенно крупными буквами, смеется.*) Я — президент нашей страны, пишу вам с тем, чтобы поздравить вас с днем рождения и вручить вам орден «За особые заслуги перед Родиной и Отчизной»! А также... Хочу присвоить вам звание заслуженного пенсионера. (*Думает, пишет.*) И генерала Стратегических войск быстрого реагирования... Эс-Вэ-Бэ-Эр! (*Думает, пишет.*) Еще поздравляю вас с 75-летием, еще раз

желаю бодрого здоровья, веселья, шуток и исполнения всех желаний! 31 декабря по новому стилю. Президент! Пре-зи-дент.

Переворачивает конверт и пишет крупными буквами: «КРЕМЛЬ. ИВАНУ СИДОРОВИЧУ ОТ ГЛАВЫ ГОСУДАРСТВА».

Смеется, гримасничает, размахивает письмом, подбрасывает. Письмо взлетает в очередной раз и застревает между рожков люстры. Иван Сидорович подпрыгивает, пытается достать.

Вдруг хватается за сердце, обмякает, идет к кровати, пьет таблетки, отворачивается лицом к стене, замирает.

Зашумели листья. Комната наполняется лучами света. Все переливается сотнями сверкающих песчинок.

В глубине комнаты королева Англии Елизавета II и В.И. Ленин. Пьют чай из чайника Ивана Сидоровича.

ЕЛИЗАВЕТА. Временами я думаю — зачем живут на свете люди? И очень часто мне кажется, что жизнь человека бессмысленна.

ЛЕНИН. Диалектика. Диалектика. Вот скажите, давно вы читали что-нибудь? А? Ну, наверно, газеты, дамские журнальчики, да? Читать, ваше величество, не умеете, а туда же, порассуждать лезете. Вот пример буржуазной монархии — сидит дура и считает себя королевой! «Жизнь бессмысленна!» — как вам это нравится?

ЕЛИЗАВЕТА. Жалкий марксист!

Ленин заливается смехом. Оглядывается на Ивана Сидоровича. Осекся.

ЛЕНИН (*Елизавете*). Ладно. Повеселились, и ладушки.

Товарищ, чего вам здесь надо?

ЕЛИЗАВЕТА. Я — королева Англии!

ЛЕНИН. А я — великий Ленин!

ЕЛИЗАВЕТА. А я... а я... А я... Иван Сидорович на меня квартиру подписал!

ЛЕНИН. Нет! На меня! (*Извлекает из кармана конверт.*)

ЕЛИЗАВЕТА. Нет! Нет! На меня! (*Вытаскивает из юбки конверт.*)

Елизавета и Ленин размахивают друг у друга перед носом конвертами. Пытаются выхватить друг у друга письмо. Кружат по комнате.

ЕЛИЗАВЕТА. Мошенник!

ЛЕНИН. Проститутка!

ЕЛИЗАВЕТА. Ну, негодяй!

ЛЕНИН. Ну, и гадюка!

ЕЛИЗАВЕТА. Отдай!

ЛЕНИН. Оттттдай!

Кружат по комнате.

Иван Сидорович просыпается, все исчезает. Растирает ладонью грудь. Кряхтит. Стоит посередине комнаты, устало, печально смотрит в окно.

Неожиданно с люстры на голову падает письмо.
Иван Сидорович заинтригован, поднимает письмо, читает, волосы медленно поднимаются.

Иван Сидорович (*читает*). К... К... Кремль... Ивану Сидоровичу. От президента, главы государства.

Ошеломлен, озадаченно оглядывается, дрожащими руками извлекает из конверта письмо, не решается прочесть. Наливает в кружку кипяток, залпом выпивает, кричит, поперхнулся, тут же выплевывает, открывает рот, машет ладонью.

Читает внимательно. Два раза перечитывает каждую строчку. В лице — испуг, переходящий в тихий восторг. Письмо «от президента» дочитано. Иван Сидорович сглатывает слюну, трогает лоб.

Иван Сидорович в эйфории. Танцует, не может сдержать широкую, по-детски наивную улыбку.

Товарищ президент... Спасибо... Да мы... Спасибо. Как же... Вы меня... да я вам!

Садится за стол. Церемонно вырывает листочек, трепетно отрезает края, сдувает с бумаги пыль. Выбирает самый чистый конверт. Пишет, старается, выводит буквы, расстраивается, когда выходит из-под пера нехудожественная закорючка.

Товарищ Президент! Письмо работники почты доставили в целости и сохранности... и передали мне

прямо в руки. (*Смотрит на люстру, пишет.*) Ваше послание я внимательно прочитал до конца подписи. (*Думает, пишет.*) Большое и огромное спасибо за поздравление, правительственную награду и особое доверие, которое вы мне доставили. (*Думает, пишет.*) Несмотря на мой преклонный возраст, я еще могу быть полезным вашей... (*зачеркивает*) нашей родине. И готов снова трудиться, не жалея здоровья... на благо и процветание вашей... (*зачеркивает*) нашей Отчизны. В своем послании, т. Президент, вы горячо интересовались, как же я живу. Отвечаю: живу за-ме-ча-тель-но. Имею для этого все удобства: газ, вода холодная по понедельникам, горячая — регулярно, электричество на 220 вольт, отопление батарей, настрой мой бодрый, здоровый. Жить еще хочу... (*Думает, пишет.*) Перенесенные заболевания: коклюш, взрослая свинка. Имею гипертоническую болезнь легкой формы. Зрение мощное. Могу служить в вооруженных войсках. (*Думает, пишет.*) Располагаю некоторыми знаниями китайского языка. (*Думает, пишет.*) Искренний ваш новый генерал и друг быстрого реагирования Иван Сидорович Жуков. 31 декабря, 19 часов 22 минуты московского времени.

Деловито, серьезно проверяет ошибки. Играет на гармошке, поет: «Уходили добровольцы на гражданскую войну...» Не поет, а кричит. Эмоции захлестывают Ивана Сидоровича с головой. С энтузиазмом принимается переписывать письмо набело. Любовно глянув на письмо

«от президента», замирает, узнает свой почерк. Не верит глазам, снова сличает. Рвет письмо «президенту» и «от президента». Бросает на пол, топчет ногами, хлопает себя по щекам, ложится на кровать, всхлипывает, отворачивается к стене, жует таблетки.

У соседей завывает негрityанка. Кажется, она где-то на солнечном пляже, лежит в тени огромной золотой пальмы и пересказывает жителям сырых квартир и холодных батарей свою англоязычную грусть.

За окном зашумели листья. Комната вздрагивает, и разливаются по полу лучи света.

В глубине комнаты королева Англии Елизавета II и В.И. Ленин.

Королева поднимает с пола корону. Ленин приглаживает на висках волосы, заправляет разорванный галстук. Свирепо глядят друг на друга.

ЛЕНИН. Вы оторвали пуговицу!

ЕЛИЗАВЕТА. Классовая борьба!

ЛЕНИН. Хулиганка! Да! Как же! Ждите! Подписал он вам квартиру!

ЕЛИЗАВЕТА. Подпишет! Иван Сидорович меня любит!

ЛЕНИН. Кто — он? Вас? Иван Сидорович вас не любит!

Он мне в любви клялся... Хотите, почитаю? (*Открывает комод, достает пачку, берет одно письмо, читает.*) Дорогой, любимый мой вождь товарищ Ленин!

Читать дальше — нет?

ЕЛИЗАВЕТА. Не надо.

ЛЕНИН. Он не подпишет вам квартиру!

ЕЛИЗАВЕТА. Подпишет!

ЛЕНИН. Квартира моя!

ЕЛИЗАВЕТА. Моя!

В стену вонзается сверло. У соседей за стенкой постоянно срывается с петель книжная полка. Сегодня они купили дрель.

Все исчезает. Иван Сидорович открывает глаза. Вздыхает, как святой мученик. Не знает, куда спрятаться от шума. Идет на кухню варить лапшу. Варит. Возвращается в комнату за чайником. Взгляд останавливается на большом плакате с изображением героини телесериала. Отвернулся. Кусочки лейкопластыря отлипают от обоев. Падают плакат и новое письмо. Удивленно смотрит, поднимает, разрывает конверт, читает.

ИВАН СИДОРОВИЧ. Здравствуйте, Иван Сидорович! Пишет вам королева Англии Елизавета два. Вот вам поэма моей жизни. Плыла я на четвертом этаже своего корабля, скучала от кокет, глядела скучно на воду, как вдруг сам собой отремонтировался телевизор, и на экране я увидела вас, Иван Сидорович, с русской гармонией в руках. Вы играли весело, красиво нажимали кнопки, и мне чего-то на душе стало сладко и тревожно. Как бы я вдруг проснулась от глубокого сна и вскочила куда-то. Ей-богу, вы такой тонкий, романтичный мужчина, что сразу закричала на весь пароход: «Это он! Смотрите! Мой принц!..» Конечно, прибежал на кривых ногах мой муж-король, устроил истерику, кричал, но я все про вас ему рас-

сказала... Иван Сидорович! Я жить без вас не могу. Вы единственный мужчина в мире капитализма. Укройте же меня силой своей страсти! Завтра мой пароход едет в Париж, и я иду с мужем в загс. Разводиться! Я только и делаю, что грущу о тебе и смотрю за море, туда, где Россия, где моя долгожданная любовь. Королева Елизавета два.

Иван Сидорович крутит в руках письмо, не понимает.

Чо ей надо???

Смотрит на письмо, поглядывает на себя в зеркало. Берет лист бумаги, пишет ответ.

Добрый вечер или доброе утро, многоуважаемая королева Англии Елизавета два... (*Сверяет с конвертом.*) Елизавета два. (*Думает, пишет.*) Получил ваше письмо и прямо не знаю, что с ним делать. Как живут люди в вашем государстве, какая погода на море? (*Думает, пишет.*) Зачем вы полюбили меня?.. Я человек печальный, старый и счастье ваше не смогу устроить. Но если вы действительно любите меня, то вышлите свою фотографию и обдумайте все как следует. Я человек русский — у меня унитаз течет и течет. А если что — жить будете на моем диване. (*Думает, пишет.*) Если надо станет, то он раздвигается. (*Думает, пишет.*) Уважаемая королева! Любите ли вы варенье в пол-литровых банках, которое я заготовил прошлым летом? (*Ду-*

мает, пишет.) Врать не буду. О тебе я не думал никогда, но если жизнь распорядилась так, то пускай и королева... *(Думает, пишет.)* С приветом, генерал Стратегических войск быстрого реагирования Иван Сидорович Жуков. *(Прячет письмо в тумбочку.)*

Садится на кровать, играет на гармошке: «Милая моя, взял бы я тебя... там, в краю далеком...» С досадой сдвинул мехи и отложил гармошку в сторону. Отвернулся к стенке.

Шумят листья. Комната наполняется светом. Вспыхивают разноцветные огоньки. В глубине комнаты Ленин, Елизавета II, Робинзон Крузо, Чапаев, Любовь Орлова, Сталин. Спорят, размахивают конвертами.

ЕЛИЗАВЕТА *(звонит в колокольчик)*. Господа! Прошу тишины!

Молчание.

Я постараюсь как можно коротко обрисовать суть дела. Наверное, все вы хорошо знаете пенсионера Ивана Сидоровича из 29-й квартиры.
ВСЕ *(перебивая друг друга)*. Да. Да! Да!!!!

Королева звонит в колокольчик.
Наступает тишина.

ЕЛИЗАВЕТА. Иван Сидорович с весны этого года от скуки завел в своей квартире тайную переписку. С каждым из нас!

ВСЕ (*хором*). Да! Да! Да!

ЕЛИЗАВЕТА. Иван Сидорович в своих письмах обещал переписать эту квартиру на меня.

Поднимается шум, ругань.

ВСЕ (*перебивая друг друга*). И на меня! На меня!

ЕЛИЗАВЕТА. В письмах ко мне Иван Сидорович говорил, клялся, что любит меня.

Поднимается шум, брань.

ВСЕ (*перебивая друг друга*). И мне! И меня! Любит! Меня!

ЕЛИЗАВЕТА. Выясняется, что он любил каждого из нас. Следовательно, мы все претендуем на его жилплощадь.

ВСЕ. Да!

Шум, брань. Королева с силой бросает колокольчик на пол. Наступает тишина.

ЕЛИЗАВЕТА. Я предлагаю поступить следующим образом...

Иван Сидорович кашляет, шевелится. Все исчезает.
Иван Сидорович встает, бродит по комнате.

За стеной воеет негритянка, и Ивану Сидоровичу кажется, что это голодная кошка, которая простужена и в довершение всего попала в капкан.

Иван Сидорович ходит из угла в угол, подходит к столу, откидывает клеенчатую скатерть и достает конверт. Но это обычный конверт с маркой и чужим почерком. Открывает конверт, читает.

ИВАН СИДОРОВИЧ. Здравствуй, Иван! Поздравляю тебя с днем ангела и желаю тебе побыстрее сыграть в ящик. А то коптишь небо, место чужое греешь, клопов разводишь. Старый пень. Мучаешь себя и других. Чего добился жизнью своей? Обосрался на старости лет. Одни ребра да кости, и с головой не дружишь, уродец. Чтоб ты крякнул в подъезде, чтоб тебя паралич стукнул, чтоб тебя клопы сожрали, чтоб тебя подростки в молочном магазине изнасиловали, а труп в речку бросили. Чтоб тебе полгода пенсии не приносили, бестолочь такая. Гвардии рядовой шестой танковой дивизии. Засунь себе медальку в задницу, герой. Жил, как кастрированный заяц, как поросся, купался в говне, хлебал ложкой грязь советскую, обсасывал арбузные семечки. А сейчас ссышься, до туалета добежать не можешь. Зачем жил-то? Отбрось коньки, бродяга! Внебрачный сын Адольфа Гитлера.

Иван Сидорович задумчиво сворачивает письмо, кладет обратно под клеенку. Сидит на табурете, бессмысленно водит глазами по комнате. Наконец встает, продолжает

бесконечную прогулку по комнате. Бубнит себе под нос: «День рождения у Ивана. День рождения у Ивана. День рождения у Ивана». Прыгает, семенит в туалет. Бачок извергает «ниагару» воды. Стук, хлюпанье, рев труб.

По батарее застучали соседи.

Иван Сидорович возвращается. Штаны мокрые, но на лице счастливая улыбка. Держит в руках почтовую поздравительную открытку и авторучку.

Иван Сидорович (*заливается смехом*). Дорогой Иван Сидорович! Желаем вам радости, веселья, многих лет жизни и полный дом хороших гостей!

День рождения у Ивана,
Он проснулся очень рано,
Гладил скатерть, стряпал торт,
День рождения — высший сорт!

Иван Сидорович (*смеется, берет авторучку, приписывает*). Твои друзья — марсиане! (*Хохочет.*)

Идет к столу, пишет новое письмо.

Иван Сидорович (*лихорадочно ищет чистый конверт, листок, пишет*). Здравствуйте, марсиане! Пишет вам Иван Сидорович Жуков, житель планеты Земля! Большое спасибо за поздравление. Особенно за стихотворение. Очень складное и все про меня: день рождения у Ивана... он проснулся очень рано... гладит скатерть, стряпал торт... день рождения —

высший сорт! (*Думает, пишет.*) Я очень интересуюсь, почему нам говорят, что на Марсе нет жизни? Это вредительство! Это делается нарочно, чтобы вы никого не поздравляли. С Земли Марс не видно, и, как вы живете, я не знаю. Но открытка очень красивая. У нас таких нет. (*Думает, пишет.*) Я много хочу узнать про флору и вашу фауну. А про нашу скажу — в деревне лучше, чем в городе... как ни крути. Давайте же будем переписываться. Почерк у меня плохой, но я его разбираю. Так что пишите. Забыл! С Новым годом вас, марсиане! С приветом, жду ответа. (*Думает, пишет.*) Как соловей лета! 31 декабря земного года. (*Запечатывает письмо, кладет в комод.*)

Играет на гармошке, поет: «Он сказал: «Поехали!», он взмахнул рукой!...»

Гармошка в его руках словно ошалела: фальшивит, то и дело взвизгивает, но звучит громко, на все голоса, как фанфары армии язычников. Играет, поет.

Из кучи белья выпадает конверт. Иван Сидорович поднимает конверт, распечатывает. Читает.

Дорогой наш Иван Сидорович! Поздравляем вас с 75-летием и наступающим Новым годом! Желаем счастья, горячей, молодой крови, а также оптимизма в кровати. Живите дольше! Мы вас любим. Ваши клопы. 31 декабря.

Иван Сидорович ложится в кровать, положив под голову кучу белья.

ИВАН СИДОРОВИЧ (*мечтательно смотрит в потолок, вздыхает.*) Да-а-а-аа... (*Отдергивает руку, давит клопа.*) Да ты чо-о!... Это же именник — я!

В стену стучат. Вонзается сверло. Стена гудит, сыплется побелка.

С антресолей падает конверт. Иван Сидорович подходит, распечатывает, читает.

Уважаемый т. Жуков! Поздравляем вас с юбилейной датой и желаем вам главного счастья. А главное счастье возможно только у нас на антресолях. Иван Сидорович, в самом деле, переезжайте к нам. Вы будете играть на гармошке, а мы слушать. А ночью будем спать вместе. У нас тепло. А кровать стоит на сквозняке. Последний раз желаем вам главного счастья и ждем! Ваши... клопы с антресолей.

Иван Сидорович испуганно смотрит на антресоли, на кучу белья. Грозит кулаком. Садится за стол, пишет.

Здравствуйте, Иван Сидорович! (*Долго думает, пишет.*) Пишет вам летчик-космонавт Гречка. (*Думает, пишет.*) Хочу поздравить вас от лица всей космонавтики и пожелать в канун 75-летия здоровья. (*Думает, пишет.*) Особенно спешу сообщить вам, что видел вас позавчера из космоса. (*Думает, пишет.*) На космическом корабле много специализированных приборов... и я сразу заметил вас. Вы шли по Земле в жилконтору. У вас, почтенный Иван

Сидорович, легонькое пальто. Вас поддувало со всех сторон. Иван Сидорович, зима же на улице. В таком пальто уже ходить прохладно. Купите себе мохеровые перчатки и шапку, а то простудитесь и заболеете вдруг. В вашем глубоком возрасте надо, что ли, беречь себя и ценить организм. (*Думает, пишет.*) Специальное сообщение: в оптических линзах видно, что подшивка на левом валенке отстала и задирается. (*Думает, пишет.*) На орбите все переживают за ваше здоровье. (*Думает, пишет.*) Покорители небесных морей — космонавты орбитальной станции «Дружба».

Иван Сидорович осторожно запечатывает письмо, подписывает конверт, прячет письмо в кастрюлю. Подходит к окну, гордо смотрит в небо.

Садится на табурет. Отрешенно смотрит в одну точку.

Шумят листья. Комната наполняется красными, зелеными, оранжевыми лучами света. Золотые облака окутывают предметы.

В глубине комнаты сидят Ленин, Елизавета II, Робинзон Крузо, Чапаев, Любовь Орлова, Сталин, марсиане, летчик-космонавт Гречко и клопы. На столе стоит табурет, на табурете, как на троне, восседает Елизавета. Гробовая тишина.

ЕЛИЗАВЕТА (*читает*). Владимиру Ильичу Ленину — гениальному вождю пролетариата. Товарищу Сталину — первому строителю коммунизма. Василию

Ивановичу Чапаеву — храброму красному командиру. Передаются в полное и безоговорочное пользование награды Ивана Сидоровича времен финской и Великой Отечественной войн, а также холодильник «Бирюса», один подстаканник с рисунком города Берлина, три журнала «Советская милиция» и топор с инструментом. Плюс жилая площадь уборной — четыре кв. метра.

Напряженная тишина.

Хорошей артистке Любви Орловой передается в наследство три кг соли, чайник, бидон, салатница, четыре дуршлака и зеркало. Плюс — кухня.

Тишина.

Жителям солнечной системы Марс передается в полное и безоговорочное наследство телевизор, кальсоны, стол круглый, ботинки осенние, свитер с ромбами и панцирная кровать.

Молчание.

Летчику-космонавту Гречке передается в полное и безграничное пользование цепь от велосипеда, перчатки, демисезонный плащ, зонт, набор кривых ножей, стиральная машина и шкаф со знаком качества.

Тягостное молчание.

Клопам передается в полное и безоговорочное наследство саратовская гармошка!

Молчание.

Ну вот, пожалуй, и все. (*Торжественно разрывает листок.*)

ЛЮБОВЬ ОРЛОВА. А вам?

ЕЛИЗАВЕТА. А мне... Мне домино и эта комната.

Все изумленно смотрят на королеву Англии.

ЛЕНИН. Бей! Бей капиталистов!

Все набрасываются на Елизавету. Идет потасовка.

Иван Сидорович кашляет. Все исчезает.

За стеной завывает негритянка, томно потягиваясь, закатывает черные глаза.

Болит сердце. Иван Сидорович пытается выдавить из себя слезу. На приеме умный врач посоветовал ему плакать, чтобы не терпеть боль. Но плакать у Ивана Сидоровича не получается, хотя, говорят, это намного полезнее, чем американская таблетка. Боль отходит.

Иван Сидорович (*раскачиваясь на табурете, сам себе.*)
Здравствуйте, Иван Сидорович! Пишет вам машинист без фамилии. Мой поезд разбомбило, и я остался калекой. У меня нет рук, ног, сердца и головы. А в остальном я нормальный человек и очень

рад, что живым вернулся с этой войны. К этому мне добавить больше нечего. Как бы мне ни хотелось, но ни в Бога, ни в черта я не верю. С меня, господа-товарищи, спрос маленький. Вместо рук — деревяшки, вместо ног — колеса, на месте головы — кочерыжка, а взамен сердца — швейная машинка. Прощайте!

Идет на кухню. Гремит дверцей духовки, возвращается, наряжается. Натягивает старый пиджак с тусклой медалью, надевает новые кальсоны, мятые брюки, затягивает галстук.

Стоит перед зеркалом при параде, одышка, напевает с трудом: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов...»

Уходит на кухню. Вносит огромный, черный, безобразный, пережаренный торт. На торт смотреть страшно, но он смотрит и даже сглатывает слюну.

За стеной оживилась негритянка. Поет блюз.

Иван Сидорович марширует с тортом по комнате. Взад-вперед. Туда-сюда.

Ставит торт на стол. Смахивает на пол конверты и листы. Втыкает в торт три свечи, считает.

ИВАН СИДОРОВИЧ (*доволен, потирает руки*). Дорогие товарищи и друзья! Сегодня Ивану Сидоровичу стукнуло 75 годиков! (*Оглядывает все свои письма.*) Прошу к столу! Всех! Королеву, Робинзона, Мишку, Гришку, Федора, т. Ленина, т. Сталина, артистка где? А где покорители небесных морей? К столу! К столу! (*Собирает письма, раскладывает на столе.*) Все

сели? Кто не сел? Семеро одного не ждут. *(Достает из комода письма, раскладывает на столе.)* Насекомые — отдельно. *(Ставит на каждый конверт по кружке горячего чая или блюда.)* А где наш именинник? Ну-ка, смелее на центр. Чтобы все видели такого красавца. *(Встает посередине комнаты, оглядывает торт, множество конвертов, кружек.)* Я сегодня именинник! *(Торжественно, преувеличенно.)* Дорогой Иван! Марсиане дарят тебе подарок! *(Делает глупое, по-детски наивное лицо.)* Марсиане-е-е? Надо же? А где подарок? *(Громко.)* Сей-час! *(Выходит и через минуту несет маленькую коробочку.)* Какие марсиане? Ну-ка, что здесь? Я посмотрю, можно? *(Оглядывает конверты, «письма».)* Можно? *(Раскрывает коробку, ахает, извлекает маленькую, размером с карандаш, искусственную елочку.)* Ну-у-у-у!!!! Марсиане... Это же... *(Достает елочку, ставит в центр стола.)* Спасибо. *(Разрезает ножом торт, торт как каменный.)*

Иван Сидорович ломает на маленькие кусочки торт, любовно раскладывает на конверты, читает имена «адресатов», разглядывает свой почерк.

Горят свечи. Стол уставлен кружками. Иван Сидорович сидит и удивляется сам: откуда у него в доме столько кружек, горячий чай?

Иван Сидорович сидит с краю и умиляется от теплого чувства, что день рождения и Новый год начинаются.

Вдруг замечает: из торта выставляется уголок бандерольного письма. Иван Сидорович разгребает сухофрукты,

рвет кожу жженого теста и извлекает письмо. Письмо измазано сажей и липкой смолой.

Иван Сидорович рвет конверт, читает.

Здравствуй, Ваня! Пишет тебе твоя смерть. Поздравляю тебя с 75-летием и приближающимся Новым годом. Как поживаешь без меня? Все дурью занимаешься? Забыл про меня и никогда не вспомнишь, будто я тебе и не родня. Ах, Ваня, Ваня. Бегаешь от меня как от огня. Откуда только силы берутся? Жена померла, телевизор и радио полопались, а ты пируешь. Вот гостей назвал, именины празднуешь. Эх, Ваня, Ваня, дурачок ты. Ладно, посижу у тебя за столом пару минуток, передохну, поздравлю тебя и пойду дальше собирать по квартирам таких вот, как ты, — упрямых старых козлов... Ах, Ваня, Ваня... времена настали. И вроде жизнь нелегкая, а помирать никто не хочет. Прямо со скандалом приходится... брать за уши и тащить в огонь. Вот тебе, Ваня, мой подарок ко дню рождения — Ваня, живи вечно. Прощай. Твоя смерть.

Иван Сидорович озадачен, не знает, верить или нет письму, рассеянно бродит по комнате, наступая на комочки писем.

Вечно. Вечно. Вечно... *(Вслушивается в свой голос, в интонацию нового слова.)* Вечно. Вечно. Вечно...

Растирает ладонью грудь, смотрит в окно.

Выкатилось из-за тяжелых туч мутное зеркальце луны, и вся комната озарилась светом. На фоне городских крыш и труб разливается океан звезд.

Вечно. Вечно. Вечно...

Вздыхает Иван Сидорович, ложится на кровать, кашляет.

Вываливается из комода гора писем.

Иван Сидорович, повернув голову, смотрит в окно.

За окном городской шум: автомобили, голоса.

Трубит в туалете пионерский горн.

Стучат по батарее.

Дрель вонзается в стену, на третьем этаже играет рояль.

На верхних этажах раньше времени справляют Новый год. Пьяные голоса поют: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...» Вот уже где-то за стеной хлопает пробка шампанского, бьют часы.

Новый год пришел.

Крики: «Ура-а-а-а! Ура-а-а! Ура-а-а-а!»

Открылась входная дверь. Сквозняк гоняет по комнате комочки писем.

Занавес

Мертвые уши

Новейшая история туалетной бумаги

Действующие лица:

ЭРА НИКОЛАЕВНА, крепкая женщина

КВАРТЕТ РУССКИХ КЛАССИКОВ

ДАМА-БЕРЕТ

ДВА ЧИНОВНИКА департамента образования

КОЛЛЕКЦИОНЕР РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

ДВА МИЛИЦИОНЕРА

СВЕТА, библиотекарь в декрете

ПИСАТЕЛЬ СУСЛЕНКО, лауреат Нобелевской премии

ДАНТЕС, убийца Пушкина

Действие происходит в соседней квартире.

В литературном мире нет смерти, и мертвецы так же вмешиваются в дела наши и действуют вместе с нами, как живые.

Н. Гоголь

Вечно Эра Николаевна попадает в дикие истории. Казалось бы, теперь она почтенная женщина, однако — вот новое приключение. Но подождите. Пытаюсь подобрать нужные слова для описания ее личности, и как-то ничего не приходит в голову, кроме «большая». Ростом она метра два или три, что само по себе уже подозрительно. Широкая кость, какая только возможна, руки, ноги, голова редких размеров. По словам фельдшера — крупный организм. Заметный.

Бывало, идет она по проспекту, и все уже знают: Эра Николаевна стремится куда-то.

Но как обычно случается, промашка с генами вышла: умственные способности, не в пример телесным чудесам, оказались ничтожны. И от этого Эра Николаевна много страдала.

Да, она далека от образованной жизни, так далека, что даже страшно становится, но надо понять, что ее организм беспрестанно требует пищи и пищи, и на эту заботу растрочен весь смысл жизни.

Скажите — да что за скотина такая перед нами, животное, а Дарвин добавит: «Это моя обезьяна».

А я думаю так — человек она и задумана бесконечно.

Действие первое

Картина первая

Большой человек, большая кастрюля. Над столом возвышается Эра Николаевна. С аппетитом ест похлебку, жует, черпает ложкой, кладет в рот. Вдруг чихает в тарелку, летят брызги во все стороны, она ловко и быстро утирается кулаком, икает. Снова жадно, как в последний раз в жизни, ест. Опять поперхнулась. Кашляет в тарелку. Во все стороны летит лапша. Неужели наелась? Наелась. Убирает со стола, оттачивает карандаш и достает тетрадку. Открывает, пишет что-то.

В коридорчике возникает молчаливая фигура в старинном сюртуке. Человек сильно помятый, он озирается, входит в комнату. Смотрит на Эру Николаевну, ласково улыбается.

Эра Николаевна не замечает, увлечена сломанным карандашом. Чистит грифель зубами.

Человек деликатно ждет, когда на него обратят внимание, кашляет в кулак.

Кашляет второй раз.

Эра Николаевна поднимает голову, видит чужого человека в своей квартире. Выкатывает удивленные глаза.

ЧЕЛОВЕК. Добрый вечер, Эра Николаевна.

ЭРА (*тупо глядит на человека, поперхнулась карандашом*). Гха! Холера... Ты кто?

ЧЕЛОВЕК. Прошу... деликатно... прощения. Всяческие извинения за... неожиданный визит, но... Дело требует неотлагательно, срочно.

ЭРА. Кого?.. Ты кто такой?!

ЧЕЛОВЕК. Я пришел серьезно поговорить с вами.

ЭРА. Серьезно?

ЧЕЛОВЕК. Уважаемая Эра Николаевна...

Эра икает, выплевывает в тарелку кусок теста, изумленно смотрит.

Вам может показаться странным, загадочным мое появление... Однако только вы способны разрешить затруднительное положение, в котором оказался не только я один.

Смотрят друг на друга.

ЭРА. Ленька, ты?

ЧЕЛОВЕК. По законам природы я не должен был являться, но я вынужден. Сложившаяся ситуация требует

решительных действий, поэтому я осмелился на этот опасный и рискованный шаг.

ЭРА. Кого?

ЧЕЛОВЕК. Может возникнуть вопрос: почему я обращаюсь именно к вам? Отвечу. Вы самый умный, образованный человек в районе. Ваша внутренняя конституция, жизненный опыт... незаурядная личность — все это внушает доверие и наше расположение.

ЭРА (*истуганно*). Куда?

ЧЕЛОВЕК. Итак, вы согласны?

Пауза.

Посмотрите внимательно на мое лицо.

ЭРА. И чо?

ЧЕЛОВЕК. Узнали?

ЭРА. Рожа вроде знакомая...

ЧЕЛОВЕК. Ну, вспоминайте, вспоминайте...

ЭРА. Стеклашки скинь.

Человек снимает пенсне.

ЧЕЛОВЕК. Узнали?

ЭРА. А теперь боком встань... Погоди... Ты как попал сюда, стручок?

ЧЕЛОВЕК. Дверь была закрыта.

ЭРА. В окно влез...

ЧЕЛОВЕК. Нет.

ЭРА. Нет?!

ЧЕЛОВЕК. Пожалуйста, не пугайтесь. (*В сторону.*) Нелепое, глупое положение. Она не знает меня.

ЭРА. Петрович?.. Нет... Петрович — он не такой. Он маленько другой... А этот хилый какой-то...

ЧЕЛОВЕК. Ну что ж. Я вынужден представиться. Доктор...

ЭРА. Доктор?! А где халат?

Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Я... (*Пауза.*) Писатель.

ЭРА. Кто-о-о-о?..

Пауза.

ЧЕЛОВЕК. Писатель.

ЭРА. Врешь.

ЧЕЛОВЕК. Ну... Теперь-то вы узнали меня?

ЭРА. Господи... Живой писатель?! (*Пауза.*) Я вашу книжку до сих пор читаю! (*Ищет в шкафу, достает тонкую пыльную брошюру, показывает.*) Господин Сусленко! Мне сильно понравилось...

ЧЕЛОВЕК (*смотрит на книжку*). Что это за дрянь?

ЭРА. Я плакала, как Егорка попал под поезд. Вот обложка обрямкалась.

ЧЕЛОВЕК (*смотрит на титульный лист*). Кто такой Лев Сусленко?

Пауза.

ЭРА. А разве не вы?
ЧЕЛОВЕК. Простите.

Пауза.

ЭРА. А говорил — писатель...
ЧЕЛОВЕК. Я писатель, но другой.

Пауза.

ЭРА. Какой?
ЧЕЛОВЕК. Антон Павлович Чехов.

Пауза. Смотрят друг на друга.

ЭРА. И чо?
ЧЕХОВ. Ну.
ЭРА. Ну?..

Пауза.

ЧЕХОВ. Великий русский классик.
ЭРА. Кто?
ЧЕХОВ. Я...
ЭРА. Ну и чо?..
ЧЕХОВ. То есть как?
ЭРА. Ну-ка скажи еще раз...
ЧЕХОВ. Я — Чехов... Русский классик.
ЭРА. Чехов... Классик... Русский...

Морщит лоб, вспоминает.

ЧЕХОВ. Наверняка читали что-нибудь, да забыли...

ЭРА. «Веселая красotka» — ты написал?

ЧЕХОВ. Нет.

ЭРА. А что написал?

ЧЕХОВ. Рассказы, повести... Пьесы. Могу перечислить названия...

ЭРА. Зачем?

ЧЕХОВ. Как — зачем?

ЭРА. Зачем написал-то?

ЧЕХОВ. Чтоб читали люди.

ЭРА. И читают, поди?!

ЧЕХОВ. Читают.

ЭРА. Молодец...

ЧЕХОВ. Однако раньше читали лучше.

ЭРА. Кого?

ЧЕХОВ. Книги. (*Пауза.*) К примеру, взять вашу улицу... раньше читали, теперь — нет.

ЭРА. Вот теперь я тебя вспомнила! У меня сестра Тамара Тучкова... Ты ее знаешь? Она работала на шпагатной фабрике. Голый оклад. Видел такую телегу — она катит по рельсам, а Тамара моя толкает взади. Мусор в бочку валится, мотовило ревет... Так вот, она, Тамара моя, вышла за шофера замуж. А шофер-то этот работал в больнице... Дураков возил на белом хлебном фургоне. И однажды так напился, что зашиб милиционера... Передавил всех и скрылся. Искали его. И чо ты думаешь? Нашли. Нашли и посадили. А сестра моя Тамара вышла замуж за другого фургона.

И вот этот самый другой тоже пил... Страшенно! И его посадили. За драку в колбасном отделе. Да. Значит, его привлекли, и он сочинял письма моей Тамаре оттуда сразу. Вот пишет он о любви разной и сообщает намеком, что да как у него там дела... Сам знаешь. Жила моя Тамара на углу, рядом с той самой фабрикой, напротив парка. И парк назывался «Имени Народной воли». Мы там гуляли все. А еще наискосок стоял деревянный цирк... Мы и туда ходили... И в этом самом цирке выступали как раз звери... Птицы, коровы эти мохнатые с горбами, медведи... А билеты нам доставала бухгалтер Антонина Петровна Савельева. И вот она... она самая и говорила мне про тебя. «Что ж вы, — говорю, — без мужика?» А она: «Я живу с Чеховым. Едим вместе и спим». А она баба ничего была, да? И груди, и попка.

ЧЕХОВ (*кашляет в кулак*). Да.

Пауза.

ЭРА. Слушай, вот ты же много книг, наверно, прочел, да?

ЧЕХОВ. Много.

ЭРА. Зачем?

ЧЕХОВ. Как «зачем»?

ЭРА. Что там у тебя в этих книгах было? Что ты там вычитал про такое, чего в жизни не наблюдается? Вот я. За всю жизнь ни одной книжки до конца не прочла. Все наперед знаю! Одни дураки пишут, другие печатают, а третьи, вовсе дурные, читают...

ЧЕХОВ. Досадно. Всю жизнь за столом как каторжанин.

Бывало, напишешь одно, потом сразу другое, третье.

ЭРА. А пошто не отдыхал?

ЧЕХОВ. Хотел успеть.

ЭРА. Успел?

ЧЕХОВ. Сгорел. За письменным столом. (*Пауза.*) Послушайте, дорогая... будьте милосердны. Вы единственный умный человек во всем районе... Запишитесь в bibliotheke.

ЭРА. А?

ЧЕХОВ. Би-бли-о-те-ка.

ЭРА. Что?

ЧЕХОВ. Закрывается...

Пауза.

ЭРА. Гляди — очки вспотели.

ЧЕХОВ (*снимает пенсне, протирает*). Дело обстоит так... Крайне нужен хотя бы один читатель, и мы спасены...

ЭРА. И много вас?

ЧЕХОВ. Вся библиотека русской классики. С Рождества стеллажи на дрова, а нас в огонь. Кому повезет, того в подвал. (*Пауза.*) Самое страшное знаете что?

ЭРА. Что?

ЧЕХОВ (*шепотом*). Уборная. Ивану Сергеевичу не повезло.

Пауза.

Мы думали, мыслили, страдали за вас... (*Уговаривая.*)
У меня рассказы житейские... Про птиц, про собак,
про людей и животных. Могу предложить «Чай-
ку».

ЭРА. «Чайку»? У нее дверца отлипает.

ЧЕХОВ. ...Если в обществе любят литераторов и от-
носятся к ним иначе, чем, скажем, к купцам, то это
идеализм. Здесь же отец вечной материи — холо-
дильник.

ЭРА. Не пойму.

ЧЕХОВ. Придете?

ЭРА. Куда?

ЧЕХОВ. Библиотека у рынка.

ЭРА. О! Далеко!

ЧЕХОВ. Хотя бы одну книжку... Книга — друг человека.

ЭРА. Да на кой хрен ты мне сдался?! Я таблеток сроду не
ела, а тем более книжек.

ЧЕХОВ. Полагаю, теперь можно опустить занавес.

ЭРА. Поешь на дорожку?

ЧЕХОВ. Пожалуй...

ЭРА (*наливает Чехову супу, тот ест*). Мне что, жалко
еды... Мне вас, балбесов, жалко. «Классики»! (*За-
разительно смеется.*)

ЧЕХОВ. Вкусно.

ЭРА. По бороде льется. Ешь нормально. Как там тебя,
ты сказал? Чухов?

ЧЕХОВ (*ест*). Чехов Антон Павлович.

ЭРА. Чехов Антон Павлович... Худой как веревка. Ви-
дать, там вас вовсе не кормят... (*Смотрит на Чехо-
ва.*) Начни новую жизнь... Пойди, что ли, в метро

рыть туннели. Сначала в подсобники, потом в машинисты, а там и, глядишь, при очках-то своих в сигнальщики выбьешься.

ЧЕХОВ (*глядит в опустевшую тарелку, поправляет пенсне*). Весьма благодарен. Пора.

ЭРА (*смотрит на ноги писателя*). Ойешеньки!.. В летних сандаликах шлындает! (*Дает войлочные боты.*) Ну-ка, завтра снег обещали.

ЧЕХОВ (*надевает огромные, безразмерные боты Эры, низко кланяется*). Дорогой, многоуважаемый шкаф! Приветствую твое существование!

Чехов исчезает. Эра удивленно смотрит.

ЭРА. Дурак слепой! Я — женщина! (*Берет одну из книг.*) Книжки оставил... (*Разглядывает переплет.*) «Друг человека...» (*Открывает титульный лист, книге.*) Надо ж! Книжка, да мы с тобой в один год родились! (*Пробует книгу на вес, изучает.*)

Картина вторая

Спустя неделю. Вечер. В квартиру входят Эра Николаевна и Чехов. В руках Чехова связки книг — полное собрание сочинений. У Эры Николаевны — яйца в мешке.

ЭРА. Чухов, скока можно шарашиться по подъездам?

Чехов кладет книги, раздевается. Эра Николаевна прихихивается.

ЧЕХОВ. Перемена жизни к лучшему, сытость, праздность развивают в собаках самомнение, самое наглое... Я у забора лежал, пес на меня помочился.

ЭРА. Иди-ка ты в ванну... Там висят две мочалки: одна женская, другая — мужская. Ты бери с короткой лямкой, что женская, потому что мужская с длинной лямкой плохая... *(Дает мыло.)*

Чехов уходит в ванную комнату. Через полсекунды выходит. На нем теперь новый сюртук. Расчесывает гребешком бороду, протирает пенсне, довольно улыбается.

ЭРА. Уже?

ЧЕХОВ. Да.

ЭРА. Ловко. Ну, долби яйца... *(Пододвигает Чехову гигантскую сковороду и яйца, разглядывает его.)* Антон Петрович...

ЧЕХОВ *(колет яйца)*. Антон Павлович я, Чехов...

ЭРА. Чехов?

ЧЕХОВ. Чехов.

ЭРА. Вот времена настали... Известные писатели под забором скитаются.

ЧЕХОВ. Библиотеку закрыли.

ЭРА. Беспризорник?

ЧЕХОВ. Выходит, так...

ЭРА. Тут в книжке твой портрет?

ЧЕХОВ. Мой.

ЭРА. Врешь?

ЧЕХОВ. Правда.

ЭРА. Тот же умер давно.

ЧЕХОВ. Ну и что?

ЭРА. А то, что мертвые яйца не едят.

ЧЕХОВ. Едят.

ЭРА. Врешь.

ЧЕХОВ. Едят, но не все.

ЭРА. Это как?

Жарят яичницу. Пауза.

ЧЕХОВ. Я хочу сказать вам по секрету, Эра Николаевна...

ЭРА. Говори.

ЧЕХОВ. Писатели бессмертны...

ЭРА. Все???

ЧЕХОВ. Нет. Самые лучшие.

ЭРА. И ты?

ЧЕХОВ. И я. (*Едят, благодуще сходят друг на друга.*)

Ну и?

ЭРА. И?

ЧЕХОВ. Чем займемся?

ЭРА. А что ты можешь?

ЧЕХОВ. Я могу гладить белье, стирать, могу дом сторожить, ходить за младенцами и стариками. Могу готовить рагу из кролика, читать вслух. Наконец, могу лечить тиф. И сыпной, и брюшной, и возвратный.

ЭРА. А в подкидного?

ЧЕХОВ. В преферанс!

ЭРА. А давай на руках поборемся! (*Ставит локоть на стол, легко побеждает.*) Я всех мужиков сильнее.

Пауза.

ЧЕХОВ. А умеете пуговицы глотать?

ЭРА. Зачем?

ЧЕХОВ. Умеете?

ЭРА. Не-е-е...

ЧЕХОВ. Смотрите... (*Берет пуговицу, отрывает, глотает.*) Могу еще... (*Отрывает, глотает.*) Еще... Еще...

Еще... Еще...

ЭРА. Все. Хватит!

Пауза.

А знаешь, как метро?

ЧЕХОВ. Это как?

ЭРА (*встает во весь свой рост, двигает руками, издает звуки*). У-у-у-у-у... Чух-чух-чух-чух...

ЧЕХОВ. Гениально!

Смеются.

ЧЕХОВ (*вздыхает*). Жизнь-то прошла, словно и не жил...

ЭРА (*удивленно*). Да??? Ты тоже об этом все думаешь???

Пауза.

Слушай, Чехов... Ты случайно не в Бородулино родился?

ЧЕХОВ. Нет.

ЭРА. Жаль. А то земляки были бы... (*Пауза.*) У меня сестра Тамара тоже стихи сочиняла разные...

ЧЕХОВ. А вы?

ЭРА. Что я?

ЧЕХОВ. Пишете что-нибудь?

Пауза.

ЭРА. Пишу.

ЧЕХОВ. И что?

Пауза.

ЭРА. Воспоминания.

Пауза.

ЧЕХОВ. Любопытно.

ЭРА. Да чего там...

ЧЕХОВ. Почитайте.

ЭРА. ...А ты не будешь смеяться?

ЧЕХОВ. Ну что вы.

ЭРА (*достает тетрадку, открывает с волнением, читает*). «Воспоминания...» (*Прослезилась.*) Нет... не могу... Читай сам.

ЧЕХОВ (*читает каракули*). «Раньше колбаса стоила два двадцать, а крупа 15 копеек пачка. Входя в гастроном, можно было не только трясти башкой и нюхать запахи, но и отовариваться по совести... Конфеты, печенье, куриные и животные окороки, яйцо, масло, сметана, молоко, рыба». Что это? Романтическое вступление?

ЭРА. Романтическое...

ЧЕХОВ. Вздор. Скука.

Эра Николаевна в сердцах забирает тетрадку.

ЭРА. Ладно... Писатель... Поздно уже... Мне надо спать.

ЧЕХОВ. А раскладушка?

ЭРА. Жить тут собрался?!

ЧЕХОВ. Собрался...

ЭРА. Умный больно!!! Чаю натрескался, обогрелся, теперь до свиданья. И книжки назад заberi!

ЧЕХОВ (*берет в руки связки книг, учтиво кланяется*).
Желаю спокойного сна! (*Исчезает.*)

Пауза.

ЭРА. Библиотеку, видишь ли, закрыли! А я что? Была на вас мода, да вышла! «Вздор, скука!» (*Трясет тетрадкой.*) Нет, парень, это не скука, здесь вся моя жизнь! (*Вдруг видит книги Чехова, которые появились на прежнем месте.*)

Картина третья

Спустя несколько дней. Эра Николаевна садится за стол, начинает есть. В коридорчике возникает потрепанный старец с бородой до пояса, с лукавым взглядом, на спине огромные связки книг. Старик, кряхтя, входит.

ЭРА. Здравсьте...

СТАРИК. Наше почтение.

ЭРА (*разглядывает книги за спиной старика*). Классик, поди?

СТАРИК. Он самый.

ЭРА. Кормить не стану.

СТАРИК (*протестуя*). Матушка, благотельница!..

ЭРА (*смотрит на гору книг*). Не нуждаюсь.

СТАРИК. Обошел весь район — меня никто не хочет...
А вы, говорят, человек самый сердечный.

ЭРА. Ну-у...

Старик. Вы — добрая душа... Была еще Света, но она ушла в декрет.

ЭРА. Какая Света???

СТАРИК. Заведующая... Хранительница наша. Возьмите, а то пропаду... (*Пауза.*) Вот этой вот самой рукой сочинил «Каренину Анну»... Думал, какая польза будет, а вон как обернулось. (*Кряхтит, опускает книги на пол.*)

ЭРА. Тяжко?

СТАРИК. Обидно... «Царство Божие нас внутри...»
А где? То ли в печенке, то ли в желудке. Могло и рассосаться...

ЭРА. Кто?

СТАРИК. Царство.

ЭРА. Присядайте тогда.

Старик садится.

СТАРИК (*косит взглядом на полное собрание Чехова, лежащее у стола*). Здесь что, уже занято? (*Встает, представляется.*) Граф Лев Николаевич Толстой.

Великий русский писатель. Родился в двадцать восьмом, а помер в десятом по-старому.
ЭРА. Великий, значит?

Толстой кивает головой.

Бессмертный?

Пауза. Толстой с тоской глядит в сковородку.

ТОЛСТОЙ. Сделайте одолжение...

ЭРА. Горе мне с вами! *(Вздыхает, уходит на кухню.)*

ТОЛСТОЙ. В большом пятимиллионном городе читают книги два человека... Да и те: один по слогам, другой — по буквам... Тьма египетская! Зато все писатели... Пять миллионов. Писатель Сусленко чужих книг не читает. Он умный и важный, как Тамерлан Великий, ходит в чужом пиджаке, курит дешевые сигары и режет колбасу на Святом Писании.

ЭРА *(ставит перед Толстым тарелку)*. Трескайте.

ТОЛСТОЙ *(ест)*. Мяса не потребляю, вина не пью.

ЭРА. Бородища до пуза... Беда... Не классики, а цыгане!

ТОЛСТОЙ. ...Я не курю, нрав у меня стариковский...

Смогу уютю починить, сено косить, бить комаров...

Рассуждать о политике... В карты играю.

ЭРА. В подкидного?

ТОЛСТОЙ. И в подкидного, и в дурачка. *(Кашляет.)*

Морозец у вас... Инфузория мерзнет.

ЭРА. Зимой — комары, летом — мухи. Тараканы пропали, зато писатели набежали... Дед, а тебе сколько годов?

Толстой. Все мои! (*Ест, макает хлебную корку в чай.*)

Я что размышляю, Эра Николаевна... Может, еще откроют читальню? (*Греет озябшие ноги.*) Унизительно, когда тобой вытирают зады, а до этого рвут и кидают куда-то.

Эра Николаевна приносит таз с горячей водой, писатель греет ноги.

Дай тебе Бог... Один мудрец римский сказал: «Одна прочтенная книга заменяет десять килограмм мясной вырезки».

Эра. Говядины?

Толстой. И говядины, и баранины, и свинины...

Эра. Эх, если бы так...

Толстой соскребает ложкой остатки еды, чистит сковородку кусочком хлеба.

Существуй, ладно, чего там...

Раскладывает очень старую раскладушку, стелит постель.

Толстой. Добрая тетенька...

Эра. Отдыхай.

Толстой. Славно быть благодетелем! (*Дожится.*)

Пауза.

ЭРА (*берет одну из книг Толстого, изучает*). Сверстница тоже...

ТОЛСТОЙ. Миллион экземпляров.

ЭРА. Мой отец был такой же станок типографский...

ТОЛСТОЙ. Все писатели похожи друг на друга, но каждый читатель несчастен по-своему.

ЭРА. ...Он с мамой в отделе сосисок сошелся. (*Гасит свет, ложится на кровать. Пауза. Толстому на раскладушке.*) Тигр Николаевич...

ТОЛСТОЙ. Что?

ЭРА. Спишь?

ТОЛСТОЙ. Классики никогда не спят. Спать могут только читатели.

Лежат. Эре Николаевне не спится.

ЭРА. Спишь?

ТОЛСТОЙ. А?..

ЭРА. При царе народ ел человеческое мясо?

ТОЛСТОЙ. Нет... (*Встревоженно.*) А у вас?

ЭРА. Мы выросли на докторской колбасе. Вот оттого и дурные такие.

Пауза.

ТОЛСТОЙ. Все обещали, что наука выведет вас, но теперь уже видно, что полный провал. (*Пауза.*) В Историческом музее первый экспонат — скелет интеллигента. Позвоночник искривлен, копчик ярко выражен. Вместо черепа — отбойный моло-

ток. Одним словом — урод. Ископаемое. В ледниковый период вымерзли все читатели. Ученые гнут извилины — отчего у читателей исчез волосяной покров и почему они плохо грызли капусту? И начинаешь шевелить мозгами, гадать, может, мы плохие писатели... не могли создать «Новейшую историю туалетной бумаги»... «Библию вкусной и здоровой пищи»... Теперь я писал бы только в стеклянную газету.

ЭРА. Я — злая...

Толстой. Несчастливая. Ты лучше скажи, что такое секс? Тут у вас все кругом о нем говорят, а секса не наблюдается.

ЭРА. Секс? Ну, это когда семья есть.

Толстой. А что ж ты одна, где твой муж?

ЭРА. Нету. Я мужиков за всю жизнь толком не разглядела. Бывало, увидят меня и сразу бежать. Крупная я. Мужиков устрашаю. *(Пауза.)* А где ваша жена? Она тоже бессмертная, а?

Толстой. Да... Но бессмертная по-другому.

Молчание. Эра Николаевна зевает. Лев Толстой скрипит раскладушкой.

ЭРА. Писатель...

Толстой. Чего?

ЭРА. Ты скажи: писатели все с бородами ходят?

Толстой. Все.

ЭРА. Как интересно... А зачем?

Толстой. Мода такая.

Пауза. Толстой ворочается на раскладушке, горько вздыхает. Эра садится в кровати, глядит, жмурится в темноту.

ЭРА. Слышь, а...

ТОЛСТОЙ. А? Чо?

ЭРА. А если у тебя бороду отрезать, что будет?

ТОЛСТОЙ. Ничего не будет.

ЭРА. А если у писателя борода маленькая?.. Это плохо?

ТОЛСТОЙ. Это ужасно.

Пауза. Эра Николаевна мечтательно смотрит в темноту. Раскладушка замолчала.

ЭРА. Секс и книги — друзья человека... И какую же надо бошку иметь, чтоб напридумывать столько... Антон Петрович и Тигр Николаевич — бессмертные, да... Интересно... И зачем они все писали, писали, писали, прямо как я... *(Глядит в свою тетрадку, улыбается, глядит в потолок, закрывает глаза.)*

Тишина. Слышен громкий храп. Эра открыла глаза, слушает.

Храпит?! *(Испуганно смотрит на раскладушку.)* Как человек храпит!

Храп усиливается.

ЭРА *(восхищенно)*. О-о-о! О-о... Еще громче!

Храп усиливается, дребезжит ложечка в стакане.

ЭРА (изумленно). Еще... (Закрывает голову подушкой, честно пытается заснуть, не получается. Эра Николаевна возмущена и подавлена.) Писатели... Писатели... писатели... не могу спать! (Встает, берет ножницы, отстригает Льву Толстому бороду.)

Дикий вопль.

Картина четвертая

Утро следующего дня. Эра Николаевна просыпается, вдруг вспоминает, подпрыгивает, смотрит на раскладушку. Раскладушка пуста. Толстого нет. Но теперь к собранию сочинений Чехова добавилось огромное количество книг Толстого. Изумленно оглядывается, видит — за столом сидит надорванный человек с длинным носом, брезгливо ест суп из кастрюли Эры Николаевны.

ЭРА. Ты кто?

ЧЕЛОВЕК. Классик.

ЭРА. Фамилия?

Человек. Гоголь. Можно просто — Николай.

ЭРА. А где этот?..

ГОГОЛЬ. Лев Николаевич-то?

ЭРА. Он.

ГОГОЛЬ. Лев Николаевич спереди совершенно немец.

Он страшно обиделся на вас. Хотел пожаловаться самому... (Поднимает палец вверх.) Но мы его от-

говорили. (*Ест.*) И какой же русский не любит быстрой еды?

Эра Николаевна приходит в себя, умывается. Гоголь ест.

ЭРА. Я вам что — дойная корова? Ходят туда и сюда, топтуны.

ГОГОЛЬ. Полюби нас голодными, а сытыми нас всякий полюбят. (*Морищится, но ест.*) Суп жидковат...

ЭРА. Жидковат???

ГОГОЛЬ. Я бессмертный русский писатель и драматург.

ЭРА (*вырывает из его рук кастрюлю*). Кончай вылавливать мясо!

ГОГОЛЬ. Вы должны и обязаны содержать родную литературу. Беречь нас и охранять.

ЭРА. Щас...

ГОГОЛЬ. Иначе быть невозможно. Без нас вы — не пришей кобыле хвост. Вот возьмут когда-нибудь у вас паспорт и впишут: «Эра Николаевна, русская тире обезьяна». А в нашей компании вы — почтенная дама. С корнями...

ЭРА. С корнями???

ГОГОЛЬ. ...Как дуб. (*Забирает кастрюлю.*) Так что терпите, Русь-матушка... Все. (*Съел, отдал кастрюлю, достает из-под стола собрание сочинений.*) Вы самый умный человек в районе. Грамотный.

ЭРА. Куда этот ум-то девать? На кусок не намажешь, сама экономлю.

ГОГОЛЬ (*оглядывается*). Хорошо... Тепло, чисто... А где муж? Вы одинока?

ЭРА. Зачем же... Квартира есть, с ней и живем.

Пауза.

ГОГОЛЬ. Спокойно как, тихо.

ЭРА. Привычка.

ГОГОЛЬ (*соблазняя*). Страшно жить одному. Нет близкого друга. Льву вот Николаевичу хорошо, да и Пушкину ладно... большая семья, жены какие-то, дети. Я тоже бобыль. Умер один в холодной постели.

ЭРА. Дети... Какие дети, сам посуди — я мечтала рожать раза два. А что толку мечтать, если возможности нету. Надо кушать, и мужика рядом нет. Вот, думала, выжду, время полегче настанет, зарплату повысят, молоко станет свободно, и мужа пойду по свету искать. И что? Шиш.

ГОГОЛЬ. Есть у русского человека враг, непримиримый, опасный враг, не будь которого, он был бы исполином. Враг этот — колбаса. Много великих мыслей погибло от колбасы. Раньше в России ее было видимо-невидимо. Но однажды она исчезла. Сбежала в Америку по поддельному паспорту. (*Пауза.*) Теперь она вернулась. Тоска по Родине. Родные желудки... И теперь колбасы так много, что нет ничего, кроме нее.

Пауза.

ЭРА. Гоголь...

ГОГОЛЬ. Ну да.

ЭРА. А работал кем?

ГОГОЛЬ. Гоголем и работал.

ЭРА. А я в БСУ. Цемент в циклотроне месила. (*Изображает, как месят цемент в огромной машине.*)

ГОГОЛЬ. Какая разница... Циклотрон или письменный стол... Тут кирпичи — и там кирпичи, тут материала нет — и там не хватает. Тут денег нет — и там фиг. Разве что в тепле оно в радость. Когда Англия нюхает табак, то Франция чихает, когда писатель пишет — читатель возбуждается. А если писатель есть, а читателя нет, то и ничего нет, жизни нет. Парадокс! Сейчас самое время писать и писать! Вокруг целые кучи идей, россыпи слов, а какое раздолье чиновников! Я бы сейчас так и строчил, так и строчил!!! Да я бы сейчас каждый день выдавал по десятку «Шинелей»! Но, как всегда, равновесия нет. При живой-то воде вдруг читатель усохся куда-то... (*Пауза.*) Раньше было легко, раньше был черт. А теперь, говорят, интернет. Кто он такой? Где он живет? Он есть, но никто его сроду не видел. Если в сетях, то где ж его рыба? И потом, как заключить сделку с тем, кого нет? И как расплатиться? Он как призрак, которого нет, и притом он существует! (*Пауза.*) Ад — это смерть без огня, ад — это холодные цифры. Страшнее всего, когда приходят они и сжимают твой мир необъятный в молекулу. А затем бросают тебя в темноту, и несут, и несут, и несут... Чтобы ты появился на стеклянной плоской картине цвета скисшего молока, где плавают дохлые буквы... Нет, буква должна пахнуть, книжка дышать, а читатель — держать твое слово в теплых руках!

Пьют чай с вареньем.

ЭРА. А ты в космосе был?

ГОГОЛЬ. Был.

ЭРА. А я не была.

ГОГОЛЬ. Космос везде: и в тебе, и во мне, и в этой банке варенья... *(Ест.)*

Пауза.

ЭРА. Напиши про меня...

ГОГОЛЬ. Не могу. Я не вправе больше писать. Да к тому же чернила все кончились.

ЭРА. Я дам карандашик.

ГОГОЛЬ. Карандашик? Не то... Он — вещество. Надо наитьем писать. А оно только раз на всю жизнь полагается! *(Грустно улыбнулся, опустил голову, идет к выходу.)*

ЭРА *(достает безразмерные валенки и шапку)*. На, парень, твое!

ГОГОЛЬ *(надевает шапку)*. Спасибо, сударыня... *(Исчезает.)*

ЭРА *(изумленно смотрит, ощущивает воздух)*. Ловко! *(Видит под столом забытое Гоголем собрание сочинений.)* Вот жулики, а!

Картина пятая

Книг стало еще больше. Эра Николаевна сидит на стопке книг, ест. Теперь ее жизнь стала разнообразнее: она не только ест, но и научилась читать во время приема пищи.

За окном хлопок. Выстрел. В дверь вваливаются Лев Толстой, Гоголь и Чехов, за спинами пачки книг, вносят раненого Пушкина. Пушкин одной рукой закрывает кровавую рану, в другой руке держит пистолет.

ЭРА (*преграждает путь*). Куда?! Зачем?! Сюда не надо!!!

ТОЛСТОЙ. Опять дуэль с Дантесом...

ЭРА. Кто он такой?!

ЧЕХОВ. Да Пушкин это...

Чехов и Толстой ищут место, куда положить умирающего Пушкина.

ЭРА (*не понимая*). Пушкин??? (*Вспоминая.*) Пушкин?! (*Вспомнив.*) Пушкин!!! (*С любовью.*) Пушкин...

У Пушкина начинается предсмертная агония. Эра Николаевна отчаянно пытается ему помочь.

Конец первого действия

Действие второе

Картина шестая

Спустя месяц. Кажется, воскресла Александрийская библиотека и уместилась в этой квартире. Со всего города собраны страницы, странички, картон книжных корочек. Дом, в котором месяц назад была одна захудалая брошюра, теперь в угрожающем избытке заполнен шедеврами литературы. Старые книги и выдранные страницы на окне, на полу, под кроватью, на кровати, в прихожей, на кухне на столе, в кастрюле, на плите. Стопки книг, связки, пачки, колонны. Книг нет только на потолке.

На кухне сидит Эра Николаевна, завалена книжными страничками, одна голова торчит. Макает кисточку в таз с клейстером, старательно чинит книги.

Вход в комнату затруднителен. Книжные завалы. Душно и жарко. Кружится пыль. В комнате среди книг четверо. Все одеты в одежду Эры Николаевны, даже Пушкин, ко-

торый лежит с градусником во рту. Толстой с большим носом, Гоголь с длинной густой бородой и в чеховском пенсне. Чехов близоруко ищет очки.

ЧЕХОВ (*Гоголю*). Вы зачем Каштанку кинули под поезд?

ГОГОЛЬ (*изумленно*). Я?! Клевета!

ТОЛСТОЙ. А кто превратил мою Анну в крыжовник?!

ЧЕХОВ (*на Гоголя*). Он.

ТОЛСТОЙ (*на Чехова*). Он.

ГОГОЛЬ. А кто Тряпичкина сделал Наташей Ростовской?!

ТОЛСТОЙ. Сам виноват! У вас ревизор стал княгиней Курагиной!

ГОГОЛЬ (*хочет чихнуть, находит, что пропал нос*). Где мой нос?!

ТОЛСТОЙ (*хватает себя за подбородок*). Моя борода!

ГОГОЛЬ. Отдайте! (*Хватает Толстого за нос*.)

ТОЛСТОЙ. Верните сюда! (*Хватает Гоголя за бороду*.)

ГОГОЛЬ. Да даром она не нужна! Растет как ботва на дрожжах!

ЧЕХОВ. Пенсне, господа!

Классики грубо толкают друг друга, дергают.

Эра Николаевна сидит на кухне за столом, уставленным открытыми книгами, заботливо и не спеша оборачивает книги бумагой, вклеивает собранные на улице вырванные страницы.

ЭРА (*ищет, берет мятую страницу*). 33... 34... (*Вклеивает, читает*.) «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять

сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще до-родности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась...» (*Листает, читает.*) «...желчно вырвалось у Кутузова, одним глазом глядя на Багратиона». (*Довольно.*) Ничего... Мы вас подлечим, как новые будете... Велика беда... Библиотеку закрыли... Тут закрыли, там прикрыли, а щелку оставят... А мне куда ни ткнись — везде заборы на запоры. Капец. Клея в костях у старости нету. Почему я не классика, почему не бессмертная? (*Ищет недостающую страницу в кипе листов, находит по номеру, и главное — по цвету, разглаживает, клеивает в книгу, по памяти.*) «Буря мглою небо кроет, вихри снежные клубя, то, как зверь, она завоет, то заплачет, как дитя... Мчатся тучи, выются тучи, невидимка и луна освещает снег летучий, смутно небо, ночь темна...» (*Задумчиво, пытаясь разгадать смысл.*) Буря... Мглою... как дитя... (*Слышит шум в комнате, бежит туда, различает Чехова, Гоголя и Толстого.*) Хватит, сказала! Кому говорят?! (*Пауза.*) Безобразники!

Классики приходят в себя.

ГОГОЛЬ (*Эре*). Все потому, что у вас хромает техника чтения!

ТОЛСТОЙ. 40 знаков в минуту! Надо читать поживей!

ЧЕХОВ. И понимать, кто есть кто!

ГОГОЛЬ. И не клеить нас тупо!

ЭРА. Ну... давай тогда сам.

ГОГОЛЬ. Это должна сделать ваша рука.

ЭРА (*в гневе*). Я вам ничего не должна! Приперлись, графья, уселись на шею!

Пауза.

ТОЛСТОЙ. Нам уйти?

ГОГОЛЬ. Я как будто предчувствовал: сегодня мне ночью снились какие-то две необыкновенные крысы. (*Указывая на умирающего Пушкина.*) Она его полюбила...

ТОЛСТОЙ (*Эре*). Пушкин на вас не женится никогда.

ЭРА. Я сама не хочу. У нас с Пушкиным разница... в возрасте... (*Пауза.*) Я люблю Пушкина по-другому. Он мне как товарищ из родного детства. Я в школе сдавала его наизусть. И про дядьку того Черномора, и про бочку с ребенком, и про очарование очей... Я на Пушкине в детстве с мамой каталась, когда он был теплоходом! А когда он памятник был, я под ним ждала жениха на свидание. Мы с Александром Сергеевичем сердцем похожи, нас обоих любовь обманула. (*Слезы.*)

ГОГОЛЬ (*восхищенно*). Был бы я человек, я на вас бы женился мгновенно!

Пушкин стонет, градусник выпадает изо рта.

ЧЕХОВ. Пуля пошла!

ЭРА. Надо снова «скорую» вызвать.

ГОГОЛЬ. Бесполезно. Опять скажут, что это не Пушкин, а голая простыня.

ЭРА (*Чехову*). Вы же доктор!

ЧЕХОВ. Болезни бессмертных — болезни другие...

У Пушкина начинается отчаянная лихорадка. Все четверо, крепко обняв, держат его дрожащее тело.

Картина седьмая

Ночь. Храп Толстого, свист Гоголя, покашливание Чехова. Тускло горит светильник. Эра Николаевна сидит у умирающего Пушкина, ставит ему холодные компрессы, на коленях книга.

ЭРА (*читает*). «Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Более говорить о сем не имеем силы, да и не нужно: всякое русское сердце знает всю цену этой невозвратимой потери, и всякое русское сердце будет растерзано. Пушкин! Наш поэт! Наша радость, наша народная слава!.. Неужели в самом деле нет уже у нас Пушкина!» (*Вытирает слезы.*) Врешь, гад... Есть у нас Пушкин! (*Листает, читает*).

...И мысли в голове волнуются в отваге,
И рифмы легкие навстречу им бегут,
И пальцы просятся к перу, перо к бумаге,
Минута — и стихи свободно потекут.
Так дремлет, недвижим, корабль в недвижной влаге,
Но чу! — матросы вдруг кидаются, ползут
Вверх, вниз — и паруса надулись, ветра полны;
Громада двинулась и рассекает волны...

Пушкин открывает глаза.

ЭРА. Ой, здрасьте!

Пушкин смотрит.

Александр Сергеич... Кашку хотите?

Пушкин не отвечает.

Вот молодец... Значит, дела на поправку! (*Кормит кашей.*) В каше вся сила... У меня кот был, с балкона упал, дак я его манкой вернула.

Пушкин пытается что-то сказать.

ЭРА (*вытирает рот Пушкину.*) Поспите, а я вам спою.
(*Поет колыбельную.*)

Пушкин закрывает глаза. Эра влюбленно смотрит на него, счастливо засыпает.

Тишина.

Все спят.

На цыпочках входит француз в гусарском кителе. Пушкин открывает глаза, видит француза. Осторожно встает с постели, достает свой пистолет. Дуэль начинается. Дантес стреляет первым, Пушкин падает. Дантес исчезает в уборной.

Все просыпаются, паника.

Картина восьмая

Спустя несколько дней. Пушкин лежит, умирает. Клас-
сики сидят за столом, едят, откладывают пустые тарелки,
играют в щелбаны.

Толстой. Ха... Хэ... «Холстомер».

Чехов. Ра... Рэ... «Репетитор».

Гоголь. Рэ... «Ревизор».

Толстой. Ррр... «Рубка леса».

Чехов. А... «Архиерей».

Гоголь. Й... Й... Й... «Йод»!

Толстой. «Йод»? У вас этого нет.

Гоголь. Я протестую!

Чехов. Опять проиграл...

Толстой (*Гоголю*). Сыграйте за Пушкина.

Эра Николаевна на кухне что-то пишет на листе.

Эра (*пишет крупно*). Господа интеллигенция! (*Сочиня-
ет и тут же пишет.*)

Я знаю все: вас оскорбит
Ужасной правды разъяснение.
Какое страшное злобление
Ваш сытый глаз изобразит.
Я к вам пишу,
Куда ж сильнее,
Я многое хочу сказать.
Чего хочу? С какою целью

Открою жизнь свою?
Уж месяц как назад
Ко мне, простой серьезной женщине,
Пришли писатели твои.
Они, как дети без присмотра,
Скитались по дворам давно.
Я прибрала их, обогрела,
Я накормила их, зашила,
Я приласкала четверых уже,
Но денег больше не имею
По скудной жизни кошелька.
Я обращаюсь к вам как к деятелям культуры,
Ко всем, кто жир наел на книжках,
Ко всем, кто помнит классиков своих.
Вы помогите мне продуктами, одеждой, клеем,
А то помрем все впятером.
Ваш Чехов любит яйца,
Ваш граф Толстой едит мясное,
Ваш Гоголь — простоквашку.
А Пушкин — тертый мандарин.
Я лишена богатства, славы,
Я одинока и сильна,
Но помощь ваша мне нужна.
Давайте вместе помогать бессмертным.
Кончаю. Страшно прочитать,
Какую правду написала.

ЭРА (*переводит дух, пишет*). Мой адрес...

Картина девятая

Спустя несколько дней. В коридоре возня, кто-то с усилием открывает дверь, валяются книги.

Входит дама в берете. Озирается, пробирается через книжные завалы.

Следом идет Эра Николаевна.

ДАМА-БЕРЕТ. Где ваши дети? Зачем столько книг?..

ЭРА. Вот они.

ДАМА-БЕРЕТ. Говорите громче, я плохо слышу!

ЭРА. Вот они! (*Указывает на сидящих на кровати классиков.*)

ДАМА-БЕРЕТ (*смотрит на четверых*). Ужасно. Это ваши? (*Разглядывает.*) Они что, инвалиды?

ЭРА. Инвалиды!

ДАМА-БЕРЕТ. Группа какая?

ЭРА. Писатели все!

ДАМА-БЕРЕТ. Значит, вторая... (*Смотрит.*) Сколько им?

ЭРА. Тыщу лет, если сложить!

ДАМА-БЕРЕТ (*вглядывается*). Но это не дети... Я в комиссии по детству... В интернете же ваше письмо?

ЭРА. Нет, я на дом писателей вешала!

ДАМА-БЕРЕТ. Блоггер Фома разместил у себя... Почерк у вас ненормальный, смешной. Все читают, хохочут...

ЭРА. Что тут смешного?!

ДАМА-БЕРЕТ. Мы берем только сирот.

ЭРА. Как же жить?

ДАМА-БЕРЕТ. Что?!

ЭРА. Я говорю — умирать, что ли?! Они едят больно много.

ДАМА-БЕРЕТ. Пусть встанут на биржу. Если не могут работать, справки нужны.

ЭРА. Вот у них сколько справок! *(Указывает на книги.)*

ДАМА-БЕРЕТ. Здесь одни книги... А надо с печатью комиссии.

ЭРА. Вот этот вот насочинял тысячу книжек, а этот...

ДАМА-БЕРЕТ *(подходит к Пушкину, смотрит, поднимает брови)*. Похож.

ЭРА. Он и есть!

ДАМА-БЕРЕТ *(наклоняется к кровати, разглядывает)*. Господи... Живой Пушкин?!!!

ЭРА. Живой... Есть у нас Пушкин.

ДАМА-БЕРЕТ. Он же того... Умер давно... Убит на дуэли...

Изумленно смотрит.

Это как получается? Пушкин бессмертный???

ЭРА. Я когда в школе училась, у нас была учительница, все время теяшила — Пушкина убил Дантес... Дантес убил Пушкина... Что такое Дантес?!

ДАМА-БЕРЕТ. Дантес — это болезнь. Что-то с бешенством связано. *(Оглядывается вокруг.)* А это???

ЭРА. Антон Петрович, который родил даму с собачкой.

ДАМА-БЕРЕТ *(наклоняется, внимательно разглядывает Чехова)*. Чехов??? *(Изумляется, подходит к раскладушке.)* А кто морщит лоб?

ЭРА. Тигр Николаевич... А этот Гоголем называется... Тоже слышали его?

ДАМА-БЕРЕТ. Какой у вас воздух... (*Тяжело дышит, размахивает платком.*) Невероятно... Как это все понимать? Пойдите, что же делать теперь?

ЭРА. Мне надо, чтоб кто-то был на подхвате... Я одна не управляюсь. Средства давайте!

ДАМА-БЕРЕТ. Разумеется. Им тут не место...

ЭРА. Тут Чехов, там Пушкин, тут Гоголь с Толстым... Живем, как в трамвае... Не протолкнуться.

ДАМА-БЕРЕТ. А что с ним? (*Указывает на Чехова.*)

ЭРА. Язва. Молочное надо.

ДАМА-БЕРЕТ. Язва?!

ЭРА. Как люди болеют, страдают...

ДАМА-БЕРЕТ. Невероятно...

ЭРА. Библиотека!

ДАМА-БЕРЕТ. Что?

ЭРА. У рынка... Закрыли?

ДАМА-БЕРЕТ. Давно!

Пушкин стонет.

Гоголь громко чихает.

Чехов подозрительно кашляет.

ДАМА-БЕРЕТ. Да... Конечно. Нужно срочно решать этот вопрос. Комиссия вам поможет. (*Смотрит.*) Кто мог подумать... Скандал. (*Пробирается на выход, внезапно останавливается.*) А если их кормить бумагой?!

ЭРА. Кормила. Тошнить начинается!

Дама-берет уходит.

Пушкин стонет.
Чехов стирает соус со скатерти.
Толстой ищет хлебные крошки в бороде.

ГОГОЛЬ (*вздыхает*). Что за комиссия, создатель?

Эра Николаевна пожимает плечами.

Картина десятая

Проходит неделя.
Входят двое в официальных костюмах, в руках деловые папки с авторучками. Оглядываются. Затыкают носы.

ПЕРВЫЙ. Здравствуйте... Это вы — Арина Родионовна?
Департамент образования.

ВТОРОЙ. Ну и вонь!

ПЕРВЫЙ. Хочешь не хочешь, а я начинаю верить во всякую чертовщину. (*Трогает ухо.*) У меня что-то в ухе звенит... Я, кажется, стал хуже слышать.

ВТОРОЙ (*шепотом Эре*). Где???

ЭРА (*шепотом.*) Там...

Двое осторожно входят в комнату. Завалы книг, макулатура, пустые раскладушка, кровать, матрас.

ПЕРВЫЙ (*разочарованно*). Ничего, кроме книг...

ВТОРОЙ. Одни книги...

ЭРА. Да как же... Только что были.

Первый и второй переворачивают раскладушку, заглядывают за шторы, перебирают книги.

ВТОРОЙ. Может, и были...

ПЕРВЫЙ. Нет никого.

ВТОРОЙ. Слушайте, зачем вам столько литературы?

ПЕРВЫЙ. О чем ты говоришь? Посмотри на нее.

ЭРА. Ушли...

ВТОРОЙ. Сумасшедшая тетка... Рванных книжек насоби-
рала.

ПЕРВЫЙ. Говорите, Пушкин тут проживает?

ЭРА. Он болеет, живот у него.

ВТОРОЙ. Любит гороховый суп?

ЭРА (*обиженно*). Нет, он любит другое.

ПЕРВЫЙ (*смеется*). «Другое...»

ЭРА (*оглядываясь*). Пропали... (*Ищет.*) Тут всю неде-
лю ходят, смотрят на них, как в зоопарке. Может,
устали?

ПЕРВЫЙ. Здесь мы не нужны. Здесь требуется психи-
атр.

ЭРА. Посидите... подождите... Вернутся. Они, наверно, в
театр к Виле пошли...

ВТОРОЙ. Это к Шекспиру? Кто б сомневался.

ПЕРВЫЙ. Я говорил — пустой шум, это чей-то прикол в
интернете. «Русская баба кормит всех классиков».
(*Пауза.*) Любезная... Мы не врачи. Мы комиссия де-
партамента...

ЭРА. Дайте денег.

ВТОРОЙ. Совсем народ обнаглел. Клянчат и клянчат.

ПЕРВЫЙ. Пойдем, совещание в три.

Пробираются к выходу, роняют книги.

ВТОРОЙ. Кстати, ты слышал, наш Сусленко получил Нобелевскую премию.

ПЕРВЫЙ. Ты читал его роман?

ВТОРОЙ. Нет. А ты?

Останавливаются в коридоре, оглядываются.

ПЕРВЫЙ. Ноль два?

ВТОРОЙ (*удовлетворенно*). Ноль три. (*Уходят.*)

ЭРА. Эй!

Классики появляются на своих местах.

В прятки решили играть? Идиоткой меня выставите?

ТОЛСТОЙ. Мы Свету искали.

ЭРА. Нашли?

ЧЕХОВ. Нет.

ГОГОЛЬ. Исчезла с концами.

Пауза.

ТОЛСТОЙ. Хорошо быть Шекспиром. Можно вечность лежать в тумбочке у артиста.

ЭРА. Дак проситесь в театр.

ЧЕХОВ. Не берут.

ЭРА. Как?! Вас же там как облупленных знают!

ЧЕХОВ. Там Чехов другой.

ГОГОЛЬ. И Гоголь другой.

ТОЛСТОЙ. И Толстой...

ЭРА. Это родня ваша, что ли?

ТОЛСТОЙ. Нет, они просто моложе.

ГОГОЛЬ (*глядит в кастрюлю*). Кто съел клейстер??? Что за подлец?! Черт побери, я не хочу второй раз умирать с голоду!

ЭРА. Простите, ребята. Не удержалась.

ТОЛСТОЙ. Она пятый день не едала...

Пауза.

ЧЕХОВ. Господа, надо что-то решать.

ГОГОЛЬ. Только один может остаться.

Пушкин стонет.

ЭРА. Горе мне с вами...

Картина одиннадцатая

Спустя несколько дней. Эра читает.

В прихожей звонят. Входит мужчина. На носу золотые очки, галстук-бабочка на шее. Приглаживает волосы, заглядывает в комнату, делает шаг, падает, роняет пирамиды книг.

КОЛЛЕКЦИОНЕР РЕДКИХ ИЗДАНИЙ. Однако... (*Пробирается в комнату*.) Добрый вечер... Это вы продаете классиков?

ЭРА. Продаю.

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*оглядывается*). Какая любовь к книгам... (*Смотрит.*) Мне нужен Толстой. А что, действительно редкое издание?

ЭРА. Гоголя с Чеховым отдаю. В придачу. А Пушкина с собой навсегда оставляю.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Говорите громче. У меня тугоухость.

ЭРА. Пушкина, говорю, оставляю! А остальные съезжают.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Ну, показывайте!

Проходят в глубину комнаты. Горы, пирамиды книг едва не касаются потолка.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Ого-го! Имейте в виду, я собираю только редкие книги... Какое богатство!.. (*Восхищенно глядит на колонны книг.*)

ЭРА. Сюда...

Подходят к кровати.

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*видит Пушкина, Гоголя, Чехова, Толстого*). ?????????? (*Пауза.*) Что это значит?

ЭРА. Дарю.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Кто это?

Коллекционер и писатели разглядывают друг друга.

ЭРА. Вы знакомые?

КОЛЛЕКЦИОНЕР.

ЭРА. Узнали?

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*нерешительно*). Узнал...

ЭРА. Дарю, если сразу троих унесете.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Откуда они?!

ЭРА. С улицы.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Но...

ЭРА. Толстого машины помяли, Гоголя дети порвали...
сама всех подлечила. Торговаться не буду. Берите.

Пауза.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Настоящие???

ЭРА. Проверяйте.

Пауза.

Человек решительно подходит, снимает с Чехова пенсне, смотрит, старательно ощупывает бороду Льва Толстого, заглядывает в нос Гоголю. Затем вырывает волосок из бакенбард Пушкина. Пушкин бьет коллекционера по руке.

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*отшатнулся назад, смотрит, открыл-закрыв рот*). Что же я с ними буду делать?..

ЭРА. Разговаривать!

КОЛЛЕКЦИОНЕР (*достает платок, вытирает со лба пот.*) А они говорят?..

ЭРА. Сами спросите!

Гоголь с Чеховым засмеялись. Лев Толстой подмигнул коллекционеру.

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Нет... Я, пожалуй, пойду...

ЭРА. Даром берите!!!

КОЛЛЕКЦИОНЕР. Нет... Меня интересуют только книги! (*Кланяется писателям.*) Очень рад был познакомиться лично...

Быстро пробирается на выход, спотыкается, убегает, хлопнув дверью.

ЭРА. Куда же вы?! Убежал... Идиот какой-то.

Картина двенадцатая

Тревожная ночь. Храпит Лев Толстой. Чехов тоскует во сне, что-то бормочет. Гоголь свистит носом. Пушкин лежит с открытыми глазами. Темно. Эра Николаевна спряталась за шторкой, в руках лентяйка, выжидает. Появляется белокурый человек в гусарском кителе, поднимает пистолет, крадется к Александру Пушкину. Подошел. Целится.

ЭРА (*с криком выбегает из-за штор, бьет гусара по спине*). На! На!

В темноте борьба, сутолока, стрельба.
Гусар выпрыгивает в окно.

ЭРА (*зажигает свет*). Все нормально. Спите.

Писатели ложатся. Грохот в дверь. Входят два милиционера: маленький и большой.

МАЛЕНЬКИЙ. Кто стрелял?

Пушкин, Гоголь, Чехов, Лев Толстой исчезают.

Леха, ты видел?!

БОЛЬШОЙ. Показалось.

МАЛЕНЬКИЙ (*ходит, смотрит*). Ты когда-нибудь видел столько книг?

БОЛЬШОЙ. Что это за книги?

ЭРА. Классики. (*Пауза.*) Разберитесь. Дантес к нам повадился. Никак отвадить не можем.

МАЛЕНЬКИЙ (*кивает на горы книг*). Где взяла?

ЭРА. Валялись на улице. Может, возьмете домой?

БОЛЬШОЙ (*ходит, перебирает книги*). Без картинок... Знаешь, у меня всегда так с классикой... Откроешь, и в сон валит. Прямо снотворное... Барбитурата.

МАЛЕНЬКИЙ (*Эре*). Рецепт есть?

Эра ищет бумажку.

БОЛЬШОЙ (*поднимает с пола надорванную страничку, читает*). «Мертвые... уши»...

МАЛЕНЬКИЙ. Мертвые — кто?

БОЛЬШОЙ (*глядит на страничку*). Уши. Тут еще впереди было что-то.

МАЛЕНЬКИЙ (*тихо, большому*). Знаешь, про уши что я хотел рассказать. Ты только, гляди, никому... (*Пауза.*)

Ты же был у меня на свадьбе?

БОЛЬШОЙ. Ну.

МАЛЕНЬКИЙ. Жену мою помнишь?

БОЛЬШОЙ. Ну.

МАЛЕНЬКИЙ. У меня с ней была первая ночь... Слушай.

Лежим мы, я глажу ее... по рукам, по плечам, перехожу на голову. А у нее волосы такие густые, я глажу их и вдруг... гляжу!

БОЛЬШОЙ. Что???

МАЛЕНЬКИЙ. Уха нет!

БОЛЬШОЙ. Как — нет?

МАЛЕНЬКИЙ. Вместо уха — голое место! Ровное, гладкое, как коленка! Прикинь, она скрыла!

БОЛЬШОЙ. И что?

МАЛЕНЬКИЙ. Как это что? Это ж уродство!

БОЛЬШОЙ. Какое уродство???

МАЛЕНЬКИЙ. Ты дурак или нет? Это ж наследственность. У нас ребенок такой же родится!

БОЛЬШОЙ. Ну и что? У моего деда тоже нет уха, и у жены, и у матери. А у брата вообще нет ушей.

МАЛЕНЬКИЙ. И как они???

БОЛЬШОЙ. Да отлично! Живут! Все нормально!

Пауза.

МАЛЕНЬКИЙ (*Эре.*) Кто тут стрелял-то?!

ЭРА. Дантес.

БОЛЬШОЙ. Кто?

ЭРА. Дантес повадился.

МАЛЕНЬКИЙ. Этот такой педик кудрявый внизу?

ЭРА. Так точно. В кальсонах.

БОЛЬШОЙ. Пойдем. Он еще там, козел, ошивается...

ЭРА (*указывая на книги*). Может, знакомым возьмете?!

Милиционеры, не отвечая, уходят. Классики спят. Эра Николаевна открывает шкаф на кухне — остался последний кусок хлеба, бережно кладет его на место.

ЭРА (*пишет*). «Дорогие жители улицы Чехова, парка Гоголя и автобусной остановки Толстого. У кого есть желание принять русских писателей, то придите ко мне. Я их отдам в хорошие руки. А сама я живу на улице Трактористов...» (*Пишет.*)

Картина тринадцатая

Спустя несколько дней. Книги. За столом сидят Эра Николаевна и Света-библиотекарь, рядом в коляске спит младенец. Эра жадно ест то, что принесла Света. На книгах стоит еда.

СВЕТА. Вот. А потом библиотеку закрыли...

ЭРА. Что же мне теперь с книжками делать?

СВЕТА. У меня мальчик родился.

ЭРА. Я интеллигенции писала, но от них эрекции никакой.

СВЕТА (*на книги*). Жалко, конечно... Но куда их? Советские издания... Полно опечаток... На дурацкой бумаге... Библиотека старая была... Она стояла с прошлого века. За последний год пришел всего один посетитель. Помещение забрали под банк. А книги? Обычно такие книги отправляют на бумажную фабрику. Приходит грузовик и увозит. А там конвейер, помол. И появляется новая бумага...

ЭРА. Вторсырьё?

СВЕТА. Ну да. Вы ешьте, Эра Николаевна...

ЭРА. Они тебя вспоминают.

СВЕТА (*с улыбкой.*) Вспоминают? (*Пауза.*) Я в детстве такой необычной была... Бывало, сяду и с книгами разговариваю.

ЭРА. И я...

СВЕТА. «Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихою, нежною, сладкою, как ласка. Я верую, верую...» (*Пауза.*) Ешьте.

ЭРА. Нет, это им.

СВЕТА. У меня муж компьютерщик. Электронные библиотеки создает.

ЭРА. Говорящие?

СВЕТА. Всякие. Он книги сжимает. Очень удобно. На одном диске миллион книг!

ЭРА. Диск солнечный, что ли?

СВЕТА. Да нет, вот такой... (*Показывает размер.*)

ЭРА. И бумаги не будет?

СВЕТА. Не будет.

ЭРА. Погоди, а чем подтираться?!

СВЕТА. Ну, придумают что-нибудь. Я вам свой телефон оставляю, звоните. Только с мужем не говорите, он глуховат.

ЭРА. У Пушкина в животе пуля болит, не заживает...

У Гоголя насморк. Заразу с людей подхватил.

СВЕТА (*улыбается*). Может, это — дүхи?

ЭРА. А может, и духи, почему я знаю?

СВЕТА (*чихает*). Ненавижу эту пыль. Вредная работа. Выйду из декрета, пойду к мужу работать.

ЭРА. Они страсть как тебя ждали! Сами нашли твой адрес, готовились... Все сами. И вот те на! Опять пропали!

СВЕТА (*с улыбкой смотрит на Эру Николаевну.*) Интересно, почему?

ЭРА. Обиделись, может...

СВЕТА (*читает телеграмму*). «Дорогая наша Света! Поздравляем тебя с рождением маленького ангелочка! Твои друзья Пушкин, Лев Толстой, Чехов и Гоголь». Я долго смеялась. Прекрасная шутка, наверное, это друзья из Казахстана.

ЭРА. Мужа-то любишь?

СВЕТА. Любовь... Что такое любовь?

ЭРА. «Любить — значит жить жизнью того, кого любишь».

СВЕТА. Ну, это Толстой. А в жизни сложнее.

ЭРА. Я только сейчас узнала, что у меня есть сердце, никогда не болело.

СВЕТА. Вам в больницу надо.

ЭРА. А тебе, по совести, кто симпатичней?

СВЕТА. Пушкин. (*Читает.*)

Пора, мой друг, пора! покоя сердца просит —
Летят за днями дни, и каждый час уносит
Частичку бытия, а мы с тобой вдвоем
Предполагаем жить...

ЭРА. Ну да... Пора, пора... Все про любовь. (*Пауза.*) Может, все ж примут их в новую библиотеку, поспрашивай...

СВЕТА. Там есть уже книги! Новые, на отличной бумаге. Прекрасный, полный каталог. Те же авторы. (*Пауза.*) Имя у вас необычное — Эпоха...

ЭРА. Эра я...

СВЕТА. Извините.

ЭРА. Ну, спасибо тебе, накормила.

СВЕТА. Вот вам варенье, сахар, лекарства. Если что нужно — сразу звоните... (*Уходит.*)

Появляются классики, угрюмо сидят.

Эра Николаевна садится рядом с ними, грустно смотрит перед собой.

ЭРА. Куда ж нам плыть, ребята?..

Ночь. Чехов тихонько стучит молоточком. Пушкин чистит пистолет. Гоголь зашивает старенькое пальто Эры Николаевны. Толстой варит суп. Эра Николаевна читает книгу.

Картина четырнадцатая

Новый день.

Эра Николаевна сидит на книгах. По комнате расхаживает человек в шляпе, в руке компьютер. Курит сигару, пускает дым, трясет на книги пепел.

СУСЛЕНКО. Книги, книги... А что, Лев Толстой любит горькое, Пушкин — сладкое, Чехов — соленое, а Гоголь — простоквашку?..

ЭРА. Каждый по-разному...

СУСЛЕНКО (*не слушает*). Книги, книжки, книжицы... Сколько написано! И для чего?

ЭРА. Чтобы читали. Чтобы сердце работало.

СУСЛЕНКО. Ну, это все к кардиологу. (*Ходит, смотрит.*) Вас же зовут... Арина Родионовна?

ЭРА. Эра я...

СУСЛЕНКО. Как же вы без интернета живете?

ЭРА. Не знаю...

СУСЛЕНКО. Я читал ваше письмо и чрезвычайно заинтересовался. Я — писатель Сусленко.

ЭРА. Я вас другим представляла.

СУСЛЕНКО. Читали меня?

ЭРА. Читала.

СУСЛЕНКО. ...А где они? Ваши галлюцинации? За молоком ушли?

ЭРА. Концерт дают в переходе.

СУСЛЕНКО. И что, их слушают? Им хорошо подают?

ЭРА. Нет. Их даже не видят.

СУСЛЕНКО. Вот о чем я и говорю. Анахронизм, доморощенный гуманизм XIX века...

ЭРА. Хотите яишенку?

СУСЛЕНКО. Спасибо. Я сыт. (*Пишет что-то в компьютере.*) А Пушкин у вас тоже живет?

ЭРА. Да вот он! (*Указывает на пустую кровать.*)

СУСЛЕНКО (*смотрит на кровать, затем на Эру*). Он слышит нас? И что он говорит?

ЭРА (*прислушивается*). Уснул...

СУСЛЕНКО. Интересный случай помешательства. Одинокая женщина собирает книги, и именно те, которые изданы в год ее рождения, и сублимирует их как спутников жизни. (*Пишет в компьютере.*)

А Лев Толстой вам обо мне что-нибудь говорил?

ЭРА. Нет, а Чехов читал.

СУСЛЕНКО. Любопытно...

ЭРА. Ругался. Дерьмом вас назвал.

Сусленко пишет в компьютере, задумчиво курит сигару, стряхивает пепел на пол.

Так и умру, и никто обо мне не напишет.

СУСЛЕНКО. Хотите, я напишу? Можно пьесу, повесть, роман.

ЭРА (*радостно, как ребенок*). Обо мне?! Прямо сейчас?

СУСЛЕНКО. Ну да.

ЭРА. Вы тоже бессмертный?!

СУСЛЕНКО. «Нобеля» просто так не дают. Я придумал программу «Сам себе классик. Версия 2»! Корневой файл ста словарей, плюс фильтр предпочтений, свойства героя, 40 матриц-историй, объем и размер. Я избавил писателей от вечных страданий. Теперь пиши и пиши! Тайна шедевра в процентах заложенных данных! В их соотношении друг с другом!

ЭРА. А сердце?

СУСЛЕНКО. В литературе главное — результат, а сердце пригодится для жизни. (*Увлеченно.*) Написание ро-

мана о вас займет пять минут! (*Печатает в компьютере.*) Я должен вбить ваш образ... Маленький человек большого размера... Пол женский... Речь глупа, мысль недоразвита... Вы одинокая?

ЭРА. Я...

СУСЛЕНКО (*не слушает, смотрит, печатает*). Цвет ваших глаз? (*Смотрит, печатает.*) Любовники были?

ЭРА. Я...

СУСЛЕНКО (*не слушает, смотрит, печатает*). Мастурбацией занимались? (*Печатает.*) Вы старая? (*Быстро печатает.*) Вы несчастная? (*Печатает.*) Вас не любит никто? (*Печатает. Ловко нажимает клавишу, вдруг.*) Зависло... (*Трясет компьютер, достает из кармана провод, один конец подключает к компьютеру, другой втыкает себе в ухо, нажимает клавишу.*) Готово! (*Показывает.*) Читайте...

ЭРА. Так мелко... Как называется?

СУСЛЕНКО. «Сумасшедшая Эра». 740 страниц.

ЭРА (*вдруг замирает, чувствуя внезапную боль внутри себя*). Ой... Сердце порвалось...

СУСЛЕНКО. Сердце, душа... Это проблемы узких специалистов. Кардиолог, священник...

ЭРА. Врача... Умираю...

СУСЛЕНКО. Это — психолог.

ЭРА. Конец мне...

СУСЛЕНКО. А это вопрос для филолога. Всегда существует проблема финала.

ЭРА (*не может встать от боли*). Пушкин... сюда...

Сусленко, не обращая внимания на Эру, любовно глядит в компьютерный текст, затягивается сигарой, трясет пепел на пол, раздумывает о чем-то, бросает дымящуюся сигару на книги, видит, как сигара прожигает бумагу и появляется маленький огонек. Подходит к кровати, срывает простынь, смотрит на свет. Связывает простынь в узел, кидает. Уходит.

Сквозняк раздувает огонь. Эра Николаевна не может подняться.

Появляется Пушкин, он крепко связан веревками по рукам и ногам, ползет к Эре Николаевне.

Шелест страниц. Заскрипели буквы. Лопнули шелковые нити. Книги набухают, как дрожжевое тесто. Это не склад боеприпасов — книги разрываются огнем одна за другой. Огонь кружит по комнате. За окном падает черный снег, или это типографский наборщик пошутил с крыши?

В пламени скачет медный всадник, шинель размахивает пустыми рукавами, детство-отрочество-юность стоят, прижавшись друг к другу, горящая чайка бьется в окно.

Картина пятнадцатая

Ночь. Пепелище.

В квартире темно. По колено в болоте из пепла и пены стоят крошечные фигурки русских классиков. В окне мигают веселые огни пожарной и «скорой помощи». Хлопают дверцы. Проснулась сирена. Вой удаляется. Наступает тишина.

Молчание.

ЧЕХОВ. Жизнь-то прошла, словно и не жил...

ТОЛСТОЙ. Любить — значит жить.

ГОГОЛЬ. Какое горе не уносит время. (*Пауза.*) ...А однако же при всем при том, хотя, конечно, можно допустить и то, и другое, и третье, можно даже... Ну да и где ж не бывает несообразностей?.. А однако же, как поразмыслишь, во всем, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете, редко, но бывают...

ПУШКИН. Пора... Пора!

Классики исчезают один за другим.

Кое-где еще не догорели огоньки в пепле, они тускло мерцают.

Прохожий поднял воротник, перешел улицу и скрылся.

Занавес

Апрель 1995

Великая Китайская стена

Комедия в двух частях

Н.В. Коляде

Великая Китайская стена — крепостная стена в Северном Китае, грандиозный памятник архитектуры. Длина, по одним предположениям, около 4 тыс. км, по другим — свыше 5 тыс. км, высота 6,6 м, на отдельных участках до 19 м. Построена в 3 в до н.э. Материал: камень и глина.

Большой Энциклопедический Словарь

Под лестницей дверь, обитая железом, и вывеска: «Театр-студия «У вокзала».

Открываю. Вхожу. Бюст Станиславского накрыт рыболовной сетью, у дверей урна с надписью «Моя жизнь в искусстве». Спускаюсь вниз по крутым ступеням. Стены окрашены с тайным смыслом: полоса белая, полоса черная, полоса красная, полоса желтая. Чем глубже спускаюсь, тем чаще появляются крепко прибитые к стене таблички в рамках: «Софокл», «Чехов», «Мейерхольд», «Вахтангов», «Таиров», «Брехт», «Беккет», последняя табличка с неизвестной фамилией «Кудаков».

Внизу еще дверь. Узкий коридорчик. На зеркалах влага, гудят батареи отопления. Очередная дверь. Фойе — маленькое, тесное помещение, вдоль стен стоят стулья, на стенах афиши прошлых лет и репертуар текущего месяца: «Записки из подполья. Драма», «Дети подземелья. Драма», «Орфей спускается в ад. Драма», «На дне. Драма». Но главное название, которое появляется чаще всего, — это сочетание из четырех слов «Великая Китайская стена. Комедия».

В фойе у буфетной стойки окно. Зачем здесь, под землей? В подвале не может быть окон! Отдергиваю штору, смотрю, что-то не то: фигурки прохожих, пенопласт крыши, спички-светофоры, удивляюсь, но вата выдает имитацию снега. Окно бутафорское, с пейзажем за стеклом, внутри горит лампочка вместо солнца, макет городской улицы. Розыгрыш.

Еще дверь — но теперь дверь особая, резная, на ней золоченая табличка: «После третьего звонка не входить!»

В зрительном зале душно. Сразу же нахожу свободный стул, сажусь.

Как они здесь умудряются играть что-то? Маленький квадрат сцены, три на три. Низкий потолок, как в деревенской бане. Актеры играют в полусогнутом состоянии. То и дело у одного, самого рослого, слетает с головы фуражка.

Зрителей человек шесть, все — люди случайные, все с чемоданами. Шаткие стулья. Пытаюсь вникнуть в происходящее на сцене. Актеры, как затравленные дикие звери, стонут, размахивают руками, громко орут, корчат рожи, издают звуки и сверкают безумными глазами.

Часть первая

Картина первая

На сцене стол, накрытый красным сукном, и табличка «Госсовет». Сидят три министра, премьер и президент. Перед ними пустые тарелки.

ПРЕЗИДЕНТ. Неужели все так ужасно?..

ПРЕМЬЕР. Я — оптимист.

ПРЕЗИДЕНТ. Конечно, вы сейчас мой хлеб доели. А я не ем уже пятые сутки!.. Зачем эти тарелки?!

МИНИСТР ФИНАНСОВ. Господин президент, любая экономическая теория строится на реальности. А реальность диктует новые решения. Мы должны глядеть в пустые тарелки, и тогда еда в них появится.

ПРЕЗИДЕНТ. Вы уверены?

ПРЕМЬЕР. Совершенно!

Все напряженно вглядываются в пустые тарелки.
Министр обороны не выдерживает и падает в голодный обморок. Его поднимают и приводят в чувство.

ПРЕЗИДЕНТ. Ваши реформы сведут нас с ума! Уберите!
(*Считает со стола тарелки.*)

МИНИСТР ОБОРОНЫ (*в бреду*). Я вошел в спальню... а жена сказала: «Если ты еще хоть раз назовешь меня в постели Самарской областью, то я... я приму яд».

ПРЕЗИДЕНТ. Это от голода...

ПРЕМЬЕР (*продолжая заседание*). Ситуация на сегодняшний день такова, что от голода умерло сто олигархов и десять министров.

ПРЕЗИДЕНТ. Как с людоедством?

ПРЕМЬЕР. Боюсь, скоро начнется.

ПРЕЗИДЕНТ. Что наш народ?

МИНИСТР ФИНАНСОВ. За год эмигрировало в страны дальнего и ближнего зарубежья 142 856 536 человек, из них 66 046 579 граждан мужского и 76 809 957 женского пола, включая стариков и детей. Последний народ в количестве одного человека покинул страну вчера в восемь часов.

ПРЕЗИДЕНТ. Мы что, остались одни в огромной стране?!

МИНИСТР ФИНАНСОВ. К сожалению.

ПРЕМЬЕР. Кто же теперь будет работать?!

Все глядят друг на друга.

Вбегает чужак в драном свитере с чемоданом в руках.

ЧУДАК. Здравствуйте, господин президент! Я вернулся!

ВСЕ. Ура!!! Кто вы такой?!

Все обнимают чудака.

ЧУДАК. В Калифорнии хорошо, но я люблю нашу родину!

МИНИСТР ОБОРОНЫ. Дайте поесть...

Человек дает буханку, президент забирает, жадно ест.

ЧУДАК. Все люди вернутся... Но для этого надо новые зерна культуры!

ПРЕЗИДЕНТ (*с надеждой*). Вы хлебороб?!

ЧУДАК. Я режиссер кукольного театра.

Вздых разочарования.

МИНИСТР ФИНАНСОВ. И это все, что вы умеете делать???

ЧУДАК. Наш народ чудовищно некультурен!!! Чудовищно!!! Мы не читаем книг, не думаем, не размышляем и, главное, — не ходим в театры!.. Понимаете?..

В театры! Я знаю, как воскресить нашу державу!!!

Я знаю, как людей вернуть на Родину!

ВСЕ. Как?.. Как?..

ЧУДАК. Смотрите... (*Смахивает со стола бумаги, вываливает из чемодана разноцветные кубики.*) Я предлагаю создать нечто великое, грандиозное!

Кабинет министров окружил чудака.

ЧУДАК (*раскладывает кубики*). Узнаете?! Это — Великая Китайская стена! Но!.. Но!.. Но у нас будет не просто стена... А броня, панцирь... По всей линии государственной границы... смотрите сюда... мы строим театры, театры, театры, театры, театры, театры, театры, театры, театры, театры... Затылок в затылок, стена к стене... Театр, театр, театр... И это все одной сплошной, единой стеной... Я подсчитал... это немного... От Москвы до деревни Мулино люди будут создавать духовную пищу и питаться этим, появятся рабочие места... Великая Театральная стена!.. Мы будем первой державой, которая построит свое могущество не кровью, а подлинным, настоящим искусством. Только театр может сделать человека счастливым! Театр к театру... рампа к рампе... Миллионы кукольных, драматических, музыкальных театров... вы скажете, нас не поймут?!

МИНИСТР ОБОРОНЫ. Поймут!

ЧУДАК. Единый хор вдохновенного искусства будет мгновенно услышан на всех материках! Империя праздника, веселья по всему периметру границы немедленно притянет к себе зарубежного зрителя... А мы сделаем дорогие билеты и заиграем, что душа просит. Вот в мире будет переполох!.. Океан аплодисментов!.. От края до края, волнами, волнами!.. Девятый вал цветов!.. Обезумевшие поклонники очередями встанут у наших границ...

А какие пойдут про нас легенды!.. Но мы будем ставить визы только тем, кто выучит наизусть нашего Чехова, от корки до корки!.. И даже самый черный негр, глядя на карту мира, скажет: «Россия! Матушка! Продай лишний билетик!» А ведь вчера еще здесь был центр мировой канализации: кто сморкнется погуще да побольше... А сегодня — адью! — мы не пускаем без фрака... Не пустим, как ни проси!.. А на золотых воротах напишем: «Богема. Страна при свечах. Не шурши и не кашляй! После третьего звонка — казнь!» Театр к театру, рампа к рампе, колонна к колонне... Сомкнутся ряды в одну Великую Театральную стену... Плотное кольцо, граница нашей новой цивилизации... Кстати, вы умеете играть на скрипке?..

Случайная пауза.

Министр обороны достает пистолет, кладет дуло себе в рот.

ЧУДАК (*президенту*). Твоя реплика...

ПРЕЗИДЕНТ (*министру обороны*). Еще рано...

МИНИСТР ОБОРОНЫ. Чья реплика?

ПРЕЗИДЕНТ. Твоя.

ЧУДАК. Твоя.

ПРЕМЬЕР. Твоя.

Министр обороны стреляется.

ЧУДАК. Рано!!!

МИНИСТР ОБОРОНЫ. Идите вы в пень! *(Еще раз стреляется, еще раз падает.)*

В зале свист. Зрители выкрикивают ругательства, бросают в актеров печенье, бумажки.

Открывается дверь, в зал входят полицейский и пожарный, поднимаются на сцену.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Господа! Прошу всех покинуть помещение!..

Зрители свистят, топают ногами, уходят, роняют стулья.

МИНИСТР ОБОРОНЫ *(президенту)*. Ослина!.. Не можешь дать реплику!

ПРЕЗИДЕНТ. Пошел ты!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Значит, так, господа. Постановлением городской прокуратуры это помещение переходит к другому владельцу.

ПОЖАРНЫЙ. Убрать все барахло... Освободить подвальное помещение!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ясно??? *(Вручает президенту постановление, отдает честь, уходит.)*

Просыпается старичок на стуле, оглядывается, ничего не понимает, смотрит на часы, уходит.

Актеры спускаются со сцены.

Рабочие выносят скамейки, щиты, комкают синий бархатный занавес, заталкивают его в мешок. Уходят.

Режиссер сидит на последнем стуле, смотрит перед собой.

На полу разорванные афиши, реквизит стал мусором.
Входит первый актер, в руках большая сумка, набитая вещами.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Вот, зашел сказать до свиданья.

Режиссер молчит.

Игорь Михалыч...

РЕЖИССЕР. До свиданья.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. А вы мне зарплату три месяца не платили...

РЕЖИССЕР (*ищет в кармане деньги, дает последнюю купюру*). Возьми еще тот костюм, в котором ты медведя играл.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Я хочу сапоги из «Мертвых душ»...

РЕЖИССЕР. Возьми.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Дак за три месяца же...

РЕЖИССЕР. Еще шляпу из Бомарше.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. В такой шляпе только в гроб ложиться.

Мне барабан надо.

РЕЖИССЕР. Инструменты нельзя.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Ну, тогда деньгами давайте.

РЕЖИССЕР. Денег нет.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Значит, барабан...

РЕЖИССЕР. Я же сказал.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Барабан.

РЕЖИССЕР. Нет.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Барабан!

РЕЖИССЕР. Нет, я сказал.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Барабан надо! Пока до дома доеду, постучу на жратву в переходах.

РЕЖИССЕР. Постучишь по своей голове! До свиданья!

ПЕРВЫЙ АКТЕР. А чо вы хамите? Я чо вам сказал???

РЕЖИССЕР. Бездарный козел, убирайся.

ПЕРВЫЙ АКТЕР. Сам ты козел, сам ты бездарный... Я в вашем дерьме год полоскался!

Режиссер хватает актера за шею, сцепились. Актер с силой отталкивает режиссера, убегает с сумками прочь, прихватывая барабан.

Спускаются два человека в грязной рабочей одежде, гремят сапогами, несут унитаз и ящик с инструментом.

СЛЕСАРЬ. Прокинем трубы через люк.

САНТЕХНИК. Нет! Пустим за вентиляцию...

СЛЕСАРЬ. Зазор будет, придется резать проушины.
(*Толкает стоящего на пути режиссера.*) Не мешайся!
(*Сантехнику.*) Раковины чо?

САНТЕХНИК. Сюда. А тут двери, их надо пошире...

СЛЕСАРЬ. Стены крепкие... Сверлить?

САНТЕХНИК. Бур не возьмет. Лучше отбойник.

СЛЕСАРЬ. А сюда зеркала.

САНТЕХНИК. А сюда — будет Жэ или Мэ?

СЛЕСАРЬ. Кассир знает. Место людное... Центр... Площадь чрез дорогу...

САНТЕХНИК. Побегут как миленькие.

Ставит унитаз в угол.

СЛЕСАРЬ. Пошли за коленом... (*Ставит бак.*)

САНТЕХНИК (*снова толкает стоящего на пути режиссера*). Да не мешайся!

Слесарь и сантехник уходят наверх.

Режиссер встает, вытирает ссадины, приводит одежду в порядок. Появляется второй актер. Садится рядом, дает режиссеру закурить.

ВТОРОЙ АКТЕР. Как я сегодня играл?

РЕЖИССЕР. Отлично. Ты молодец.

ВТОРОЙ АКТЕР. Я только сегодня понял, как это надо играть. (*Пауза.*) В Саранск зовут... Играть зайчика... Как вы думаете, это моя роль? Я вот что думаю, Игорь Михалыч... Ведь у зайчика... (*Достает бумажку, читает.*) У кролика Архипа есть много общего с королем Лиром. Его бросила жена-крольчиха, хозяева прогнали... В общем, есть что играть... (*Садится на чемодан.*) И директор толковый... (*Достал билет, смотрит, думает.*) Я с детства мечтал стать актером... Отец тоже мечтал, но не стал... А я стал. Когда сдал экзамены, он продал сарайку, велосипед... В воскресенье устроили праздник... Пришел весь двор... Я сидел посреди стола и визжал от восторга!.. Я учился... Возвращался поздно домой, а у подъезда меня ждали девчонки с цветами... Три года вся улица говорила: «Наш Петька артистом стал, в кино сниматься будет!..» Говорили, говорили да перестали... Получил диплом и ни хрена не понял... Дома лег на кровать и всю ночь

тарашился на люстру... Ходил в театр, как на завод... Просыпал... Зевал на сцене... Соседи на меня косятся: «Петька, когда в кино пойдем?» А я чо... Режиссер злится, говорит: «У тебя руки кривые...» Горыныч... У подъезда уже никто не встречает, отец жалеет сарайку... Я стал горбатиться, стал носить старый, драный пиджак, кривые ботинки... Не артист, а городской сумасшедший... Однажды возвращаюсь со спектакля... Устал, иду как герр собачий, подхожу к подъезду, и вдруг кто-то сверху орет: «Кло-о-о-о-уун идет! Смотрите!» Где клоун, откуда здесь клоун? Оглядываюсь, а улица пустынная, и я один стою... Тихонько зашел домой, отец с мамой спали, собрал чемодан и поехал на вокзал. А потом вы все знаете... У меня рост высокий, а здесь потолки низкие... Только поэтому... Шаркаю башкой по известке... Ребята колются, а я что могу... У Горыныча шея длинная... И я понимаю, что над нами шесть этажей, живут люди. У каждого свои проблемы, заботы... А тут еще мы хлопаем дверьми, играем, что-то ждем... Разве можно людей винить в чем-то?.. Нельзя. Прощайте. *(Смотрит на режиссера, протягивает руку. Режиссер не реагирует. Актер берет чемодан, долго поднимается по лестнице.)*

Режиссер подметает мусор, моет пол. Входят первая актриса и третий актер.

ПЕРВАЯ АКТРИСА. Что теперь будет?

РЕЖИССЕР. Новый спектакль.

ТРЕТИЙ АКТЕР. Когда репетиция?

РЕЖИССЕР. Завтра в это же время.

ПЕРВАЯ АКТРИСА. А где? Где?!

РЕЖИССЕР (*глядит на унитаз*). Здесь.

ПЕРВАЯ АКТРИСА. Здесь??? (*Недоверчиво.*) До свиданья...

ТРЕТИЙ АКТЕР (*решительно*). Нет уж, прощайте!

Актеры уходят.

Режиссер берет ведро воды, выливает в унитаз, образуется огромная лужа.

Спускается богатый муж. Поскользнулся на лестнице, чертыхается.

БОГАТЫЙ МУЖ. А где артисты? (*Подходит к режиссеру.*)

Ушли уже, да?..

РЕЖИССЕР. Ушли.

БОГАТЫЙ МУЖ. А вы не артист?..

РЕЖИССЕР. Нет.

БОГАТЫЙ МУЖ. Я в театры хожу редко... Это жена все таскается по театрам... Куда ни ездим, первым делом в театр... Париж, Лондон, Нью-Йорк... А тут Алена моя говорит: «Пойдем да пойдем... Мы тут еще не были». Ну, пошли... Ну и чо... (*Глядит на унитаз.*) Я думал, театр — это дом с колоннами, а это подвал с трубами.

РЕЖИССЕР. Бывает.

БОГАТЫЙ МУЖ. А кто вы?

РЕЖИССЕР. Главный режиссер театра.

БОГАТЫЙ МУЖ. Этого???

РЕЖИССЕР. Этого.

БОГАТЫЙ МУЖ. Вот хорошо... Значит, вы шеф, значит, я к вам... Тут у меня дело... того... деликатное... (*Оглядывается.*) А что... ваш театр закрывают?

РЕЖИССЕР. Закрывают.

БОГАТЫЙ МУЖ. Деньги?

РЕЖИССЕР. Деньги...

БОГАТЫЙ МУЖ. Они все решают.

РЕЖИССЕР. Не все.

БОГАТЫЙ МУЖ. Сумму скажите.

РЕЖИССЕР. Коммуналка, налоги, аренда...

БОГАТЫЙ МУЖ. Миллиона четыре?

РЕЖИССЕР. Четырнадцать.

БОГАТЫЙ МУЖ. Половину сегодня. Остальное по факту. Моя Алена — хорошая... Но когда мы стали жить вместе... Вы понимаете... Я стал замечать... Повторяю — она добрая и очень порядочная... Но у кого нет недостатков... Она неделю назад подвезла на машине нищего клоуна и влюбилась. Оказалось, он служит у вас.

РЕЖИССЕР. Как звать?

БОГАТЫЙ МУЖ. Не знаю... такой чернявый, с залысиной на левую сторону, хромает, но голос как у Бандераса... Я говорил ей — меня могут не понять, но... Она требует! Она хочет снова посмотреть ваш спектакль, но... с маленькой поправкой... Чтобы этот актер сыграл специально для нее, но... В обнаженном виде. На сцене... А она в зале должна быть одна... Понимаете?... Это стоит таких денег?... Наш дорогой билет, ваш — голый такой... чернявый... артист-мужчина...

Алене так хочется... (*Протягивает режиссеру пачку денег.*) Ну?

РЕЖИССЕР (*берет деньги*). Завтра.

БОГАТЫЙ МУЖ. Сегодня. И скажите своему актеру...

Моя Алена — порядочная, честная женщина...

И только посмотрит.

РЕЖИССЕР. В полночь все будет готово. (*Отдает мужчине билет с контролем.*) Дорогой билет.

БОГАТЫЙ МУЖ. Она приедет на «бэхе» красного цвета.

РЕЖИССЕР. Мы ждем.

БОГАТЫЙ МУЖ. До свиданья, господин дирижер...

РЕЖИССЕР. Режиссер.

Богатый муж уходит.

Наверху падают трубы. Спускаются рабочие, на лицах у них капли дождя. Остановились, изумленно смотрят на лужу под унитазом.

Режиссер захохотал.

Картина вторая

Полночь. Там же.

Чисто, сверкают зеркала, запах цветов. В зале играет спокойная, тихая музыка. Унитаз исчез.

В зале один стул. На стуле — женщина в дорогом платье, кутается в меха, ей холодно, пар идет изо рта, внимательно смотрит на сцену в бинокль.

На сцене в двух метрах от женщины сидит голый актер (залысина на левую сторону), читает монолог, широко расставив кривые волосатые ноги.

АКТЕР. Холодно... Иногда... иногда майскими ночами я думаю, как прекрасно пахнут цветы жасмина... Я закрываю глаза и представляю себя с тобой... Только ты и я...

Женщина ерзает на стуле.

Ты — зрительница из зала, таинственная незнакомка, и я — твой демиург, твой повелитель, твой Дон Жуан... (*Мерзнет, в сторону.*) Что, батареи уже отключили? А печку поставить нельзя?

Режиссер подает активные знаки.

АКТЕР (*разогревая себя*). Впрочем, это все грезы... (*Подсаживается ближе к авансцене, женщине.*) Ты ехала в «бэхе», я шел пешком... Ты подвезла меня до остановки, ты была так хороша... Я подумал, отчего мы не вместе, отчего ты не со мной?

Женщина ерзает на стуле, покусывает мех, стонет.

Мы расстались с тобой дивным майским вечером, пели цикады на Кольцевой, пахло жасмином... Я хотел овладеть тобой прямо в автомобиле, но ты была за рулем, и к тому же в машине любить неудобно, ведь я как раз тогда ногу сломал... Не судьба...

Женщина учащенно дышит, вздрагивает, качается на стуле, глядит в бинокль на голого актера.

Режиссер отчаянно жестикулирует.

Но ты снова пришла... Ты снова рядом... (*Беспомощно оглядывается на режиссера. Протягивает руки к женщине, подсаживается еще ближе, страстно.*) Что такое театр? Это царство оживших фантазий. Воскресим этот день... Я опять ковыляю по трассе, ты снова едешь...

Женщина раскачивается на стуле как сомнамбула, держит в руках воображаемый руль.

И видишь меня... В тебе говорит сострадание... «Несчастный, вас подвести?» — «Разумеется, женщина». Едем. Опять говорим, как тогда, о погоде, о пробках, о жизни... «Вы не бомж?» — «Нет, я великий актер». В жизни счастливых мгновений так мало, не надо сдерживать страсть!

Женщина роняет бинокль, закрывает глаза.

Гляди на дорогу, держи крепко руль! А я сделаю все, что ты хочешь... (*Гадко и вкрадчиво.*) Дорогая, мне так холодно... Давай же согреем друг друга... иди же ко мне... Давай... Давай... (*Пауза.*) Д-аааа-ва-а-а-ай!

Женщина прыгает на стуле и испускает крик.

АКТЕР (*в экстазе, страстно*). Господи, как хорошо быть актером! Не просто актером, а повелителем дум! Ак-

тер — существо высшего порядка, актер — мастер чудесного перевоплощения! Я могу владеть массами, целым залом, я могу заразить зрителей... собственным восторгом... собственной печалью... собственной радостью и собственной грустью! Я... Сверхчеловек!

Женщина мотает головой, разрывает на себе платье. Учащенно дышит.

Еще сегодня утром я был простым Сергеем Петровичем, а вечером я — Фауст, сегодня ночью я неистовый Дон Жуан, а завтра...

Женщина в восторге.

Что будет завтра? Завтра — прекрасно, оно еще прекраснее, чем настоящее, потому что есть сцена и есть театр... Театр!

ЖЕНЩИНА (*экстатично*). Театр! Театр!!! (*Прыгает на стуле, кричит, стонет, плачет, смеется, замирает и падает со стула.*)

Пауза. Уставший актер затравленно смотрит на женщину, дрожит от холода.

Женщина неподвижно лежит на полу, глаза у нее закрыты, ей хорошо.

Актер накидывает на свои посиневшие плечи халат, ждет.

Женщина вздрогнула, открыла глаза.

ЖЕНЩИНА (*счастливо*). На улице дождь?

АКТЕР. Да, дорогая. Хочешь, я повторю?

ЖЕНЩИНА. Милый, дай сигарету... (*Лежит, мечтательно смотрит в потолок.*)

Подходит режиссер, прикуривает сигарету, дает женщине. Женщина лежит на полу, курит, платье разорвано, волосы спутаны. Актер и режиссер смотрят на нее, ждут.

Женщина докурила, вдруг очнулась, бросила сигарету, встала, смущенно поправила разорванный подол юбки, прячет глаза. Вдруг разрыдалась, подбросила в воздух купюры и побежала, рыдая, прочь, цокая каблучками по ступеням.

Наверху хлопнула дверь.

РЕЖИССЕР (*собирает с пола деньги*). Хорошую паузу сделал, молодец...

АКТЕР (*натягивая брюки*). Ну и шиза-а-а-а-аа... Я снимаю квартиру у такой же психички...

РЕЖИССЕР. Завтра репетируем третий акт. Иди, дождь уже кончился...

АКТЕР. А может, мне в стриптизеры пойти? (*Уходит.*)

РЕЖИССЕР (*поднимает стул, проверяет на прочность, берет швабру, замечает мусор*). «Собака, крыса, лошадь могут жить. Тебе нельзя... Тебя навек не стало...» (*Думает.*) «Навек, навек, навек, навек». Четыре раза. (*Поставил в угол швабру, записывает в блокнот, задумался, смотрит на пустую сцену, закуривает.*)

Картина третья

Зима. На сцене идет спектакль: президент, министры, генералы.

В зале четыре человека.

Президент ест булку в окружении министров.

ЧУДАК. Мой президент! Загадка проста! Наше государство гибнет потому, что народ не любит театр.

ПРЕЗИДЕНТ. А макароны у вас есть?

ЧУДАК. Я знаю, как спасти нашу Родину!

ВСЕ. Как?.. Как?..

ЧУДАК (*смахивает со стола бумаги, вываливает из сумки разноцветные кубики*). Показываю наглядно... (*Расставляет на столе кубики.*) Мы варвары в диком лесу... И я предлагаю создать нечто. (*Расставляет кубики.*) Узнаёте? Это Великая Китайская стена! Но наша стена будет не просто стеной... Это панцирь, броня!.. По всей линии государственной границы...

ВОПЛЬ ЗРИТЕЛЬНИЦЫ. Ай, крыса!!!

Входят полицейский и санитарный врач с аэрозольным баллоном за спиной.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*поднимается на сцену*). Театр закрывается!.. Прошу всех покинуть помещение!

Сонные зрители безразлично выходят. Санитарный врач опрыскивает помещение.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*актерам*). Значит, вот, господа...
Постановление городской прокуратуры номер
тридцать три... Помещение изымается за неупла-
ту налогов и за грубейшее нарушение санитарно-
го состояния подвала! Даем два часа... Вам ясно?!
(*Подает «президенту» бумагу, покачивает перед
лицом актера дубинкой.*) Ясно?.. (*Пинает ногой
стул.*)

Полицейский и санитарный врач уходят.
Просыпается старичок на стуле, оглядывается, ничего не
понимает, смотрит на часы, уходит.

Картина четвертая

Режиссер сидит на последнем оставшемся стуле. Рабочие
выносят стулья, на полу грязь, мусор, опилки. Рабочие
пытаются засунуть бархатный занавес в мешок, не полу-
чается, рвут и все же затапливают его.
Входит актриса, в руках у нее костюмы на плечиках.

ВТОРАЯ АКТРИСА. У меня в шкафу моль... Видите ды-
рочку...

РЕЖИССЕР. Что?

ВТОРАЯ АКТРИСА. Игорь Михалыч, можно вас позвать
в гости?

РЕЖИССЕР. Надо ставить новый спектакль.

ВТОРАЯ АКТРИСА. У меня брат работает на вокзале, и
он говорит, что у них пустует старый ангар... Там еще
ресторан рядом. Знаете?

РЕЖИССЕР. Знаю.

ВТОРАЯ АКТРИСА. Дак я поговорю?

РЕЖИССЕР. Поговори.

Пауза.

ВТОРАЯ АКТРИСА. Я замуж выхожу.

РЕЖИССЕР. Поздравляю.

ВТОРАЯ АКТРИСА. А почему вы не спросите, кто он?

РЕЖИССЕР. Для роли это не важно.

ВТОРАЯ АКТРИСА. А вам?

РЕЖИССЕР. Мне???

ВТОРАЯ АКТРИСА (*вдруг истерично*). Тоже не важно!!!

Для вас ничего не важно!!! (*Рыдает.*) Вы любите только себя и этот театр!

РЕЖИССЕР. А?..

ВТОРАЯ АКТРИСА. Эгоист! Ничего не видит, кроме театра! Только театр, театр, театр! А вокруг люди живые, живые! Разве не ясно?! Зачем? Для чего?! Кому это надо! Да никому! (*Бросает платье, топчет.*) Никому! Никому! Все, я от вас ухожу! (*Быстро уходит.*)

Пауза.

РЕЖИССЕР (*поднимает платье, разглаживает*). Вот ненормальная...

Спускаются по лестнице сантехник и слесарь, гремят сапогами, несут ящики с инструментом.

САНТЕХНИК. Шлямбур¹ взял?

СЛЕСАРЬ. Взял...

САНТЕХНИК. А чертилку²?

СЛЕСАРЬ. Взял, отвали.

САНТЕХНИК. Я читал, что керамика вечная. Мир погибнет, а писсуары останутся.

СЛЕСАРЬ. Стены... блин... крепкие... (*Пауза.*) Палец болит?

САНТЕХНИК. Синяк болит.

СЛЕСАРЬ. А у меня и то и другое.

САНТЕХНИК. А сюда будет Мэ или Жэ?

СЛЕСАРЬ. Я ж тебе говорил.

САНТЕХНИК. Пойдем... Нас ждут унитазаы.

Уходят.

Режиссер собирает реквизит в ящики.

Входит богатая жена.

БОГАТАЯ ЖЕНА. У вас ремонт? (*Пауза.*) Мне нужен главврач.

РЕЖИССЕР. Я — режиссер.

БОГАТАЯ ЖЕНА. Режиссер? «Режиссер» — очень знакомая фамилия. Я о вас уже где-то слышала... Мой директор сказал, что вы лечите патологии. У меня тяжело болен муж.

РЕЖИССЕР. У людей нет проблем, кроме секса.

¹ Шлямбур, — ручной ударный инструмент.

² Чертилка — инструмент для разметки.

БОГАТАЯ ЖЕНА. О сексе речь давно не идет. У нас все куда тяжелее. Мой муж... даже неловко сказать... он взятки не берет. Хотя раньше брал, очень брал, но год назад он умом повредился, брать перестал. Я лечила его, но никак.

РЕЖИССЕР. Здесь театр.

БОГАТАЯ ЖЕНА. Мне сказали, театр может сделать человека здоровым... Я очень прошу! Муж мой — больной... а таких больных на серьезной службе не держат. Все вокруг берут и берут, а он один такой извращенец. Кому ни скажи, просмеют. Да ладно б, не брал из-за честности, а то ведь мерзавец, жулик, подлец... Но как только на службу придет, как сядет, как упрется рогами!.. И ни в какую! Даже рубля не возьмет! Мне его начальник так и сказал: «Лечите, а не то уволю вашего мужа». Куда ж он пойдет, такой ненормальный? Дураки нигде не нужны. Напугайте его, чтобы мозги на место вернулись.

РЕЖИССЕР. Дорого встанет.

БОГАТАЯ ЖЕНА. Я в банке работаю, помогу вам с кредитом.

РЕЖИССЕР. Надо подумать.

БОГАТАЯ ЖЕНА (*дает карточку с номером.*) Мой телефон.

Картина пятая

В зале три человека: богатая жена, ее честный муж и подсадной актер, изображающий зрителя.

На сцене актеры играют спектакль: судья в мантии и прокурор в парике.

Судья. Две тысячи лет существует Великая Театральная стена. От края до края нашего государства театр к театру, рампа к рампе стоят миллионы кукольных, драматических, музыкальных театров. Раз в год мы проводим судебное заседание и пускаем в Зал чести самых избранных...

Прокурор. Да, и они среди нас.

Судья (*глядит в зал*). Почему их так мало?

Прокурор. Ваша честь, это вопрос риторический.

Честный муж (*жене*). Куда ты меня привела?.. (*Видит спящего «зрителя» рядом.*)

Богатая жена. Это театр, тебе же сказали...

Прокурор. Ваша честь, среди зрителей есть обвиняемый.

Судья (*в зал*). Интересно, и кто же он?

Прокурор (*в зал*). Видите спящего негодяя?

«Зритель» спит.

Мы имеем дело с преступником особой жестокости: четыре преступления за один вечер... Первое: пришел в театр без цветов, второе — опоздал и сел не на свое место... третье — стал кашлять, сморкаться, чихать...

Судья, прокурор и муж с женой глядят на спящего.

Судья. Возмутительно!

Честный муж. Это что за пьеса такая?

Богатая жена. Комедия...

ПРОКУРОР. И главное преступление, которое совершил, — он уснул во время нашего представления.

СУДЬЯ. Возмутительно!

ПРОКУРОР. Ваша честь, наш уголовный кодекс имеет статью, по которой мы можем его осудить по закону.

СУДЬЯ. Совершим праведный суд. *(Дает знак.)* Разбудить!

Из-за кулис выходит актер в форме полицейского, вбегает в зал, жестко будит дубинкой спящего зрителя, пинками гонит на сцену.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(грубо, зрителю)*. Встать, суд идет!

Зритель только проснулся, хлопает глазами, не понимает.

СУДЬЯ. Кто вы?

ЗРИТЕЛЬ. Я?..

ПОЛИЦЕЙСКИЙ *(грубо дергает зрителя)*. Стоять! Руки за спину!

СУДЬЯ *(зрителю)*. Представьтесь.

ЗРИТЕЛЬ. Аркадий...

СУДЬЯ. Расскажите, как вы совершили свое преступление?

ЗРИТЕЛЬ. Преступление??? Какое???

СУДЬЯ. Первое. А потом второе. И все остальные.

ЗРИТЕЛЬ. Я к вам в театр пришел...

СУДЬЯ. Для чего? Вы имели какую-то цель?

ЗРИТЕЛЬ. Я просто пришел выспаться тут...

Прокурор, судья и полицейский в шоке.

Судья. Разве нельзя выпасться дома?!

ЗРИТЕЛЬ (*сбивчиво*). Я проездом. Поезд мой ночью.

А зал ожидания забит, как бочка с селедками. Иду, думаю, где залечь, вижу театр...

ЧЕСТНЫЙ МУЖ (*возмущенно, жене*). Что привязались к нему, в самом деле???

ПРОКУРОР. Судимость имеете?

ЗРИТЕЛЬ. Да. Три. Первую судимость я получил за то, что ел печенье в музыкальном театре, вторую судимость за то, что сморкался в оперном театре, и третью за то, что с тех пор в театр вообще не ходил.

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. Ну и законы...

ПРОКУРОР. Ваша честь, этого человека, увы, невозможно исправить.

СУДЬЯ (*встает, торжественно зрителю*). Суд приговаривает вас к смертной казни!

Пауза.

ЗРИТЕЛЬ. Как???

Входит палач в маске и с топором.

ЧЕСТНЫЙ МУЖ (*жене*). У нас нет смертной казни!

БОГАТАЯ ЖЕНА. Есть. Ты же видишь.

Зритель плачет.

Все удрученно смотрят на него.

Судья. Вы можете сказать последнее слово...

ЗРИТЕЛЬ (*плачет*). Да что тут сказать... Сволочь я редкая. Так мне и надо.

Палач тащит зрителя за кулисы. Оттуда слышен удар топора, брызг струи, глухой удар в пол чего-то круглого и пустого. Палач демонстрирует отрубленную голову, выбрасывает в ведро.

Судья. Суд продолжает свое заседание.

ПРОКУРОР. Второй обвиняемый — это Петр Николаич.

Судья. Да, он сидит в нашем зале.

ЧЕСТНЫЙ МУЖ (*изумленно*). Я?!!

Судья. Пройдите на скамью подсудимых, пожалуйста...

ЧЕСТНЫЙ МУЖ (*жене*). Галя...

БОГАТАЯ ЖЕНА. Допрыгался.

Входит полицейский, грубо хватает мужа, тащит на сцену.

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. В чем дело?!

ПРОКУРОР (*с пристрастием*). Вы любите театр?!

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. Да! Очень!

Судья. Заведомая ложь отягощает преступление.

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. А какое обвинение?

Судья (*читает*). «Статья 290, часть пятая. Невзяча должностным лицом взятки в виде денег карается по закону уголовным кодексом Великой Театральной стены».

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. «Невзяча»?!

СУДЬЯ. Вы подрываете основы нашего государства.

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. Чем???

СУДЬЯ. Вы взятку не берете. Все берут, а вы один такой!

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. Ну, должен же хоть кто-то не брать!

ПРОКУРОР. Он — эгоист. У него на первом месте совесть, а общество — на втором.

СУДЬЯ. Взятка — это кислород нашей страны, а вы его зажимаете!

ПРОКУРОР. Без взяток страна наша погибнет, без них ничего не построить!

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. Вы про новый вокзал? Это не я! Это подрядчик!

ПРОКУРОР. Из-за вас люди спят на наших спектаклях!

СУДЬЯ. Позвольте огласить приговор. (*Торжественно.*)

Суд внимательно рассмотрел заявления сторон и принял решение... (*Мужу.*) Приговорить вас к смертной казни!

Входит палач.

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. Что же это такое?! Я хотя бы имею право сказать последнее слово?! (*Пауза, жене.*) Галя, прости... Я врал тебе целый год, я валял дурака, я делал это нарочно... Да я взятки беру! И беру в сто раз больше! Каждый день, каждый час... Я же деньги беру мешками, коробками, чемоданами! Я их просто коплю в гараже. Я готовлю тебе к юбилею подарок!

Я купил тебе дом в Майами, только яхта осталась!

БОГАТАЯ ЖЕНА. В Майами?!

ЧЕСТНЫЙ МУЖ. Ну да! Как у всех!

Жена всплеснула руками, выбегает на сцену, объятие.
Актеры в изумлении.

СУДЬЯ. Все! (*Срывает с себя парик.*) В стриптиз ухожу, к
чертовой маме!

Картина шестая

В фойе сверкают зеркала.
Зрительный зал полон. На сцене идет вечерний спектакль.

СТАРИК-АМЕРИКАНЕЦ. Весь Нью-Йорк уехал жить в Россию... Они поселились под Москвой... А Лос-Анджелесу не повезло... Им дали место в Новосибирской области... Но зато теперь они жители великой, богатой России... Том написал письмо — один восторг! Он не вылезает из театров... Наслаждается...

СТАРУХА-АМЕРИКАНКА (*читает.*) «Рано утром я просыпаюсь... Бреюсь, чищу ботинки... В половине восьмого выхожу на улицу... Многомиллионная толпа движется в сторону вокзала... Все читают театральные программки... В один голос обсуждают спектакль какого-то театра у восточной границы... В поезде подают шампанское с сахаром... Соседи по купе всю дорогу читают театральные молитвы... У границы нас переправляют на хрустальное обла-

ко... Через полчаса я выглядываю в окно и вижу невероятную картину: Великая Театральная стена... Сверкает, переливается на солнце... Театры — как алмазные кирпичики... Мы спускаемся на цветочную поляну... Хочется закричать от восторга... Ведь это — чудо... Неужели это не сон... Я боюсь проснуться... Театры — их так много... Актеры — один лучше другого... А какие спектакли! Премьера за премьерой! Приезжайте в Россию...»

СТАРИК-АМЕРИКАНЕЦ. Только театр может сделать человека счастливым...

На театральном заднике появляется проекция сверкающей Великой Театральной стены. Величественная, но очень громкая музыка.

В зал врываются разгневанные жильцы дома, идут на сцену.

Мужик с гвоздодером. Вы что, обалдели совсем?!

Старуха в носках. Здесь люди живут!

Баба с кипятком. Достали уже с этим театром!

Мужик в кальсонах. Убирайтесь отсюда, уроды!

Девушка с ребенком. Не надо нам здесь!

АКТЕР. Это — искусство...

АКТРИСА. Это — театр!

ЖИЛЬЦЫ. Это — говно!

Завязывается потасовка между жильцами и актерами. Зрители какое-то время смотрят, не понимая, затем тихо покидают зал.

РЕЖИССЕР. Пожалуйста, останьтсь... Мы скоро продолжим!

Все уходят.

Появляется полиция. Надевают наручники на режиссера. Жильцы ломают декорации, рвут театральный задник.

Картина седьмая

Там же спустя неделю.

Чисто, сверкают зеркала.

На сцене стоит тетка, на шее колье, в ушах тяжелые серьги. Волнуется.

В зале два стола, за столами сидят актеры: все в очках, в руках держат авторучки, напускают на себя важный вид, раздувают щеки, строят серьезные мины.

РЕЖИССЕР (*строго*). Итак... Расскажите о себе...

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЕР. Кто вы, что вы... Зачем пришли сюда?

ТЕТКА. Я с детства мечтала быть балериной...

ПЯТЫЙ АКТЕР (*строго*). Очень хорошо... Сколько вам лет?

ТЕТКА. Семнадцать...

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЕР. Кто родители?

ТЕТКА. Папа монтажник, мама строитель...

ТРЕТЬЯ АКТРИСА. Очень хорошо... Что вы нам прочтете?

ТЕТКА. А можно я вам сразу станцюю?

РЕЖИССЕР (*важно*). Ну, пожалуйста.

Тетка с грохотом прыгает по сцене. Она выписывает ногами нелепые пируэты, дергает руками во все стороны.

ВСЕ АКТЕРЫ (*снимают очки, приподнимаются из-за стола, ахают.*) А-ах!!!! (*Восхищенно смотрят на тетку.*)

ТРЕТЬЯ АКТРИСА. Вы только посмотрите... Какая пластика...

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЕР (*восхищенно*). Поразительно...

ПЯТЫЙ АКТЕР. Ге-ни-ально!

Тетка остановилась.

ТЕТКА. Я могу еще спеть... У меня голос хороший...

РЕЖИССЕР. Пожалуйста! У нас много времени... Очень много...

Тетка завывает популярную песню страшным голосом.

ВСЕ (*одновременно вскакивают с мест, кричат*). Браво! Браво!

РЕЖИССЕР. Мы первый раз встречаем такое дарование... Вот что, родная... Подойдите к комиссии....

Тетка радостно подбегает.

ПЯТЫЙ АКТЕР. Уважаемая Маша... (*Смотрит в бумагу.*) Маша Леонова... Как хорошо, что вы пришли именно к нам... Вы прирожденная балерина... Мы ставим

вам «отлично» и принимаем в хореографическое училище...

Тетка радостно хохочет.

ВСЕ. Браво! Поздравляем! Ура!

ТЕТКА. А может, я подумаю еще?

ВСЕ (*уговаривают*). И не надо... И не думайте... Это ваше...

ТЕТКА. А я толстая для балерины?

ВСЕ. Ну, что вы-ы-ы-ы...

ТЕТКА (*ломается*). Да ну...

ЧЕТВЕРТЫЙ АКТЕР (*торжественно*). Маша! Русский балет умрет без вас!!!

ТЕТКА. Ладно, согласна... Принимайте...

ВСЕ. Ура! Ура!!! (*Вручают тетке цветы, целуют руки.*)

ТЕТКА. Ну вот видите... А они меня не приняли... Тридцать лет прошло, а меня до сих пор от обиды трясет, как вспомню, сразу плакать охота. (*Отдает каждому по пачке денег.*) Спасибо... Всем спасибо...

РЕЖИССЕР. А может, у нас будете играть? У вас получится...

ТЕТКА. Нет-нет. Поразвлекались, и хватит. Работа... (*Переодевается, надевает китель прокурорского работника.*) Третий раз я вас не отмажу, вам крыша нужна от жильцов и бандитов.

ВСЕ. Спасибо вам! До свиданья!

ТЕТКА. Полезный театр, терапевтический! (*Уходит.*)

РЕЖИССЕР (*хлопает в ладоши, актерам*). Всё! Всё! А теперь — репетировать!.. Третий акт, сцена пятая... Лир начинается...

ПЯТЫЙ АКТЕР. «...Судья, я требую медицинского вскрытия Реганы. Исследуйте, что у нее в области сердца, потому что оно каменное...»

РЕЖИССЕР. Кент... Говорит Кент... (*Шестому актеру.*)
Не спи, не спи, Костя!

Идет репетиция.

Величественно загудели трубы парового отопления, про-
снулись ржавые стоки канализации, оглушая подвал тор-
жественным рокотом. Тонким фальцетом запел распре-
делительный клапан и сорвался в оглушительном визге,
заполняя театр водой и экскрементами.

Конец первой части

Часть вторая

Картина восьмая

Месяц спустя. Там же.

Фойе театра «У вокзала». Появилась новая мебель, светильники. На полу новый персидский ковер. За дверью идет спектакль. У буфета сидит режиссер, под стойкой штабеля консервов. Режиссер пересчитывает купюры. Входит молодой человек с ящиком новых консервов — он новый директор театра.

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Ну, что я вам говорил? Как только цены на билеты подняли, сразу зритель пошел!

РЕЖИССЕР. Маркетинг — название для пьесы...

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Мерчандайзинг по Форду, стратегия! Надо лицо театра сменить! «У вокзала» — не то, надо назвать «Театр желаний»!

РЕЖИССЕР (*глядит на ящики*). Не много еды???

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Наш спонсор — рыбоконсервный завод. Они нам дарят сто шестнадцать кондиционеров... А на вечернего «Гамлета» придет бригада китайцев! Шестьсот человек! Через год театр в центре построим. А сейчас надо промоакцию развернуть: в трамваях, в метро, в саунах, на парковках, в фитнес-клубах, везде! Ситилайты, билборды, призматроны, бегущие штендеры! Надо рекламу сделать еще активней! Брутальней! Живей!

Из зала выходит старичок-зритель.

ЗРИТЕЛЬ (*в гневе*). Вот... лжецы! Где слоны?! Где живые носороги?... (*Достал программку, читает.*) «Острота ощущений... головокружительный полет над джунглями... Мир фантастики... Воскрешение живых трупов...» Где все это??? Где?.. Верните мои деньги!!! (*Отбирает купюры у режиссера, быстро идет наверх, кричит.*) Мошенники!!! Я этого так не оставлю!

Хлопнула дверь. Посыпалась штукатурка.

В зале аншлаг. Люди сидят в проходе, на одном стуле по пять человек. У всех в руках коробки с консервами. Скрипят консервные ножи, зрители жуют жирные куски, благодарно смотрят на сцену.

На сцене актеры в смокингах изображают капиталистов: толстые животы, на головах картонные цилиндры, все курят сигары, вся сцена уставлена консервными банками, актеры жуют, икают, говорят вяло, давятся мясом.

ЧЕРЧИЛЛЬ. Кто бы мог подумать... Господа... Что эти русские попрошайки так быстро выбьются в люди? Еще вчера... *(Давится, икает.)*

НАПОЛЕОН. Еще вчера шестая часть суши была населена козлами, баранами, дикими свиньями... *(Икает.)*

ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОР. Еще вчера они барахтались в сточной канаве...

НАПОЛЕОН. А сегодня Россия — это цветущая поляна... *(Икает.)*

ЧЕРЧИЛЛЬ. Россия — райский сад!

В зале скрипят консервные ножи, кого-то тошнит.

ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОР. В чем же тайна?..

НАПОЛЕОН *(смотрит в трубу)*. Я вижу золотые крыши, огни... Золото на помойках. Эти русские опять что-то придумали!

ЧЕРЧИЛЛЬ. Они построили по всей линии огромной границы театры, театры, театры, театры...

ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОР. Революция?

ЧЕРЧИЛЛЬ. Да! Великая, театральная.

НАПОЛЕОН. От Москвы до Камчатки... Театр к театру... Рампа к рампе... Миллионы, миллиарды кукольных, драматических, музыкальных театров!

ЯПОНСКИЙ ИМПЕРАТОР. Глядите, они создают духовную пищу и питаются ею! Эрай дэн'каэси росиа¹!

В фойе.

¹ Великий русский театр *(япон.)*.

РЕЖИССЕР (*пишет в блокнот*). Лир, Кент и шут...
Фонограмма — дождь, ураган... Лир... «Какой ты
странный...» Фонограмма 24 — волки... Реквизит —
ведро, мясорубка и веник...

Вбегает новый директор.

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Всё! Всё! Консервы отравлены!!!

РЕЖИССЕР. Как???

НОВЫЙ ДИРЕКТОР. Вот так. Гендиректора посадили!
Шухер! Мотайте отсюда! (*Выбрасывает из сумки
консервы, убегает вверх по лестнице.*)

Наверху воет сирена полицейского автомобиля. Крики,
лай собак.

Картина девятая

Мусор, суета, рабочие ругаются, выносят стулья, ковер,
тумбу буфета.

Режиссер сидит на последнем стуле. Актриса натягивает
плащ, у ног чемодан.

ТРЕТЬЯ АКТРИСА. Ну и дура же я... Дернул меня черт
купить этот плащ... А мне мама письмо написала...
Домой зовет... У нас городок маленький, но театров
нет... Да и зачем в маленьких городах театры... Не-
зачем... Помню, как я первый раз вышла на сцену...
Мне было девять лет... А я играла старичка... При-
клеила смешные усы, я их сделала из дорогой папи-

ной шапки... Отец меня за это высек ремнем... А я лежу попой вверх, ремень пластает... А сама удивляюсь... Почему мне не больно в этот раз... (*Никак не может попасть в рукав.*) Потом, когда я вышла на сцену, — поняла почему... (*Присела на чемодан.*) Вот, значит, иду я с нутриевыми усами и палочкой на сцену и дрожу... Волнуюсь страшно... В зале народу — море... Весь город наш сидит, рожи-то все знакомые... Вышла я на сцену — все народонаселение планеты! Яблоку не упасть. А я текст забыла. Открыла рот и вижу одну карту мира... Больше ничего... Ане плакала я потому, что стоило... На самом деле стоила эта клубная сцена и ремня, и шапки, и слез моих... Я стою, все понимают, что это девчонка с гуашью на лице, борода из шапки... Я раззадорилась, разыгралась... Хлопали, как хлопали!!! Я ушла за кулису и тут зарыдала. То ли от радости, то ли действительно детские нервишки сыграли... А мама гладит меня по голове и говорит: «Надо же... Ты настоящая актриса... Вот тетя Дуся не поверит... Я ей письмо в Орск напишу про тебя... Она и не поверит... Я горжусь своей дочкой, напишу... Что ж ты ревешь... Не надо... Улыбнись... Вот молодец...» Городишко мой летом красивый... Если подняться на гору, то видно все-превсе... В ручейке галька сверкает... На стадионе муравьи гоняют мяч, церковь старая... Каждый кирпичик видно... Особенно когда суббота... Пахнет баней... Из всех труб дымок... А про гальку — вру... Знаете, я вас любила. Ай, да ладно... Зачем я все это говорю... Ну, посидела на дорожку... Паспорт, билет...

Пауза.

РЕЖИССЕР. Удачи тебе.

ТРЕТЬЯ АКТРИСА. Прощайте. *(Взяла чемодан, пошла прочь, остановилась на лестничной клетке, оглянулась, ушла.)*

Хлопнула дверь. Грохот тяжелых сапог. Спускаются рабочие с унитазами, тянут вниз шланги, тащат сварочный агрегат.

СЛЕСАРЬ. Каша, говоришь?

САНТЕХНИК. Каша.

СЛЕСАРЬ. А как девочку называли?

САНТЕХНИК. Григорием.

СЛЕСАРЬ. Хорошее имя.

САНТЕХНИК. Здесь стык...

СЛЕСАРЬ. Там колено, перемычка и регулятор...

САНТЕХНИК. Прямой?

СЛЕСАРЬ. Нет, кособокий.

САНТЕХНИК. Мужские смесители влево, женские вправо... Не путай.

СЛЕСАРЬ. А как ты их различаешь?

САНТЕХНИК. Да по чутью. Мужские — теплее, а женские — легче.

СЛЕСАРЬ. Управимся за ночь?

САНТЕХНИК. Должны.

СЛЕСАРЬ. Кассира жалко... Хороший был человек...

САНТЕХНИК. Чо делать... Место людное...

СЛЕСАРЬ. Пошли.

САНТЕХНИК. Погодь, я вспотел... *(Вытирает платком лицо.)*

СЛЕСАРЬ *(ставит унитаз, показывает режиссеру кулак)*. Вот только попробуй опять навалить!

Рабочие поднимаются вверх. По лестнице спускается женщина-почтальон.

ЖЕНЩИНА. Театр? *(Протягивает бумагу режиссеру.)*
Это ваша фамилия?

РЕЖИССЕР. Да.

ЖЕНЩИНА. А что не идете на почту? Вам пятое извещение из налоговой. А вот денежный перевод.

РЕЖИССЕР. От кого?!

ЖЕНЩИНА. Неразборчиво.

РЕЖИССЕР. И сколько???

ЖЕНЩИНА. Много, так много, что даже страшно сказать. Деньги большие. Целый вагон. *(Отдает бумажку, уходит.)* Ладно. Завтра к восьми подходите.

Наверху с грохотом валятся трубы.

Картина десятая

На сцене идет спектакль. В зале сидят одни слепоглухонемые. Их очень много. Они не реагируют на происходящее на сцене, все сидят с каменными лицами.

ЧУДАК. И даже самый черный негр, глядя на карту мира, скажет: «Россия! Матушка! Продай лишний биле-

тик!» А ведь вчера еще здесь был центр мировой канализации: кто сморкнется погуще да побольше... А сегодня — адью! — мы не пускаем без фрака... Не пустим, как ни проси!.. А на золотых воротах напишем: «Богема. Страна при свечах. Не шурши и не кашляй! После третьего звонка — казнь!» Театр к театру, рампа к рампе, колонна к колонне... Сомкнутся ряды в одну Великую Театральную стену... Плотное кольцо, граница нашей новой цивилизации... (*Срывает с головы шляпу, бросает в сторону.*) Все! Не могу! Тысячу раз я говорил этот монолог, а сам не верю! Туфта!

ПРЕЗИДЕНТ (*смущенно, тихо*). Ты чего???

ЧУДАК — ПЯТЫЙ АКТЕР. Надоело! Разве это комедия, если зал не смеется?!

МИНИСТР ФИНАНСОВ. Мы что, одни остались в этой стране?!

ПЯТЫЙ АКТЕР. Кончай! Нас все равно не понимают! Что толку жилы-то рвать? (*На зрителей.*) Они же слепоглухонемые. Они ни во что не врубаются...

Актеры и слепоглухонемые зрители молчат.

ПРЕМЬЕР — ШЕСТОЙ АКТЕР. Что, правда???

МИНИСТР ФИНАНСОВ — СЕДЬМОЙ АКТЕР. Глухонемые вообще???

ПЯТЫЙ АКТЕР. Да спросите их что-нибудь! (*Пауза, зрителям.*) Господа, арбуз круглый или квадратный?

Молчание.

ПЯТЫЙ АКТЕР (*зрителям*). Что надето на мне? Какого цвета моя шляпа?

Молчание.

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Я не думал, что слепых и глухих бывает так много...

ШЕСТОЙ АКТЕР (*глядя в зал*). Зачем же их сюда привели???

Тишина в зале.

ПЯТЫЙ АКТЕР. Спросите Марину! Сегодня же мой бенефис! А Марина не смогла никуда билеты втюхать! Вот и позвала дом инвалидов с Советской, шестнадцать. Им без разницы, где сидеть!

Тишина в зале.

СЕДЬМОЙ АКТЕР (*зрителям*). Господа зрители, вы нас видите?

Молчание.

ШЕСТОЙ АКТЕР. А слышите?

Молчание.

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Это какой-то кошмар...

ШЕСТОЙ АКТЕР. Все равно нам нужно играть.

ПЯТЫЙ АКТЕР. Зачем?!

ШЕСТОЙ АКТЕР. У тебя бенефис.

ПЯТЫЙ АКТЕР (*отчаянно в зал*). Господа! Может, найдется один, кто нас слышит чуть-чуть и видит хоть каплю, немного?!!

Тишина.

ШЕСТОЙ АКТЕР. Мне кажется, они все равно чувствуют нас. (*Прислушивается.*)

ПЯТЫЙ АКТЕР. Хорошо... (*В зал зрителям.*) Сегодня мой бенефис, я вам расскажу про себя! Начнем. Мне уже много лет, я всю жизнь был актером, я всегда играл и играл. Я мог стать инженером, врачом, летчиком, но... Меня всегда тянуло в истории. Я не скажу, что с детства любил выпендриваться, выставлять себя напоказ... Но было во мне что-то такое необычное... Это как третья нога. Все шли, а я спотыкался, а потом бежал куда-то вперед. Мне говорили: «Ну, ты просто актер». Я не понимал и не знал смысла этого слова. «Актер» не походило на «полотер», это было что-то загадочное... Потом я узнал, что люди, которых все любят, — и есть актеры. Мне, наверно, в детстве не хватало любви. Потом я учился, веселое время, море надежд, и вот диплом получил... И вышел на улицу. Мне стало страшно, так страшно... Любят только красивых и очень известных, а я, кто такой я? Надо доказывать, что ты достоин любви. А как, если ролей не дают? Надо бороться, надо нравиться всем: от уборщицы до режиссера театра.

Но ведь кроме театра есть жизнь, настоящая жизнь, и она не хочет соседства с ролями, премьерами... Это только потом, задним числом понимаешь, что выбор сделан тобой очень давно, и не стоило удивляться, что личная жизнь не сложилась никак. Когда стреляешься в «Чайке», а потом оживаешь в гримерке, а потом тащишься в первом трамвае домой, поневоле становишься ненормальным. Да и зачем любовь близкого человека, когда тебя любит зрительный зал? Это ни с чем не сравнимо! Но... однажды ты понимаешь, что твой зритель ушел. В зале сидят люди другие. Они дышат иначе, иначе молчат, они смотрят совсем по-другому. А ты по-прежнему ждешь их любви и не понимаешь! И тебе уже за полтинник давно. Актеры быстро стареют, когда нет счастливых спектаклей, когда их больше не любит никто. Я всегда ненавидел цветы после спектакля, но теперь я их жду, потому что в них благодарность. Хорошо быть известным, конечно, любимым целой страной, когда тебя на улице узнают. Вот мы учились в одной группе с Лешкой Отматкиным. Снялся в трех фильмах в мизерных эпизодах, и его любят все. Он защищен личной славой от лишних вопросов, хотя и ему когда-то тоже придется спросить темный зал: «Господа, зачем была эта жизнь? Для чего? Неужели напрасно? Я ошибся дверьми?» *(Пауза.)* Нет...

Слепоглухонемые зрители встают. Аплодисменты. Актеры тоже аплодируют пятому актеру, появились цветы. Пятый смущенно вытирает слезы, кланяется.

Фойе. Входят режиссер, полицейский и женщина — судебный пристав.

РЕЖИССЕР. Новый спектакль принесет кучу денег.
ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Не смешите людей. Все имущество
изымается в счет оплаты кредита.
ПРИСТАВ. Ладно уже, опись начнем.

Звонок телефона.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*достает свой телефон*). Да? Что???
(*Пауза, режиссеру.*) Срочно вывести всех! В зале находится бомба!!!

Картина одиннадцатая

Мусор. Режиссер сидит на стуле, рядом стоит человек в костюме — старый друг.

СТАРЫЙ ДРУГ. Все некогда было зайти. Да я о тебе постоянно смотрю в интернете. Все время скандалы: то тебя выселяют, то заселяют... Весело живешь. Что, даже квартиру продал? Где теперь будешь жить?

РЕЖИССЕР. Я буду ставить новый спектакль.

СТАРЫЙ ДРУГ. А жить где собираешься? (*Пауза.*) Я потолстел? Говорят, разожрался. Тут недавно я видел наших: Трофима, Козла и Митроху. Все при деньгах. Мишка вот утонул. Сколько мы не виделись? Лет десять?

РЕЖИССЕР. Двадцать...

СТАРЫЙ ДРУГ. Ну! А ты все экспериментируешь? (*Разглядывает муляжное окно.*) Лет сто не был в театре...

РЕЖИССЕР. Поздравляю.

СТАРЫЙ ДРУГ. У тебя есть бухгалтер? Нет? Плохо. (*Пауза.*) Я... я... ну что я... После института поставил два спектакля... Женился третий раз... А театр... театр... Актеры дураки... Пьесы пишут кастраты... Бросил. Занялся бизнесом. Тоже скука... Теперь государству служу. А тут пять лет назад иду, смотрю — афиша... Театр «У вокзала»... Главный режиссер ты... Знаешь, как я обрадовался за тебя... Молодец... Ты один с курса, кто работает по специальности... Здорово... Правда, грязновато у тебя... Говорят, даешь по три спектакля в день. Не слишком? Говорят, есть у тебя какой-то спектакль... Стена какая-то берлинская... Слушай, это же старо... Тягомотина, а? Скажи правду?

РЕЖИССЕР. Ты счастлив?

СТАРЫЙ ДРУГ. Какой-то детский вопрос. Тебе нужно свое помещение!

РЕЖИССЕР. Если можешь, давай.

СТАРЫЙ ДРУГ. Могу. Но не дам.

РЕЖИССЕР. Почему?

СТАРЫЙ ДРУГ. Потому что нет Великой Театральной стены! «Золотые крыши, театр к театру» — это сказка, фантазия... Помнишь, какими мы были дураками? «Море аплодисментов, девятый вал цветов...» Эту пьесу мы играли студентами. Помнишь музыку из нашего спектакля? (*Напевает мотив, пытается вспомнить.*)

Режиссер подпевает, пытаюсь воссоздать мелодию. Поют. Не получается.

СТАРЫЙ ДРУГ. Ни хрена, брат, есть реальная стена, кондовая! Стена капитальная, китайская! Ее не прошибить, она будет всегда. Потому что сделана из реальности. А реальность сам знаешь какая. Спроси, почему я ушел из театра. Отвечу. Крысятник! Веришь, я приходил домой и мылся... Мылся... Крысятник. На сцене крысятник, в зале крысятник... Кругом крысы, нечистота... У тебя тоже грязно... на улице чище... *(Открывает фляжку, пьет.)* И все-таки ты молодец... В смысле, как осел, — молодец... *(Глядит на муляж окна, разглядывает фигурки.)* Ты думаешь, это остроумно? Мила-ай мой! Окно в подвале — это неостроумно, банально, неглубоко. Я мог бы сделать лучше в тысячу раз! Картонное окно, зрители, унитазаы, подрядчики... Как все надоело. *(Пауза.)* Я помогу тебе по знакомству. Тебя неделю не сгонят отсюда. А потом закругляйся с театром. И все. *(Пауза.)* Будь здоров. *(Уходит, поднимается по лестнице. Останавливается, кричит вниз.)* Игорь! Помнишь... *(Играет.)* «Мы будем первой державой, которая построит свое могущество не кровью, а подлинным, настоящим искусством. Только театр может сделать человека счастливым! Театр к театру... рампа к рампе... Миллионы кукольных, драматических, музыкальных театров... Вы скажете, нас не поймут?!»

РЕЖИССЕР *(подыгрывая)*. «Поймут!»

СТАРЫЙ ДРУГ. «А макароны у вас есть?»

РЕЖИССЕР. А Мишка отвечал!..

СТАРЫЙ ДРУГ. «Адью!» (*Уходит.*)

Входят актеры.

ШЕСТОЙ АКТЕР. Что дальше?

РЕЖИССЕР. Будем работать. Делать новый спектакль.

Рабочие таскают унитазы. Актеры и режиссер начинают репетицию.

Картина двенадцатая

Ночь. Сцена разобрана, лежат новые трубы.

Последние четыре актера сидят на чемоданах, в углу валяются разломанные стулья.

РЕЖИССЕР (*декламирует*). «Король сошел с ума, зачем так крепок мой ум, что устоял и сознает мои страдания? Лучше б я рехнулся...» Понимаешь, это жизнь настоящая!.. Нужно любить людей... И говорить нужно иначе, понимаешь, Костя?.. А ты играешь равнодушного человека... Так нельзя!!! Нельзя! Нельзя!!!

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Игорь Михалыч, мы уезжаем...

РЕЖИССЕР. Что?

ШЕСТОЙ АКТЕР. Мы уходим.

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Да...

РЕЖИССЕР. Куда? Если не секрет?

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Пока не знаем.

ШЕСТОЙ АКТЕР (*достал бутылку*). Давайте помянем нашу Великую Китайскую стену...

Молча пьют, быстро хмелеют.

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Вчера у меня свистнули кошелек... Теперь совсем хреново... Слушайте! А хотите зарабатывать? (*Достает из кармана мелочь.*) Покажите, как мне вернули кошелек... Давайте, а?

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Еще бы! Театр делает человека счастливым!

Актеры оживились, стали доставать из чемоданов реквизит.

Режиссер хохочет.

ШЕСТОЙ АКТЕР (*взъерошил волосы, глаза забегали, уходит за дверь, через секунду врывается*). Граждане! Скажите, это театр? Театр?

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Ну, театр. А чо?

ШЕСТОЙ АКТЕР. Слава Богу... А здесь работает великая актриса Мария Смирнова?

Шестая актриса принимает гордую осанку.

ШЕСТОЙ АКТЕР (*протягивает кошелек*). Вы кошелек потеряли...

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Когда?

ШЕСТОЙ АКТЕР. Да вчера... на рынке... обронили из кармана...

ШЕСТАЯ АКТРИСА (*ищет в кармане.*) И вправду... Потеряла... И не заметила даже...

ШЕСТОЙ АКТЕР. ...А я всю ночь не спал... Бегал, искал вас... Кошелек хотел отдать...

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Ну, спасибо... Что я могу для вас сделать?

ШЕСТОЙ АКТЕР. Дайте автограф...

ШЕСТАЯ АКТРИСА (*размашисто пишет на открытке*).
Честному человеку от Марии Смирновой... Возьмите...

Отдает открытку, берет кошелек, открывает.

А где деньги?

Режиссер хохочет.

ШЕСТАЯ АКТРИСА (*в сердцах бросает пустой кошелек*).
Да ну вас!

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. Ребята!... А давайте мне... как я приехала в Голливуд... (*Поднимается на сцену, берет в руки шляпку.*)

ШЕСТОЙ АКТЕР. Наконец-то вы приехали, мадам Петрова...

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Мы вас ждали два года...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Каждый день ходили встречать...

СЕДЬМАЯ АКТРИСА (*опускает шляпку на глаза*). Мне было некогда...

ШЕСТОЙ АКТЕР. Наша кинокомпания предлагает вам контракт...

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. На сколько лет?

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Двадцать два года...

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. Да вы с ума сошли... Я не ломовая лошадь...

Актеры встают на колени.

Ладно... Я согласна. Условия такие — умные режиссеры, хорошие роли... Утром я долго сплю, потом иду в ресторан... За мной машину... Лучшая гостиница... Вилла, яхта, сто миллионов и хорошего мужа...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Подпишите контракт.

Актриса подписывает листок бумаги.

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. А теперь что?

ШЕСТОЙ АКТЕР. А теперь вы свободны...

Актриса непонимающе смотрит. Режиссер хохочет. Актриса рвет листок, обиделась.

СЕДЬМОЙ АКТЕР. А сейчас мне... Хочу бесплатно долететь до Иркутска...

Актеры достают из чемодана поролоновые крылья, прикрепляют третьему актеру за спину.

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. Мужчина... Это неприлично... У вас выросли крылья...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Да-а... Просыпаюсь вчера... Чувствую, под спиной что-то мешает...

ШЕСТОЙ АКТЕР (*в шапочке доктора*). Вам надо лечиться... Может, вы птица?

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Гули... гули... цыпа-цыпа...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Я не курица...

ШЕСТОЙ АКТЕР. Смотрите! Он снес яичко...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Я не курица... И не голубь...

ШЕСТОЙ АКТЕР. А кто вы?

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Я просто человек, у которого выросли крылья...

ШЕСТАЯ АКТРИСА. А вы долетите до Иркутска?

СЕДЬМОЙ АКТЕР. А как вы думаете?

ШЕСТОЙ АКТЕР. У вас не хватит бензина...

Седьмой актер разбежался, упал. Все смеются. Седьмой актер хохочет, отдирает крылья. Молча смотрят друг на друга.

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. А теперь, Игорь Михалыч, хотите вы?

РЕЖИССЕР. Покажите мне, как вы вернулись через десять лет...

Актеры удивленно переглянулись, поднялись на сцену, шушукаются. Наконец надевают плащи, куртки, берут в руки чемоданы.

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. Здравствуйте, Игорь Михалыч! А вы не постарели... Сколько мы не виделись?

РЕЖИССЕР. Лет десять...

ШЕСТАЯ АКТРИСА (*восхищенно*.) У вас такой театр... большой, красивый... ковры... хрустальный гардероб...

ШЕСТОЙ АКТЕР. Огромная сцена... Чистые кулисы...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Зал на восемьсот человек... Умные, добрые зрители не замучили вас?

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. В гримерках светло, чисто, как дома... Чинариков нет...

ШЕСТОЙ АКТЕР. А бутылки все же есть...

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. А перед театром скульптура Мельпомены... из самого настоящего золота, мы уже видели...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. В трамвае мы встретили человека в смокинге... От него пахло дорогим одеколоном, он смотрел на часы... Держал в руках букетик цветов... Все ему завидуют... Сегодня он идет в театр... Какой счастливчик — достал билет...

ШЕСТАЯ АКТРИСА. А сколько вы поставили без нас спектаклей?

РЕЖИССЕР. Вы опоздали... Вчера была миллионная премьера...

ШЕСТАЯ АКТРИСА. Да это невозможно!

РЕЖИССЕР. Весь мир об этом знает!

СЕДЬМАЯ АКТРИСА. Здорово...

СЕДЬМОЙ АКТЕР. Игорь Михалыч... Вы очень хороший режиссер... С вами интересно...

ШЕСТОЙ АКТЕР (*поставил чемодан*). Возьмите нас обротно...

Игра закончилась. Неловкая пауза.

РЕЖИССЕР. Прощайте...

Актеры берут чемоданы, медленно идут к выходу, поднимаются по лестнице, уходят навсегда.

Режиссер захохотал, пинает ногой мусор, ходит, курит, вдруг бежит к муляжному окну и ладонью разбивает стекло.

По лестнице спускаются рабочие с трубами.

САНТЕХНИК. А снега-то не слышать?..

СЛЕСАРЬ. Нет, не слышать. Дождь только слышно.

Варят сваркой трубы, монтируют раковины, приколачивают таблички с черными фигурками мужчин и женщин.

Картина тринадцатая

На каркасе разобранной сцены сидит режиссер, зажал порезанную руку поролоновым крылом.

В зале между разбитых стульев, бегает крыса.

РЕЖИССЕР. А-а... Привет... Спроси у меня — почему у нас страна такая? А я знаю... Все оттого, что наш народ не любит театр... А я предлагаю создать нечто. Великая стена... Великая Театральная стена... Нужно только захотеть и построить по всей линии государственной границы театры, театры, театры, театры, театры... Ты думаешь, что я спятил? Возможно... Но надо сделать именно так... Сплошной стеной... театры... театры... Стена к стене, портал к portalу... Вот.

Я подсчитал — это немного... От Байкала до деревни Мулино... Великая Театральная стена! Мы будем первыми, кто построит что-то стоящее... Может, тогда мы что-нибудь поймем... Театр к театру, рампа к рампе... Мы встанем, как горный хребет... Наступит время, когда все закричат: «Браво!» И наша страна, как пустой мусорный бак, наполнится до краев цветами... Ты думаешь, этого никогда не будет? Вполне может быть... *(Крыса сидит перед режиссером, слушает.)* Обезумевшие толпы поклонников встанут у наших границ. Но мы будем ставить визы только тем, кто выучит нашего Чехова назубок... Без запинки... Ты думаешь, здесь центр мировой канализации? Ошибаешься... Мы не пустим без чистой рубашки... Как ни проси... Великая Театральная стена... И на золотых воротах напишем... Шестая часть суши... тире... Богема... Страна при свечах... Не шурши и не кашляй... После третьего звонка — казнь!.. Кстати, ты умеешь играть на скрипке? *(Крыса зашипела.)* Что дальше? А дальше вот что... И даже самый последний негр, глядя на карту мира, скажет: «Россия-матушка! Продай лишний билетик!»

Режиссер закрыл глаза. Крыса села у его ног.

Рабочие варят трубы канализации, сверкают искры.

По лестнице спускается мальчик, удивленно смотрит на рабочих, подходит к разбитому муляжу окна, берет домик-театр, смотрит в игрушечные окна, разглядывает человечков, входит в зал, смотрит.

Режиссер собирает вещи, пакует чемодан.

МАЛЬЧИК. Мне надо театр...

РЕЖИССЕР. Иди домой, здесь больше нет театра...

МАЛЬЧИК. А можно я это возьму себе? *(Показывает домик.)* Я могу купить, у меня есть деньги... *(Дает мелочь.)*

РЕЖИССЕР. Спасибо, приятель... *(Берет монетку, улыбается, кладет в карман.)*

МАЛЬЧИК. А это что?

РЕЖИССЕР. Крылья.

МАЛЬЧИК. Настоящие?!

РЕЖИССЕР. Самые настоящие...

МАЛЬЧИК. Вы умеете летать?

РЕЖИССЕР. Конечно!

МАЛЬЧИК. Да ну...

РЕЖИССЕР. Не веришь?! *(Прикрепляет крылья к своей спине.)* Пойдем. Сейчас ты увидишь, как я полечу!..

Берет мальчика за руку, поднимаются по ступеням, исчезают.

СЛЕСАРЬ. Прикинь... Мне вчера мотороллер приснился... Белый.

САНТЕХНИК. Белый? Зачем белый?

СЛЕСАРЬ. А хрен его знает.

САНТЕХНИК. Это все к какому-то происшествию! *(Кидает гаечным ключом в крысу, включает сварочный агрегат, столн искр.)*

Из муляжного разбитого окна вылетел живой воробей, зачирикал, заметался по подвалу.

Слесарь берет кувалду, подходит к окну, размахивается, чтобы выбить оконную раму. Из муляжного окна выглянуло ослепительное солнце.

СЛЕСАРЬ. Иди скорей сюда! Смотри!!!

Внутри муляжного окна ожил городок: идут маленькие фигурки людей, забегали автомобили, летит по небу режиссер.

Подвал озаряется золотым светом и исчезает. На его месте появляется великолепный театр, а рядом такой же театр, другой, третий, еще и еще. Театр к театру, рампа к рампе, от Москвы до Камчатки, они крепко стоят Великой Театральной стеной.

Занавес

1996 год

Страшный суп

Продолжение преследует в двух актах

«Страшный суп». Я далек от мысли извращать религиозный смысл и никоим образом не хочу предстать циничным насмешником, однако имеется доподлинный факт нелепой опечатки: в 1988 году я приобрел в «Букинисте» новоизданную Зарубежным Обществом Евангелистов Библию, в которой и обнаружил странное несоответствие букв «Д» и «П». Данная Библия и поныне находится в моих руках.

Человек всегда мечтал убежать от времени, ускокать от смерти на четвереньках. Человек всегда мечтал жить вечно, по крайней мере, жить дольше, чем сосед с верхней лестничной клетки. И что же теперь, когда время остановилось? Кто отмерит наши грехи, кто заставит нас заглянуть в зеркало, когда ты вечно грудной ребенок, когда тебе вечно или восемнадцать, или сорок, или шестьдесят лет? Когда нет ни будущего, ни прошлого, а есть один призрак... Мираж настоящего?

Еще по инерции стучат часы, по инерции мы ищем на циферблате логику стрелок. Но увы!.. Скоро завод кончится, и нам придется признаться в том, что мы попали в идиотское положение: нет смерти, нет судьбы, нет ничего, кроме рокового анекдота о том, как человек мечтал о нескончаемой тарелке супа, и вот она перед ним. Он ест, ест, ест, а суп никак не кончается.

Акт первый

Федя и Глаша — молодожены. Квартира. Здесь они живут. Воскресный день. На стене тихо стучат часы с кукушкой, подаренные в день бракосочетания. Проигрыватель на четырех ножках поет ретро. Несмотря на день за окном, молодые зачем-то спят. Глаша спит, сидя за вязанием, Федя спит на пляжном стуле (стул раскладной, с пружинами, в течение всего первого действия не подчиняется Феде: то складывается, то раскладывается сам собою, то пальцы рук больно прищемит, то еще что-то; Федя часто падает, но свой стул он любит и постоянно сражается с пружинами).

Сцена первая

Просыпаются. Глядят друг на друга.

ФЕДЯ. Что снилось?

ГЛАША. Да какая-то ерунда... А тебе?

ФЕДЯ. Я не помню...

ГЛАША. Ты так храпел, даже люстра качалась!

Торопливый стук в дверь. Федя и Глаша переглянулись.

Входит сосед Кондрат Филиппович.

На вид ему лет шестьдесят, но держится он молодцом.

Поджарый, жилистый, с романтикой в глазах, подпоясан широким флотским ремнем; прямая, негнувшаяся спина, лицо обветрилось и стало красным от скоростной езды против ветра, на голове допотопный мотоциклетный шлем, защитные очки, руки в огромных мотоциклетных крагах. Держит огромный дорожный чемодан.

Вся его фигура говорит о том, что он не просто мотолюбитель, а человек деятельного ума и активного, беспокойного образа жизни.

КОНДРАТ ФИЛИППОВИЧ. А вот и я! (*Струдом снимает с головы шлем.*) Давненько не виделись... Здравствуйте! (*Широко улыбается.*)

ГЛАША (*удивленно*). Кондрат Филиппович?!

КОНДРАТ ФИЛИППОВИЧ¹. Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать. (*Протягивает Феде ассигнацию.*) Уезжаю. (*Ставит на пол чемодан, дышит.*)

ФЕДЯ (*расправляет ассигнацию, смотрит на свет*). Куда?..

К.Ф. Зябко на улице... Выражаясь научным языком — катаклизмы, космические влияния... Я на пять ми-

¹ Далее имя персонажа дается в сокращении: «К.Ф.».

нут, как бы, что ли, попрощаться. У вас такие кислые лица, будто кто-то дуба дал... Случилось чего? Неужели кто-то крикнул? Может, я не вовремя?.. *(Пауза.)* Пройти, что ли, можно?

ГЛАША. Ой... Конечно! Проходите! *(Вскакивает, суетится вокруг гостя.)*

К.Ф. Ну пройду, раз вы очень просите... *(Снимает мотоциклетные краги.)* Да и чай я потребляю без сахара. *(В окно.)* Циклон, дорога шибко скользкая. *(Достает из кармана пачку папирос, встряхивает — пусто, комкает пачку, кладет в пепельницу.)*

Глаша ставит на стол заварочный чайник. Кондрат Филиппович проходит к столу, садится, потирает озябшие руки.

ГЛАША. Как ваше здоровье?

К.Ф. *(наливает чай в кружку, кладет пять кусков сахара.)* Здоровье мое, Глаша, редкое... Как у слона. *(Смотрит на банку варенья, делает громкий глоток чая.)* Вот, уезжаю в Полярную экспедицию. Большой конкурс прошел. Выбрали меня одного как человека редкого ума. *(Замер, трогает живот.)* Заметьте, как желудок скрипит.

Скрип двери.

ГЛАША. Может, чего посерьезней хотите?

К.Ф. Разве что горохового супу. Слышу — запах пошел...

ГЛАША. Пойду газу прибавляю... (*Уходит.*)

К.Ф. Я ездил на станцию приобрести билет. Поехал обратно — и тут колесо отвалилось. (*Вытирает со щеки мазут.*)

ФЕДЯ. Какое? Переднее?

К.Ф. Заднее. (*Глоток чая, ест варенье.*) Федя, это знак. Я опытный мотоциклист с солидным стажем. Если во время езды отвалится переднее колесо — это к деньгам, а заднее — к тайному интересу.

ФЕДЯ. ???

К.Ф. Пока подшипники собирал, как суслик замерз. Смотрите — органы рук не гнутся... (*Демонстрирует.*)

Входит Глаша.

ГЛАША. Значит, уезжаете...

К.Ф. Уезжаю, Глаша. Выдержал большой конкурс, выбрали меня одного. (*С аппетитом ест варенье из банки.*) Еду в Полярную экспедицию на мыс Памяти братьев Григорьевых.

ГЛАША. Интересная у вас работа.

К.Ф. (*жует печенье, рот полон*). Вот, зашел попрощаться. Хорошие вы соседи... Добрые, тихие... Лишний раз не чихнете, лишний раз воду не смоее...

Наверху зашумела вода.

К.Ф. (*в потолок*). Не то что Федоров с женой, будь они прокляты... (*Снова ест.*)

ГЛАША. Лейте кипяточку.

К.Ф. *(жует)*. Угу... Я потребляю чай регулярно: утром, днем, вечером, ночью... Ведроми пью, даже самому страшно... За кружку чая на все готов. Мать родную, и ту продам... Царство ей небесное... Я даже к врачам обращался, это нервное что-то... *(Откинулся на спинку стула, вытирает рот, созерцательно смотрит в окно.)* Бывало, посмотришь в оконное отверстие и скажешь себе: как это хорошо, Кондрат Филиппович, что тебя мама родила, а не какая-нибудь соседская кошка. А то сидел бы ты сейчас где-нибудь на темном чердаке, поджав полосатый хвост, голодный, без квартиры и научного образования.

ФЕДЯ *(смотрит в кружку)*. В чае бактерий много.

ГЛАША *(толкает Федю в бок)*. Тише. Сам виноват.

К.Ф. Вот я и говорю... *(Замечает на своем рукаве красное пятно.)* Э...

ГЛАША. Это варенье! *(Помогает гостю избавиться от пятна, растирает рукав полотенцем, пятно становится еще больше.)*

К.Ф. *(озадаченно смотрит на рукав)*. Надо же, смысла потерял... О чем это я?.. *(Смотрит на Федю и Глашу.)* Что с вами?.. Вы какие-то странные...

Телефонный звонок. Кондрат Филиппович вздрогнул от неожиданности, уронил чайную ложку со стола.

ФЕДЯ. Это с ветеринарной станции!

ГЛАША *(спешит к телефону, берет трубку, короткие гудки)*. Сорвалось... *(Пауза, смотрит на гостя.)*

Кондрат Филиппович, мы все хотим с вами посоветоваться... Федя хочет завести рыбок, но никак не может решиться.

К.Ф. Знаете, в таких вещах очень трудно что-либо советовать. Всегда легко ошибиться. *(Прохаживается по комнате, прихрамывая на одну ногу. Останавливается, снимает штиблет, достает оттуда гвоздь, смотрит. Положил гвоздь в карман, надел штиблет. Пробует ступить — боль исчезла. Снова прохаживается.)*

ГЛАША. Федя...

ФЕДЯ. А, Глаш?..

ГЛАША. Пойди сделай форточки шире.

Федя послушно уходит на кухню.

ГЛАША *(вдогонку)*. ...А заодно — порежь и почисть! *(Гостю.)* Кондрат Филиппович, вот вы как человек редкого ума много читаете, ядерной физикой увлечаетесь... Скажите, почему со мной по воскресеньям такое случается — будто мне кажется, что все это уже было?

Федя возвращается, садится на свой пляжный стул. Тот складывается, Федя падает. Поднимается.

К.Ф. *(ест варенье)*. Глаша, потребляйте чай регулярно. Утром, днем, вечером, ночью. Ведро пейте для развития мозга.

ГЛАША. Федя...

ФЕДЯ. А, Глаш?..

ГЛАША. Пойди замочи...

Подумав, Федя послушно уходит в ванную комнату.

ГЛАША (*вдогонку*). Да выжми!.. (*Гостю.*) Вы еще наложите.

К.Ф. Ой, да я уже наложил. Благодарю. Щедрые вы люди, добрые. Семейные. (*Пауза.*) Да, теперь о главном... У вас отопление включили?

В дверях появляется Федя.

ГЛАША. Федя, пойди пощупай...

Подумав, Федя уходит трогать батареи.

К.Ф. Я очень подозреваю, что... (*Прекратил есть варенье, смотрит в окно.*) Зима в этом году выйдет суровая.

ГЛАША. Надо за градусником следить.

К.Ф. Я хотел сказать что-то крайне важное... (*Вспоминает.*) Нет, позабыл... Уезжаю, Глаша. Вся жизнь ради науки.

Входит Федя, берет пляжный стул, раскладывает, садится.

ФЕДЯ. Они горячие, как лед.

ГЛАША. Ты о чем?

ФЕДЯ. О батареях.

К.Ф. Ну вот, пожалуйста!.. Что я говорил?! (*Пристально смотрит на Федю.*) А теперь, Федя, как мужчина мужчине, ответьте: почему вы живете в разных носках?

Федя приподнимает штанины, видит на ногах носки разного цвета. Стул складывается. Федя падает, мучительно поднимается с пола, уходит.

К.Ф. Я опять потерял мысль... Я хотел сказать что-то страшно важное... (*Вспоминает, видит себя в зеркале, стирает с подбородка варенье.*) Будто у меня какое-то предчувствие... (*Оглянулся.*) А что, который час?

В дверях появляется Федя в одинаковых носках.

ГЛАША. Федя, пойдй...

ФЕДЯ. Без шести.

К.Ф. Без шести — что?

ФЕДЯ. Шесть.

К.Ф. (*хлопает себя по лбу*). О! Мне пора! Нужно ехать!

ГЛАША (*беспокойно*). Как же это так, Кондрат Филиппович? А гороховый суп?

К.Ф. Да я бы рад, но... Сил уж нет.

ГЛАША. Да три минутки. Он преет в духовке!

К.Ф. (*встревоженно*). Он «преет»? О ком вы?

ФЕДЯ. Да суп!

К.Ф. (*думает, решительно*). Нет. Не могу. Жизнь у меня такая. (*Собирается в дорогу.*)

ГЛАША. Что ж... Федя, пойдй...

ФЕДЯ. Куда, Глаш?..

ГЛАША. Пойди, Федя, попрощайся с Кондрат Филипповичем.

К.Ф. Федя, прощайте...

ФЕДЯ (*жмет руку*). Прощайте, наверно, уж никогда не свидимся.

К.Ф. (*растроганно*). Приятные, добрые... Светлые вы люди.

ГЛАША. Шлите письма.

К.Ф. (*достает из кармана клочок бумаги*). Индекс ваш. Вот.

Молчание. Грустно смотрят друг на друга.

Кондрат Филиппович берет чемодан.

А напоследок я все-таки выражу вам свое мнение о рыбах. (*Решительно открывает рот.*)

На кухне засвистел чайник.

ГЛАША (*Феде*). Пойди выдерни...

ФЕДЯ. Кого???

ГЛАША. Чайник!

Федя быстро уходит на кухню. Кондрат Филиппович кидается к Глаше, крепко обнимает.

К.Ф. (*страстно*). Глаша, я вас всегда любил!..

ГЛАША (*смущенно*). Кондрат Филиппович, муж увидит...

На кухне грохот, звон бьющейся посуды.
Входит Федя.

ФЕДЯ. Глаш, я любимую кружку разбил...

ГЛАША. Какой ты неловкий!

К.Ф. Ах да! Кстати! Хотел вас спросить... Когда я поды-
мался к вам, из вашей квартиры вышел гражданин...
Крайне, крайне гнусная личность!

Глаша и Федя переглянулись.

Ну да черт с ним! (*Смотрит на часы.*)

В часах проснулся механизм, из дверцы выпрыгивает ку-
кушка, истерично кукует: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

К.Ф. (*онемев*). Какой ужас... (*Смотрит на стрелки.*) Мой
поезд... (*Схватился за голову.*) Елы-палы! Опоздал!..
Скорей!.. (*Хватает чемодан, быстро бежит в дверь,
исчезает в темноте лестничной клетки.*)

Федя с молчаливым укором глядит на Глашу. Она дает
Феде пощечину.

Внизу хлопнула дверь подъезда, с силой нажимают ржа-
вую педаль мотоцикла. Заурчал старый двигатель.

Глаша подходит к окну, смотрит. Федя снимает с гвоздя
забытый Кондратом Филипповичем шлем.

ФЕДЯ. Бескозырку оставил. Чудак косоглазый... (*Смо-
трит внутрь шлема, надевает на голову.*)

Глаша печально глядит в окно. Мотоцикл тарахтит, болтаются гайки, жалко скрипит ржавое крыло. Кондрат Филиппович прибавляет газу. Звук мотоцикла удаляется. Глаша машет в окно рукой. Вдруг ее лицо искажилось ужасом, она быстро закрывает лицо руками. Тут же за окном раздается пронзительный визг тормозов, громкий удар, хлопок, скрежет железа, звон разлетающегося стекла. Взрыв. Молчание. Уныло катится по мостовой шестеренка. Гробовая тишина. Весело моргает зеленым глазом неисправный светофор. Груда железа, труп. Глаша в ужасе застыла у окна. Федя боится оглянуться, медленно снимает с головы шлем. Долгая и трагическая пауза. Торопливый стук в дверь. Дверь широко распахивается, на пороге Кондрат Филиппович. Широко улыбается.

К.Ф. А вот и я! Давненько не виделись... Здравствуйте!.. (*Широко улыбается.*)

Глаша и Федя открыли рты.

Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать. (*Протягивает Феде ассигнацию.*) Уезжаю. (*Ставит на пол чемодан, дышит.*) Зябко на улице... Выражаясь научным языком — катаклизмы, космические влияния... Я на пять минут, как бы, что ли, попрощаться. У вас такие кислые лица, будто кто-то дуба дал... Случилось чего? Неужели кто-то крикнул? Может, я не вовремя?..

Глаша и Федя в изумлении, не понимают.

К.Ф. (*в окно*). Циклон, дорога шибко скользкая. (*Пауза.*) Вот, уезжаю в Полярную экспедицию. Большой конкурс прошел. Выбрали меня одного!

Федя и Глаша хотят что-то сказать, но не находят слов.

Вот, зашел попрощаться. Хорошие вы соседи... Добрые, тихие... Лишний раз не чихнете, лишний раз воду не смоеете...

Наверху зашумела вода.

Телефонный звонок. Глаша и Федя бегут к телефону.

ГЛАША. Сорвалось...

К.Ф. Знаете, в таких вещах очень трудно что-либо советовать. Всегда легко ошибиться. (*Оглянувшись.*) Ах да! Кстати! Когда я подымался к вам, из вашей квартиры вышел гражданин... Крайне, крайне гнусная личность! (*Смотрит на часы.*) Ну да черт с ним!

В часах проснулся механизм, из дверцы выпрыгивает кушקה: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

К.Ф. (*онемев*). Какой ужас... (*Смотрит на стрелки.*) Мой поезд... (*Схватился за голову.*) Елы-палы! Опоздал!.. Скорей!.. (*Хватает чемодан, быстро бежит к двери, исчезает в темноте лестничной клетки.*)

Глаша и Федя бегут к окну. Рев мотоцикла. Удар. Взрыв. Уныло катится по мостовой шестеренка.

Сцена вторая

Дверь широко распахивается, на пороге Кондрат Филиппович. Широко улыбается.

К.Ф. А вот и я! Давненько не виделись... Здравствуйте!

Пауза.

ГЛАША (*не сразу*). Кон-н-драт Филипп-пович...

К.Ф. (*удивленный реакцией Глаши*). Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать. (*Протягивает Феде ассигнацию.*) Уезжаю. (*Отпускает чемодан, бодро дышит.*)

ФЕДЯ (*нерешительно*). Уезжаете? Куда? (*Берет купюру, сравнивает с двумя предыдущими.*)

К.Ф. Зябко на улице. Выражаясь научным языком — катаклизмы. (*Указывает в окно.*) Космические влияния.

Глаша медленно поворачивает голову, смотрит в окно, затем так же медленно переводит взгляд на Кондрата Филипповича.

Я на пять минут... Как бы, что ли... Попрощаться.

Молчание. Федя прячет ассигнацию в карман.

У вас такие кислые лица, будто кто-то дуба дал... (*Подозрительно.*) Случилось чего? Неужели кто-то крякнул?

Молчание.

ГЛАША. А...

Глядит в окно, где минуту назад прогремел взрыв, а сейчас мигает сломанный светофор, затем глядит на Кондрата Филипповича, замолкает, изображает неопределенный жест.

К.Ф. Может, я не вовремя???

ГЛАША. Ой, конечно! (*Спохватилась, закрывает рот.*)

Проходите...

К.Ф. Ну пройду, раз вы очень просите... (*Снимает мотокраги.*) Да и чай я потребляю без сахара. (*В окно.*) Циклон, дорога шибко скользкая...

Молчание.

Федя незаметно повесил обратно на гвоздь шлем гостя.

Глаша наливает чай, недоверчиво разглядывает гостя.

Тот как ни в чем не бывало проходит к столу, потирает озябшие руки, оглядывается по сторонам, изучает банку варенья, садится к столу.

ГЛАША. Кондрат Филиппович... Живой...

Кондрат Филиппович сделал глоток чая и подавился, кашляет, испуганно смотрит на Глашу.

То есть... Я хотела сказать... (*Вспомнила.*) Как ваше здоровье?!

К.Ф. *(кладет в кружку 15 кусков сахара)*. Здоровье мое, Глаша, редкое... *(Смотрит на хозяев.)* Как у слона. *(На стол.)* Вот, уезжаю в Полярную экспедицию. *(Берет банку варенья, ест.)*

ГЛАША *(с интересом угадывает)*. «Большой конкурс прошел»? *(Подсаживается ближе, наблюдает.)*

К.Ф. *(удивляясь осведомленности Глаши)*. Большой конкурс прошел... Выбрали меня одного... Как человека крупного ума.

Скрип двери.

ФЕДЯ. «Заметьте, как желудок скрипит»...

К.Ф. Заметьте, как желудок скрипит.

Молчание.

ГЛАША *(подсаживается еще ближе, с возрастающим интересом)*. «Может, чего посерьезней хотите»?

К.Ф. Разве что горохового супу. Слышу — запах пошел.

Глаша и Федя принимают.

Я ездил на станцию. Приобрести билет.

ФЕДЯ *(тихо)*. «Поехал обратно»...

К.Ф. Поехал обратно — и тут колесо отвалилось. *(Вытирает со щеки мазут.)*

ФЕДЯ. Заднее?

К.Ф. *(удивляясь осведомленности Феди)*. Заднее... *(Глоток чаю, ест варенье.)* Федя... *(Оглядывается, шепотом.)*

Я опытный мотоциклист с солидным стажем... (*Оглядывается, еще тише.*) Если во время езды отвалится переднее колесо — это к деньгам, а заднее...

ФЕДЯ. «К тайному интересу»?

К.Ф. К тайному интересу.

Молчание.

Пока подшипники собирал, как суслик замерз. Смотрите — органы рук не гнутся. (*Демонстрирует.*)

Глаша подает Феде знаки. Отходят в сторону, приглушенно.

ГЛАША. Ну?!

ФЕДЯ (*неопределенно разводит руками*). Показалось...

ГЛАША. Что «показалось»?! Как «показалось»?!

ФЕДЯ. Так...

ГЛАША. Что «так», что «так»?! Он же тебе уже три раз деньги дал!

ФЕДЯ. Когда???

ГЛАША. Я видела! Научился деньги прятать, да?! Ты сюда их покла!

ФЕДЯ. Глаш, да ты спятила!.. (*Не подпускает Глашу к карману.*)

Борьба.

Кондрат Филиппович сидит один в комнате, ест варенье. Вдруг проснулся механизм часов, открылась дверца, появилась кукушка.

Кондрат Филиппович и кукушка разглядывают друг друга. Пауза. Кукушка юркнула обратно. Дверца закрылась. Кондрат Филиппович недоуменно смотрит на часы. Глаша в прихожей крутит Феде уши, тот взвизгнул от боли.

ГЛАША. Не ори... Услышит! *(Роется в Фединой штанине, извлекает мятую десятку, ищет вторую, не находит.)* А вторая?! *(Дает Феде подзатыльник.)* Где?!

ФЕДЯ. Да нету!..

ГЛАША. Не ори!..

Глаша и Федя возвращаются в комнату. Кондрату Филипповичу.

Значит, уезжаете?..

К.Ф. *(оживился)*. Уезжаю, Глаша...

ГЛАША *(смотрит на Федю)*. Это хорошо...

К.Ф. Выдержал большой конкурс. Выбрали меня одного. *(Накладывает и накладывает варенье, жадно ест.)* Еду в Полярную экспедицию на мыс Памяти братьев Григорьевых.

ГЛАША *(наблюдает за Федей)*. Интересная у вас работа...

Федя с трудом раскладывает свой стул, садится, незаметно ищет в карманах вторую купюру, но ассигнация исчезла, ее нет ни в левом кармане, ни в правом, предыдущая купюра исчезла, словно ее и не было. Федя удручен. Глаша это видит, довольна.

К.Ф. (*жует, рот полон*). Вот, зашел попрощаться... Хорошие вы соседи. Добрые, тихие... Лишний раз не чихнете, лишний раз воду не смоее... (*В потолок*.) Не то что Федоров с женой, будь они прокляты...

Гудит водопроводная труба.

Федя смотрит на свои вывернутые пустые карманы, затем на Кондрата Филипповича, пытается разгадать.

К.Ф. Я потребляю чай регулярно: утром, днем, вечером, ночью... Ведрами пью, даже самому страшно... За кружку чая на все готов. Мать родную, и ту продам. Царство ей небесное. Я даже к врачам обращался, это нервное что-то. (*Озирается*.) Бывало, посмотришь в оконное отверстие и скажешь себе: как это хорошо, Кондрат Филиппович, что тебя мама родила, а не какая-нибудь соседская кошка. А то сидел бы ты сейчас где-нибудь на темном чердаке, поджав полосатый хвост. Голодный, без квартиры и научного образования. (*Видит свое отражение в зеркале, подходит, всматривается, на лбу красная ссадина — стирает ладонью, на пальцах остаются красные следы, пробует на вкус — это варенье, облегченно вздохнул, продолжает*.) Вот я и говорю... (*Замечает на своем рукаве другое красное пятно, замер*.)

ГЛАША. Это варенье! (*Вскочила, чтобы вытереть полотенцем, но вдруг увидела в окне все тот же сломанный светофор, следы катастрофы, после которой остаться в живых невозможно, остановилась, испуганно смо-*

трет на Кондрата Филипповича, возвращается обратно.)

К.Ф. *(оттирает следы на рукаве, подозрительно)*. Надо же, смысл потерял... О чем это я?.. *(Молчание.)* Федя, Глаша... Да что с вами? Вы какие-то странные... *(Вдруг видит на втором рукаве еще одно пятно, но оно теперь большое, бурое, очень страшное.)*

Кондрат Филиппович удивлен, расстегивает куртку, с ужасом обнаруживает на рубаше бурые подтеки, растеряв, вытирает липкие руки, делает неловкое движение, роняет чайную ложку со стола.

Глаша и Федя заворожено смотрят на гостя.

К.Ф. *(поднимает ложку, разглядывает)*. Телефон.

Звонит телефон. Глаша и Федя вздрагивают от неожиданности. Федя падает со стула.

ГЛАША *(выходит из оцепенения, берет трубку, короткие гудки)*. Сорвалось...

Молчание. Глаша и Федя глядят на Кондрата Филипповича, потом в окно.

К.Ф. *(задумчиво)*. Знаете... В таких вещах очень трудно что-либо советовать. Всегда легко ошибиться. *(Достает из кармана пачку папирос, очень тщательно встряхивает — пусто, комкает пачку, кладет в пепельницу, прохаживается по комнате, прихрамывая*

на одну ногу, остановился. Снимает штиблет, трясет, снова надевает, прохаживается, боль осталась. Кондрат Филиппович пытается разгадать, что-то ищет в карманах, находит пару гвоздей, удивленно смотрит, пробует их на зуб, снова снимает баишмак, кладет туда один гвоздь, опять надевает баишмак, прохаживается. Ничего не изменилось — боль осталась, но почему-то Кондрат Филиппович доволен.)

ГЛАША (*смотрит в пепельницу, где лежат две смятые пачки «Беломора», тихо*). Я поняла...

ФЕДЯ. Чего?

ГЛАША (*тихо*). Он снова денег даст. Только надо того...

ФЕДЯ. Чего???

ГЛАША (*тихо Феде*). Повторить! (*Громко Феде*). «Пойди-ка, сделай форточки пошире»!

Федя уходит, прячется за дверь, наблюдает.

Кондрат Филиппович...

Кондрат Филиппович насторожился.

Слушайте меня внимательно. (*Подходит к гостю, говорит медленно, с внушением.*) «Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать»... «Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать»... Старый долг отдать...

Федя стоит в дверном проеме, облокотился на шкаф, наблюдает.

Шкаф качнулся, падает цветочный горшок Феде на голову. Федя непроизвольно вскрикивает.

К.Ф. *(точно очнулся — вскакивает со стула, оглядывается)*. Здрасте! Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать! *(Достает из кармана ассигнацию, протягивает Глаше.)* Уезжаю.

ГЛАША *(берет очередную ассигнацию)*. Куда?

К.Ф. *(будто только что пришел, оживился)*. Зябко на улице. Выражаясь научным языком...

ГЛАША. «Катаклизмы»...

К.Ф. ...Катаклизмы...

ФЕДЯ *(растирает ушибленную голову)*. «Космические влияния»...

К.Ф. ...Космические влияния... Я на пять минут, как бы, что ли...

ГЛАША. «Попрощаться»...

К.Ф. *(кивает головой)*. Попрощаться. *(Идет к окну, смотрит, чувствует какое-то неземное беспокойство.)*
У вас такие кислые лица, будто кто-то дуба дал...
Случилось чего? Может, я не вовремя? Пройти, что ли, можно?

ГЛАША. «Ой, конечно...» *(Прячет ассигнацию в декольте.)* Проходите.

К.Ф. *(идет к столу, потирает руки, оглядывается)*. Ну пройду, раз вы очень просите.

ГЛАША. «Да и чай потребляю без сахара».

К.Ф. *(соглашается)*. Да и чай я потребляю без сахара.
(Указывает в окно.) Дорога шибко скользкая.

Вдруг видит на гвозде свой шлем, недоуменно.

Мой предмет?! У вас... Откуда???

ГЛАША (*нашлась — быстро подбегает, выворачивает шлем наизнанку, прячет*). Кондрат Филиппович, вот вы как человек много грамотный книги читаете, физикой ядерной увлекаетесь...

ФЕДЯ. «Ядерной»... (*Убирает осколки разбившегося горшка, бросает в ведро.*)

ГЛАША. Скажите, почему со мной по... по... праздникам такое случается...

ФЕДЯ. Идиотка! По выходным!

ГЛАША. Сама знаю. (*Гостю.*) По выходным... Строго по выходным такое случается — будто мне кажется, что все это уже было?

К.Ф. (*задумался*). Глаша, потребляйте чай регулярно. Утром, днем, вечером, ночью. Ведрами пейте для развития мозга.

Молчание.

ГЛАША (*тихо Феде*). Я забыла... Что мы там дальше?..

ФЕДЯ. «Пойди замочи».

ГЛАША. «Да выжми»! (*Убегает в прихожую, ищет новую купюру в декольте, ее нет, в колготках тоже нет, нигде нет.*)

ФЕДЯ (*гостю*). Вы еще накладывайте.

К.Ф. Да я уже наклал. Благодарю. Щедрые вы люди. Добрые. Семейные.

Глаша раздевается в прихожей, ищет в своем белье купюру. Торопится.

К.Ф. Да, теперь о главном — у вас отопление...

ФЕДЯ. Включили.

К.Ф. Я очень подозреваю, что... (*Оглядывается по сторонам, в окно.*) Зима в этом году выдастся суровая.

ФЕДЯ. Надо за градусником следить.

К.Ф. Я хотел сказать что-то крайне важное... (*Вспоминает.*) Забыл... Уезжаю, Глаша. Простите, Федя... Вся жизнь ради науки... (*Внимательно смотрит.*) А теперь, Федя, как мужчина мужчине, ответьте — почему вы живете в разных носках?..

Федя приподнимает штанины брюк, с удивлением видит на ногах опять разные носки. Стул складывается, Федя падает. Вбегает Глаша.

ГЛАША. «Горячие, как лед!».

К.Ф. Ну вот, пожалуйста... Что я говорил?

ФЕДЯ (*поднимается с пола, разглядывает носки*). Глаша, здесь что-то не так...

ГЛАША (*шепчет, торжествуя*). Я вторую нашла! (*Показывает купюру, зажатую в кулаке.*)

ФЕДЯ (*снимает носки, разглядывает*). Нет, ты только посмотри... Опять разные...

К.Ф. (*задумчиво прохаживается*). У меня такое чувство, будто... Что-то... Как-то... Того... Или... Этого... (*Смотрит в зеркало.*) Я же хотел сказать нечто очень, очень, очень важно... (*Пытается вспомнить, смо-*

трет в окно.) У меня какое-то предчувствие... (Оглядывается на часы.) А что, который час?

ФЕДЯ. Глаша...

ГЛАША. «Без шести».

К.Ф. Без шести — что?

ФЕДЯ. «Шесть».

ГЛАША. Кондрат Филиппович, вам не пора?

ФЕДЯ. Оставь... Он сам уйдет...

Молчание.

К.Ф. *(хлопает себя по лбу)*. О! Мне пора... Нужно ехать.

ФЕДЯ. «Как же так»?

ГЛАША. «А гороховый суп»?

К.Ф. Да я бы рад, но... Сил уж нет. Жизнь у меня такая.

ФЕДЯ. Глаш, «пойди попрощайся с Кондрат Филиппычем»...

К.Ф. Глаша, прощайте...

ГЛАША. «Прощайте, наверно, уж никогда не свидимся»...

К.Ф. Приятные, добрые, светлые вы люди.

ФЕДЯ. Да, «шлите письма».

ГЛАША *(тихо Феде)*. Может, его третий раз крутануть?..

ФЕДЯ. Думаешь?

ГЛАША. Он же заводной, как машина.

ФЕДЯ. А что, деньги ему больше не нужны.

К.Ф. *(достает из кармана клочок бумаги)*. Индекс ваш.

Вот. *(Берет чемодан, молчание, смотрят друг на друга.)* А напоследок я все-таки выражу вам свое мнение о рыбах.

ГЛАША (*толкает в бок Федю, тихо*). Не упускай... Уйдет.

ФЕДЯ. Подожди... Вначале был чайник.

Кондрат Филиппович собирается с мыслями, решительно открывает рот, но свистит чайник.

ФЕДЯ. Глаша, «пойди выдерни!»

Глаша быстро уходит на кухню, разжимает кулак, смотрит на купюру. Внезапно начинает что-то понимать.

ФЕДЯ (*смотрит на гостя*). Кондрат Филиппович, слушайте меня внимательно... (*Медленно, с внушением.*) «Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать»... «Вот заско...»

К.Ф. (*кидается к Феде, крепко обнимает*). Глаша... Я вас всегда любил!

ФЕДЯ. Кондрат Филипповиччччччч... Глаша-а-а!

На кухне звон разбившейся посуды. Вбегает Глаша. Дает пощечину Феде.

ГЛАША (*тычет в лицо Феде купюру*). Баран!.. Это одна и та же десятка!

ФЕДЯ. Как???

К.Ф. Ах да! Кстати! Хотел вас спросить. Когда я подымался к вам, из вашей квартиры вышел гражданин... Крайне, крайне гнусная личность. Кто это?

Глаша и Федя переглянулись.
Зажужжал механизм часов, открывается дверца, выпрыгивает кукушка: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

К.Ф. *(онемев)*. Какой ужас... *(Смотрит на стрелки.)* Мой поезд... *(Схватился за голову.)* Елы-палы! Опоздал!.. Скорей!.. *(Хватает чемодан, не попрощавшись, убегает.)*

Глаша и Федя переглянулись. Внизу хлопнула дверь подъезда. Кондрат Филиппович с силой нажимает ржавую педаль мотоцикла. Заурчал старый двигатель.
Глаша и Федя подбегают к окну, смотрят.

ФЕДЯ. Разобьется!..

ГЛАША. Не каркай под руку...

Смотрят в окно, вытягивают шеи, мотоцикл внизу тархтит, болтаются гайки, жалко скрипит ржавое крыло. Кондрат Филиппович прибавляет газу.

ГЛАША *(кричит в окно)*. Осторо-о-о-жно-о-о-о!

Звук мотоцикла удаляется.

ГЛАША *(смотрит вдаль)*. Не...

Федя со спортивным интересом следит, ждет.

ГЛАША. Нет!

Мотоцикл кашляет, как старик, глохнет, но через секунду урчит с новой, фантастической силой, мчится к перекрестку.

ГЛАША. Стойте!!!

За окном пронзительный визг тормозов, громкий хлопок, удар, скрежет железа, звон разлетающегося стекла. Смертельная катастрофа, страшная авария.

Взрыв.

На перекрестке вспыхнуло огненное облако. Глаша закрывает лицо руками, облако рассеивается. Груда железа, труп. Весело моргает зеленым глазом неисправный светофор.

Федя садится на стул.

Ужас...

Стул произвольно складывается, Федя падает со стула, встает, растирает ушибленный бок. Вдруг видит на шкафу целый и невредимый цветочный горшок, в ведре нет осколков. Федя осторожно приближается, прислушивается, оглядывается по сторонам. Что-то тихо шуршит. Федя подходит к проигрывателю, видит вращающийся блин пластинки. Включает звук. Пластинку заело на трех нотах.

ФЕДЯ. Глаш, отойди от окна! Он может вернуться.

Телефонный звонок.

Лапка проигрывателя высоко подпрыгивает, песня звучит дальше. Федя выключает звук.

ГЛАША (*снимает трубку*). Сорвалось... (*Осторожно разглядывает телефон.*)

Федя кладет на стол десятку, переворачивает кружку, накрывает ассигнацию, ждет некоторое время, открывает — купюра не исчезает. Федя несколько раз подряд проводит нехитрый опыт, ассигнация как была под кружкой, так и остается. Федя пристально разглядывает носки, пытается разгадать секрет. Надевает — снимает, надевает — снимает; тупо смотрит то на шлем, то на ассигнацию.

ФЕДЯ. Из пункта А в пункт Б выезжает опытный мотоциклист в каске. По дороге он заруливает к нам в гости, чтобы попрощаться и старый долг отдать. Он нагло пьет чай, ест варенье ложками, говорит, смеется, а время летит. И вдруг он замечает, что опаздывает на поезд. Он хватает тяжелый чемодан, выбегает, заводит свой тарантас и мухой мчится дальше по дороге. На первом же скользком повороте он врзается в столб, да так, что костей не собрать, одно мокрое место. А дальше!.. Дальше... Через пять минут живой, без единой царапины он снова барабанит в дверь, входит, так же пьет чай, говорит, смеется как ни в чем не бывало... И главное — вот уж чего я никак не понимаю — опять жрет варенье ложками!!!

ГЛАША. Что тебе непонятно?

ФЕДЯ. Все!!!

ГЛАША. Смотри. (*Расставляет на столе кружки*). Вот это наш мотолюбитель. (*Ставит на центр стола банку варенья.*)

ФЕДЯ (*смотрит*). Наш.

ГЛАША (*передвигает банку*). Из пункта А в пункт Б едет драндулет со скоростью 100 километров в час.

ФЕДЯ. Ну. (*Следит за перемещениями банки.*)

ГЛАША. По дороге он делает остановку.

ФЕДЯ. Здесь?

ГЛАША. Здесь.

ФЕДЯ. Зачем?

ГЛАША. Чтобы попрощаться и старый долг отдать.

ФЕДЯ. Кому?

ГЛАША. Нам. (*Объясняет, теряет терпение.*) Он пьет чай...

ФЕДЯ. Кто — «он»?

ГЛАША. Кондрат Филиппович.

ФЕДЯ. Так.

ГЛАША. Он пьет чай и ест варенье ложками. Говорит, говорит, говорит... А время бежит.

ФЕДЯ. Время бежит? Куда?

ГЛАША (*передвигает кружку*). Вдруг он понимает, что опаздывает на поезд.

ФЕДЯ. Кто — «он»?

ГЛАША. Кондрат Филиппович.

ФЕДЯ. Хорошо...

ГЛАША. Он быстро выбегает... Садится и мчится.

ФЕДЯ. А дальше?

ГЛАША. Дальше — поворот.

ФЕДЯ. А еще дальше?..

ГЛАША. Телеграфный столб.

ФЕДЯ. А еще, еще дальше???

ГЛАША. Все.

ФЕДЯ. Значит, мотоциклист все-таки умер?!

ГЛАША. Да, крикнул.

ФЕДЯ. Тогда объясни, как он сюда вернулся — если он вдребезги разбился?!

ГЛАША. Кто?

ФЕДЯ. Кондрат Филиппович!!!

ГЛАША (*соображает*). Значит, разбился кто-то другой...

ФЕДЯ. Кто?!

Пауза.

ГЛАША (*смотрит на банку*). А варенье-то не кончается...

ФЕДЯ (*смотрит на стол, вдруг замер*). Стоп. Что это???

ГЛАША. Твоя любимая кружка...

ФЕДЯ. Но она же разбилась!

Торопливый стук в дверь.

Сцена третья

Дверь распахивается. На пороге Кондрат Филиппович, широко улыбается.

К.Ф. А вот и я! Давненько не виделись! Здравсте!..

ФЕДЯ. Здравсте...

ГЛАША. Здравсте...

К.Ф. Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать. *(Протягивает Феде ассигнацию.)* Уезжаю. *(Ставит чемодан, бодро дышит.)* Зябко на улице...

Федя крепко сжимает в кулаке очередную купюру.

Выражаясь научным языком — катаклизмы, космические влияния. Я на пять минут, как бы попрощаться. У вас такие кислые лица, будто кто-то дуба дал. *(Озабоченно.)* Случилось чего? Неужели кто-то крикнул?

Глаша. Крякнул...

К.Ф. Кто???

Федя. Вы... *(С силой сжимает купюру в кулаке, чтобы не сбежала.)*

К.Ф. *(в замешательстве)*. Может, я не вовремя?

Молчание.

Пройти, что ли, можно?

Молчание.

Ну пройду, раз вы очень просите. *(Снимает мотокраги.)* Да и чай я потребляю без сахара. *(В окно.)* Циклон, дорога шибко скользкая. *(Наливает чай в кружку.)* Здоровье мое, Глаша, редкое... Как у слона. Вот, уезжаю в Полярную экспедицию. Большой конкурс прошел. Выбрали меня одного из тысячи. Как человека редкого ума. *(Трогает живот.)* Заметьте, как желудок скрипит.

Скрип двери. Глаша и Федя смотрят то на дверь, то на гостя.

Разве что горохового супу. Слышу — запах пошел...

Молчание.

ГЛАША. Федя, по-моему, он живой.

ФЕДЯ. А по моему — не очень...

К.Ф. Я ездил на станцию. Приобрести билет. Поехал обратно — и тут колесо отвалилось. *(Вытирает со щетки мазут.)* Заднее. *(Смотрит на Федю.)* Это знак. *(Пьет чай.)* Я опытный мотоциклист с солидным стажем. Если во время езды отвалится переднее колесо — это к деньгам, а заднее — к тайному интересу. *(Ест варенье.)* Пока подшипники собирал, как суслик замерз. Смотрите... *(Демонстрирует.)* Органы рук не гнутся...

ГЛАША. Цирк.

К.Ф. *(кладет 30 кусков сахара, пьет чай, греет руки).* Уезжаю, Глаша. Выбрали меня одного. Вот, зашел попрощаться. *(В потолок.)* Хорошие вы соседи. Добрые. Тихие. Лишний раз не чихнете, лишний раз воду не смоете. Не то что Федоров с женой, будь они прокляты...

Гудит водопроводная труба. Глаша и Федя тихо наблюдают.

ГЛАША. С кем он говорит? *(Озирается.)* Кто ему отвечает???

ФЕДЯ. Мы...

ГЛАША. Федя, но мы же молчим?

ФЕДЯ. Откуда я знаю...

К.Ф. Угу... Я потребляю чай регулярно. Утром, днем, вечером, ночью. Даже самому страшно. За кружку чая на все готов... (*Пьет чай, ест варенье.*) Я даже к врачам обращался. Это нервное что-то...

ФЕДЯ. С одной стороны — ест как живой, с другой — рассуждает как покойник...

ГЛАША. Пойдем ближе посмотрим!

К.Ф. Бывало, посмотришь в оконное отверстие и скажешь себе — как это хорошо, Кондрат Филиппович, что тебя мама родила, а не какая-нибудь соседская кошка. А то сидел бы ты сейчас где-нибудь на темном чердаке, поджав полосатый хвост, без квартиры и научного образования.

Глаша и Федя подходят вплотную к гостю, разглядывают.

ФЕДЯ. Живой... Хотя... Черт его знает.

К.Ф. Вот я и говорю... (*Замечает на своем рукаве пятно.*)
Э... Это...

ГЛАША. «Варенье»!

ФЕДЯ. Тс-с! Молчи!..

К.Ф. Надо же... Смысл потерял... О чем это я?... Федя, Глаша... Что с вами? Вы какие-то странные...

ФЕДЯ (*тихо Глаше*). Почему не звонит телефон?.. Сейчас должен зазвонить телефон...

Молчание.

ГЛАША. Сейчас? Ты уверен?

Звонит телефон. Кондрат Филиппович роняет ложку со стола.

ГЛАША (*берет трубку, слушает, нажимает рычаг, тихо*). Сорвалось...

К.Ф. Знаете, в таких вещах очень трудно что-либо советовать. Всегда легко ошибиться. (*Достает из кармана пачку папирос, напряженно встряхивает — пусто, комкает пачку, кладет в пепельницу.*)

В пепельнице три смятые пачки, Глаша их изучает со страхом и интересом.

Кондрат Филиппович прохаживается по комнате, прихрамывает на одну ногу, остановился. Снимает штиблет, трясет, снова надевает, прохаживается, боль осталась. Кондрат Филиппович пытается разгадать, что-то ищет в карманах, находит целую горсть гвоздей, удивленно смотрит, пробует их на зуб, снова снимает башмак, кладет туда один гвоздь, второй, третий, опять надевает башмак, прохаживается. Ничего не изменилось — боль осталась, но Кондрат Филиппович доволен.

Федя разжимает кулак — купюры нет.

К.Ф. Глаша, потребляйте чай регулярно. Утром, днем, вечером, ночью. Ведро пейте. Для развития мозга.

ГЛАША. Кондрат Филиппович, мы не дураки, чтоб двести раз одно и то же!

ФЕДЯ. Тс-с! Молчи!

К.Ф. Да, теперь о главном. У вас отопление включили?
Я очень подозреваю, что зима в этом году выдастся суровая. (*Смотрит в окно.*) Я хотел сказать что-то крайне важное... Нет, забыл... Уезжаю, Глаша. Вся жизнь ради науки.

ГЛАША. Кондрат Филиппович!..

ФЕДЯ. Молчи! Он все равно не понимает...

К.Ф. Ну вот, пожалуйста! Что я говорил? (*Смотрит на Федю.*) А теперь, Федя, как мужчина мужчине...

Федя приподнимает штанины, с ужасом видит на своих ногах опять разные носки.

К.Ф. ...ответьте, почему вы живете в разных носках?

ФЕДЯ (*с мистическим ужасом*). Где ты купила эти носки?!!

К.Ф. Я опять потерял мысль... Я хотел сказать что-то страшно важное... (*Смотрит в зеркало.*)

ГЛАША. Может, его кто-то сглазил?..

К.Ф. У меня будто какое-то предчувствие... А что? Который час?

ГЛАША. Федя, надо его остановить...

К.Ф. О! Мне пора! Нужно ехать!

ГЛАША. Федя, ты меня слышишь?

ФЕДЯ. Слышу.

К.Ф. Да я бы рад, но не могу... Жизнь у меня такая.

ГЛАША. Надо его остановить...

К.Ф. Приятные, светлые вы люди. Но ничего, я буду слать вам письма. (*Ищет в карманах, находит клочок бумаги.*) Индекс ваш. Вот. (*Смотрит.*) А напо-

следок я все-таки выражу вам свое мнение о рыбах.

(*Тихо.*) Глаша, я вас всегда любил...

ФЕДЯ. Во мужика заклинило... (*Встает у двери, перекрывает путь.*)

ГЛАША. Федя, будь осторожен...

К.Ф. Ах да! Кстати! Хотел вас спросить... Когда я подымался к вам, из вашей квартиры вышел гражданин...

Крайне, крайне гнусная личность. Кто это?

ГЛАША. Кондрат Филиппович... Федя, держи! А то опять разобьется!

К.Ф. Ну да черт с ним!

Глаша зажмурила глаза. Федя стоит в дверном проеме.

Проснулся механизм часов. Открывается дверца, выливается кукушка: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

К.Ф. (*онемев*). Какой ужас... (*Смотрит на стрелки.*) Мой поезд... (*Схватился за голову.*) Елы-палы! Опоздал!.. Скорей!..

Глаша не отдает чемодан Кондрату Филипповичу, тот с силой вырывает, бежит прямо на Федю. Отчаянная борьба. Трещит дверь. Федя обороняется.

Кондрат Филиппович повторяет попытку. Разбегается.

Удар. Кондрат Филиппович и Федя катятся вниз по лестнице.

Глаша боится открыть глаза.

Внизу хлопнула дверь подъезда. С силой нажимают ржавую педаль мотоцикла.

Возвращается Федя. Рубаха разодрана. На лице ссадины.

ФЕДЯ (*смотрит на сломанную дверь*). Испанский бык какой-то...

ГЛАША (*подбегает к окну*). Сейчас разобьется!

ФЕДЯ. Пускай... (*Устало садится.*) Может, ему умирать понравилось...

Мотоцикл тарыхтит, болтаются гайки, жалко скрипит крыло. Двигатель увеличивает обороты. Треск мотоцикла удаляется. Через мгновение слышен пронзительный визг тормозов, громкий удар, хлопок, скрежет железа, звон разлетающегося стекла. Взрыв.

Федя сидит в кресле, захохотал. Глаша заворуженно глядит на перекресток.

Телефонный звонок. Глаша поднимает. Сорвалось.

ГЛАША. Может, что с телефоном?

Федя подходит к проигрывателю, включает звук. Пластинку заело на трех нотах. Федя поднимает лапку проигрывателя, снимает с круга пластинку, разглядывает царапину.

ФЕДЯ (*читает*). «Мелодия. Тридцать три оборота». (*Догадывается, открывает окно, швыряет пластинку на улицу, пластинка со свистом летит над крышами домов и исчезает далеко за окраиной города*). Все.

ГЛАША. Говорят, сегодня затмение.

ФЕДЯ. Это Кобзон во всем виноват! (*Вешает дверь обротно на петли.*)

Сидят. Тишина, ничего не происходит.

ФЕДЯ (*зевает, благодушно*). Ага-а-а... Завтра опять на работу. (*Раскладывает стул.*) Устал я как собака, Глаша, проглотить бы чего.

ГЛАША. Супчик еще?

ФЕДЯ (*в мистическом ужасе*). Нет, макароны!!!

Пустая комната. Из кухни доносится игривый смех Глаши и хохот Феи.

Осторожно входит Кондрат Филиппович, широко улыбается, ставит чемодан, оглядывается, идет к столу, садится, смотрит на варенье. Зажужжал механизм часов, открывается дверца, выглядывает кукушка. Кондрат Филиппович и кукушка смотрят друг на друга.

ГОЛОС ФЕИ (*со смехом*). Какой только хиромантии не бывает! Помню, была у нас в школе учительница природоведения Марья Григорьевна! Дак та по проходам ходила! Мы всем классом бегали смотреть, кидались в нее камушками... Вот ведь жизнь какая штука!.. Непонятное же явление!

ГОЛОС ГЛАШИ. Она упала?

ГОЛОС ФЕИ. Нет, вышла замуж...

ГОЛОС ГЛАШИ. Ха-ха-ха...

ГОЛОС ФЕИ. Га-га-га...

Глаша и Федя возвращаются. Федя несет тарелку с дымящимися макаронами.

Кондрат Филиппович ест варенье, поднимает голову, приветливо кивает головой.

Глаша замирает. Федя роняет тарелку.

Сцена четвертая

Макароны рассыпаны по всему полу.

К.Ф. А вот и я! Давненько не виделись... Здравствуйте! (*Улыбается.*)

Молчание.

ФЕДЯ. Глаш...

ГЛАША. Убирайтесь!

К.Ф. Вот, заскочил попрощаться, а заодно...

ФЕДЯ. Или я — или он.

ГЛАША. Федя, ты что говоришь?!

К.Ф. Уезжаю.

ФЕДЯ. Или я — или этот утконос! (*Нервно Глаше.*)

У тебя что-то с ним было???

ГЛАША (*подумав*). Было...

ФЕДЯ. ?!!

ГЛАША. Первый раз я к нему за лампочкой ходила...

ФЕДЯ. А второй???

ГЛАША. А второй, когда тебя дома не было... У меня это...

Ключ в дверях заклинило.

К.Ф. Зябко на улице...

ФЕДЯ. У вас... Было?!

ГЛАША. Федя, ты чо?.. Посмотри на него...

К.Ф. Выражаясь научным языком — катаклизмы...

ГЛАША. Космические влияния...

ФЕДЯ. Сговорились!

К.Ф. Я на пять минут... Как бы, что ли...

ФЕДЯ (*смотрит на Глашу, затем на гостя*). Просто так в любви не признаются... Вы... Вы... Вы... (*Гневно.*) Половые партнеры!!! А ну, убирайтесь оба!!!

ГЛАША. Чего ты несешь???

ФЕДЯ. Я сказал — вон! Оба!.. (*Подбегает к гостю, вырывает из его рук банку варенья, хватается за воротник.*) Ну что, залил вареньем баки?!.. (*Тащит гостя по полу.*)

К.Ф. (*добродушно*). У вас такие лица, будто кто-то дуба дал... Случилось чего?.. Неужели кто-то крикнул? Может, я не вовремя?..

ФЕДЯ. Приготовься к оргазму, фокусник!!! Не волнуйся, за тобой полетит твоя ассистентка... (*Ставит гостя лицом к двери.*) Пристегни ремни! (*Гневно.*) Уан! Ту! Фри! Пшел!!! (*Бросает гостя вниз с лестницы, следом шлем и чемодан. Кондрат Филиппович долго и громко падает.*)

Федя тяжело дышит, гневно смотрит на Глашу, медленно приближается. Глаша пятится назад.

К.Ф. (*с улицы в окно*). Эй, народ! Услышьте меня!!! (*Возмущенно.*) Безобразия!!! В вашем доме живут хулиганы!!! Бандиты!!! Шпана!!! (*С силой нажимает педаль.*)

ФЕДЯ (*замер*). Ты слышала???

К.Ф. (*пытается завести мотоцикл, кричит, голос срывается*). Пропади все пропадом!!! Варенье — гадость!!! Чай — отрава!!!

ГЛАША. Ура! Заработало!

Мотоцикл яростно затрещал, двигатель набирает обороты.

К.Ф. (*кричит*). Чтобы я?!! Еще раз?!! К вам?!! Елы-палы!!! Да ни ногой!!! Наглая молодежь!!!

Треск мотоцикла удаляется. Глаша и Федя смотрят на перекресток. Звук мотоцикла растаял в тишине. Глаша и Федя стоят, жаут, но ничего не происходит. Переглянулись, облегченно вздыхают.

Зажужжал механизм часов, открывается дверца, высовывается кукушка: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

Взрывается тишина: удар, грохот, скрежет железа, звон стекла.

Торопливый стук в дверь.

Глаша и Федя обессиленно опускаются на пол.

ФЕДЯ. Он что, каскадер на батарейках?!!

ГЛАША. Однажды у папы так пылесос заел... Работал три дня и три ночи, пока саперов не вызвали.

Скрип. Федя прислушивается. Подползает на четвереньках к проигрывателю, с удивлением видит все ту же вращающуюся пластинку, включает звук, старая мелодия скачет на трех нотах.

Федя оглядывается на окно, резко встает, шагает на кухню, приносит два огромных молотка. Срывает с круга пластинку, бросает на пол.

Сцена пятая

Глаша и Федя разбивают молотками пластинку на мелкие куски, делают это долго и старательно. Звонит телефон. Не слышат.

Кондрат Филиппович давно сидит за столом, ест из банки варенье. Глаша и Федя не замечают.

К.Ф. Глаша... Федя... *(Зовет.)* Глаша! Федя!

Глаша и Федя поднимают головы, смотрят.

Вам звонят с ветеринарной станции...

Молчание.

ФЕДЯ *(оглядывается, видит, со злобой)*. Ах ты, дятел кривоногий... *(Медленно встает, подходит, решительно бьет молотком по вазе с печеньем.)*

Кондрат Филиппович в ужасе отшатнулся. Федя замахивается молотком. Кондрат Филиппович соскользнул со стула и проворно бежит на выход. Глаша перекрывает дорогу.

К.Ф. *(не понимая)*. Да что с вами?!! Вы какие-то странные!!!

Федя швыряет в гостя молоток, тот с трудом изворачивается. Глаша бросает в гостя второй молоток.

Кондрат Филиппович, как заяц в клетке, мечется по комнате, искренно ничего не понимает.

К.Ф. Вот! Зашел попрощаться! Хорошие вы соседи!

ФЕДЯ. «Добрые»! *(Целится в гостя стулом, швыряет.)*

ГЛАША. «Тихие»! *(Бросает в гостя второй стул.)*

К.Ф. *(изворачивается)*. Лишний раз не чихнете!!!

ФЕДЯ *(кидает чайник)*. «Лишний раз воду не смое-те»!!!

ГЛАША. «Лейте кипяточку»!!! *(Запускает в Кондрата Филипповича кружку, вторую, третью.)*

К.Ф. *(скачет по комнате)*. Я потре... бя... чай ре... гуля... р...!!!

ГЛАША. Кондрат Филиппович!!! *(Берет цветочный горшок.)* «Почему мне кажется, что все это было»?!
(Бросает, промах.)

К.Ф. Глаша!!!

ФЕДЯ *(снимает со стены гитару)*. «А вы еще накладывайте»!!! *(Кидает инструментом.)*

К.Ф. *(мечется в перекрестном огне)*. Ой!.. Да я уже на-клаал!!! Благодарю!!! Щедрые вы люди!!!

ГЛАША *(хватает утюг)*. «Добрые»!!! *(Бросает.)*

ФЕДЯ. «Семейные»!!! *(Берет торшер, бросает.)*

К.Ф. *(в кошмаре, изворачивается)*. Который час?!!

ГЛАША *(берет вазу)*. «Как же так?!! А гороховый суп?!!»
(Ваза разбивается о стену.)

К.Ф. *(прячется под стол)*. Да я бы рад! Но сил уж нет!!!

ФЕДЯ *(поднимает стол)*. «Глаша! Прощайся с Кондрат Филипповичем»!!! *(Поднимает стол над головой.)*

К.Ф. Глаша!!! Прощайте!!!

ГЛАША. «Прощайте! Наверно, уж никогда не свидимся!»

Кондрат Филиппович перекачивается на другой бок, с ловкостью вскакивает на ноги. Стол с треском рушится на пол. Мимо.

К.Ф. Приятные! Добрые!!! Светлые вы люди!!! (*Выбегает из квартиры, спотыкается на лестнице, падает, катится вниз.*) Какой ужас... Мой поезд!!! Елы-палы!!! Скорей!!!

Глаша и Федя учащенно дышат, озираются по сторонам. Кондрата Филипповича нет, все разрушено. Качается люстра. Проснулся механизм часов, распахнулась дверца, высовывается кукушка: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!» Федя со злостью разбивает часы молотком.

Кукушка. Ку... Ку... К... У-у. О-о...

Крик КОНДРАТА ФИЛИППОВИЧА (*неистово*). Безобразие! Эй, народ!!! Услышьте меня!!! (*Возмущенно*). В вашем доме живут хулиганы!!! Прямо бандиты!!! Шпана!!! (*Заводит мотоцикл.*) Пропади все пропадом!!! Варенье — гадость!!! Чай — отрава!!! Чтобы — я?!! Еще раз?!! К вам?!! Елы-палы!!! Да ни ногой!!! Наглая молодежь!!!

Мотоцикл резко срывается с места, мчится до первого поворота. Взрыв.

Молчание. Глаша и Федя сидят на полу, оглядывают разбитую комнату. Тихий скрип. Федя подходит к проигрывателю, отчаянно бьет молотком. Звонит телефон. Федя подходит к телефону, размахивается, разбивает. Тишина. Федя садится рядом с Глашей, берет разбитую гитару, пытается играть что-то успокаивающее.

ГЛАША. Может, это все-таки не Кондрат Филиппович?..

ФЕДЯ. А кто?..

ГЛАША. Твой дядя.

ФЕДЯ. Ты с ума сошла, дядя живет в Краснодаре.

ГЛАША. Все будет хорошо.

ФЕДЯ. Куда уж лучше, и так — порнография.

ГЛАША. Думаешь, он вернется?

ФЕДЯ. Конечно.

ГЛАША. Когда?

Торопливый стук в дверь.

Сцена шестая

Входит Кондрат Филиппович.

К.Ф. А вот и я! Давненько не виделись... (*Широко улыбается*). Здрасте!... (*Ставит тяжелый чемодан.*)

ФЕДЯ (*Глаше*). Мясорубку сюда...

К.Ф. (*оглядывает комнату, видит разрушения, удивлен, но из деликатности не подает виду*). Вот, заскочил попрощаться. А заодно и старый долг отдать... (*Протягивает Феде ассигнацию.*) Уезжаю... (*Смотрит*

по сторонам.) Зябко на улице... Выражаясь научным языком — катаклизмы, космические влияния... Я на пять минут, как бы, что ли, попрощаться. У вас такие кислые лица, будто кто-то дуба дал...

Молчание.

Случилось чего?

Федя комкает ассигнацию, бросает в лицо Кондрату Филипповичу, молча двигает шкаф к выходу, закрывает проход.

К.Ф. (*не понимает*). Может, я не вовремя? Пройти, что ли, можно? (*Смотрит на Федю.*)

Глаша приносит большую, тяжелую мясорубку. Кондрат Филиппович недоверчиво смотрит.

К.Ф. Глаша... Федя... Да что с вами??? Вы какие-то странные...

Глаша и Федя угрожающе приближаются.

Пауза.

Федя замахивается тяжелой мясорубкой, крепко бьет Кондрата Филипповича по голове. Кондрат Филиппович замертво падает.

Молчание. Глаша и Федя смотрят.

ГЛАША. Зачем же так сильно?..

ФЕДЯ. Ему все равно.

ГЛАША. Федя... Ты убил...

ФЕДЯ (*с досадой*). Ой, да не болтай ерунды!.. Как я мог его убить, если он уже был... Мертвый.

ГЛАША. А если нет?

ФЕДЯ. А если — да?

ГЛАША. Ты уверен?

ФЕДЯ. Но ты же сама сказала...

ГЛАША. Я?!!

ФЕДЯ. Ты...

ГЛАША. Ты!

ФЕДЯ. Нет — ты!!!

Ругаются, размахивают руками.

Дребезжит разбитый телефон.

Глаша и Федя замолчали. С ужасом смотрят на труп Кондрата Филипповича. Берут труп за руки за ноги, перекладывают на скатерть, поднимают, несут на кухню. Остановились у кухонной двери, волокут обратно. Несут в прихожую.

ГЛАША. Тяжелый...

ФЕДЯ. Еще бы... Натрескался варенья.

Беспомощно озираются. Волокут труп в комнату к окну.

ФЕДЯ (*открывает окно, смотрит вниз*). Успеем, пока нет никого...

ГЛАША. Может, не надо, Федя?

ФЕДЯ. Не хнычь... Помогай!

Заворачивают труп в скатерть, с трудом поднимают на подоконник, выбрасывают в окно.

ФЕДЯ (*смотрит вниз*). У нас какой этаж?

ГЛАША. Вчера был последний...

Закрывают окно, опускают шторы. Сидят, долго молчат.

Федя, меня с работы уволят...

Внизу шлепок об асфальт. Тягостное молчание.

Федя. Влипли мы, дорогая.

На лестничной клетке слышны шаги. Скрипят сапоги, гулко стучат тяжелые каблуки. У двери замирают. Кашель. Пауза.

РЕЗКИЙ ГОЛОС. Полици-а-я!!! Немедленно откройте!!!

Молчание. Удары сапогом в дверь. Глаша и Федя в смятении переглянулись.

Соппротивление бесполезно!.. (*Удары.*) Эй! Вы!!! (*Пауза, шелкает затвор.*) Стреляю!!!

Глаша и Федя отчаянно смотрят, крепко обнялись.

Конец первого акта

Акт второй

Федя и Глаша, обнявшись, сидят на полу. Боятся пошевелиться. Входная дверь с треском ломается, в квартиру врывается полицейский.

Сцена седьмая

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*размахивает пистолетом*). Доигрались?.. Думали — не найдем?.. Думали — концы в воду?! (*Пауза.*) Сидят, притихли... Ничего, доставлю вас в управление. Сразу чирикать начнете. (*Садится за стол.*) Ну, давайте, рассказывайте. Подробно, не спеша. Только сразу учтите: басни сочинять, валять дурочку, короче — тянуть за хвост следствие не в ваших интересах. (*Кладет пистолет на стол.*) На лицо зверское хулиганство. Нанесение гражданину страшных увечий. (*Достает из кармана целлофановый пакет, извлекает скатерть, разворачивает, на*

белой скатерти чудовищные красные пятна.) Ваша скатерка?

Молчание.

Да неужели свою вещицу не признаете?..

Молчание.

Подумайте, не спешите. Раньше сядете — раньше выйдете. Люди вы еще крепкие, молодые. Повторяю вопрос. (*Указывает на скатерть в красных подтеках, неожиданно гневно.*) Смотреть сюда! Чья эта работа?!

Молчание.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*возмущенно*). Я всякое видел, но чтобы такое... Я одного никак в толк не возьму. Может, я дурак, тогда объясните — почему в наше голодное время (*указывает на скатерть*) вы его не съели???

Глаша и Федя молча в ужасе смотрят на полицейского.

Повторяю. Почему вы его не съели?..

Молчание.

Вам что, вопрос не ясен?.. Я спрашиваю русским языком — почему вы выбросили его из окна, когда могли просто взять да съесть.

ГЛАША. Как... Съесть???

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Очень просто. Как это делают все нормальные люди.

ФЕДЯ. Как... Делают???

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*теряет терпение*). Вы что, идиоты?.. Вас учить надо?! Берете кухонный нож, разрезаете и едите.

ГЛАША. Едим???

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Дурачить меня решили... (*Оглядывается, громко в дверь.*) Потерпевший! (*Пауза.*) Вы что там за дверью, уснули?..

С трудом входит потерпевший — мужчина средних лет. Лицо в красных подтеках, волосы слиплись и стоят колом.

Садитесь, потерпевший. Как вы себя чувствуете? Мозг кружится?

ПОТЕРПЕВШИЙ. А-а-а...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*потерпевшему, указывая на Глашу и Федю*). Вот эти наф-нафы строят мне дурку: мол, я — не я, и хата не моя. Расскажите по порядку, как все было.

ПОТЕРПЕВШИЙ. Ехал я на велосипеде...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Так.

ПОТЕРПЕВШИЙ. Еду я, еду, еду, еду, еду, еду, еду, еду, еду, еду, еду, еду...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Потерпевший, вам нехорошо? Сегодня воскресенье, день короткий. Больницы и морги до семи работают. Если что, вы нам сразу так и скажите!

ПОТЕРПЕВШИЙ. Еду, еду, еду, кручу, вращаю...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что вращаете? (*Пауза.*) Я спрашиваю, что вращаете?!

ПОТЕРПЕВШИЙ. Педали. Поднимаю голову вверх и вдруг вижу, вижу, вижу...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что???

ПОТЕРПЕВШИЙ. Этих двоих. С ними был еще третий. Они открывают окно и прямо на меня бросают, бросают, бросают...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Успокойтесь. Бросают — что?

ПОТЕРПЕВШИЙ. Белое... Круглое... И тяжелое.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что было в этой простыне?

ПОТЕРПЕВШИЙ. Страшно сказать...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что это было?!

ПОТЕРПЕВШИЙ. Арбуз...

Пауза.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Астраханский?!!

ПОТЕРПЕВШИЙ. Да, настоящий....

Глаша и Федя переглянулись.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*Феде и Глаше*). Сразу колоться начнете или доставить вас в обезьянник?

ПОТЕРПЕВШИЙ (*болезненно выплевывает арбузное семечко*). Я пойду?..

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да, если можете.

Потерпевший с большим трудом уходит.

Полицейский деловито достает протокол, хочет положить пистолет назад в кобуру. Но в кобуре уже есть второй пистолет. Смотрит на два пистолета. Не понимает. Один пистолет кладет в кобуру, другой за ремень.

А где ваш сообщник? Третий?

Торопливый стук в дверь.

Глаша. Это он!!!

Сцена восьмая

Дверь открывается. На пороге Кондрат Филиппович. Приветливо улыбается.

К.Ф. А вот и я! (*Снимает шлем.*) Давненько не виделись. Здрасте!.. (*Добродушно.*) Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать. (*Протягивает Федю мятую ассигнацию.*) Уезжаю. (*Оглядывается.*) Зябко на улице. Выражаясь научным языком — катаклизмы, космические влияния... Я на пять минут, как бы, что ли, попрощаться. У вас такие кислые лица, будто кто-то дуба дал... Случилось чего? Неужели кто-то крякнул? Может, я не вовремя? Пройти, что ли, можно?

Глаша и Федя одновременно кивают головой.

Ну пройду, раз вы очень просите... (*Снимает мотокраги.*) Да и чай я пью без сахара.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*выходит из-за двери*). Руки!!!

Кондрат Филиппович поднимает руки. Полицейский и гость разглядывают друг друга.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*удивленно*). Кондрат Филиппович?!
К.Ф. Степан Андреич?!

Бросаются друг к другу, крепко жмут руки.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Какими судьбами?!

К.Ф. Да вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать. Уезжаю.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Куда?

К.Ф. В Полярную экспедицию. Выбрали меня одного как человека редкого ума.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да? А я, блин, конкурс не прошел...
(*Пауза.*) Тут на тебя сигнал поступил.

К.Ф. Еду в Полярную экспедицию на мыс Памяти братьев Григорьевых.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Да?.. А вот граждане жалуются, что ты воду мутишь. Вроде как не живой и не мертвый бегаешь.

К.Ф. Зашел попрощаться... Хорошие вы соседи. Добрые. Тихие. Лишний раз не чихнете, лишний раз воду не смоее.

Гудит водопровод.

Не то что Федоров с женой. Будь они прокляты.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Значит, все в порядке?

К.Ф. Угу... Я потребляю чай регулярно. Утром, днем, вечером, ночью. Ведро пью, даже самому страшно. За кружку чая на все готов. Мать родную, и ту — продам. Я даже к врачам обращался. Это нервное что-то...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Ну вот и разобрались. (*Смотрит на часы, козыряет Глаше и Феде.*) Пойду. Служба. (*Кондрату Филипповичу.*) Будь здоров, дорогой наш мотолюбитель! (*Крепко жмет ему руку.*) Тебя до сих пор в гараже вспоминают. Так отремонтировал сирену — третий год выключить не можем. (*Уходит.*)

Молчание.

ГЛАША (*в ужасе*). Федя, они все заодно...

К.Ф. Вот, заскочил попрощаться.

ФЕДЯ. Динамит съест, бензином запьет, сигаретку закурит, и как с гуся вода...

ГЛАША (*соседу*). Что вы к нам клеитесь?!

ФЕДЯ. Он теперь и в арбузы стал превращаться...

К.Ф. Глаша и Федя. Что с вами? Вы какие-то странные...

Я ж вам долг отдал. (*Молчание.*) Засиделся. Пойду. Прощайте. Долг отдал. Теперь совесть на месте. (*Берет чемодан, идет к двери.*)

Глаша и Федя поражены.

ГЛАША. Стойте!..

ФЕДЯ. Вы куда?!

К.Ф. Я разве что, не говорил? Уезжаю я, Федя, Глаша...
Уезжаю в Полярную экспедицию. Скорый поезд у меня.

ФЕДЯ. У вас и билетик имеется???

К.Ф. А как же иначе? (*Достает, показывает.*) Спальный вагон. Верхнее место.

ГЛАША (*смотрит в билет*). Отправление ровно в шесть.

К.Ф. А что, который час? Мои — остановились.

ФЕДЯ. Сядьте, Кондрат Филиппович... Чайку?.. Варенья? (*Усаживает гостя за стол.*)

К.Ф. Ну если время терпит...

Молчание.

Глаша и Федя с интересом наблюдают за гостем.

Федя, Глаша... Да что с вами? Вы так глядите...

ФЕДЯ (*Глаше*). Сейчас опять заклинит.

ГЛАША. Кондрат Филиппович, как вы себя... ну, как вы себя... (*Подбирает слово.*) Ощущаете?

К.Ф. Вы же знаете, Глаша... Здоровье мое редкое, как у слона... Я же секунду назад это говорил. Вот, ездил, как говорится, на станцию... Обрести билет.

ФЕДЯ. Поехал обратно — и тут колесо отвалилось?

К.Ф. Да. Угадайте, какое?

ФЕДЯ. «Заднее. Это — знак. Если во время езды отвалится переднее колесо — это к деньгам, а заднее — к тайному интересу».

К.Ф. А дальше???

ФЕДЯ. «Пока подшипники собирал, как суслик замерз. Смотрите — органы рук не гнутся...» (*Демонстрирует.*)

К.Ф. (*растерянно*). Бывало...

ФЕДЯ (*заученно*). «Бывало, посмотришь в оконное отверстие и скажешь себе: “Как это хорошо, Кондрат Филиппович, что тебя мама родила, а не какая-нибудь соседская кошка. А то сидел бы ты сейчас на темном чердаке, поджав полосатый хвост, голодный, без квартиры и научного...”»

К.Ф. ...Образования. (*Испуганно*.) Вы мысли читаете???

ГЛАША. А сейчас вы спросите про отопление...

К.Ф. Да...

ФЕДЯ. А сейчас брякнет телефон, и вы уроните чайную ложку со стола...

Звонит телефон.

Кондрат Филиппович вздрагивает, ложка со звоном падает на пол.

К.Ф. (*прислушиваясь к себе*). А сейчас?..

ГЛАША. А сейчас вы посмотрите на часы, встанете со стула, похлопаете себя по карманам...

Кондрат Филиппович в замешательстве встает, хлопает себя по карманам, ищет пачку папирос.

ФЕДЯ. А в пачке пусто...

К.Ф. (*недоверчиво смотрит, достает пачку, встряхивает — ничего нет*). Пять минут назад была полная...

Прохаживается по комнате, прихрамывает на одну ногу, останавливается.

ФЕДЯ. А в ботинке ржавый гвоздь.

Глаша и Федя помогают гостю снять ботинок. Кондрат Филиппович достает гвоздь, смотрит.

К.Ф. Затмение солнца, люди говорят... (*Пауза.*) Вот вы, я гляжу, молодежь прозорливая. Скажите, предчувствие мне что-то где-то шепчет, а что и где — никак не разберу. Бубнит себе, бубнит... К чему бы это? А вдруг я нынче счастье найду? Например, в спальном вагоне?

Молчание.

Эх, знать бы наперед...

Молчание.

К.Ф. (*иронично*). Можно предсказать, у кого где что затырено: где гвоздик, где смятая папироска. Тут алхимии нет. А чего-нибудь помощнее вы угадаете?!

ГЛАША. Кондрат Филиппович, мы знаем.

ФЕДЯ. Мы знаем, когда вы умрете!

Пауза.

К.Ф. Когда?..

ФЕДЯ. Через пять минут.

К.Ф. Интересно... И откуда вы взяли это?

ГЛАША. Пожалуйста, не обижайтесь. Мы сами видели.

К.Ф. Видели??? Что?

ФЕДЯ. Мы видели, как вы разбились на своем тарантасе.

К.Ф. Что??? Насмерть?!!

ГЛАША. Да.

К.Ф. Как???

ФЕДЯ. Да вот так — шмяк, и лепешка!

К.Ф. (*думает*). Но как же — шмяк, и лепешка, если я сейчас стою перед вами?..

Молчание.

Вот она — современная молодежь...

ГЛАША. Вы погибали пять раз...

К.Ф. Пять?!!

ФЕДЯ. Семь!

ГЛАША. Вы — камикадзе?!

К.Ф. (*с обидой*). Нет, я не грузин. (*С горечью.*) Ну, братцы, это уж слишком! Сделал раз в жизни доброе дело — долг отдал. Отдал без скандала, почти сразу, спустя полгода принес сам... А они измываются, травят нас смешки... (*Берет чемодан.*)

Из мусорного ведра кричит кукушка: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

К.Ф. (*в панике*). Какой ужас! Мой поезд... (*Убегает.*) Елы-палы! Опоздал!.. Скорей!..

Внизу хлопает дверь подъезда. С силой нажимают ржавую педаль. Мотоцикл тархтит. Кондрат Филиппович прибавляет газу. Глаша и Федя подходят к окну, смотрят. Треск мотоцикла быстро удаляется и пропадает в тишине.

ФЕДЯ. Куда он исчез??? (*В окно.*) Куда подевался?!

ГЛАША. Уехал...

ФЕДЯ. Куда???

ГЛАША. На вокзал...

ФЕДЯ. Он должен был разбиться! Здесь, сейчас!

Смотрят в окно.

Треск мотоцикла возвращается. Кондрат Филиппович кружит вокруг дома.

ФЕДЯ. Он ездить научился...

Мотоцикл ездит кругами.

ГЛАША. Бензин кончится...

Мотоцикл останавливается у подъезда. Быстрые шаги вверх по лестнице, за дверью кашель, стук.

ФЕДЯ. Нас нет. (*Глаше.*) Молчи.

За дверью выжидают, снова быстрые шаги, теперь уже вниз. Мотоцикл опять кружит вокруг дома.

ГЛАША. Несчастный...

ФЕДЯ. А мы счастливые, да?! Сидим тут как бараны в кино. Нам крутят одно и то же, а мы мычим и ушами хлопаем!

Мотоцикл очередной раз останавливается у подъезда, те же быстрые шаги вверх по лестнице, за дверью кашель, стук. Глаша и Федя не отвечают. Снова шаги вниз, мотоцикл отъезжает от дома и продолжает кружить под окнами.

ГЛАША. Федя, а что мы можем?..

ФЕДЯ. ...Да ни хрена!

ГЛАША. Ты устал. Иди лучше поспи.

ФЕДЯ. Ты издеваешься?!

ГЛАША. Сегодня выходной. Мне надо варезку кончить, а ты газету читай...

Сцена девятая

Мотоцикл гудит как шмель, назойливо ездит кругами. Глаша разматывает бесконечный клубок ниток, голова замотана полотенцем. Федя за столом, уши заткнуты газетной бумагой, перед ним полная до краев, тарелка супа.

ФЕДЯ. Одно хорошо, что суп не кончается.

ГЛАША. Может, это все чья-то шутка?..

ФЕДЯ. Чья? Петька Иванов в отпуске, тетя Зина уже умерла.

Мотоцикл трещит и кружит вокруг дома.

ГЛАША. Федя, ты мужик или баба?! Сделай что-нибудь!

ФЕДЯ. Что?!

ГЛАША. Сообщи.

ФЕДЯ. Куда?!

ГЛАША. Позвони пожарным или в службу спасения, а еще лучше сразу — в Гражданскую оборону.

ФЕДЯ. Решила мужа сплавить на дурку? Что я им скажу?!

ГЛАША. Сама позвоню.

ФЕДЯ. Давай, набирай!

ГЛАША. И наберу!

Где-то жужжит механизм часов: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

За окном визг шин, хлопок, удар, звон стекла, скрежет железа. Взрыв. Тишина.

Глаша и Федя облегченно вздыхают. Долгая пауза.

ГЛАША (*смотрит в окно*). Все-таки странный у нас народ — мертвый человек целый день будет валяться, а никому дела нет.

ФЕДЯ. Лежит, и пускай.

Глаша теряет терпение, подходит к разбитому телефону, видит вырванный провод. Позвонить невозможно.

Дверь неожиданно распаивается. Входят двое в белом: мрачный усатый мужчина и кудрявая интересная женщина. Вносят носилки. Глаша роняет трубку.

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ (*санитару*). Опускай, Гриша. (*Ставят на пол пустые носилки.*) Извините, долго доби-

рались. (*Вытирает пот со лба, оглядывается.*) Ну что, кто жертва? (*Смотрит на Глашу.*) Вы??? (*На Федю.*) Или он?..

САНИТАР. Возьмем обоих.

ГЛАША (*смотрит в окно*). Федя, он исчез...

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. Обоих нельзя. День сегодня тяжелый.

Сплошь да рядом трагедии.

САНИТАР. ...А сколько ложных звонков. Давно не припомню такого.

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ (*оглядывает комнату, санитару.*) Гриша, а тебе не кажется, что мы сегодня здесь уже были?

Молчание.

ГЛАША. Я объясню. Это ошибка.

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. Если это ложный вызов, вам придется ответить. Вы звонили. Мы здесь. Где потерпевший?

ФЕДЯ. Он был...

ГЛАША. Он лежал на перекрестке...

САНИТАР. «Лежал»... И куда же он девался?

Сцена десятая

Дверь открывается. На пороге Кондрат Филиппович. Приветливо улыбается.

ГЛАША. А вот и он...

К.Ф. А вот и я! (*Снимает шлем.*) Давненько не виделись! Здрасте!

САНИТАР. Ничего себе покойничек...

К.Ф. Вот, заскочил попрощаться, а заодно и старый долг отдать. Случилось чего? *(Замечает врачей.)* Это за кем?

ФЕДЯ. Собирайтесь, Кондрат Филиппович.

К.Ф. Что? Куда? *(Часто моргает, не понимает.)*

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. Гражданин, вы живой или мертвый?

К.Ф. То есть как???

САНИТАР. Агония была? Мозг работает, сердце стучит, вентиляция легких дышит?

К.Ф. Дышит...

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. Вы нас видите, слышите?

К.Ф. Слышу...

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. Руки-ноги хорошо двигаются? Мочевой пузырь в каком состоянии?

К.Ф. Да у меня здоровье редкое, как у слона! Граждане медики! Посмотрите. Все работает, все на месте и дышит. Вот уезжаю в Полярную экспедицию. Погляди-те, конкурс прошел. *(Достает бумагу, показывает.)*

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ *(смотрит)*. На мыс Памяти братьев Григорьевых? *(Феде и Глаше.)* А вы, телефонные хулиганы, ждите полицию.

Поднимают носилки, идут на выход.

ГЛАША. Стойте... Пять минут, и этот человек разобьется!

САНИТАР. Вот когда разобьется, тогда и приедем! *(Уходя, спускаются по ступеням.)*

К.Ф. *(смотрит вслед)*. Бедняги... Совсем заработались. *(Феде и Глаше.)* Зябко на улице, погода шибко скользкая... Выражаясь научным языком — катаклизмы,

космические влияния. Я на пять минут, как бы, что ли, попрощаться...

«Скорая помощь» уезжает. Кондрат Филиппович садится за стол, потирает озябшие руки.

ФЕДЯ. Кондрат Филиппович, что у вас в чемодане?..

К.Ф. Песок...

ГЛАША. Золотой?

К.Ф. Обычный, речной...

ФЕДЯ (*открывает чемодан, смотрит*). И все???

ГЛАША (*берет в горсти песок*). Зачем вам он?!

К.Ф. Не знаю...

ФЕДЯ. Зачем таскаться?! Бросьте!

К.Ф. Да я бы рад, но не могу — наследство. Песок мне достался от родителей, а им от предков.

ГЛАША. А почему — песок?

К.Ф. Никогда не думал об этом. А что, вы сейчас о ком-то говорили... Это кто разобьется?

ГЛАША. А где вы сейчас были?

К.Ф. Я?.. Ездил на станцию. (*Достает, показывает.*) Вот, приобрел билет.

ФЕДЯ. Сегодняшний день вам не кажется странным?..

К.Ф. (*смотрит в зеркало*). Билетерша на станции спятила. На народ кидается, кричит: «Что вы по двести раз ходите?..»

ФЕДЯ. Еще?

К.Ф. Ну, вздремнул за рулем. Грешен, со мною такое бывает, когда скорость большая и дорога кривая. (*Оглядывается.*) Который час? Мои остановились.

Федя выхватывает билет из рук Кондрата Филипповича, Глаша чиркает спичкой, подносит огонь.

Что?!. Что вы делаете?! (*Бросается к Глаше, Федя не подпускает. Билет вспыхивает пламенем.*) Зачем?! Не смей!.. Отдайте!.. (*Выхватывает билет, пытается потушить.*) Что наделали... Мой билет... Я всю жизнь копил. Всю жизнь по копейке... Я мечтал увидеть тундру и вечную мерзлоту... Я мечтал жить в стае пингвинов!

Молчание.

Вы уничтожили мою мечту...

ГЛАША. Зачем так убиваться?..

ФЕДЯ. Поедете завтра.

К.Ф. Нельзя! Я двадцать лет собирался... Двадцать лет то свадьбы, то похороны... То понос проберет, то желтуха.

ГЛАША. Сегодня вам ехать нельзя.

К.Ф. Чушь. Со мной ничего не случится. Здоровье у меня крепкое, и вообще, все как у слона. Хотя... С утра предчувствие шепчет... Да и ночью сон приснился, будто я падаю башкой вниз с десятого этажа. Представляете, мокрый проснулся. А нынче... Вот, ездил на станцию, поехал обратно, и на тебе — колесо отвалилось. Может быть, это знак роковой? (*Смотрит в зеркало, прислушивается.*) Уезжаю я, Федя и Глаша. Уезжаю в Полярную экспедицию. (*Достает из кармана целый и невредимый билет.*)

Спальный вагон. Верхнее место. (*Смотрит на Глашу и Федю.*) Да что с вами? Вы какие-то странные...

Из ведра выпрыгивает кукушка: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

К.Ф. (*смотрит на часы*). Какой ужас... Мой поезд! (*В панике хватается чемодан, бежит к двери, но ошибке пытается открыть дверь в обратную сторону.*) Елы-палы! (*Бьется в дверь.*) Опоздал!!! (*Ищет выход, открывает окно.*) Скорей!.. (*Выбрасывает в окно чемодан, прыгает на подоконник, бросается вниз.*)

Федя шваброй глушит кукушку. Глаша смотрит вниз, вверх. Кондрат Филиппович исчез.

ГЛАША. Вот проныра. Теперь летать научился...

ФЕДЯ. Но как он эти фокусы делает???

ГЛАША (*оглядывается*). Это не он, это кто-то другой...

ФЕДЯ. Кто???. (*Пауза, догадался.*) Я понял... Это — варенье! (*Разбивает банку.*)

Сцена одиннадцатая

Спустя время. Глаша и Федя прикованы друг к другу наручниками. Перед ними полицейский.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Итак. Когда и при каких обстоятельствах вы решили убить вашего соседа?

ГЛАША. Я ему суп дала...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Суп? Опять этот суп... Где-то я уже это слышал... (*Морщит лоб.*) Хватит с меня вашей мистики! Арбузы какие-то, мотоциклы! Я, видишь ли, «сто раз прихожу». Я что, склерозматик? Не был я у вас никогда! (*С удивлением обнаруживает в своих карманах один пистолет, второй, третий, четвертый. В панике.*) Свидетель, сюда!

Входит потерпевший.

Свидетель, вот эти гады такое мне сочиняют... Расскажите правду!

ПОТЕРПЕВШИЙ. Еду я на велосипеде... Еду, еду, еду... Вращаю педали. Поднимаю голову вверх и вдруг вижу этих двоих. Они открывают окно и выбрасывают вниз человека!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Дальше.

ПОТЕРПЕВШИЙ. А дальше... Дальше... (*Замолкает.*)

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Что???

Молчание.

ПОТЕРПЕВШИЙ (*подзывает к себе полицейского, тихо*).

Мертвец превратился в арбуз.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В арбуз???

ПОТЕРПЕВШИЙ. В арбуз.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Как это???

ПОТЕРПЕВШИЙ (*пожимает плечами*). Вы же сами видели... Он лежал на тротуаре без всяких признаков жизни. Вдруг открыл глаза и стал дергаться.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. ...А чемодан?
ПОТЕРПЕВШИЙ. Исчез.

Дверь открывается, в комнату вкатывается арбуз. Останавливается перед полицейским. Тот испуганно смотрит, осторожно берет арбуз, ставит на стол, разглядывает.

ПОТЕРПЕВШИЙ (*Феде и Глаше*). У меня такое чувство, что все это уже было. Было именно так. Именно здесь. Я помню даже рисунок на шторах. Как странно устроена жизнь. Каждый раз, когда что-то случается, я вдруг все узнаю. Скажите, у вас бывает такое?

ГЛАША. Бывает.

ФЕДЯ. Да, постоянно.

ПОТЕРПЕВШИЙ. Моешь посуду и знаешь, что мыл именно так! Читашь книгу и понимаешь — читал! Смотришь спектакль и говоришь — уже видел! Знакомишься с человеком и смутно догадываешься, что уже знакомился с ним. Идешь по улице, и вдруг — стоп. Братцы, я все это видел! И видел именно так. Это же небо, эти же звезды и этот фонарь на столбе... И главное — помнишь свои ощущения. Но не здесь, а в какой-то другой, далекой жизни...

ГЛАША. Нет. В этой!

ФЕДЯ. Вы уже приходили.

ПОТЕРПЕВШИЙ. Когда???

Торопливый стук в дверь.
Входит Кондрат Филиппович.

К.Ф. А вот и я! (*Ставит чемодан.*) Давненько не виделись! Здравствуйте! (*Видит скованных наручниками Федю и Глашу.*) Вот, заскочил попр...

Пауза.

ПОТЕРПЕВШИЙ (*узнаёт*). Он!

Полицейский и потерпевший хватают ничего не понимающего Кондрата Филипповича, повалили на пол, заламывают руки.

Сцена двенадцатая

Спустя время.

Кондрат Филиппович сидит, крепко привязанный веревками к шкафу.

Рядом стоят Глаша, полицейский, Федя и потерпевший. Кондрат Филиппович с кляпом во рту методично мычит.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Он на какой круг пошел?

ПОТЕРПЕВШИЙ. Я уже сбился со счета...

ГЛАША (*переводит мычание Кондрата Филипповича*).

«Знаете, в таких вещах очень трудно что-либо советовать. Всегда легко ошибиться. Когда я подымался к вам, из вашей квартиры вышел гражданин... Крайне, крайне гнусная личность!»

ФЕДЯ. Сейчас побежит!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Навалитесь!

Все четверо навалились на Кондрата Филипповича, держат. Кондрат Филиппович начинает трепыхаться из стороны в сторону, пытаясь высвободиться.
Где-то очнулась кукушка: «Ку-ку-ку-ку!»

ПОТЕРПЕВШИЙ (*крепко вцепившись в Кондрата Филипповича*). Держите!!!

Кондрат Филиппович отчаянно дергается, делает невероятное усилие, рывок, освобождается и убегает вместе со шкафом за спиной, расталкивая всех.
На улице затрещал мотоцикл. Удар. Взрыв. Пауза.

ПОТЕРПЕВШИЙ. Я ж сказал вам — держите!
ПОЛИЦЕЙСКИЙ (*обреченно*). Это не человек... Это — чудо какое-то... (*Садится, вытирает пот со лба*.) Я надевал на него наручники, сажал на цепь к батарее, сто раз прав лишал, прокалывал колеса! В упор даже стрелял! Ничего не помогает! Все свидетели. Со стулом убегал, с батареей, с кроватью, вот теперь со шкафом на шее удрал!

ПОТЕРПЕВШИЙ (*оглядывается, ищет*). А где спряталась эта кукушка?

ФЕДЯ. Здесь! (*Стучит по голове*.) Она у нас уже тут! В голове!

Входят женщина-врач и санитар с носилками.

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ (*санитару*). Опускай, Гриша. (*Ставят на пол пустые носилки*.) Извините, долго доби-

рались. (*Вытирает пот со лба, оглядывается.*) Ну что, кто жертва?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Все мы тут жертвы...

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ (*узнаёт всех*). Опять вы? Сколько можно?!

ГЛАША. Мы здесь ни при чем.

САНИТАР (*оценив обстановку*). На какой круг пошли???

ПОТЕРПЕВШИЙ. Мы уже не считаем.

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. А надо считать!

ФЕДЯ. Считай не считай, вы снова придете...

САНИТАР. Это кошмар! Войдите в мое положение!

ПОТЕРПЕВШИЙ. А вы — в мое! Думаете, приятно, когда арбуз постоянно падает на голову?

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. Всех как заело. По ящику одни и те же новости крутят.

ФЕДЯ. Ну да, один продолжает мылить себя в бане, другой — щурится в телескоп, третий рожает, четвертый — все умирает. Один беспрерывно чихает, другой — ногой качает, пятый — все спит, шестой себя материт.

САНИТАР. Я готов всю жизнь спасать одного и того же.

Ездить на вызов — наша работа. Мне главное, чтобы часы шли. Но пахать задарма — нет уж, спасибо. У меня смена идет!

ПОТЕРПЕВШИЙ. Слушайте, я вам сотый раз повторяю — ваша смена не идет, а стоит. Это вам только кажется, что вы переработали. На самом деле — время исчезло. Исчезло! Откройте глаза, ничего не меняется. Вся наша жизнь — это беготня по кругу!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Хватит кудахтать! Если вы тут самый умный, то растолкуйте, почему сначала он умирает, а через пять минут снова орел? Почему я повторяю как заведенный одно и то же, будто мама меня другим словам не научила? Почему меня сюда тянет каким-то магнитом? И каждый раз все по кругу, по кругу, по кругу...

ГЛАША. Надо бежать!

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. А ноги? Они же назад принесут.

ГЛАША (*в окно*). Смотрите!

За окном поднимается буря, летит городской мусор.

ЖЕНЩИНА-ВРАЧ. Прямо конец света...

ПОТЕРПЕВШИЙ. Да, так и есть! Земля давно потеряла рассудок и вышла из равновесия. Всеобщая тупость, глупость, грубость, невежество, хамство... Это и есть Судный день. Время покаяться...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Мы честные люди!

САНИТАР. Нам каяться не в чем!

Торопливый стук в дверь. Все замерли, глядят на дверь. Дверь открывается, входит Кондрат Филиппович с чемоданом. Добродушно улыбается.

К.Ф. А вот и я! Давненько не виделись! (*Резко замолкает, замечая на себе свирепые взгляды.*)

Все тихо крадутся, надвигаются на Кондрата Филипповича. Тот встревожен, не понимая общей агрессии, отступает к двери.

САНИТАР. Попался...

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Теперь не уйдешь...

Все медленно окружают Кондрата Филипповича, тот пятится, прикрываясь чемоданом. К нему подступают ближе и ближе. Кондрат Филиппович виновато улыбается, пятится и вдруг бежит прочь. Все кидаются за ним.

Федя и Глаша остаются одни. Силы их оставляют, но наступает долгожданный покой.

ГЛАША. Всё?

ФЕДЯ. Всё!!!

ГЛАША. Ну и денек...

ФЕДЯ. Как я устал...

ГЛАША. Всё... отдыхаем...

Федя и Глаша садятся и тут же счастливо засыпают.

Сцена тринадцатая

Мизансцена начала 1 акта. В квартире волшебным образом воцарился порядок. Все на месте и в целости: приемник, телефон, часы, даже горшок с геранью. Уют, чистота.

Воскресный день. За окном светло, но Федя и Глаша спят. Они спят потому, что Федя скушал кастрюлю супа, а Глаша — целый арбуз, и их разморило.

Просыпаются. Глядят друг на друга, на стены. Мирно тикают часы.

ФЕДЯ. Что снилось?

ГЛАША. Какая-то ерунда... Мотоцикл... А тебе?

ФЕДЯ. Не помню...

ГЛАША. Ты так храпел, даже люстра качалась!

Торопливый стук в дверь. Глаша и Федя переглянулись. Входит Кондрат Филиппович. В нем нет прежней чудаковатости: одет скромно, но со вкусом, во взгляде нет дикой искры, он явно серьезный научный работник. Однако те же унты на ногах и тот же чемодан в руках.

К.Ф. А вот и я! Давненько не виделись... Здравствуйте! (*Широко улыбается.*)

Федя окаменел, Глаша вот-вот заплачет.

Вот, заскочил попрощаться. Уезжаю в Полярную экспедицию.

ФЕДЯ. «Большой конкурс прошел»...

К.Ф. Какой конкурс? О чем вы? (*Внимательно смотрит.*)

Да что с вами? Вы какие-то стра-а-анные. (*Пауза.*)

Я — попрощаться, а заодно и старый долг отдать.

ФЕДЯ. Нам денег не надо!!!

К.Ф. Я деньги в долг не беру... Только книги! (*Открывает чемодан, полный книг.*) Приятные, добрые, светлые вы люди... (*Достает томик Библии, отдает Феде.*) Вы где это купили?

ФЕДЯ (*разглядывает, узнает*). Я?.. В «Букинисте».

К.Ф. Благодарю. Это издано Зарубежным Обществом Евангелистов. Там есть нелепая опечатка. Вместо — «Страшный суд» напечатано — «Суп». П-п.

ФЕДЯ. Суп???

ГЛАША. Может, чаю хотите?

К.Ф. Нет. Я уже сыт. (*Философски.*) В любой печатке есть доля случайности. А что есть случайность, как не абсурд? «И придет с небес Великий Повар. И наступит день Страшного Супа, когда он в белом фартуке окинет взором грешную Землю и возьмется готовить похлебку». Знаете, у Эйнштейна была шутовская теория, по которой конец света — это не черти с рогами, а заикленность времени. Если так, то Страшный суд идет давно, нас всех уже покрошили, посолили и варят. Но мы этого не знаем и булькаем в соусе собственной глупости, хотя давно кипим на медленном огоньке.

ГЛАША. А где ваш мотоцикл?

К.Ф. Какой мотоцикл???

Пауза.

Наверху зашумела вода. Все смотрят вверх.

Пауза.

Скрип двери. Все смотрят на дверь.

Пауза.

Глаша, я буду писать вам, если Федя не против...

Пауза.

ФЕДЯ. А вам не кажется, что это все уже было???

Пауза.

К.Ф. (*глядит в зеркало, поправляет галстук*). Который час?

В часах проснулся механизм: «Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!»

К.Ф. (*спохватился*). Ой! Ой!!! Мой поезд! Скорей! (*Хватает чемодан, убегает.*)

Глаша и Федя глядят друг на друга.

Внизу хлопнула дверь подъезда. Глаша и Федя бегут к окну.

Кондрат Филиппович уже на улице, он бежит к светофору, очень торопится.

Из переулочка выезжает мотоцикл.

Занавес

Сцена из спектакля «Сансара».
Пермский театр «У Моста».
Режиссер Сергей Федотов

Сцена из спектакля «Комната смеха, или Русская народная почта».

Театр п/р Олега Табакова.

Режиссер Кама Гинкас, в гл. роли Олег Табаков

Сцена из спектакля «Russian National Postal Service».
Studio Theater, Вашингтон.
Режиссер Пол Мюллинс, в гл. роли Флойд Кинг

Кадр из телефильма «Русская народная почта».
Слева направо: Ленин — Максим Суханов,
Иван Сидорович — Михаил Ульянов,
Елизавета II — Галина Тюнина

Владимир Кашпур на радио читает пьесу «Русская народная почта».

Запись осуществлена режиссером Вячеславом Долгачевым для театрального показа на фестивале Любимовка-97

Сцена из спектакля «Мертвые уши». Театр Европы
Csiki Gergely (Капошвар, Венгрия). Режиссер Ральф
Миленкович, в гл. роли Мольнар Пироска

Резиновый принц

Комедия в двух действиях

Действующие лица:

ВЕРА ПАВЛОВНА, русская женщина-олигарх

ПРИНЦ, резиновая кукла мужчины

ПОДРУГА, новая американка

НАСТОЯЩИЙ мужчина

КАПИТАН дальнего плавания

СТАРИЧОК и СТАРУШКА

АКАДЕМИК, специалист по сексуальным расстройствам

Другие куклы

Действие первое

Картина первая

Пентхаус в центре огромного города.

За окном переливается бесчисленными огнями ночной Вавилон, зеркальные небоскребы глядят друг на друга. Тихо. Ни звука не проникает внутрь.

В комнатах эксклюзивная мебель, на стенах картины. Все богато, дорого, комфортно, со вкусом. Здесь нет чахлах пальм в кадучках, зато есть необычайные декоративные растения, которых мы не видели и, наверное, не увидим никогда. Здесь нет унитаза из чистого золота, но есть совершенно немнслимые сантехнические приспособления будущего, коими непосвященный человек просто не знает, как воспользоваться. Здесь чувствуешь себя как в музее современного дизайна, где бывают редкие посетители. Нет ощущения жилого дома. Но два помещения выдают присутствие человека: рабочий кабинет и спальня.

В гостиной бьют напольные часы, раскачивается тяжелый хрустальный маятник. Тишина, полночь, никого нет.

Глубоко внизу лифтовой шахты проснулся двигатель лебедки. Бесшумно поднимается лифт.

Входная дверь открывается, летят на пол коробки с подарками, в тусклом свете появляются две фигуры: мужская и нетрезвая женская.

Женщина хватается мужчину за галстук и вталкивает в квартиру, пытается закрыть дверь. Мужчина подставляет ногу, хочет уйти.

Темнота. Борьба. Пощечина. Сильный удар. Звук разрывающейся ткани, катится пуговица. Мужчина с силой вырывается из объятий, открывает дверь, убегает прочь по лестничной клетке.

ИСТЕРИЧЕСКИЙ ЖЕНСКИЙ КРИК. Мне не нужен импотент в моей охране! Ты уволен!.. Уволен!.. Уволен!!!
(*Стук захлопывающейся двери, тяжелое дыхание.*)
И этот... Уволен. Козел...

Темнота. Холл. Неуверенный стук дамских шпилек, падение.

В огромное окно вливает луна. В холле темнота, шорох и женское всхлипывание. Включается светильник. У зеркала стоит женщина лет пятидесяти. Роскошное платье от модельера разорвано, волосы слиплись от пота, краска на лице размазана, в руке бутылка виски, покачивается.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*пьет виски*). Что за страна?... Никто не хочет работать... Одна я — как белка в колесе...

(*В зеркало, сквозь зубы.*) И что вы — молодежь — меня боитесь?.. Бабуся — да, не красавица — да, но и не страшила... Вот грудь — пожалуйста, и тендер еще ничего... Дурак, я ему такой бы секс-шоу закатила!.. Клиринг в голом виде... (*Идет через холл, вздрогнула от собственного отражения в зеркале, поняла — захохотала в зеркало.*) Юбилярша?! Поздравляем... (*Чокается бутылкой с отражением, пьет.*) Хххорошо повеселились... Церемонии... Открытки, конверты... Пришел сам Исаак Аронович, деловой, вместо конверта — сразу портфель денег! (*Пьет.*) Высший свет! Чиновники и депутаты, певцы и живописцы! Юбиляршу все поздравляют, счастья желают... И всем нужны только мои депозиты, дивиденды, фонды и фьючерсы... А ты пойди, как я, — десять лет ничего, кроме работы, работы, работы, работы, работы, работы, ра... (*Пьет, оглядывается.*) А где мои подарки?.. (*Идет через холл, поднимает конверты, разрывает — везде открытки, визитки и банковские карты. Останавливается, пьет, проливает на себя, вытирает, смотрит на разодранное платье.*) Председатель совета директоров нажралась... Дефолт полный. А что, имею полное право... В кармане три ярда... (*Задирает юбку, разглядывает свой зад, смеется.*) Ребята, 30 лет назад я пилила по Тверской в драных колготках, и ко мне привязалась цыганка: «Дай погадаю». Водит она грязным ногтем по моей ладошке и приговаривает: «Ой, милая-милая, вижу, у тебя будет дом хороший, муж верный, ласковые дети... Все будет. Но не будет одного — денег». (*Пьет.*)

Все сбылось наоборот... *(Вздыхает.)* Эх, мужики-мужики, где вы?... Одни импотенты!.. *(Поднимает бутылку над головой.)* Выпьем за то, чтобы женские мечты всегда сбывались! *(Чокается с зеркальным отражением, роняет бутылку, виски разливается, танцует.)* Каравай... Каравай... Кого любишь — выби... *(Оглядывается.)* Где подарки?! *(Идет в темноту холла, через минуту тащит волоком по полу большую коробку, полную цветов, свертков и бутылок шампанского, садится на пол, открывает новую бутылку, хлопает пробка; пьет, выкладывает свертки, читает огромные поздравительные открытки.)* «Многоуважаемой Вере Павловне — попечителю дома инвалидов... Здоровья желаем...» *(Бросает, берет следующую.)* «Хозяйке от «крыши»... Долгих лет... Не протекай до старости...» *(Разглядывает, бросает, берет следующую, читает.)* «Вере Павловне от Департамента юстиции...» Стихи... «Ваш нежный рот — истомное лобзание...» *(Бросает открытку, берет другие, перечитывает, смеется, открывает вторую бутылку шампанского, льет пену вокруг, смеется, подходит к зеркалу, поднимает бутылку над головой, вдруг видит большой сверток, лежащий на дне коробки, достает, смотрит. В ленте записка, читает.)* «Любимой от неизвестного». *(Перечитывает.)* От неизвестного... Любимой... *(Сидит в нерешительности, наконец разворачивает золотую фольгу. Видит внутри коробку в форме сердца.)*

Проснулись часы в кабинете, бьют один раз.

Вера Павловна осторожно открывает коробку, достает сверток в целлофане.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*читает надпись на упаковке*).
«Фаллоимитатор. Воздушный принц. Сексуальное приспособление. Мужчина-кукла».

Разрывает целлофан, извлекает нечто напоминающее сдутую резиновую лодку, читает технический паспорт.

«Стерильно... Хранить в теплом месте... Показания к применению. Сердечная недостаточность любой степени... Одиночество... Повышает тонус и продолжительность жизни... При появлении побочных эффектов, как-то: шум в ушах, одышка, понос, галлюцинации, насморк — обратитесь к врачу... Данные лабораторных тестов... Способ применения...»

Переворачивает лист, видит рисунок, на лице появляется интерес, восхищенно смотрит, начинает хохотать, раскладывает сдутую резину на полу, находит в коробке затычку и насос-помпу.

«Рисунок три...» (*Втыкает шланг, начинает качать помпу.*) Ну, молодцы... Интересно, кто у нас такой шутник?.. Подарили Маше куклу... Порадовали добрые люди юбиляршу... (*Качает, помпа пищит.*) Пищи-пищи... Давай... Коля, Петя или как там тебя?.. Чичвенду?! Давай... Давай... Давай...

Бесформенная резина постепенно начинает приобретать человеческие формы.

Сегодня праздник у девчат, сегодня будут танцы... Наверняка какой-нибудь урод... Обезьяна в наколках... (*С трудом качает.*) Пищи-пищи... Я человек азартный... (*Отпивает из бутылки шампанское, снова качает.*) Сразу отрезвела... Что ж такое? До утра тебя качать?

На полу появляется мужская фигура, точнее, резиновая кукла, изображающая идеально сложенного мужчину естественных размеров. Вера Петровна качает, смотрит, довольна. Вставляет в куклу затычку, восхищенно смотрит.

Готов... (*Берет куклу за ноги, тащит в гостиную.*) Эту безумную ночь ты запомнишь навсегда! Я тебе такой секс-шоу устрою! А!.. Такого ты еще не видел! Мм! Все бабы Земли не могут сравниться со мной!.. (*Из гостиной тащит куклу в кабинет.*) Можно нескромный вопрос? Сколько тебе лет? Двадцать? Тридцать? Пятьдесят? У тебя есть подруга, жена? Ты изменяешь ей? Часто? (*Тащит куклу в спальню.*) Смотри-смотри, как живут люди... Как здесь просторно! Комфорт, уют, все для жизни! Это мой дом! Здесь все мое, мое, мое... (*В спальне.*) Кровать королевы Виктории. (*Смеется, тащит куклу за ноги через длинный коридор.*) Не знаю, как у вас — парней резиновых, а у нас, людей, для начала надо

познакомиться, поболтать, рассказать, показать... (В столовой.) Ты не голоден, Казанова?! Вино, крабы, омары! (Смеется, тащит куклу за ноги через холл.) Мальчик, я невеста страшно богатая, правда, мне до ужаса лет... У меня сегодня юбилей. Говоря на вашем резиновом языке — день самый критический. Надеюсь, ты меня порадуешь. В смысле не разочаруешь в сексульно резиновом плане! (Хочет, тащит куклу в гостиную, с трудом поднимает, сажает в кресло, вытирает пот с лица.) Тяжелый, кабан... (Смотрит на куклу, гасит свет, зажигает свечи.) Люблю, когда все этак романтично. (Оглядывается на куклу, смеется.) Хорошо, что сейчас нас никто не видит. (Пауза. Долго разглядывает куклу.) А ты ничего... (Садится рядом.) Ну, давай поближе познакомимся... (Улыбается.) Как тебя зовут, резиновый принц?.. Молчишь?.. А меня — Царевной-лягушкой. (Квакает. Смеется. Пауза.) Ну, так и будем молчать?.. Эй? (Осторожно трогает за резиновое плечо.) Знаешь, а ты правда очень красивый... Резиновый, воздушный... (Смотрит на куклу, любит, достает из коробки шампанское, из бара бокалы, наливает себе и кукле.) Давай поздравляй... (Сгибает кукле руку, вставляет в резиновые пальцы бокал.) Не знаешь, как начать?.. А ты без церемоний. Говори как есть. Только не надо врать. Скажи, что я полная идиотка, пьяная, грубая тварь, которая 20 лет угробила вот на эту карьеру... 20 лет ни семьи, ни оргазма толком! Все мимо! Все на бегу! А теперь очнулась под старую жопу — и секса, и любви, и ласки подавай! Поезд ушел, бизнес-

тетя! Ау! Все! Тебя никто не хочет, даже собаки! А что остается? Балдеть с резиновой куклой. (*Молчание.*) Ну, скажи, что не так... Придумай что-нибудь. Соври мне!.. Сделай комплимент. Скажи, что я не лошадь! Что я еще вполне и даже очень!.. Что жизнь только начинается. Что мне от силы — лет двадцать! Что я молода, свежа и обалденно выгляжу!.. (*Молчание. Трясет куклу, кукла опрокидывается набок.*) Все будет. Семья, любовь и счастья — выше крыши. Ну скажи... Скажи. Скажи! Молчишь?.. Молчи, резиновый принц. Что скажешь... (*Смотрит в одну точку, пьет шампанское из бутылки, свеча в подсвечнике потрескивает и неожиданно гаснет.*)

Молчание. Темнота.

ГОЛОС. В Москве два часа ночи.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да... Да... Завтра рано вставать. (*Замирает, трезвеет.*) Что?.. Что??? Кто это сказал?.. (*Зажигает свечу, оглядывается, успокоилась, облегченно.*) Бывает...

ПРИНЦ (*шевелит губами*). Бывает.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*со страхом в темноту*). Кто здесь?! Кто здесь?! (*Быстро шарит рукой в ящике стола, роняет что-то тяжелое, катится пуля.*)

ПРИНЦ (*лежит на боку*). Не надо стрелять. Ночь. Люди спят. (*Молчание.*) Знаете что, я два часа слушаю вас и хочу сказать, что вы самая лучшая женщина из всех, которых я встречал. Поверьте, у меня большой опыт. (*Пауза.*) Наконец-то я свою судьбу встретил.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Кто здесь?.. Я сошла с ума?

ПРИНЦ (*поднимается, садится в кресло, отпивает шампанское из бокала*). У вас есть сигареты?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что???

ПРИНЦ. Я хочу курить.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не курю... Да что это в самом деле...

ПРИНЦ. Я бросал курить раза три.

ВЕРА ПАВЛОВНА. И что???

ПРИНЦ. Ничего. Без толку. Силы воли нет.

ВЕРА ПАВЛОВНА. У кого???

ПРИНЦ. У меня.

ВЕРА ПАВЛОВНА. У вас???

ПРИНЦ. Да.

Встает, прохаживается по кабинету, разглядывает обстановку.

Вера Павловна не понимает, смотрит.

ПРИНЦ. Ну что, сейчас начнем? Сразу? Или потом?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что???

ПРИНЦ. Физически любить друг друга.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?????

ПРИНЦ. Впрочем, торопиться не будем. Ведь у нас вся жизнь впереди. Верно?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?????????

ПРИНЦ. Для начала нужно поближе узнать друг друга.

Познакомиться, поболтать, рассказать, показать...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?????????????

ПРИНЦ. Да вы не очень разговорчивая. Может, перейдем на «ты»?

Пауза.

Ради Бога, не бойся... Я что, такой страшный?
ВЕРА ПАВЛОВНА. Да нет... Наоборот... Только это... Не понимаю!

ПРИНЦ. В любви не нужно понимать. В любви необходимо чувствовать.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да?..

ПРИНЦ. Может, потанцуем? У нас есть Фрэнк Синатра!

Входит Фрэнк Синатра. Поет. Мужественный бархатный голос американца разливается в тишине большой безлюдной квартиры. Запахло цветами, полумрак заполняется теплым весенним светом.

Принц и Вера танцуют. Принц деликатно и по-старинному держит за талию партнершу, ведет танец. Разумеется, Вера Павловна поначалу недоверчива, напряжена и даже как-то неуклюжа, но с каждым тактом лицо ее светлеет, она все сильнее прижимается к партнеру, наконец кладет свою голову на резиновое плечо, и на лицах обоих появляется настоящая улыбка.

А Фрэнк Синатра поет и поет о путниках в ночи, о дожде, о встречах и расставаниях и, конечно же, о любви, о любви, о любви.

Темнота. Что-то лопнуло.

Картина вторая

Там же. Следующий вечер.

Входная дверь открывается, появляется Вера Павловна. Теперь она совсем другая — в руке деловая папка, движения твердые и четкие, уверенная походка, безупречный костюм, глаза в стальной «холодной» оправе. Председатель совета директоров выглядит намного моложе, чем вчера.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*входит, быстро идет через холл*).
 «Первое — не ругаться! Второе — всем улыбаться! Третье — быть еще жестче! Не расслабляться!.. И помнить... Главное — только дело и только работа! Ррррработа!» (*Скидывает с ног туфли, переодевается, пиликает мобильный телефон.*) Да?! Да?.. Говорите! Вас не слышно!.. (*Выключает телефон, смотрит в зеркало.*) Так... Вроде все по списку сказала... А, вот еще — «Побеждает сильнейший!» (*Переодевается, надевает халат.*) Блин, где вчера ноготь сломала?.. Нервы... Надо пройти повторный курс терапии. Голова — квадрат после вчерашнего. Сегодня мне перед Николай Гаврилычем, Геной и шофером было так неловко, так стыдно, что пришлось всех уволить к чертовой матери! «Экстраверсия, половая дифференциация» — как сказал бы сейчас мой психолог. У тебя юбилей, но, подруга, зачем так напиваться? Вот сегодня я потеряла три полных пакета акций. Нет, надо быть в форме... (*Останавливается, думает, с внушением, твердо.*) Нельзя расслабляться.

(Заученно.) «У тебя все в порядке. Супер. Ты самая умная, самая сильная женщина! Какое счастье принадлежать только себе. И себе. Ты свободна и...» (Нервно.) Надоело! Каждый день эту чушь повторять!.. Повторять!

Стоит посреди гостиной, долго молчит, взгляд падает на коробку, подаренную вчера на юбилей, подходит, смотрит на увядшие цветы, вдруг начинает быстро искать что-то, отбрасывает открытки и конверты, переворачивает коробку, ищет.

ПРИНЦ (за спиной). Не волнуйся. Я здесь...

Вера Павловна замирает, медленно оглядывается, на лице появляется ужас.

Ты меня не узнала?..

Вера Павловна смотрит широко открытыми глазами.

Ты обещала, что не будешь меня бояться.

ВЕРА ПАВЛОВНА (пытается сказать). К... кто вы?..

ПРИНЦ. Разве мы не договорились говорить друг другу «ты»?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Когда???

ПРИНЦ. Вчера. (Пауза.) Значит, все пустые слова? О судьбе, о родстве наших душ? Не говоря о том, что ты собиралась купить мне резинотехнический завод... (Пауза.) Все женщины такие.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Какие???

ПРИНЦ. Всю ночь о любви говорила, а утром воздух спустила и спрятала меня в контейнер с грязным бельем.

Вера Павловна отчаянно смотрит на Принца, быстро достает из кармана сотовый телефон, спешно набирает номер.

Только тебе никто не поверит.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Почему?..

ПРИНЦ. Где ты видела говорящую куклу???

ВЕРА ПАВЛОВНА. А почему ты говоришь?

ПРИНЦ. Потому что ты мне нравишься. Очень. Я целый день простоял у дверей, ждал тебя, потом звонил... У тебя такой необычайный голос. *(Пауза.)* Наверно, я потерял голову, со мной давно такого не было...

ВЕРА ПАВЛОВНА *(встает, беспокойно ходит из угла в угол)*. Это нервы... *(Смотрит на Принца.)* Нервы... Нервы... Нервы! *(Затыкает уши, заученно.)* «У тебя все в порядке. Супер. Ты самая умная, самая сильная женщина! Какое счастье принадлежать только себе. И себе. Ты свободна и...»

ПРИНЦ *(грустно)*. Я понимаю, что тебя смущает. Ведь я не человек. Это ясно. А у тебя никогда не было мужчин, в смысле — резиновых?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Нет... Нет... Нет!

ПРИНЦ. Значит, я первый... *(Разглядывает свою одежду.)*

Знаешь, эти вещи я нашел в шкафу. Они откуда?

ВЕРА ПАВЛОВНА. У меня было много мужчин. Разных.

ПРИНЦ. И где теперь они?..

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Они всегда смывались от меня. Утром, втихую, как зайцы. Один — зажигалку, другой — пальто, третий — ключи от машины оставит. *(Пауза.)* Они не вернутся.

ПРИНЦ. Тогда зачем ты хранишь эти вещи?..

ВЕРА ПАВЛОВНА *(закрывает голову руками)*. Я — извращенка, я говорю с резиновой куклой!.. *(Ходит из угла в угол.)*

ПРИНЦ. Сядь. Расскажи о себе.

ВЕРА ПАВЛОВНА *(безнадежно)*. Что рассказать? Что?!

ПРИНЦ. В конце концов, это твоя частная жизнь.

Молчание.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Действительно... Резиновый так резиновый, черт с ним, тоже мне разница... *(Садится в кресло, смотрит на куклу.)* А ты ничего.

ПРИНЦ. Ты тоже.

Смеются.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ну, и чем мы будем заниматься?..

ПРИНЦ. Говорить и смотреть друг на друга.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Так. *(Пауза.)* Ну, если ты такой смелый, начинай.

ПРИНЦ. С чего начать? *(Пауза.)* Ты должна все знать о моих родителях. Мой отец был мячом, а мама — резиновой лодкой. Они познакомились в Ялте на

пляже. Между ними сразу вспыхнула любовь. Они были вместе целых три недели. Это было настоящее счастье! Но потом их пути разошлись. Папа был известным футбольным мячом, весь мир объехал, блистательно сделал карьеру, у него было много живых женщин, он был ловелас... Все это время мама жила в маленьком провинциальном городке: летом плавала на озере, зимой спала в гараже и никак не могла позабыть ту чудную встречу. А время шло, отец по-прежнему жил холостяком. Годы брали свое — он постарел, сморщился, все чаще и чаще стал спускаться ниппель. Отца выкинули из профессионального спорта, он долго лежал в кустах, потом его подобрали детишки и стали пинать во дворе. *(Пауза.)* В итоге — маму прокусила собака, а папу порвали мальчишки. И так бы все закончилось бессмысленно и печально, если бы в дело не вмешались высшие силы судьбы. О, чудо! Спустя годы они встретились! На фабрике вторсырья. Какое это было счастье! В них снова проснулась первая любовь! *(Пауза.)* Расскажи, как люди появляются на свет?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. У нас все не так романтично. Вот мама меня родила в мотоциклетной коляске. Они с отцом поехали в ГУМ шифоньер покупать... Раньше время было такое. Отец вспоминал: «Никто не грабил, не насиловал нас, весь народ был умный, добрый, честный. И все были счастливые. Мы, дочка, жили в раю». *(Пауза.)* Мама с отцом познакомилась на майской демонстрации. Мама тащила флаг Узбекистана, а отец как мужчина решил ей помочь. Через

месяц расписались. Через год родилась я. *(Пауза.)* Видишь, у меня горбинка, нос был сломан, — это я с пяти лет дралась за место в сортире. Мы жили в большой коммуналке. 41 семья. В «раю» — по словам папы. «Честный» народ тырил друг у друга утюги, чайники, спички, мокрое белье, воровали все, что не на цепочке. «Добрые» люди воевали комната на комнату, грызлись как псы, дрались без правил. А в это время на кухне «умные» люди срали в папин самовар, подсыпали в пирог опилки, стружку. *(Пауза.)* Мама до сих пор от этой жизни торчит. Я предлагала ей перебраться ко мне или сменить квартиру, но она гордая — брезгует. Потому что я капиталист в ее понятии, я разрушила их «рай» — лучшую в мире страну. Мама и сейчас живет в этом тухлом раю с облезлыми стенами. Их там осталось двое — мама и рыжий унитаз, оба ждут светлое будущее. Она пухнет с голоду, а денег моих не берет, потому что я ей теперь не дочь, а враг идеологический.

Принц. А твой папа?..

Вера Павловна. Уже на небесах. Знаешь, он был военным, и в старости с ним случился маразм: он ел свои ордена и медали. Ел и закусывал. Врачи спасали три раза. А он вернется из больницы и снова наяривает гречку с орденами. «Кашу маслом не испортишь», — говаривал он. Царство небесное.

Принц. А у тебя было Это?

Вера Павловна. Что?

Принц. Кажется, на вашем языке это называется — первая любовь...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Первая?..

ПРИНЦ. Знаешь, еще раньше — в той, прошлой жизни, когда я был простой боксерской грушей, я полюбил очаровательную девушку. Она была невестой боксера. Я висел в ее спальне и грустно смотрел в окно на звезды. Я часами ждал ее. И когда она возвращалась, то не уделяла мне никакого внимания, даже не смотрела в мой угол. Я безумно страдал. Это было невыносимо! Однажды я все-таки решил признаться ей в любви, и будь что будет. Но когда она пришла, то я с ужасом понял, что не смогу это сделать, потому что у меня нет рта. Я не мог даже заплакать, потому что у меня не было глаз, а лишь жалкое подобие. Я был способен только чувствовать и страдать. (*Пауза.*) В один из дней боксер бесследно исчез, и тут случилось нечто невероятное! Я до сих пор мучаюсь в тайных догадках, но девушка вдруг меня полюбила. Она часами меня гладила, целовала, у нее были такие нежные, теплые руки. Не скрою, мы даже спали вместе. (*Пауза.*) А потом объявился боксер. Он бил меня долго, жестоко и рвал когтями до тех пор, пока из меня не хлынул песок.

ВЕРА ПАВЛОВНА. А что ты хотел??? Первая любовь приносит много страданий. Вот я училась на третьем курсе и вдруг полюбила говно. Хотя внешне он был сказочный принц — высокий, нежный такой блондин с голубыми глазами. При виде его у меня замирало сердце, я ходила за ним по пятам, караулила в темном подъезде, посвящала ему стихи, ночей не

спала и рыдала, рыдала, рыдала в подушку. «Здравствуй, первая любовь, холодеет в сердце кровь, будет много-много зим, я люблю тебя, Максим». А он меня не замечал! И вот однажды я решилась: взяла у подружки тени для глаз и туфли на метровом каблучке, перекрасила волосы в фиолетовый цвет, ножницами подрезала юбку, надела мамин лифчик, намазала губы, глаза; выпила, закурила и к нему пошла... А утром он мне сказал: «Простите, девушка. В коридоре было темно. Я вас с другой перепутал». *(Пауза.)* Да, это был самый прекрасный кошмар в моей жизни. Это сейчас меня хохот разбирает, а тогда я хотела всерьез броситься под поезд, отравиться, повеситься на тополе перед его домом.

ПРИНЦ *(молчание.)* Улыбнись.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?

ПРИНЦ. Мне очень нравится твоя улыбка.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Улыбка — и все?..

ПРИНЦ. Нет. Я имею к тебе сильное чувство.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Любовь, что ли?..

ПРИНЦ. Да. Я искал и нашел тебя.

ВЕРА ПАВЛОВНА *(смеется)*. Почему я должна тебе верить?

ПРИНЦ. Не знаю... Кажется, у меня выросли крылья...

ВЕРА ПАВЛОВНА. «Крылья любви» — старая песня. *(Неожиданно.)* Слушай, а давай споем?!

ПРИНЦ. Я петь не обучен.

ВЕРА ПАВЛОВНА *(берет резинового мужчину за руки)*.

Не бойся. Закрой глаза. Дыши ровно и повторяй за мной. *(Поет.)* «В нашем доме поселился замеча-

тельный сосед. Мы с соседями не знали и не верили себе, что у нас сосед играет на кларнете и трубе».

Принц глухо и неумело подпевает, кашляет, затем голос настраивается, и уже через минуту они поют дуэтом и танцуют зажигательный фокстрот.

Наконец Вера Павловна и Принц допели последний куплет, падают на диван.

Устали от смеха.

ПРИНЦ. Почему люди говорят, а не поют? Петь — это же здорово.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Грустных песен намного больше, чем веселых. *(Пауза.)* А ты хороший партнер... Где танцевать научился?

ПРИНЦ. Спасибо вам — женщинам. Вы научили меня говорить, любить, плакать, смеяться, даже пить и курить. Теперь я пою помимо инструкции. И все интересно, приятно. *(Гладит Веру Павловну по плечу.)*

ВЕРА ПАВЛОВНА. Убери лапы, скотина...

ПРИНЦ. Почему?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Убери быстро!.. Сказала! *(Отталкивает Принца.)*

ПРИНЦ *(удивленно)*. Что-то не так???

ВЕРА ПАВЛОВНА. Резиновый пошляк!!!

ПРИНЦ. Прости, если я тебя обидел... Не хотел я...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты их любил?!

ПРИНЦ. Кого???

ВЕРА ПАВЛОВНА. Шлюх этих!

ПРИНЦ. Почему ты так говоришь?! Они честные, добрые женщины! Одинокие. Очень.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Но они спали с тобой! Ты их любил?!

ПРИНЦ. Нет.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Почему?!

ПРИНЦ. Я был для них вещью.

Молчание.

Послушай, я хочу сказать нечто очень важное. (*Пауза.*) Я думаю, что полюбил тебя.

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты уверен?

Молчание.

Меня? Но почему меня? Откуда ты такой взялся?

ПРИНЦ. Ты самая красивая, самая очаровательная, самая удивительная, самая восхитительная, самая необыкновенная... Самая-самая...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Все! Хватит!!! (*Закрывает лицо руками, долгое молчание.*) Как мне все надоело. Холодно. Противная осень.

ПРИНЦ подходит, нежно обнимает Веру Павловну. Та вдруг разрыдалась как ребенок. Принц осторожно гладит ее по волосам. Долго стоят обнявшись у окна.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Зачем этот кошмар? Мне кажется, ты превращаешься в настоящего человека... *(Пауза.)* Ты сказал, что любишь меня. Ты не представляешь, как важно это услышать... Тебя любят. Меня любят. *(Вздыхает.)* С тобой хорошо...

ПРИНЦ. Ты меня не бросишь?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Никогда.

ПРИНЦ. И мы всегда будем вместе?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Похоже, я схожу с ума.

Долгий поцелуй.

Пространство заполняется теплым весенним светом. Порыв ветра — и вдруг исчез потолок, падают хрустальные звезды. Входит Майя Кристалинская, поет: «Ты спеши, ты спеши ко мне, если я вдали, если трудно мне, если я словно в страшном сне, если тень беды в моем окне...» Медленно гаснет свет. Темнота.

Что-то опять лопнуло.

Картина третья

Гостиная Веры Павловны. Хозяйка сидит в кресле, напротив подруга — это стриженная наголо тетка.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Давно прилетела?..

ПОДРУГА *(очень плохой английский)*. Will you have a slice of cold veal? No, thank, I never eat meat¹.

¹ Хотите ломтик холодной телятины? Нет, благодарю, я никогда не ем мяса.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Когда???

ПОДРУГА. Вчера ночью.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Машка, ты так изменилась...

ПОДРУГА. I cant drink this coffe, it tastes too bitter¹.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?..

ПОДРУГА. Dont talk so much, dear². Как тебе мой английский? Между прочим, я теперь не Машка, а Маргарет Стоун.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ну, как ты там живешь?

ПОДРУГА. Америка.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Как дети?

ПОДРУГА. Не знаю. Дочь где-то в Париже, а сын в Африке.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Как муж Гарик?..

ПОДРУГА. О, Гарри теперь модный художник.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Как ты?..

ПОДРУГА. Не задавай глупых вопросов. Разве не видно?
(Хочет кокетливо поправить волосы, вспоминает о своей стрижке, отдергивает руку.) Лучше скажи, как у вас тут дела? Как крупный бизнес?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Отлично.

ПОДРУГА. А личная жизнь?.. Я смотрю, ты опять в одиночестве.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я не одна.

ПОДРУГА. У тебя появился любовник? Поздравляю.
И кто же он?

¹ Я не могу пить этот кофе, он слишком горький на вкус.

² Не говори так много, дорогая.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*не сразу*). Он... необычный.

ПОДРУГА. Знаю я этих «необычных». У всех одно на уме. (*Пауза.*) У тебя такой вид... Ты сидишь, так и светишься. Уж не влюбилась ли ты?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Похоже на это.

ПОДРУГА. В своего необычного? Well. Он хорошенький, правда?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Очень.

ПОДРУГА. Высокий?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Высокий.

ПОДРУГА. Широкоплечий?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Широкоплечий.

ПОДРУГА. А торс мощный?!

ВЕРА ПАВЛОВНА. ...

ПОДРУГА. Не интригуй меня, а то я могу кончить.

Вера Павловна достает из-под стола сверток в золотой бумаге, осторожно разворачивает, достает коробку в форме сердца.

Well!

Вера Павловна открывает коробку, извлекает комок саун-той резины, аккуратно расправляет на ковре.

ПОДРУГА (*читает на коробке*). «Фаллоимитатор. Воздушный принц». (*Переворачивает, читает с другой стороны.*) «Мужчина-кукла». (*Пораженно смотрит на Веру Павловну.*) Дорогая, объяснись... (*Громко.*) Ты хоть в курсе, что это?!.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Конечно.

Берет помпу, вставляет шланг.

ПОДРУГА. Что ты делаешь?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Качаю.

ПОДРУГА. И часто... ты это качаешь?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Теперь каждый день.

ПОДРУГА. О, Боже... Дорогая, это страшной наркомании. Это психотропное средство! Мы, русские, конечно, все ненормальные, но зачем таким зверским способом губить себя??? Послушай, по мере развития привычки будут нарастать структурные изменения, социальная и личная деградация...

ВЕРА ПАВЛОВНА (*качает воздух*). Что ты смотришь? Помогла бы лучше...

ПОДРУГА (*качает помпу*). Половая жизнь — это не просто процесс, это общение духовное! То есть интим, уровень близости!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Убери колено с его живота.

ПОДРУГА. Отойди. Не мешай! (*Быстро качает.*) Дорогая, сексуальное поведение — это важная сфера семейной, личной и общественной жизни... Человек — существо, оно воплощает высшую ступень развития. (*Вытирает пот со лица, продолжает.*) Зачем же так физиологично? Твой сексуальный партнер обязан иметь хоть какой-то головной мозг, обоняние, осязание. Прости меня за гадкое сравнение, но... Это — ноль, шипованная резина! (*Наклоняется, разглядывает.*) Черт, пропускает воздух, что ли?..

(*Снова качает.*) Я понимаю, как хобби, да, как раз-веселый аттракцион... Но не каждый же день... «Воздушный принц».

ВЕРА ПАВЛОВНА. Шланг...

ПОДРУГА. Не трогай! Вижу. (*Качает.*) Дорогая, ты слишком беспечна. Эйфория пройдет.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Но он меня любит.

ПОДРУГА. «Верочка, это не любовь, это смесь разной гадости с разной дрянью!»¹ Чувство любви имеет иной характер — конфликт, страсть, живой диалог!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Мы говорим.

ПОДРУГА (*прекращает качать*). Та-а-к. Ты уже слышала его голос... (*Пауза.*) И что он тебе говорит?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Разное...

ПОДРУГА. Да?!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Позавчера он пришел из магазина...

ПОДРУГА. Он ходит?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да, и сказал, что его надули... В смысле, продавщица обманула — вместо сигарет...

ПОДРУГА. Он курит???

ВЕРА ПАВЛОВНА. Последнее время меньше. Так вот, вместо сигарет ему дали зубной порошок.

ПОДРУГА. И зубы чистит???

ВЕРА ПАВЛОВНА. И руки моет. Это я приучила, чтобы перед едой...

ПОДРУГА. Перед едой? Он ест?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Редко. Так, со мной за компанию, и мне не скучно.

¹ Цитата из романа Н. Чернышевского «Что делать».

ПОДРУГА. Руки моет, зубы чистит... Какой он у тебя гигиеничный.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Он очень добрый, заботливый, нежный. И главное — любит.

ПОДРУГА. Кого???

ВЕРА ПАВЛОВНА. Меня. А это, сама знаешь, очень важно.

ПОДРУГА. Ну, милая, это просто пошлый анекдот!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Молчи. У вас в Америке извращенец на извращенце. Вот Гарри твой тебя сколько раз гаррит? Что, часто?..

ПОДРУГА. Раз в году. На День поминовения.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я так и вижу, как ты сидишь одна в стеклянном доме на побережье, а в это время твой муж жарит натурщиц у себя в мастерской!

ПОДРУГА. Это неправда! (*Брызнули слезы.*)

ВЕРА ПАВЛОВНА. А ты сидишь дома, старая клуша, целыми днями пялишься в ящик, порнуху крутишь, потом собаку кормишь, фигню свою вяжешь... Что, не так?! Нет, скажешь?!.. Что ты рыдаешь, американка?! На черта ты уехала? Что в твоей жизни изменилось?.. Прическа?!

Молчание.

ПОДРУГА (*вытирает слезы, сморкается в платок*). Ладно. Проехали. (*Смотрит на куклу.*) Послушай, ты же имеешь море баксов! Ты можешь купить кучу первосортных живых.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Без любви?

ПОДРУГА. «Любовь... Любовь...» Милая! Что такое любовь? Есть голая сексуальная совместимость. Не понимаю, зачем тебе этот фаллотерминатор?.. Я тебя не отговариваю... Old woman... Только зачем себя загонять в угол? Это опасно!.. Подумай, с ним ты можешь прыгнуть с катушек!

Кукла тяжело выдохнула воздух и пошевелила пальцами рук.

ПОДРУГА (*в ужасе смотрит*). У тебя есть личный психолог. Посоветуйся... И он тебе скажет — никакие новые технологии не заменят настоящего, живого тепла. Разве не ясно? (*Молчание.*) Ну ты, подруга, меня удивила... (*Смотрит на часы.*) Заболталась я совсем с тобой. Через час мой самолет.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Куда???

ПОДРУГА. «Куда-куда». Go home. Обратно!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Уже?.. А зачем приезжала?

ПОДРУГА. Тебя, идиотку, увидеть. На ваш русский бред посмотреть. (*Смотрит на куклу, зло.*) Frogs can swim, but they cannot fly!!!¹

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что???

ПОДРУГА (*указывает на куклу*). Срочно выбрось это барахло! (*Обнимает Веру Павловну, целует в щеку.*) Ну, все. Звони! Бай-бай!

Быстро уходит.

¹ Лягушки умеют плавать, но они не умеют летать.

Кукла со свистом выпускает воздух. Хлопок, из куклы стреляет пробка.

Вера Павловна поднимает пробку, задумчиво смотрит.

Картина четвертая

Вера Павловна в пеньюаре взволнованно ходит из угла в угол, то и дело смотрится в зеркало. Дверь лифта открывается. Появляется широкоплечий мужчина, в его руках медицинский чемодан с надписью «Sex Drive», плащ, на носу черные очки, на голове широкополая шляпа.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Вам деньги сейчас или сразу потом?..

Мужчина молчит, входит в гостиную. Держится со светским достоинством, но лицо изможденное.

Пожалуйста, раздевайтесь.

Мужчина снимает плащ, затем смокинг, галстук, начинает элегантно снимать брюки и плавки.

Предлагаю сначала познакомиться, поболтать...
НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Поболтать?..
ВЕРА ПАВЛОВНА. Нет-нет! Я о беседе!

Мужчина с достоинством надевает брюки, завязывает галстук, грациозно застегивает смокинг.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Джин, виски?

НАСТОЯЩИЙ мужчина. Не пью, не курю. Нахожусь в абсолютной форме. *(Достает из кармана маленькую книжку, раскрывает, подает Вере Павловне.)* Моя санитарная книжка. Здесь все мои анализы и прививки. Я очень здоров. *(Открывает чемодан, достает лист бумаги.)* Начнем. *(Читает.)* «Я деловая, серьезная женщина. Однако для личной жизни нет времени. Ищу солидную, серьезную структуру, где я могла бы получить эту вполне понятную услугу. В сексе приемлю все способы, кроме...» Это ваша анкета?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да... Только это не все.

НАСТОЯЩИЙ мужчина. Ага... *(Читает.)* «Нуждаюсь в общении». *(Улыбается.)* Поздравляю, вы купили наш годовой абонемент.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Это вдова одного олигарха посоветовала мне обратиться в ваше бюро. Меня привлек широкий ассортимент, государственный статус вашей организации и главное — особое отношение к заказчику.

НАСТОЯЩИЙ мужчина. Я буду делать для вас все в рамках Уголовного кодекса. *(Достает шахматные часы, квитанцию и авторучку, подает Вере Павловне.)* Подпишите. Время моего прибытия. В левой графе отметьте.

Вера Павловна смотрит на часы, с улыбкой расписывается.

НАСТОЯЩИЙ мужчина. Корешок после. Контракт после тест-драйва. *(Художественно закидывает ногу на ногу.)*

ВЕРА ПАВЛОВНА. В вас есть что-то... Особое. Я хочу остановиться на вас. И если мы подойдем друг другу — я обещаю каждый раз дарить вам скромные подарки. Я хочу вручить первую безделушку. *(Достает маленькую бархатную коробочку, извлекает дорогой перстень, подходит к мужчине.)*

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Аванс не предусмотрен.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я не вижу ваши глаза. Очки снимите.

Мужчина снимает черные очки.

Наденьте.

Мужчина надевает.

Снимите!..

Мужчина снова снимает.

Наденьте!.. Ой, нет! Снимите!..

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Да не волнуйтесь вы так.

У нас все получится. *(По-деловому.)* Итак, приступим. Я — кто?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Кто?..

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Человек или животное?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Человек...

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Какой?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не понимаю.

НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Имеется в виду: каким бы вы хотели видеть меня? Блондином? Брюнетом? Кудря-

- вым шатеном? Седым? Рыжим? Лысым? С густой бородой? С усами? Без? Будьте откровенны со мной.
- ВЕРА ПАВЛОВНА *(не сразу)*. Блондином. С усами.
- НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Отлично. *(Достает из чемодана парик, приклеивает усы.)* Какие глаза? Есть черные, красные, вишневые, бирюзовые с напылением...
- ВЕРА ПАВЛОВНА. А есть васильковые?
- НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА *(достает бутылки с контактными линзами, находит нужный цвет, широко открывает глаза, вставляет линзы)*. Кто я такой? Я — голодный поэт, сытый бизнесмен, водитель маршрутки, средневековый рыцарь, гладиатор или пришелец из космоса?
- ВЕРА ПАВЛОВНА. Неважно.
- НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Нежный, мягкий или жесткий, коварный?
- ВЕРА ПАВЛОВНА. Не надо. Просто любите меня.
- НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Где? Можно под кроватью, на стуле, на трамвайной подножке, в подъезде, на улице, в зоопарке, в метро на «Кольцевой», в лесу, у берега речушки без названия. Можно в Екатерининском зале. Можно на люстре в Букингемском дворце. Авиаперелет за ваш счет.
- ВЕРА ПАВЛОВНА. Вы неверно меня поняли. Я хочу... Как бы это честно сказать, помимо всего... Мне нужно... Простите за редкую, дикую пошлость — я хочу Это...
- НАСТОЯЩИЙ МУЖЧИНА. Не пугайте меня...
- ВЕРА ПАВЛОВНА. Тепло. И чуть-чуть внимания. Поймите, необязательно рвать страсть в клочья.

НАСТОЯЩИЙ мужчина. Ага. Вы любите натуральный продукт. Хорошо. Значит, сегодня я — немного меланхолик. Начнем. (*Запрыгивает на стол, декламирует с жаром.*) «Весна пришла, проснулись чувства, и пламень страсти заиграл!» (*Прыгает на Веру Павловну.*)

ВЕРА ПАВЛОВНА (*в ужасе пытается высвободиться из объятий*). Хулиган! Слышите! Прекратите!.. (*Бьет мужчину в живот.*)

НАСТОЯЩИЙ мужчина (*падает на пол, удивлен*). Простите, я не знал, что вы садистка...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Слушайте, мне не нужен бродячий цирк. Извините за беспокойство, но вам надо уйти.

Пауза.

НАСТОЯЩИЙ мужчина (*вздыхает*). Это — конкуренты... Последнее время стало трудно работать. На рынок выбросили пробную партию резиновых мужчин. Они уводят из-под носа клиентуру. Все новорусские дамы бросились играть в эти пошляцкие куклы. Еще бы... Резиновый есть-пить не просит! Поиграют, спустят воздух и задвигают его в шкаф. Красота! Эротический дуэт! И муж не ревнует. Удобно, современно, практично! Только резиновый никогда настоящих парней не заменит. Он не может дышать, любить, страдать, говорить. У него нет горячего сердца!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Все-то вы знаете...

Настоящий мужчина. Знаю. Случаев много. Одна бывшая клиентка променяла меня на такой экземпляр... Говорят, даже была счастлива с ним некоторое время, а потом случился прокол. Резиновый принц — бац! И все. Лопнул воздушный шарик. *(Пауза.)* Была богатая, серьезная, практичная дама, а вот от горя, представьте, повесилась.

Вера Павловна. Я прошу, оставьте меня.

Настоящий мужчина. Да, у меня нет пробки. Но вы мне понравились с первого взгляда... Радость ты моя. Я долго скитался по свету и наконец встретил тебя.

Вера Павловна. Замолчите! Что вы несете? Стоите тут и врете, врете.

Настоящий мужчина. Заведу с полоборота. У меня все довольны.

Вера Павловна. Хватит!!! Хватит!!! Хватит!!! Вам денег моих надо?! Денег?! Да на, ешь! Жри!!! *(Бросает в мужчину купюры.)*

Настоящий мужчина. У нас безналичный расчет! *(Терпит, но не удерживается и начинает ползать по полу, собирать купюры, складывать в плавки.)*

Вера Павловна хохочет, покачиваясь, идет через длинный холл, уткнулась лицом в стекло огромного окна, смотрит на город, опускается на пол.

Часевых не беру!

Уходит, взяв свою одежду.
Тишина.

Долго звонит телефон, эхо теряется в огромной квартире.

Дверь лифта бесшумно открывается, входит Принц. На нем лохмотья, картофельные очистки, в волосах яичная скорлупа, руки в дорожной пыли, лицо в копоти, на ногах куски грязи. Держит над головой скелет старого зонта. Вера Павловна не замечает его. Он подходит к Вере Павловне, садится рядом.

ПРИНЦ. Здравствуй...

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты???

ПРИНЦ. Не ждала?

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?.. Тут... То есть... Как??? Откуда...

ПРИНЦ. Я не знаю, как это случилось. Я очнулся на мусорной куче. Меня спас Ефим — добрый дворник. Я плохо знаю город. Я месяц искал твой адрес.

Вера Павловна онемела, смотрит. Молчание.

Я так скучал без тебя... Мне было так плохо... (*Целует Вере Павловне ладонь.*) Знаешь, я уже потерял надежду снова увидеть тебя. (*Хочет обнять Веру Павловну, та неподвижна.*) Что с тобой? Ты стала такая чужая...

Молчание.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*смотрит на Принца*). Но...

ПРИНЦ. У тебя появился другой?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Нет.

ПРИНЦ. Тогда что же?..

Молчание.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Н-н-не знаю... Не знаю...

Сидят, смотрят на крыши домов, на улицы, где туда-сюда ползают по лентам дорог разноцветные насекомые — машины.

ПРИНЦ. Город такой огромный, и в нем так много маленьких бездомных людей. Еще больше крыс, кошек и собак, а еще больше бездомных резиновых кукол. И все голодают. Это другой мир. Он не так прекрасен, каким выглядит сверху.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*приоткрывает дверь, смотрит*). Ты опять смотришь, видишь, говоришь! Ты опять ставишь меня в идиотское положение.

ПРИНЦ. Ты о своей подруге? Она наивная женщина! Она ни во что не верит. И потом, разве я тебе не говорил, что о нашей любви нельзя говорить словами, вслух, иначе все пропадет, исчезнет, растворится?.. Любовь — это тайна. Разве я не прав?..

Смотрят друг на друга.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да, я сейчас...

Встает, уходит в кабинет, закрывается, звонит куда-то долго, не дождавшись ответа, набирает другой номер.

Добрый вечер... Мне нужен Сигизмунд Петрович. Он мой психолог... У меня его номер не отвечает... Мне нужна срочная консультация! Уехал?.. Куда?.. Хорошо. Послезавтра... (*Кладет трубку.*)

ПРИНЦ (*за спиной*). Здесь был мужчина?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Где?..

ПРИНЦ. Здесь! Я чувствую запах. Признайся, ты изменяла мне?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Тебе???

ПРИНЦ. Скажи правду, и нам станет легче. (*Берет руку Веры Петровны.*) Ты вся дрожишь. Здесь был кто-то страшный? Он тебя напугал? (*Нежно обнимает Веру Павловну.*) Все хорошо. Я с тобой...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Хочешь знать правду? (*Освобождается из объятий.*) Правду?!.. (*Нервно.*) Тогда — слушай! Похоже, я схожу с ума! Меня опять «глучит»! Ты не должен был появляться!

ПРИНЦ. Ты мне не рада.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Все это ненормально!!!

ПРИНЦ. Ты меня разлюбила...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Любовь к резиновой кукле! Кошмар!

ПРИНЦ. Мне уйти?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Уходи!!!

ПРИНЦ. Что ж... В жизни людей все по-другому. (*Одевается, берет зонт.*) У вас все очень быстро меня-

ется: умирают старые чувства, рождаются новые. Для вас любовь — как стакан холодной воды на бегу. Куда вы спешите? Для вас любовь — как последний трамвай, вы лезете в него, толкаетесь локтями и потом как сельди в бочке со скрипом отправляйтесь в бесплатную неизвестность. *(Пауза.)* Никак не могу привыкнуть к вашей нормальной, человеческой жизни. *(Молчание.)* А ты... Я прошу, не беспокойся. Обещаю, меня ты больше не увидишь.

Молчание. Принц решительно идет на выход.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Уходи... Уходи. Уходи! Нет... Стой! Стой! Стой!!! *(Бросается за Принцем, догоняет, хватается за плечи.)*

Вера Павловна и Принц стоят у открытых дверей, смотрят друг другу в глаза, крепко обнимаются. Долгий поцелуй.

Ну вот.
ПРИНЦ. Да...

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Значит...
ПРИНЦ. Тсс... К чему слова?

Пауза. Опять долгий поцелуй.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Скажи, ты не очень рассердился на меня?..

ПРИНЦ. За что?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ну... за то, что я выбросила тебя...
В мусоропровод.

Пауза. Снова продолжительный поцелуй.

Сколько мы не виделись?

ПРИНЦ. Вечность. 32 дня.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты считал?..

Пауза. Новый поцелуй. Долгое молчание.

ПРИНЦ. Я понимаю, жить очень трудно. Тем более со мной. Но я здесь. Я с тобой. Я вернулся. Я твердо знаю, что не могу без тебя жить... (*Шепотом.*) Я люблю тебя.

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Повтори.

ПРИНЦ. Я люблю тебя.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не слышу...

ПРИНЦ. Я люблю тебя!.. (*Кричит.*) Я люблю тебя!.. Люблю!.. (*Подхватывает Веру Павловну на руки, кружит, оба смеются.*) Люблю!.. Люблю!..

И эхо вторит в огромной квартире: «Я люблю тебя... Люблю...»

Входит босоногий Хулио Иглесиас. Поет. Чувственный, проникновенный голос испанца заполняет всю квартиру. Слышен шум прибора. Гостиная дрогнула и поплыла по невидимым волнам. Ослепительный взрыв света, и гостиная превращается в райский сад.

Вера Павловна и Принц кружатся в немыслимом танце. Кажется, еще чуть-чуть, и они взлетят как ангелы. А Хулио Иглесиас все поет и поет о неземных чувствах, о большой любви, о мужчинах и женщинах, плывущих куда-то далеко-далеко в море, ближе к солнцу, ближе к счастью.

Картина пятая

Спустя неделю.

Резиновый Принц сидит в кабинете за столом Веры Павловны, вокруг гора резиновых маленьких игрушек: утята, пингвины, котята, петушки, гномы, крокодильчики, чебурашки, поросята. Принц режет резину, клеит, мастерит. Резиновые игрушки издают механические звуки, пение. Открывается дверь лифта, входит Вера Павловна со свертками. Снимает шубу, идет в гостиную, в столовую, в спальню, ищет Принца. Звонит телефон.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да? Сигизмунд Петрович?.. Звонила. Нет, со мной все в порядке. На этой неделе? Нет, я занята. Да, все в полном порядке! Удачи. *(Выключает телефон, заглядывает в кабинет, подкрадывается к Принцу, закрывает ему глаза, целует, дарит механического щенка, который крутит хвостом.)* Сегодня у нас юбилей! Ровно месяц, как мы познакомились.

ПРИНЦ. Неужели?! А мне кажется, что это было только вчера!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Мы идем в ресторан!

ПРИНЦ. Ресторан? Какой?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Резиновый. *(Достает из сумки новый смокинг.)* Собирайся... Я заказала столик.

ПРИНЦ *(бережно подает Вере маленького резинового пупса в одеялке)*. Вера, теперь у нас есть ребенок.

ВЕРА ПАВЛОВНА *(берет на руки)*. Как назовем?

ПРИНЦ. Надо сначала решить: мальчик он или девочка.

Звонок в дверь. Пауза.

Вера Павловна идет в холл, открывает двери. На пороге — капитан дальнего плавания. Седе́я борода, китель белый, в зубах курительная трубка (в течение трех сцен трубку не вынимает изо рта, даже во сне), в руке дорожный чемоданчик и букет экзотических роз.

Пауза.

КАПИТАН *(широко улыбается)*. Команда, свистать всех наверх!!! Курс — сто семнадцать! Держать! Лево по борту!!!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Здравствуй!!! *(Бросается на шею капитану.)*

КАПИТАН. Брось якорь!!! Спусти трап на берег!!!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Почему ты не дал телеграмму?! Я бы встретила!

КАПИТАН. Я хотел, чтобы вдруг, неожиданно! Причалить ночью без огней и румпелем внезапно! А вдруг у тебя появился любовник?!.. *(Хочет, входит в*

гостиную, оглядывается.) Оргии нет. Мое сокровище!.. *(Вручает цветы.)* Икебану возьми... Да отпусти шею, задушишь!

Вера Павловна убегает с цветами за вазой. Капитан оглядывает квартиру, смотрит в шкаф. Вера Павловна вбегает с тяжелой амфорой, не знает, куда поставить цветы.

Хорошая квартирка. Я приехал на старую, а там тебя нет. *(Глядит в окно.)* Забралась на самое небо! Давно выбилась в олигархи?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Три года назад. Я же писала тебе.

КАПИТАН. Шикарный баркас! То есть квартира. А сколько кубриков, то есть комнат?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Много, я не считала.

КАПИТАН. Молодец... Хорошая пристань для морского, так сказать, зверя... то есть волка. Небось скучала обо мне?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Тебя списали на берег?!

КАПИТАН. Нет. Но уже скоро.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Вспомни, когда ты обещал из плаванья вернуться?!

КАПИТАН. Три года назад!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ну.

КАПИТАН. «Ну». Вот тебе и ну. Наш сухогруз во льдах застрял. Потом взрыв в котельном отделении. Потом попали в плен. Меня чуть туземцы не съели на рейде. Я поэтому писем не слал... Нас три года пытали! *(Смотрит.)* А ты похорошела, лодочка моя, палуба, шлюпка нежная...

Вера Павловна. Устал с дороги?..

Капитан. Сокровище, где тут у нас котельное отделение?

Вера Павловна. Милый, что?

Капитан. Я три года толком не мылся. Ванная где?

Вера Павловна. Сто метров прямо и двадцать налево.

Капитан. Ага. Ну, я пойду лягу в душ. Если хочешь, вместе пойдем...

Вера Павловна отстраняется. Капитан уходит один в ванную комнату, пыхтит трубкой, поет «Раскинулось море широко».

Принц (*вылезает из шкафа с пупсом на руках, удивленно Вере Павловне*). Кто это???

Вера Павловна. Это — Христофор. (*Пауза.*) Муж.

Принц. Чей???

Вера Павловна. Мой.

Пауза.

Принц. У тебя есть муж?!!

Вера Павловна. У всех есть муж.

Принц. Подожди... Но ты не говорила!..

Вера Павловна. Разве?.. Значит, не к слову было.

Пауза.

Принц. И давно ты с ним?..

Вера Павловна. Лет десять.

Молчание.

ПРИНЦ. И ты его... любишь?!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Конечно.

Пауза.

ПРИНЦ. Ничего не понимаю... (*Медленно сползает по стене на пол.*)

ВЕРА ПАВЛОВНА. Мы познакомились удивительно.

Помню, тогда я отправилась в первый круиз. Представь, огромный пассажирский лайнер! Море, волны, солнце, музыка! И на капитанском мостике — он. Я, как увидела, сразу потеряла голову, влюбилась. В один из вечеров я сама поднялась к нему и сказала: «Капитан! Я вас люблю!» И там, на мостике, сразу все и случилось.

ПРИНЦ. Что?!!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Лайнер делал в каждом портовом городе остановку, и мы с Христофором гуляли по улицам Стамбула, Лиссабона, катались на гондоле в Венеции... А в Нью-Йорке мне запомнился необыкновенный ресторан, где нам подали живую мартышку.

ПРИНЦ (*подавленно*). Что она говорит?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Или это было на Суматре... Не помню.

Надо Христофора спросить. (*Смотрит на Принца.*)

Слушай, он же тебя увидит. Тебе тут нельзя... Надо что-то делать...

ПРИНЦ. Я хочу с ним поговорить.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?! Ты с ума сошел!!!

Принц. Я никуда не уйду. У нас есть ребенок!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Вас никто не выгоняет. Поживите пока... Но... Если он узнает?..

Из ванной комнаты возвращается капитан. Вера Павловна заталкивает Принца обратно в шкаф. Капитан раздет по пояс, на нем полосатые кальсоны, в руках плечики с кителем.

Минуту Вера Павловна и капитан радостно, восхищенно смотрят друг на друга. Еще через минуту они уже танцуют и поют: «Эх, яблочко, да на тарелочке...»

Ночь. Спальня. Капитан и Вера Павловна, взявшись за руки, поют: «Раскинулось море широко, и волны бушуют вдали...»

Картина шестая

Холл. Ночь.

Принц пытается открыть изнутри дверь шкафа, наконец фиксатор слетает. Принц с трудом выбирается из шкафа. Идет к спальне, подходит, слушает игривый смех капитана и Веры. Оставляет у дверей пупса. Идет в столовую, находит огромный тесак-нож для разделки мяса, возвращается с искаженным от гнева лицом. Подходит к спальне, долго слушает. Возвращается в холл, в отчаянии смотрит на свое отражение, угрюмо бредет в гостиную, останавливается. Бессмысленно оглядывается вокруг. С силой вонзает в себя нож.

Темнота. Оглушительный хлопок.

Действие второе

Картина седьмая

На следующий день.

Вера Павловна стоит у окна, в руках пупс. За окном проливной дождь. Зеркальные небоскребы, стоящие напротив, отражают хмурое, серое небо.

Принц неподвижно лежит на диване, под головой подушка, на животе огромная резиновая заплата.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*Принцу*). Ты — смешон. Самоубийство — это глупо! Взрыв — точно дом взорвался. Нельзя так шутить. Слышишь? Я понимаю, тебе было тяжело... А ты подумал обо мне? Второй день играешь в молчанку... Да, я виновата перед тобой. Но я забыла... Забыла, честное слово, что у меня есть муж. Мы встречались раз в тысячелетие... Ну, скажи хоть что-нибудь! Ты и я — мы всегда пони-

мали друг друга. (*Молчание.*) Гордый... Обиделся. Христофор — он человек. Понимаешь? Че-ло-век. А наши с тобой отношения... они какие-то странные... Ты есть, и в то же время тебя нет. А я — женщина. Я живу среди людей.

Принц сидит неподвижно.

Чем тебе Христофор не понравился? Он хороший, веселый, общительный... Правда, со странностями. Но они есть у всех! Христофор вчера тебя спас, своими руками заново склеил... (*Молчание.*) Пойми, я хочу простых, понятных чувств. Я хочу жить с обычным мужем. Мне с тобой было хорошо. Но мы забыли, что жизнь — очень конкретная штука. Страсть, любовь — это прекрасно. Но все проходит. А что остается? Старость. 15–20 лет, и я буду старухой. И к тому же у нас нет ребенка, а есть только пупс... (*Молчание.*) Я должна расстаться с тобой... Но не могу. Ты стал очень близким... Я тебе не говорила, а сейчас скажу: ты первый мужчина, с кем я испытала... как бы это сказать... счастье...

Принц неподвижен.

Ты будешь жить здесь, с нами! Если секс для тебя очень важен, то я буду нанимать для тебя живых женщин, а мы с тобой останемся просто друзьями. Мы будем разговаривать, обсуждать и смеяться, как раньше... (*Берет Принца за руку.*) Останься!

Молчание. Принц не двигается.
Входит капитан в полосатой пижаме.

КАПИТАН. Я думал, в нашу гавань зашли корабли, то есть — гости. С кем ты тут говорила, сокровище?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты так долго сидел в ванне...

КАПИТАН. Меня на берегу всегда тошнит. (*Смотрит на Принца.*) Опять ты достала эту кислородную подушку!

ВЕРА ПАВЛОВНА. А что тут такого?

КАПИТАН. Думаешь, я слепой? Или дурак? Ничего не понимаю?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что?

КАПИТАН. Где ты видела у подушки глаза, рот и уши? (*Указывает на Принца.*) Ты спала с этим добром? Только честно.

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*вызывающе*). Да!

КАПИТАН (*смотрит на куклу*). До чего докатилась наука...

Как живой смотрит. Глазами прямо так и сверлит!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Это всего лишь кукла.

КАПИТАН. «Кукла»... Хотя я ей даже благодарен...

В том смысле, что если бы ты дрейфовала, то есть спала три года с живым адмиралом, это было бы хуже. (*Принцу.*) Молодой человек! Вы не хотите служить в морфлоте? (*Вере.*) Знаешь, я его заберу в кругосветку. У нас есть один мичман, золотые руки, быстро женщиной сделает! (*Хохочет.*)

ВЕРА ПАВЛОВНА. Никогда. Он останется здесь.

КАПИТАН. Ты так беспокоишься!.. *(Смеется.)* Я ведь и ревновать могу... *(Подходит к Принцу, смотрит.)* О, глазищи выкатил! Прямо сейчас вскочит, как акула, и слопаet меня... *(Смеется.)* Скажи, а как ты с ним этим делом занималась?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Серьезно.

КАПИТАН. «Серьезно»! *(Берет Принца за ноги, бросает на пол, хочет лечь, как ложатся на надувной матрас.)* О, пыхтит как паровоз!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не трогай! Отойди! Быстро, сказала!.. *(Грубо отталкивает капитана, берет Принца, стряхивает с него пепел от капитанской трубки.)*

КАПИТАН *(смеется.)* Я хочу понять, на что это похоже.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ни на что!

КАПИТАН. То есть — лучше не бывает?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да!!!

КАПИТАН. Вера! Не сбивайся с курса! Ты не в детском саду! Полундра! Поздно играть в куклы! *(Берет пупса, отбрасывает в сторону. Пауза.)* Значит, ты плавала с ним в больших широтах?!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Плавала!

КАПИТАН. На всех парусах?! Семь футов под килем?! С этим хозяйством ныряла?!!

ВЕРА ПАВЛОВНА. С этим!

КАПИТАН. Ну и как?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Фантастично!!!

КАПИТАН *(вгневе)*. Вот с этим пупсом?! «Фантастично»?!

С этой резиновой грелкой?!! Ну все, боцман. Слушай мою команду. Сейчас прольется чья-то кровь...

Отталкивает Веру Павловну, хватает Принца за ноги, со смехом бьет о стену, яростно работает кулаками.

Вера Павловна кричит, пытается вырвать Принца. Капитан отталкивает ее.

КАПИТАН *(с азартом, увлеченно бьет Принца)*. Вот тебе — семь килей под футом!.. Вот тебе — фантастично!.. Получай полундру на всех парусах!.. *(Бьет Принца долго и жестоко, топчет ногами, как бык.)*

Принц свистит и стонет. Вера Павловна кричит в ужасе. Принц от сильных ударов летает из угла в угол. Капитан в гневе рвет Принца зубами на части.

Темнота. Грохот бьющейся мебели и звон посуды.

Картина восьмая

Прошла неделя.

Квартира Веры Павловны. Вечер. В кресле сидит перебинтованный Принц, весь в заплатах, на голове неровная плешь на месте выдеранных волос, оборванный нос и ухо аккуратно пришиты. Держит на руках пупса. Рядом стоят костыли. На чемодане сидит капитан. Виногато смотрит на Принца.

Входит Вера Павловна. Неловкая пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. На прощанье я купила тебе трехмачтовый парусник. Он стоит в порту Копенгагена, в шестом терминале. Здесь все документы. Парусник твой. С ним делай все, что захочешь.

КАПИТАН. Ты хорошо подумала, мое сокровище?
ВЕРА ПАВЛОВНА (*официально.*) Я всегда думаю, когда принимаю решение.

Молчание.

КАПИТАН. Значит, развод? (*Вздыхает.*) Румпелем внезапно... Хотя объясни, в чем дело?! Ты из-за того, что я снова ухожу в море? Дак я вернусь. Не пройдет и полгода!

ВЕРА ПАВЛОВНА (*указывает на дверь*). Попутного ветра! Полный вперед! Отдать кормовые!

КАПИТАН. Не понимаю. Все было так грандиозно, и бац... Ты изменилась. Мы стали спать как враги — отдельно. Может, я разочаровал тебя как супруг?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не в этом дело.

КАПИТАН. А в чем?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я — не «танкер» и не «баржа». Я — женщина!

КАПИТАН. Ну, я же в хорошем смысле, чтобы ласково, так сказать, нежно... (*Смотрит на Принца.*) Все время ты нянчилась с этими пупсами. А мне — нуль внимания. Не понимаю... (*Пауза.*) Ну, порвал я твою куклу... Нервы. У меня якорь срывает. Дак я ж потом извинился. Вот костыли ему купил, чтобы тебе сделать приятно. Я не знал, что в тебе детство так заиграло... «Оторвали Мишке лапу, все равно его не брошу, потому что он хороший». Играй на здоровье, пожалуйста!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не в этом дело.

КАПИТАН. А в чем, мое сокровище?!

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты и я — мы никогда не любили друг друга. И не любим. Разве ты не чувствуешь?

КАПИТАН. Не понимаю я вас, женщин... У вас одни извращения на уме. «Любовь... Любовь...» А что такое любовь? «Любовь — это бред, юношеский лепет или старческое помешательство». А мы взрослые люди! Есть здоровое слово — «хочу!», а все эти ваши охи, ахи, вздохи, хризантемы на снегу... (*Раскуривает трубку, косо смотрит на Принца.*) Научились же делать игрушки... Натурально так смотрит... (*Вере.*) Давай не будем жечь корабли! Выждем полгода, я вернусь из рейса, а там поглядим...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Отчаливай. Я решила.

КАПИТАН. Ну что ж... (*Вздыхает, берет чемодан, идет к выходу.*) Отдать швартовы... Рубить канаты... (*Останавливается.*) Все равно непонятно... Может, пока я был в море, ты успела полюбить другого?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Может.

Пауза.

КАПИТАН. Та-а-ак. И кто же он — твой избранник?.. (*Пауза.*) Какой-нибудь поэт-лирик?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Нет.

КАПИТАН. Летчик-космонавт? (*Молчание.*) Юнга-бизнесмен? (*Молчание, смотрит на Веру Павловну.*) Все мимо? (*Молчание.*) А кто? (*Пауза, смотрит на Принца.*) Уж не влюблена ли ты в этого кренделя?

Молчание.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Браво, ты угадал.

КАПИТАН (*роняет из рук чемодан, долго и пораженно смотрит*). «Идет бычок, качается, вздыхает на ходу, ой-ой, доска качается, сейчас я упаду...» Ты шутишь? (*Пауза.*) Мать, ты спятила на старости лет?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Отчаливай!

КАПИТАН. Я-то отчалю. Не сомневайся. А ты — оста-
нешься одна! Чем богаче — тем ненормальней...
(*Смотрит на Принца.*) «Ежик резиновый с дыроч-
кой в правом боку». Тоже мне, нашла идеального
мужчину... Не понимаю вас, современных женщин!
Инвалиды духа. У вас одни извращения на уме.
(*Громко.*) Люди добрые!!! До чего докатились —
меня, морского волка, без пяти минут адмирала, ме-
няют на резиновую игрушку!.. (*Пауза.*) Ну что ж...
(*Злорадно.*) Третий — лишний. Желаю вам полного
счастья! (*Быстро идет на выход, исчезает.*) Отдать
швартовы, полный вперед!

Картина девятая

Долгое молчание.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*Принцу*). Доволен? Он ушел навсегда.
Все мужчины играют в любовь. Меня удивляет, как
легко они расстаются с женщинами, с которыми их
связывали годы, столетия! Ты видел? Он ушел с ра-
достью, с легкостью, гора с плеч. (*Пауза.*) Конечно,

он любил не меня, а море свое. И руки у него пахли рыбой, и ноги были — как у краба. Из десяти лет мы были вместе не больше месяца. Остальное время я ждала, встречала, провожала. Я никогда не знала, что творится у него на уме. (*Смотрит на неподвижного Принца.*) Хорошо быть куклой: когда нужно — молчишь, когда хочешь — говоришь... А у тебя что на уме?.. (*Молчание, смотрит на Принца с ужасом, тихо.*) Ну, скажи мне что-нибудь!.. (*Яростно трясет Принца за плечи.*) Ну, скажи!.. Ну!..

Принц падает, неподвижно лежит.

Женщина долго и молча сидит, смотрит в пустоту.

Бьют часы в холле.

Принц открывает глаза, озирается, берет костыли, ковыляет к Вере Павловне, садится рядом, гладит ее по волосам.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Зачем ты меня так пугаешь?.. Иногда мне начинает казаться, что ты вообще никогда не говорил. (*Вытирает слезы.*) Вот ты добрый и умный, все знаешь, все понимаешь. Скажи, что происходит? Почему внутри людей нет ничего, одна кожа, мясо да кости? А где душа? Душа? Вот в тебе пустота, воздух... Но все по-другому! (*Смотрит на Принца.*) Ты никогда меня не оставишь?..

Вера Павловна и Принц стоят, обнявшись.

ПРИНЦ. Ночь всегда наступает так неожиданно...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я тебя никому не отдам. Я люблю тебя. Понимашь?..

Долгий поцелуй.

В гостиную с криком влетает морская чайка.

Пентхаус превращается в побережье Атлантического океана. Входит Элвис Пресли. Звучит босанова.

Принц отбрасывает костыли. Вера Павловна и Принц танцуют на раскаленном песке.

Картина десятая

Спустя две недели.

Дверь лифта открывается, входит Вера Павловна, снимает с плеча сумку. Темно. Стоит в холле, прислушивается. Включает светильник. Открывает двери спальни, столовой, ищет. Принц в домашнем халате выходит из кабинета.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Вот ты где. А я думала, ты исчез, растворился... (*Обнимает Принца, целует в щеку.*) Ну как ты тут без меня?

ПРИНЦ. Ты обещала вернуться сутки назад.

ВЕРА ПАВЛОВНА. В Париже погода неслетная.

ПРИНЦ. Могла позвонить...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Совсем закрутилась. Конференция, выставка...

Входит в гостиную, зажигает свет и замирает. В кресле сидит манекен — прекрасная девушка с длинными ногами, именно такие живут в магазинных витринах.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*изумленно*). Здрасьте...
 ДЕВУШКА-МАНЕКЕН (*глупо улыбается, поправляет чулки*). Доброй ночи!

Пауза.

ПРИНЦ. А-а-а... Это — Марта.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Что она здесь делает???

ПРИНЦ. Мы... общаемся. Ты пропала на сутки! Мне было скучно...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Где ты эту шлюху подцепил?!

ПРИНЦ. Зачем ты так? Она порядочная девушка.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Она не девушка! Она — пошлая деревянная кукла! Расселась в дешевых чулках! Даю три минуты, чтобы ее здесь не было!..

ПРИНЦ. Я не могу. Она — мой гость.

ВЕРА ПАВЛОВНА. В моем доме?! Ночью?!

ПРИНЦ. Я думал, у нас дом общий...

ВЕРА ПАВЛОВНА (*поднимает с пола пупса*). Ребенок бесхозный, а папаша «общается»! Все мужики — подонки... Вас всех отлавливать надо и кастрировать, кастрировать, кастрировать, чтобы вы не плодили себе подобных. А ты хуже всех! Пока тебя накачаешь — все расхочется!!! Ты приносишь мне одно несчастье! (*В истерике.*) Чего ты хочешь? Чего добиваешься?! Сломать мою жизнь?.. Это невыносимо!.. (*Зарыдала, быстро уходит, хлопает входной дверью.*)

ПРИНЦ (*изумленно смотрит вслед, идет в гостиную, садится рядом с девушкой-манекеном, вздыхает*). Нелепо все вышло...

ДЕВУШКА-МАНЕКЕН. Люди такие трудные. Как ты можешь жить с ней?..

ПРИНЦ. Я люблю ее.

ДЕВУШКА-МАНЕКЕН. Ты спрашивал, о чем я мечтаю. Я мечтаю уехать в Европу, устроиться манекенщицей в самую крутую витрину и найти там такого же, как я, — красивого деревянного мужа. Чтобы у него было много деревянных денег, был высокий деревянный дом, деревянная машина, чтобы у нас родились деревянные дети...

ПРИНЦ. Она не вернется...

ДЕВУШКА-МАНЕКЕН. Вернется. Люди всегда возвращаются, если они не умирают. Людьми быть опасно.

Дверь лифта открывается, в холле появляется Вера Павловна, в руках коробка. Быстро идет в кабинет, достает из коробки черную помпу и комок фиолетовой резины, раскладывает на полу, быстро накачивает.

Входят Принц и девушка-манекен. Смотрят.

ПРИНЦ. Любимая, что ты делаешь?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не видишь?.. Качаю.

ПРИНЦ. Зачем??? Кто это?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ты не один на свете! *(Качает, становится виден силуэт мускулистого красавца мужчины.)* Познакомься, его зовут Арнольд!

ДЕВУШКА-МАНЕКЕН *(разглядывает.)* Такой приятный...

ПРИНЦ. Где ты взяла этого уроды???

ВЕРА ПАВЛОВНА. В секс-шопе. А что?..

КУКЛА АРНОЛЬД (*вздыхнул, вскакивает на ноги, громко и радостно*). Can you speak English or French?!¹ (*Смеется.*) What is the strongest animal in the world? The elephant!²

ПРИНЦ. Что он говорит?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Он сделан в Америке!

АРНОЛЬД. Some of our sex-boys swim in the sea even in winter!³ (*Всем.*) Hallo! (*Смотрит на Веру Павловну.*) I like cakes very much!⁴ (*Обнимает Веру, долгий и громкий поцелуй.*)

Принц мрачно смотрит.

Sams monkey is very funny!!!⁵

Снова долгий поцелуй.

She is at a loss!⁶ (*Хлопает Веру Павловну по задку, хохочет.*)

ПРИНЦ (*сквозь зубы*). Сейчас я научу его... говорить по-русски!.. (*Отталкивает Арнольда от Веры.*)

Начинается потасовка.

¹ Вы умеете говорить по-английски или по-французски?

² Кто самое сильное животное на свете? Слон!

³ Некоторые из наших секс-мальчиков плавают в море даже зимой.

⁴ Я люблю сладкое пирожное!

⁵ Моя обезьянка сегодня очень забавная!

⁶ Она растерялась!

Картина одиннадцатая

Спустя два часа. Кабинет.

На диване лежит Арнольд, девушка-манекен заклеивает пластырем ему зад.

АРНОЛЬД (*хнычет*). It is just shoking!¹ (*По-русски, очень плохо.*) Эти русские куклы — проста, блять, сумасшедшие!.. (*Свистит.*) How many months do you know in American?²

ДЕВУШКА-МАНЕКЕН. Йес. Ай кноу: Януарь, Фебруарь, Зептембэрь...

АРНОЛЬД. О'кеу! Я возьму тебя в Америку. Мы будем стоять в Макдональдсе... (*Свистит.*) У этих русских извращенное понимание секса... (*Поет грустную негритянскую песню.*)

Гостиная. Вера Павловна и Принц обнялись, тихо сидят, прижавшись друг к другу.

ПРИНЦ. Иногда я сам не верю в то, что я есть... Ты прячешь меня от людей. Я понимаю, любить меня — ненормально.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я не представляю, как раньше жила без тебя... Я точно заново родилась. Как это важно любить, и чтобы тебя любили. Вот сейчас ты рядом, такой теплый, живой, настоящий... И мне хорошо.

¹ Это просто возмутительно!

² Сколько месяцев ты знаешь по-американски?

Меня никто так не любил. Да и я — никогда, чтобы так по-настоящему...

ПРИНЦ. Говорят, внутри меня нет ничего, кроме воздуха. Это неправда! Во мне живет любовь к тебе. «Любовь» — обычное слово, вы — люди — очень любите говорить, но ваши слова мало что объясняют... Любить — это, значит, быть. (*Пауза.*) Мне кажется, я становлюсь человеком. Ты сделала из меня человека! Слышишь, сердце стучит?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да.

ПРИНЦ. Что бы ни случилось, мы вечно будем любить друг друга...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Мы всегда будем вместе...

ПРИНЦ. Мы никогда не расстанемся...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Никогда...

Эхо. Входит Эдит Пиаф. Поет.

Ослепительный взрыв света. Гостиная превращается в райский сад. Вера Павловна и Воздушный принц кружатся в танце, еще чуть-чуть, и они взлетят высоко-высоко.

Новая вспышка света, и в райском саду появляются сотни женщин, они кружатся с воздушными принцами под огромным деревом. Из листьев дерева выползает змея в золотых очках, с длинной бородой, смотрит.

Картина двенадцатая

Вечер. Гостиная. Празднично накрыт огромный длинный стол. За столом сидят куклы: Фрэнк Синатра, Эдит Пиаф, Майя Кристалинская, Хулио Иглесиас, Элвис Пресли и

куклы из дорогих витрин. В центре стола сидит Принц, одет торжественно, как подобает в таких случаях жениху. По правую руку от него сидят свидетели: девушка-манекен и Арнольд, по левую — два пустых стула.

Все куклы неподвижны. Тишина. Тихо потрескивают свечи.

Входная дверь открывается. В квартиру входит запыхавшаяся Вера Павловна в свадебном платье. За ней старичок и старушка: по их виду ясно, что они из тех, кто поет и танцует в подземных переходах, зарабатывая на нищенскую жизнь.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Заходите... Скорей. Нас давно ждут.

Старички идут через холл, озираются, как в музее: картины, светильники, богатая мебель.

Со стороны жениха свидетели есть, и с моей — быть кто-то должен... Все так внезапно, мы думали долго, но решились в один миг. Мы не хотим на завтра откладывать!..

Входят в гостиную. Куклы неподвижны. Старичок и старушка остановились как вкопанные: горят свечи, сверкает золотом и серебром посуда, на столе роскошные блюда.

Пожалуйста, проходите... *(Сажает старичка и старушку на свободные стулья, садится рядом с Принцем.)*

Старички притихли, глядят на изобилие стола, смотрят на изобилие вилок и ножей, не знают, как вести себя в таком обществе, оглядываются на нарядных кукол и тоже принимают неподвижные позы.

СТАРУШКА (*осторожно толкает локтем старичка в бок*). Неудобно... Все молчат... Начни первый.

СТАРИЧОК (*встает, поднимает бокал*). Мы с Анной Григорьевной, моей супругой, как свидетели со стороны невесты первые хотим поздравить молодых!

СТАРУШКА (*поднимает бокал*). И пожелать вам любви и долгих лет счастья!

СТАРИЧОК. Горько!..

СТАРУШКА. Горька-а!

Вера Павловна поднимает фату, целует Принца.

Молчание. Куклы неподвижны.

СТАРУШКА (*быстро хмелеет*). Позвольте наш музыкальный подарок! (*Поет.*) «Любовь нечаянно нагрянет, когда ее совсем не ждешь, и каждый миг тогда настанет удивительно хорош, и ты поешь...»

СТАРИЧОК (*поет*). «Сердце, тебе не хочется покоя...»

СТАРУШКА. «Сердце, как хорошо на свете жить...»

СТАРИЧОК. «Сердце, как хорошо, что ты такое...»

СТАРУШКА. «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить...»

Вера Павловна смотрит на Принца.

Старичок и старушка поют, вдруг замечают, что поют в одиночестве, резко замолкают, смотрят на присутствующих.

Молчание.

СТАРУШКА. Сейчас жизнь стала другая.

СТАРИЧОК. Мда...

Молчание.

СТАРУШКА. Простите нас, мы люди посторонние... Может, у вас, богатых людей, так и принято, но что-то жених у вас... необщительный.

СТАРИЧОК. Да и гости...

Молчание.

СТАРУШКА (*тихонько толкает старичка в бок*). Ты ешь... Наедайся давай... (*Громко.*) А теперь пусть скажут свидетели со стороны жениха!..

Молчание. Куклы неподвижны. Вера Павловна улыбается, смотрит на Принца.

Ну что ж... Тогда по второму разу. (*Поднимает бокал.*) Мы с Аполлоном Григорьевичем, моим супругом, как свидетели со стороны невесты хотим горячо поздравить молодых...

СТАРИЧОК (*поднимает бокал*). И пожелать вам счастья, долгих лет любви!

СТАРУШКА. Горька-а!
 СТАРИЧОК. Горько!

Молчание. Куклы неподвижны.

СТАРИЧОК (*шепотом старушке*). Анечка, что это за публика такая?..

СТАРУШКА (*шепотом*). Возьми вот тот кусок мяса... (*Опять встает, громко.*) Разрешите снова поздравить молодых! Я вижу вас первый раз, и сразу ясно — люди вы добрые... Мы с Аполлоном Григорьевичем никак не ждали попасть на такой громкий праздник... Я хочу поздравить невесту с ее выбором — жених хороший. Вот я с Аполлоном Григорьевичем сто лет в браке и еще столько же проживу. Мы вместе прошли и гражданскую, и отечественную, и перестроечную войну! А знаете почему? Мы до сих пор любим друг друга! (*Поднимает бокал, куклам.*) За вашу любовь!

СТАРИЧОК. Го-о-о-орько!..

Молчание.

СТАРУШКА (*смотрит на кукол*). Может, они оглохли с жиру?..

СТАРИЧОК. А почему ты не ешь?

СТАРУШКА. А ты?

СТАРИЧОК. Здесь никто не ест.

Молчание.

Старушка. Может, они, богатеи, наелись?..

Молчание.

Старушка (*тихо стариčku*). Поддай мне слева вон ту вафлю...

Старичок тянется, задевает локтем соседа, кукла опрокидывается навзничь.

Ой, Господи... (*Пытается поднять куклу, задевает еще одну, та тоже падает.*)

Старичок. Мадам, пардон. Простите...

Поднимают вторую куклу, роняют третью, четвертую, шестую.

Тягостное молчание.

Старушка. Не нравится мне эта свадьба...

Старичок (*шепотом*). Мотаем отсюда... (*Тихо идут на выход, скрипнул паркет.*)

Вера Павловна (*оглядывается*). Как?... Вы уже???

Старушка. Спасибо за угощение... (*Кланяется ку-клам.*)

Старичок. Поздно уже...

Старушка (*подталкивает в бок старичка, шепотом*). Д-вай!.. Д-вай!..

Старичок и старушка кланяются всем куклам, уходят.

Вера Павловна сидит за столом, смотрит. Берет Принца за руку.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*встает, поднимает бокал, всем куклам с улыбкой*). Дорогие друзья, я и мой любимый — мы очень рады, что все вы собрались... Сегодня в нашей жизни очень важный день... (*Думает.*) Знаете, еще год назад я думала, что счастье призрачно, эфемерно... что оно есть только в немом кино... Мне казалось, что моя жизнь так и пройдет в постоянном ожидании этого чуда... Но... (*Закрывает лицо руками.*) Я так волнуюсь, не могу говорить... Господа, может, прекратим играть в молчанку? (*Принцу.*) Когда ты так замолкаешь, мне начинает казаться, что тебя вообще никогда не было!.. (*Вытирает слезы, медленно идет вдоль праздничного стола, берет бокал, роняет на пол.*) На счастье... (*Берет другой бокал, разбивает, берет третий, четвертый, шестой, методично разбивает со словами «На счастье», идет вдоль стола, возвращается к Принцу, смотрит.*)

Тишина.

Принц открыл глаза, улыбнулся, медленно поднимает руку.

В холле проснулись часы — ударили два раза. И вдруг гостиная мгновенно взрывается одним движением: куклы становятся живыми людьми, тут хлопают пробки шампанского, там — звенят бокалы и ложки, смех, застольная суэта, хохот, выкрики: «Горько-о-о! Горько-о-о!» Грянул свадебный марш. Праздник начинается.

Картина тринадцатая

Вера Павловна, перед ней Сигизмунд Петрович — психолог и большой академик. Он практикует в обществе состоятельных людей. Его лицо украшает улыбка, золотое пенсне и длинная, как у сказочника, борода.

АКАДЕМИК. Я смотрю, дела идут совсем на поправку? Вы посвежели, с лица спала бледность, появилась живая улыбка, вы спокойны, уверены в себе. Вы чувствуете себя счастливым человеком?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да.

АКАДЕМИК (*разглядывает Веру Павловну*). И бессонница даже исчезла?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Исчезла.

АКАДЕМИК. Замечательно. (*Смотрит.*) Несомненно, курс терапии принес ощутимый результат! Мои услуги больше не нужны.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Спасибо.

АКАДЕМИК. Да нет, это вам — спасибо. Вы исключительная пациентка. Надо признаться, для меня это несколько неожиданно... Обычно в таких случаях выздоровление приходит не скоро.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Спасибо за сказочный подарок.

АКАДЕМИК. Подарок? Какой?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Ваш — мне. На юбилей.

АКАДЕМИК. У вас был юбилей? Поздравляю. Только...

ВЕРА ПАВЛОВНА. Идемте.

АКАДЕМИК. Куда?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Я хочу познакомить вас с мужем.

Идут в гостиную. В кресле сидит Принц, одет торжественно.

АКАДЕМИК. Очень приятно. (*Делает два шага навстречу, останавливается.*)

ВЕРА ПАВЛОВНА. Знакомьтесь.

Пауза.

Мы уезжаем сегодня в Испанию. У нас скоро будет настоящий ребенок.

Академик удивленно смотрит, подходит к неподвижному Принцу, разглядывает.

АКАДЕМИК (*переводит взгляд на Веру Павловну, долго смотрит*). Спокойна, уверена в себе, живая улыбка... Зрачки в порядке... (*Размышляет, смотрит то на Веру Павловну, то на Принца, снова на Веру Павловну.*) Вы говорите, что теперь стали спать крепко?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да, бессонница исчезла.

Пауза.

АКАДЕМИК (*облегченно*). Все понятно. А то, дорогая Вера Павловна, я грешным делом... начал тревожиться за вас. «Воздушный принц»...

Вера Павловна не понимает.

Скажите правду... (*Указывает на Принца.*) Он носил вас на руках???

ВЕРА ПАВЛОВНА. Носил...

АКАДЕМИК. Он пел романсы для вас?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Стихи читал.

АКАДЕМИК. Вы танцевали вместе под золотым дождем?..

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да.

АКАДЕМИК. И летали как птицы над ночным городом?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Летали...

АКАДЕМИК. Он осыпал вас лепестками роз?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да...

АКАДЕМИК. Он называл вас самой красивой, самой очаровательной, самой удивительной, самой восхитительной и самой необыкновенной?

ВЕРА ПАВЛОВНА. Называл...

АКАДЕМИК. Вы ревновали его? Было такое?..

Молчание.

И наконец, я вижу, у вас недавно была свадьба?

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Откуда вам... это известно?..

АКАДЕМИК (*улыбается*). Практика. Опыт. Многие мои пациенты, особенно женщины, которые выходят из депрессивного состояния, связанного с неудачами в личной жизни, — все они видят один и тот же сон. (*Пауза.*) Сон, безусловно, счастливый.

Молчание.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Сон???

АКАДЕМИК. Сон.

Пауза.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Нет... Это не так.

АКАДЕМИК. Так.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Не понимаю, зачем вы спорите со мной?

АКАДЕМИК *(с интересом смотрит на Принца)*. Приличный экземпляр.

ВЕРА ПАВЛОВНА. Да нет, он живой... *(Берет Принца за руки, пытается поставить на ноги.)* Просто сейчас... С ним такое бывает. *(Ставит Принца на ноги, тот валится на спину Вере Павловне.)*

АКАДЕМИК. Сон. Это своеобразная разрядка мозга, подмена реальности, что ли... Синдром мадам Тюссо. Все очень просто — ваше сознание умиротворяется, но некоторое время еще выдает остаточные иллюзии в виде фальшивого сна.

ВЕРА ПАВЛОВНА *(тормошит Принца)*. Ну давай поднимайся... Этот человек нам не верит. *(Пытается поднять Принца на ноги, шепчет.)* Ну скажи... Скажи... Скажи ему.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ГОЛОС *(тихо)*. Просыпайся...

ВЕРА ПАВЛОВНА *(смотрит в лицо Принцу, вдруг)*. Что с тобой? Ты побледнел... Тебе плохо?! *(Пытается поставить Принца на ноги, но Принц, как обычная кук-*

ла, падает на ковер.) Доктор, помогите... Помогите.
Ему стало плохо!...

АКАДЕМИК (*Вере Павловне, указывает пальцем вверх*).
Вы слышали? Ваш сон. Он говорит вам — просы-
пайтесь.

ВЕРА ПАВЛОВНА (*снова пытается оживить Принца, бьет его по щекам, приносит воду, тормошит, суетит-
ся, растягивает кукле ворот, разрывает рубашку*).
Ему не хватает воздуха... Он задыхается. (*Поднимает
Принца, пытается оживить, Принц тяжело валится
на пол.*) Он умирает! Что делать?!... Что делать?!...

АКАДЕМИК (*мягко*). Дорогая, хватит...

Вера Павловна снова ставит Принца на ноги, тот безжиз-
ненно падает.

АКАДЕМИК (*Вере Павловне*). Просыпайтесь...

ВЕРА ПАВЛОВНА (*в отчаянии*). Да помогите же кто-
нибудь!!! (*Торопится, тащит волоком Принца, пла-
чет.*) Он умирает...

АКАДЕМИК. Просыпайтесь... Просыпайтесь... Просы-
пайтесь... Просыпайтесь... Просыпайтесь... Просы-
пайтесь... Просыпайтесь... Просыпайтесь... Просы-
пайтесь...

Тишина.

Занавес

Башмачкин

Чудо шинели в одном действии

Явление, одно другого страннее, представлялось ему беспрестанно: то видел он Петровича и заказывал ему сделать шинель с какими-то западнями для воров, которые чудились ему беспрестанно под кроватью, и он поминутно призывал хозяйку вытащить у него одного вора даже из-под одеяла; то спрашивал, зачем висит перед ним старый капот его, что у него есть новая шинель...

Николай Гоголь

Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точно море вокруг него. «Нет, лучше не глядеть», подумал и шел, закрыв глаза, и когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами...

Из повести Николая Гоголя «Шинель»

1

Пустынная площадь. Полумрак.

Стоят трое: Акакий Акакиевич, пред ним два здоровых мужика. Первый делает шаг вперед, наступает Акакию Акакиевичу на ногу. Акакий Акакиевич охнул. Второй хватает Акакия Акакиевича за воротник, притягивает к себе, дышит прямо в лицо.

ПЕРВЫЙ (*тихо*). А ведь шинель-то моя!

Акакий Акакиевич в ужасе смотрит, оглядывается на огонек будки, хочет закричать.

ВТОРОЙ (*приставил к лицу Акакия Акакиевича огромный кулак*). Тихо... (*Достает топор.*)

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ (*выворачивается из крепких рук, пытается кричать*). Ка-ра-у...

Тяжелый удар кулаком в спину.

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ (*пытается высвободиться из чужих рук*). По-мо...

Сильный удар в лицо.

Акакий Акакиевич падает назад, второй подхватывает его, толкает в спину, Акакий Акакиевич натывается на кулак первого.

Помо...

Удар. Удар.

Акакий Акакиевич падает на снег, его бьют по лицу и спине. Акакий Акакиевич харкает кровью.

ПЕРВЫЙ (*второму*). Я держу! Сымай!..

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ (*лицо разбито в кровь*). Не надо...
Пожалуйста...

Первый поднимает Акакия Акакиевича, второй начинает расстегивать пуговицы шинели.

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ. Что вы... Не надо... Не надо...

ПЕРВЫЙ (*бьет Акакия Акакиевича в живот, держит руки, второму*). Кончай копошиться, короче...

ВТОРОЙ. Да щас, погодь!.. Петелька... (*Срывает шинель с Акакия Акакиевича, толкает его в сугроб, берет шинель под мышку.*)

Бьют Акакия Акакиевича ногами. Акакий Акакиевич уже не уворачивается от ударов, лежит без чувств, уткнувшись лицом в черный от крови снег.

ПЕРВЫЙ. Бежим!

Убегают в темноту.

АКАКИЙ АКАКИЕВИЧ (*постепенно приходит в себя; видит себя раздетым, отчаянно кричит, зовет*). Шинель!.. Шинель!.. Шинель!!! (*Приподнимается на колени, смотрит по сторонам, тяжело встает, делает два неуверенных шага и падает без чувств.*)

2

Темная улица.

Два мужика бегут; хрустит заледеневший снег под ногами.

Первый забегает в темный двор, второй за ним. Остановились, прерывисто дышат, прислушиваются.

ЕГОР. Тихо?..

ТИХОН. Да вроде...

ЕГОР. Будошник не свистел?

Едут по улице сани. Послышались голоса.
Мужики быстро идут к серому дому, заходят в открытую
холодную парадную, становятся под темной лестницей.

Курнём?

Чиркают в темноте спичкой, две бороды тянутся к огонь-
ку, прикуривают.

Холодно...

ТИХОН. Ухи померзли.

ЕГОР (*смеется*). Как мы его, а?!

ТИХОН. Я уж думал, никого не дождемся...

ЕГОР. Без выдержки тут нельзя. Ничего, быстро обу-
чишься. (*Пауза.*) А шинеля хороша...

ТИХОН. Воротник куний!

ЕГОР. Шишак, не иначе коллежский асессор... «Кара-
ул, — вопит, — помоги!» (*Смеется.*) А ты его за са-
мые жабры... Где драться-то наместился?

ТИХОН. В деревне.

ЕГОР (*ощупывает шинель, достает ключ*). Эх, знать бы,
где он живет!.. Можно в гости зайти, попроведать...

Смеются.

ТИХОН. Щас-то куда пристроим шинелю?

ЕГОР. К Захарке. Он в нашем деле мужик основной.

ТИХОН. А деньгу?..

ЕГОР. Тебе половина...

Скручивают шинель, прячут под телогрейку Тихона.

Идем...

Выходят на морозный воздух, идут со двора через темную арку и оказываются на улице. Мимо проходят редкие пешеходы. Егор и Тихон идут через перекресток, сворачивают на новую улицу. Здесь свет ярче, прохожих больше; мимо то и дело проезжают сани с седоками.

Вона глядь... Воротник едет бобровый... Такая шинель потянет на триста... А еще есть писец, но такие воротники завсегда с часовыми драгунами ездют. Тут была история лет пять тому... Один ухарь... Тимохой звали... Дак он сдернул шубу с самого генерал-губернатора! Весь город на дыбах, на каждом углу квартальные мялись! А Тимоши дух простыл! Дак на шубины деньги он в Твери каменный дом купил, завел лавку и жену-дворянку! За шинелю эту стока не вырвешь, но всё ж... Чо с деньгами-то сделаешь, Тихон?

ТИХОН. Дров у соседа куплю.

ЕГОР. А я справлю Анечке своей кальсоны на лямах... как у барышней.

Идут дальше. Молчат.

ТИХОН. Свернем.

ЕГОР. Ага, ближе.

Входят в глухой двор. Полумрак. Тихон чуть отстал, идет
сзади, достает топор.

ТИХОН. Егора...

ЕГОР. Чего?..

ТИХОН. Егора!..

ЕГОР. Чего??? (*Оглядывается.*)

Тихон бьет его топором по голове.

Хруст. Раз, еще раз и еще. Бросает топор в сугроб, идет
далее один. Выходит на освещенную улицу.

Подходит к кабаку. Входит в питейное.

Внутри шум, гулянка, накурено.

У разливочной стойки Хозяин.

ХОЗЯИН. Чего тебе?

ТИХОН. Захару.

ХОЗЯИН (*кричит*). Захарко!

Из шумного дыма появляется маленький Захар с грязным
полотенцем на руке.

ЗАХАР. Чо?

ТИХОН. От Егоры я.

Захар проводит Тихона через шумную толпу, заводит на
кухню. Закрывает дверь.

ТИХОН (*достает шинель, показывает*). Вот.

ЗАХАР (*долго разглядывает шинель, наконец*). Тридцать.

ТИХОН. Тридцать рублёв?!

ЗАХАР. Тридцать.

ТИХОН. Грабеж! Она больше сотины стоит!

ЗАХАР. Если б куница, а так — воротник кошкин.

И коленкор такой из модностей вышел... И сам фасон... У меня таких шинелей знаешь, тут скока?

ТИХОН. Побойся Богу, материя добрая...

ЗАХАР. Ну разве материя... Тридцать пять — крайнее слово.

ТИХОН. Грабитель, разбойник... Да эта шинеля сроду не ношена!

ЗАХАР. Ношена. Мало, конечно, но ношена... Видать, хозяин ее недавно пошил... Вот и пятнышко крови. (*Ковыряет ногтем пятно крови на шинели.*)

ТИХОН. Сороковник.

ЗАХАР. Тридцать пять. И четвертак сверху.

ТИХОН. Рубель.

ЗАХАР. Не хочешь, иди к городовому. Мож, он и за тысячу купит... (*Смеется.*)

ТИХОН. Аспид проклятый, анафема... Ну да чего там... (*Пауза.*) Давай!

Захар открывает конторку, отсчитывает деньги, поворачивается спиной.

Тихон с силой бьет Захара по затылку, выгребает из конторки все деньги, торопится, забывает шинель и свою фуфайку, выбегает из кабака и попадает под несущуюся лошадь с санями.

Грохот, ржание лошади; тяжелые сани в воздухе перевернулись и накрыли собой Тихона.

3

Дом Сапожника.

Запах гуталина и клея. На крючках висят сапоги и галоши.

У печи Жена. Заправляет щи картофелем.

Входит Сапожник в тулупе, замотан в шаль, щеки красные от мороза. В руках узел и стеклянная банка.

Сапожник. Здорово, Авдотья!

ЖЕНА. Дверь-то прижми, застудишь!

Сапожник (*снимает рукавицы, тулуп, разматывает шаль*). Морозец-то нончи! Прямо воздух трещит!

ЖЕНА. Керосину купил?

Сапожник. А как же.

ЖЕНА. Майор сапоги принял?

Сапожник. Куда ж он денется...

ЖЕНА. Ерипенился?..

Сапожник. Понятное дело... «Не мои сапоги, — кричит, — не мои! Эти хлябают, у были меня новые!» А я ему: «Понятное дело, ваше благородие, они были новые лет сто тому, а теперь старые, и хлябают оттого, что конечность зимой усыхает». А он раздался как жаба и как заорет: «Да как ты смеешь, тюфейка, говорить майору такое?! У меня ничто не усыхает! А чтоб ты не сомневался, выпорю тебя!»

ЖЕНА. И чо?..

САПОЖНИК. И то.

ЖЕНА. А деньги?..

САПОЖНИК. Покочевряжился, но отдал. (*Осторожно переливает керосин из банки в кружку.*) Зашел потом на Литейную к дамскому сапожку, потом в артель за гвоздями, потом на рынок уже. (*Пауза.*) Еллюминарию видел, еще нструмент аглицкий... Колбасы очо-ченели, кишками болтаются. (*Заправляет керосин-ку.*) Керосин добрый, без сажи...

ЖЕНА. Деньги где? Не мусоль.

САПОЖНИК. А всё, нету...

ЖЕНА. Как???

САПОЖНИК (*вытирает руки, развязывает узел, доста-ет шинель Акакия Акакиевича, довольно*). Видала!

ЖЕНА. Господи!..

САПОЖНИК. Шинель.

ЖЕНА. Чиновничья! Где ж ты ее взял?

САПОЖНИК. На рынке. Глянь, новая...

ЖЕНА. Все деньги отдал!!! (*Заревела.*)

САПОЖНИК. Я чо, полоумный?! У хохла за сорок пять сторговал!..

ЖЕНА. Брешьешь!

САПОЖНИК. Чо мне брехать?! Еще брать не хотел, да дешевизна!

ЖЕНА. Ага! Полгода бы масло жрал! Дурень! Тебе ж по чину не полагается!

САПОЖНИК. И чо?..

ЖЕНА. А вот поймают тебя в этой шинели и зааресту-ют! И вообще, куда ты в ней?..

САПОЖНИК. На Паску носить, на праздники к деверю...
(*Разглядывает шинель, не может оторвать глаз.*)
А-а хороша... (*Гладит шинель, расправляет, повесил на гвоздь.*) Материя тверда, гладка... И ворот пушит...
И подкладина греет... (*Шинели.*) Хороша ты, шинель, хороша...

ЖЕНА. «Хороша, хороша»... Не срамись! С тряпкой милуешься... (*С грохотом ставит котелок на стол.*)
Ешь, ради Бога!

Сапожник с Женой садятся за стол, едят.
Слышится, как будто кто-то зовет теплым, мягким голосом: «Башма-а-ачкин, Башма-а-ачкин, Башма-а-ачкин».

ЖЕНА (*Сапожнику*). Эй, слышь... Слышь! Да слышь ты!..

САПОЖНИК (*увлечен едой*). А?! Чего?..

ЖЕНА. Зовет кто-то...

Прислушиваются.

ГОЛОС (*чуть громче, приветливо*). Башмачкин... Башмачкин...

САПОЖНИК (*прислушивается*). Говорит... Мужик или баба... Нет, дите будто...

Прислушиваются.

ГОЛОС (*еще громче, нетерпеливо*). Башмачкин!.. Башмачкин!..

ЖЕНА. Там!
 САПОЖНИК. Цыц!

Ходят по комнате, ищут.

ГОЛОС (с беспокойством, более настойчиво). Башмачкин.

Сапожник и Жена глядят на Шинель, висящую на гвозде.

ШИНЕЛЬ (с обидой в голосе). Башмачкин, где ты?
 ЖЕНА (смотрит на Шинель, в ужасе перекрестилась).
 Господи...

САПОЖНИК. На, погляди! (*Внимательно изучает Шинель, осторожно заглядывает в рукава, внутри пусто.*)

ШИНЕЛЬ (*радостно*). Башмачкин?

САПОЖНИК (*испуганно*). Сапожник я...

ШИНЕЛЬ (*тревожно*). А где он?!

САПОЖНИК. Кто?

ШИНЕЛЬ. Башмачкин.

САПОЖНИК. Не знаем...

ШИНЕЛЬ (с большим беспокойством). А когда он придет?..

САПОЖНИК. Кто?

ШИНЕЛЬ. Башмачкин.

ЖЕНА (*крестится*). Матушки мои... Нечиста... Выкинь ее, дьявола, Христа ради!!!

Сапожник пытается снять Шинель с гвоздя, не получается, Шинель точно приколочена к стене. Сапожник рвет

со всей силы, Жена помогает, воротник Шинели трещит. Тянут.

Падает керосинка со стола, горящий керосин растекается по полу. Быстро разгорается пожар.

Ночь.

Шинель идет темными дворами. Позади полыхает дом Сапожника. Шинель то и дело останавливается, стирает сажу с рукава, поправляет порванный воротник, громко зовет: «Башмачкин! Башмачкин!»

Лают собаки. Вокруг ни души. Шинель бредет через бескрайнее снежное поле, кричит на все четыре стороны: «Башмачкин! Башмачкин!» Слов не слышно. Вьюга бьется в ее пустых рукавах, дергает за полы, хватается за воротник. Шинель идет, а поле все не кончается, она устала кричать и идти, села в сугроб и подняла воротник.

4

Комната Башмачкина.

Тускло горит свечка.

Акакий Акакиевич лежит на кровати под одеялом, открывает глаза, видит на вешалке старый капот.

БАШМАЧКИН. Шинель? Шинель?! (*Отбрасывает одеяло, вскакивает, ходит по комнате в нижнем белье, ищет.*) Шинель!..

Входит Хозяйка.

БАШМАЧКИН. Отчего тут висит старый капот?! У меня была шинель новая!

ХОЗЯЙКА. Ложитесь... Жар... Вам нельзя...

БАШМАЧКИН. Шинель... Где она???

ХОЗЯЙКА. Нету. Ее отобрали третьего дня. *(Помогает Башмачкину лечь в кровать.)* Простудякались вы, жабу надуло. Третий дён в бреду... Я врача позвала.

БАШМАЧКИН. Скверное, скверное дело... Я тут лежу, а мою шинель носит новый хозяин, будь он проклят!

ХОЗЯЙКА. Что ж... Везде были, везде просили. Лежать вам остается. *(Подает кружку воды.)* Бог дал, Бог взял...

БАШМАЧКИН. Скажите, а случается так, чтоб шинель рассудок заимела??? Чтобы как человек, натурально? Сама бы хозяина стала искать? А?..

ХОЗЯЙКА. Сама?..

БАШМАЧКИН. Мне сейчас виденье было или сон какой, уж не знаю...

ХОЗЯЙКА. Спите. *(Накрывает одеялом Башмачкина, уходит из комнаты.)*

БАШМАЧКИН *(один)*. А что, если б взаправду... Моя шинель ожила и сама... сама меня стала искать... Пришла бы и сказала: «Здравствуй, Башмачкин, это я — шинель твоя. Нашла тебя». *(Закрывает глаза.)*

5

Дом Инженера.

В гостиной накрытый стол, сидят Инженер в сюртуке и его Приятель — полный мужчина лет сорока пяти, одет

хорошо, со вкусом, держит себя свободно, сразу видится, что большой чиновник. Пьют вино, смеются.

ПРИЯТЕЛЬ. А вот тебе еще, Сидор Андреич, одна зарисовка!.. У меня есть помещик... Большой оригинал... Почитает Галилея... Так он ради научного опыта учудил на святого Пантелеймона, женил девку на куренке, а парня на поросе!..

Смеются.

ИНЖЕНЕР. И что?

ПРИЯТЕЛЬ. Куренок и поросенок заговорили по-человечьи! Но вот ерунда: парнишка стал хрюкать, а девка кудахтать...

Смеются.

ИНЖЕНЕР. Эх, Степан Варламыч, горазд ты сочинять! «Куренок и поросенок»!

ПРИЯТЕЛЬ. У меня в губернии и не такое случается! У меня козы лают!

ИНЖЕНЕР. Побойся Бога, Степан Варламыч... Это как?

ПРИЯТЕЛЬ. У меня городничий — страсть хитрый. Так я решил поучить его. Подарил на именины подарок. Взяли мои мужики шкуру козы и обшили этою шкурой цепную собаку. И к городничему: «Вам подарок от губернатора». Городничий руку протянул, а козочка лаять начала...

Пьют, смеются.

ИНЖЕНЕР. А тут в Петербурге мухи дохнут от скуки!
Департаменты, министерства...

ПРИЯТЕЛЬ. Пока до чина дойдешь — лопнешь от злобы. Уж лучше, как я, — быть губернатором Вятской губернии. (*Пауза.*) Слушай, я тут в «Пчеле» прочел — в Фонтанке изловили крокодила...

ИНЖЕНЕР. Газетчики...

ПРИЯТЕЛЬ. Нет уж, Сидор Андреич, я больше верю в этого крокодила, чем в твою «промышленность»! Слово-то какое... Мышь напоминает. (*Махнул рукой.*) И потом... Мужики-то наши... Они твою фабрику мигом растащат на бревна... Народ наш любит неподчинение! Вон сегодня я обедал у Ивана Абрамыча... Он стал большим генералом, значительным лицом! Таким значительным, что и сказать боязно! (*Пауза.*) И вот сидим мы сегодня с Иваном Абрамычем, сидим весело, детские дни поминаем, а в дверь все порывается какой-то мельчайший чиновник. Сидим мы с Иваном Абрамычем, вино выпили, чай уже допиваем, а чиновник этот не унимается, ждет под дверью, и все тут! Иван Абрамыч говорит: «Ну ладно, проси, черт с ним!» И что ты думаешь, Сидор Андреич? Входит этот чиновник, да и не чиновник, а что-то вовсе несообразное... Вицмундир скверный, роста он, прямо сказать, — небольшого, крохотного, почти карлик, или, точнее, — хлипкий подросток, который зачем-то не вырос. Но и подростком его назвать никак нельзя, потому как на тонкой, куриной шее сидит маленькая

голова с совершенно взрослым лицом! Единственно крупное в нем — это уши, но и они заросли старческим пухом, а брови, напротив, — точно объедены молю. Вокруг глаз мелкие-мелкие оспины, отчего кажется, что глаза эти глядят из глубокой-глубокой пшенной ямы!... И вот он, заикаясь как кролик, требует от Ивана Абрамыча, чтобы тот отыскал его кафтан, или шинель, или сапоги, уж не помню что... А сам свою вещь задевал куда-то то ли по пьянке, то ли у цыган... уж не помню, как он сказывал... *(Пауза.)* И это чиновник столичного департамента! А что о мужиках говорить??? Никакого почитания к начальству, никакого порядка! Для них суровость нужна и крайняя строгость!!! *(Смотрит на часы.)* Засиделся у вас, Сидор Андреич... Мне еще к Полихронию Кузьмичу... *(Встает.)* Ну-с, благодарствую.

Инженер провожает гостя до дверей.
Входит Супруга инженера.

ПРИЯТЕЛЬ. Позвольте откланяться, Марья Антонна...
(Целует ручку.)
СУПРУГА. Будете в Петербурге, заходите еще...
ПРИЯТЕЛЬ. Всенепременно! Всенепременно-с!

Появляется хромой Слуга, подает шапку, хочет снять с вешалки шинель.

ПРИЯТЕЛЬ *(удивленно)*. Что ж ты, братец, мне драную кошку даешь?.. Это шинель не моя!

Слуга спохватился, подает другую шинель, с бобровым воротником.

ПРИЯТЕЛЬ (*назидательно*). Сидор Андреич... Никакого порядка... Без строгости с этим народом нельзя!... (*Уходит.*)

Инженер дает Слуге подзатыльник, тот убегает.

СУПРУГА (*вступает за Слугу, Инженеру*). Comment tu peux battre le serviteur?! Cela le ton mauvais! Ce est honteux!¹

ИНЖЕНЕР (*смотрит на шинель*). Чья это шинель?..

СУПРУГА. Успокойся, эту шинель принесли твои рабочие. Говорят, ты обронил ее в котельной.

ИНЖЕНЕР. Чушь! Эта шинель не моя! (*Разглядывает шинель.*)

СУПРУГА. А чья?...

ИНЖЕНЕР. Не знаю... Может, это шинель твоего любовника?

СУПРУГА. Какого???

ИНЖЕНЕР. Такого. Думаешь, я ослеп, ничего не замечаю?!

СУПРУГА. Что?!

ИНЖЕНЕР. Ты крутишь роман с этим слугой... Черт хромоногий!

СУПРУГА. Убойся Бога...

¹ Как ты можешь бить слугу?! Это дурной тон! Это стыдно! (*фр.*)

ИНЖЕНЕР. Мне Бога бояться нечего!.. А ты — грешница! Ты — потаскуха бесстыжая!

Супруга дает пощечину Инженеру, тот бросает в нее фарфоровый чайник. Семейная ссора превращается в шумный скандал. Супруга хватает со стола нож, бьет инженера ножом в горло. Бьет еще и еще.

6

Дворницкая.

Маленькое окошко на уровне мостовой, оттого видны только собаки и ноги прохожих.

Дворник сидит на табурете, зашивает шинель (надорван рукав и воротник, из дыры выглядывает подкладка), рядом сидит Аня — племянница.

Дворник. Морозы-то вот поддали... Третий дён пурга свищет... Тока снег согребешь, а он опять подлетает... Лопата его не берет... К камню все прилипает...

Аня. А помнишь, дядя Андрон, как у нас в деревне сирень цвела?

Дворник. Как же...

Аня. А помнишь нашего гармониста Тишу, что в Питер на заработки приехал?..

Дворник. Помню...

Аня. Дак вот, он второго дня под сани угодил... Насмерть.

Дворник (*вздыхает*). Петербурх... Петербурх-г... (*Уколол палец иголкой, на секунду шинель выскользнула из*

рук, дворник потерял иголку, с ужасом думает, что проглотил, но находит в коленях.) А ты-то как, Аня, живешь?..

Аня. Ничего, дядя Андрон...

Дворник. Как, еще не родила?

Аня. Терплю. Боюсь, рожу, хозяева сразу вытурят.

Дворник. Суровы они у тебя...

Аня. Да уж, не то что твой барин... Мне ваши превосходительства шинели не дарят!

Дворник. Шинеля, конечно, небывалая, неча тут говорить... Но разве что дал бы он добрую? Видишь, воротник надорвался, и тут темное пятнышко. *(Шьет.)*

Аня. Мож, ты продашь ее?

Дворник *(любуется)*. Не, бляху пришью и ходить буду.

Аня. А говорят, люди сказывают, что шинели тревожно носить. Содрать могут.

Дворник. Пусть тока!.. *(Любуется на шинель.)*

Аня. Пойду я, дядька Андрон. *(Одевается.)* Хозяйских собак еще выгуливать надо.

Дворник. Пойдем до ворот провожу... *(Бережно положил шинель на кровать, надевает тулуп и валенки.)*

Оба уходят.

Шинель лежит на кровати. Садится, ощупывает свое плечо, зашитое свежими нитками.

ШИНЕЛЬ *(думает)*. Башмачкин... *(Вспомнила.)* Башмачкин!!!

Быстро встает, ходит по комнате, ищет, тянет пустые рукава, зовет. Забирается на стол, смотрит в окошко на проходящие мимо сапоги и валенки, ждет.

Проходит время, поток пешеходов и вовсе прекратился. Шинель печально обмякла и села. Молчание.

Башмачкин... *(Смотрит на свой правый бок, где осталось пятно крови, встает, снова глядит в окно.)*

Входит Дворник с метлой, вдруг видит на полу опрокинутый чайник и Шинель, стоящую на столе.

Пауза.

Дворник. Э-э-й... *(Водит в воздухе метлой, пытается замести наваждение.)*

Шинель обернулась.

Пауза.

Изучают друг на друга. Шинель прыгает со стола и бежит прочь.

Сто-о-ой!

Улица.

Мчится Шинель, бежит против встречного ветра. Полы шинели задувает назад, плечи — вперед, кажется, она летит. За нею бежит Дворник.

Шинель прыгает с набережной на замерзшую Неву.

Дворник за ней.

Шинель бежит впереди.

Позади треск. Дворник проваливается под лед и исчезает в черной воде.

Шинель оглядывается — никого.

7

Комната Башмачкина.

Мерцает огонек свечи, комнатные тени дрожат на потолке.

БАШМАЧКИН (*очнулся, садится, вытирает пот с лица, тяжело дышит, переводит дух, поднимает голову вверх, смотрит на потолок, удивленно*). Как же вышло такое??? Что ж получается?.. Моя шинель... Моя шинель! И одна-одинешенька в Петербурге! Может ли быть это??? (*Закрывает ладонями глаза, сосредоточенно*.) Нет же... Вот она... Двигается по Литейной... Она ищет меня! (*Встает с кровати, взволнованно ходит по комнате, размышляет, быстро умывается, надевает сапоги, сюртук, снимает с крюка старый капот*.) Давай-ка скоренько, братец... (*Надевает старый капот, спешит, по лицу льет пот, дышит все тяжелее*.) Так-то... Так-то... (*Застегивает капот на все пуговицы, пальцы не слушаются, лицо багровеет; старый, тяжелый капот точно душит его*.) Так-то... Поспешать... Поспешать... (*Идет к двери, ногам все тяжелее, задыхается, не может идти, прислонился к косяку, опускается на пол, расстегивает пуговицы капота, освобождает ворот, кашляет, тяжело дышит*.) Отпусти...

Входит Хозяйка.

БАШМАЧКИН (*задыхается*). Шинель... Она ищет меня...

ХОЗЯЙКА. Господь с вами... (*Помогает Башмачкину встать, перекладывает на кровать.*) Куда такому больному? (*Помогает снять капот, сюртук.*)

БАШМАЧКИН (*Хозяйке*). Окажите милость... На Литейной... Там шинель...

Хозяйка помогает Башмачкину раздеться, лечь в кровать, накрывает одеялом.

...Ищет меня...

ХОЗЯЙКА. Скоро дохтор приедет. (*Выходит.*)

БАШМАЧКИН (*один*). Окажите милость... Помогите ей... (*Лицо у него горит, закрывает глаза, тяжело дышит, видит что-то.*) Шинель... Шинель... Вот же... Ищет... (*С беспокойством.*) Надо спросить, где я живу...

8

Шинель идет, проходит Исаакиевскую площадь, поворачивает к Адмиралтейству, разглядывает редких прохожих, и вдруг... где-то там, далеко, за хлопьями снега ей померещилась знакомая фигура.

ШИНЕЛЬ (*радостно кричит, машет рукавами*). Я здесь!... Я здесь!.. Я тут!.. (*Бросается следом, в три секунды долетает до конца улицы, сворачивает за угол.*)

Никого.

ШИНЕЛЬ (*растерянно смотрит по сторонам, вглядывается в пелену снега, забирается на фонарный столб, кричит во все стороны*). Башмачкин!.. Башмачкин!..

Размахивает руками, озирается. Кричит, пока не подходит Квартальный.

КВАРТАЛЬНЫЙ. А ну!.. Слазь немедленно, разбойня!!!
Кому говорю!.. (*Хватает Шинель за полы, сдирает с фонаря, берет за воротник, тащит.*)

9

Отделение.

Квартальный за столом, на стуле слева сидит Шинель.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Какого ты роду?!

ШИНЕЛЬ. А?

КВАРТАЛЬНЫЙ. Какого ты роду?! Мужского?!

Шинель пожимает плечами.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Имя?!

ШИНЕЛЬ. А?

КВАРТАЛЬНЫЙ. Имя?!

ШИНЕЛЬ. А?..

КВАРТАЛЬНЫЙ. Имя твоё!!! (*Стучит кулаком по столу*).

Второй час ваньку валяешь! (*Встает.*) Нет, шельма,

ты у меня заутаришь, ты у меня запоешь! Ты совершил государственное злодейство! По фонарям ползать нельзя! По фонарям лазют одни политические!..

ШИНЕЛЬ. А?

КВАРТАЛЬНЫЙ. Знаешь, что такое Сибирь, что такое — морозы?! Под каторгу пойдешь!

Входит Пристав.

ПРИСТАВ. Квартальный, ты с кем тут?

КВАРТАЛЬНЫЙ. Да вот, нарушитель. Неизвестного рода.

ПРИСТАВ (*оглядывается*). Где?

КВАРТАЛЬНЫЙ. Извольте. С фонаря снял.

ПРИСТАВ (*удивленно смотрит*). Ты что, братец, спятил??? Тут шинель одна!

КВАРТАЛЬНЫЙ (*на Шинель*). Молчит, не говорит...

ПРИСТАВ (*подходит, разглядывает*). Шинель, видать, новая... И подкладка... (*Смотрит.*) А портной — криворукый, петли торчат...

ШИНЕЛЬ. А?

Пауза.

ПРИСТАВ (*изумленно Шинели*). Ты что это... вздумала говорить... Первый раз наблюдаю такое. (*Пауза.*) Ну-ка вырази еще что-нибудь...

ШИНЕЛЬ (*встает, тянет к Приставу рукава*). Башмачкин?

ПРИСТАВ. (*Пауза.*) Какой еще Башмачкин?..

ШИНЕЛЬ. Я ищущу...

ПРИСТАВ. Нет, тут какое-то нарушение... Квартальный, ты видал такое, чтоб шинель разумно говорила?

КВАРТАЛЬНЫЙ. Никак нет! Давайте ее заарестуем!

ПРИСТАВ (*думает*). Как человека мы ее посадить не можем, а посадим как шинель — придет инспектор с оказией, увидит и влепит: «Что ж это, братцы, у вас в карцере вместо людей сидят шинели-каналы?» (*Пауза.*) Нет, братец. Так не пойдет.

ШИНЕЛЬ. Башмачкин... Башмачкин...

ПРИСТАВ. Погоди... (*Вспоминает.*) Тут же после обедни был какой-то писарь или чиновник... умолял найти свою шинель... Уж не она ли??? (*Сматривает на Шинель, Квартальному*). Ну-ка, ее догляди...

Квартальный ощупывает подклад шинели, выворачивает карманы, находит маленькую, плотно свернутую бумажку.

КВАРТАЛЬНЫЙ (*читает по слогам*). «Я, Башмачкин А.А., — жилец госпожи Сапоткиной в Кухонном переулке, дом три, обязуюсь возвратить сапожнику 12 копеек...»

ПРИСТАВ (*Квартальному*). Вот что, голубчик, окажем радость этому человечку, пусть любит и ценит раденье закона! Сопроводи-ка эту шинель по месту обитания. И прикажи этому... как его... Башмачкину А.А. ...пусть зашьет рот своей шинели!

Комната Башмачкина. Башмачкин лежит в постели, снимает со лба компресс, кладет в рот, жует.

БАШМАЧКИН. На всяко лицо есть лицо более крупное... Вот наш чиновник, над ним секретарь... А над тем еще начальник, он должен всех опекать. И над начальником еще начальник, а над тем — еще и еще. Ведь есть же сам! Высший! Кто может просьбу понять... Генерал?.. Нет! Генерал-губернатор! *(Берет лист бумаги, перо, садится в кровати, берет чернильницу, макает перо.)* Ваше... *(Пишет.)* Ваше... Высо... Высопре... *(Перо сухое, чернила закончились, приставил к глазу чернильницу, смотрит внутрь.)* Кто это?!.. Как оно тут?! Квартальный?!.. Квартальный, в самом деле... Как он сюда влез??? *(Смотрит, щурится, видит.)* Квартальный тащит шинель!!! *(Вглядывается в чернильницу, как в калейдоскоп.)* А ног у моей шинели нет! Нет рук, нет головы... *(Хихикает, стучит пером по чернильнице, громко.)* Эге-ге! Это шинель моя! *(Щурится в чернильницу, громко.)* Эй, сюда! Я тут проживаю!.. Квартальный.... Сюда! Сюда! *(Всматривается в чернильницу, хихикает, очень доволен.)*

Квартальный с Шинелью идут темным переулком через дворы, мимо поваленных досок и ящиков, затем еще вдоль забора. Заблудились. Останавливаются.

КВАРТАЛЬНЫЙ (*сверяет адрес с бумажкой*). Черт разберет, где тут дом... (*Оглядывается, вдруг видит спешащего в темноте человека.*) Эй!...

ЧЕЛОВЕК (*останавливается, подходит*). Вот так встреча... Квартальный... Долго жить будем!

КВАРТАЛЬНЫЙ. Ты кто?

ЧЕЛОВЕК. Не признали?..

КВАРТАЛЬНЫЙ. Егор??? Ты же мертвец.

ЕГОР. А хоть бы мертвец. (*Пауза.*) У меня к вам штрафы имеются... Воротить хочу.

КВАРТАЛЬНЫЙ. Тебя же черти свои прибили!..

ЕГОР (*достает из-под полы нож, бьет Квартального, тот замертво падает*). Будьте здоровы. (*Подходит к Шинели, ухмыляется.*) Вот и свиданце... Здорово... (*Тянет Шинель за полу.*)

Шинель вырывается, бежит прочь. За ней мертвец. Мелькают дворы, мосты, кварталы.

12

Комната Башмачкина.

БАШМАЧКИН (*лежит, отчаянно пытается просунуть пальцы внутрь чернильницы, торопится, пальцы застревают в узком горлышке*). Мертвец! Куда за карабкался?! Прочь! Прочь! (*Разбивает чернильницу, яростно топчет голыми ногами стекло.*) Это ты шинель отнял!.. Я признал тебя! Чтob ты пропал!!! Не тронь!.. Не тронь шинель!!! Слышишь?! (*Замер,*

смотрит на осколки чернильницы, перебирает битое стекло, ищет.) Шинель... Шинель... Шинель... (Заплакал.) Ты где?..

13

Шинель стоит одна посреди площади.
Ночь. Снег.
Шинель озирается, кругом незнакомые дома, особняки.
Шинель зовет: «Башмачкин... Башмачкин...» Вокруг ни души. Шинель опускает рукава, обессиленно садится на мостовую.

14

Комната Башмачкина.
У кровати Хозяйка и Доктор.

БАШМАЧКИН (*у него жар, накрыт с головой одеялом*).
Шинель... Шинель...

Молчание.

ДОКТОР. Делать примочки раз в день. Хотя... Уже ни к чему.

Башмачкин очнулся, смотрит на Доктора и Хозяйку.

БАШМАЧКИН. Доктор?..
ДОКТОР. Да?

БАШМАЧКИН. Окажите милость...

ДОКТОР. Что?

БАШМАЧКИН. Моя... шинель... Она... Там!

ДОКТОР. Где?... В чернильнице?..

БАШМАЧКИН. Да! Помогите! Она ищет меня... Помогите... Распорядитесь, чтоб ее ко мне привели...

ДОКТОР. Да, разумеется.

БАШМАЧКИН. Я очень прошу...

ДОКТОР. Конечно-конечно, голубчик.

Доктор и Хозяйка молча выходят, закрывают за собой дверь.

ДОКТОР. Закажите гроб.

ХОЗЯЙКА. Что у него там под одеялом???

ДОКТОР (*закрывает саквояж*). Невский проспект. Это горячка. Видения.

Башмачкин лежит, накрытый одеялом.

15

Пустынный Невский проспект.

Ателье Портного. Снаружи вывеска «Шинели»; на дверном стекле нарисована фигурка веселого господина, одетого в широкую французскую шинель.

В дверь долго и настойчиво колотят.

С лестницы спускается Портной со свечой, подходит к двери.

ПОРТНОЙ. Что вам угодно?!
ШИНЕЛЬ. Портной!..
ПОРТНОЙ. Ночь уже! Приходите завтра!

Шинель стучит в дверь.

Сломаете дверь!
ШИНЕЛЬ. Портной...
ПОРТНОЙ. Что за спешка???

Шинель стучит в дверь.

Я будочника позову!
ШИНЕЛЬ. Башмачкин...
ПОРТНОЙ. Кого??? Нету такого!
ШИНЕЛЬ. Башмачкин...
ПОРТНОЙ. И что?..
ШИНЕЛЬ (*каждое слово дается с трудом, речь как у глухонемого*). Тре-ть-его дня он по-шил шин-ель...
ПОРТНОЙ. Да ты пьян! Пошел прочь!
ШИНЕЛЬ. Баш-мач-кин...
ПОРТНОЙ. Не помню такого.
ШИНЕЛЬ. Пос-мот-рите меня.
ПОРТНОЙ (*смотрит в замочную скважину*). Нет, я не шью таких шинелей!
ШИНЕЛЬ. А кккккто?!
ПОРТНОЙ. Окромя меня в Петербурге двести портных! И вообще, молодой человек... или девушка, кто вы...
ШИНЕЛЬ. Я — шшшшинель.

ПОРТНОЙ. Господин, не морочьте мне голову!.. Ступайте домой.

ШИНЕЛЬ. Я ищу... Башмаччкин.

ПОРТНОЙ. Шинель одна разгуливает по Петербургу и ищет хозяина?! Вы думаете, я поверю?.. Я сорок лет портным! Убирайтесь! Я вестовых закричу!..

Шинель исчезает.

По лестнице спускается Доктор.

Простите, доктор... Вы что, нас уже покидаете? Как моя супруга?

ДОКТОР. Ипохондрия... От этого любая горячка разом скрутит человека. И все из-за какого-то сдохшего чижики... Случай редчайший, хотя... Только что я был у одного чиновника. У него также стряслось печальное происшествие — шинель украли. Предмет, конечно, неодушевленный, но все же... Чиновник настолько предался тоске, что слег в горячке! Еще дня три, и помрет человек.

ПОРТНОЙ. Шинель??? Какая шинель?

ДОКТОР. Да обычная. Только-только пошил. Возвращался поздно домой, а лихие люди шинель с него и содрали. (*Пауза, уходит.*) Позовите священника.

Портной провожает доктора, стоит у открытой двери, смотрит в снежную пелену.

Комната Башмачкина.

БАШМАЧКИН (*встает с кровати*). Снег... Ничего не видать... (*Стоит у окна, кутается в одеяло, дрожит всем телом, смотрит в окно. Возвращается к кровати, садится, раскачивается из стороны в сторону.*) Шинель... Шинель... Шинель... (*Замер, опускается на кровать, лежит, смотрит в потолок.*) Кто бы ей подсказал... Чудно... Она ищет меня, а я тут вот... Был бы я секретарь, жил бы на прошпекте, уж непременно подкараулил шинель в окошке, махнул бы рукой... А мудрено ей сюда добраться. Сам край. Не каждый будочник знает. Вот если б кто из знакомых людей... Петрович? Петрович! Этот найдет! Он шинелю рук своих признает. Надо б кого-то послать... И велеть... непременно... чтоб Петрович пристроил свои западни... (*Вдруг видит что-то на потолке.*) Шинель?.. Шинель!.. (*Глядит на потолок.*) Что за напасть... Исчезла... А вот она!.. (*Вглядывается.*) Аничков мост??? (*Смотрит вверх.*) Двигается, милая, по прошпекту. Шинель! Шинель! Шинель!.. Сюда! (*Пауза.*) Отчего же она не слышит?.. (*Машет рукой куда-то на потолок, берет сапог, подбрасывает вверх, дает знаки, сапог повис на гардине.*) Эй! Эй!.. (*Трясет гардину, сапог падает сверху на голову. Поднимает сапог, удивленно вертит в руках, заглядывает внутрь голенища, удивленно.*) Петрович?.. А он как сюда??? (*Смотрит внутрь сапога.*) Петрович... Пьяный Пе-

трович идет! (*Прикладывает голенище к уху.*) Поет... (*Смотрит внутрь.*) Вот и шинель моя! Вот куда ты уже забралась... (*Трясет сапог, пытается что-то достать, просовывает руку, не получается, опять смотрит в голенище.*) Петрович... Шинель... Петрович... Шинель... Ну-с? (*Смотрит внутрь голенища.*) Идут... А вот поравнялись, зрят друг на дружку... Славная вышла шинель, а, Петрович?!... (*Трясет сапог, отваливается подметка.*) Стой, Петрович!!! Ты куда?! Да стой же, пьяный дурак!.. Это моя шинель! Она ищет меня! Стой!.. Да постой! Куда ты уходишь, пьяный болван?! (*Смотрит внутрь, рвет зубами голенище сапога, устал, тяжело дышит, лег на пол, закрыл глаза.*)

17

Ночной Невский проспект.

Шинель и Петрович смотрят друг на друга. Пьяный Петрович не узнает Шинель, принимает за человека. Разбредаются в разные стороны.

Вьюга. Шинель поднимает воротник, бредет дальше по проспекту.

Петрович качается из стороны в сторону, напевает: «Ой, мороз-мороз, не морозь меня...», тащится домой.

18

Комната Башмачкина.

Он лежит, в руках разорванный сапог, зовет: «Петрович! Петрович!...»

Входит Хозяйка, наклоняется над больным.

БАШМАЧКИН. Петрович... Тут был где-то Петрович...
ХОЗЯЙКА. Может, он под простынь забрался?..

Накрывает Башмачкина одеялом.

19

Канцелярия запросов и находок.
Длинная, пестрая очередь самого разного люда.
В приемной сидит Чиновник-распорядитель, очень похожий на сизую утку: большое, надутое тело и маленькая голова. Пьет чай, жует калачи.
Перед ним стоит Шинель.

ЧИНОВНИК. Я же вам повторяю, мы людей не содержим! У нас здесь предметы. Вот если б вы потеряли вещь какую, мы б нашли, как помочь. (*Берет новый калач, ест, запивает чаем.*)

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ЧИНОВНИК (*рот полон*). Да хоть Сапогов.

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ЧИНОВНИК. Слушайте, господин, как там вас?..

ШИНЕЛЬ. Шинель. Я — Шинель.

ЧИНОВНИК. Француз? Поди ж ты, сколько вас развелось... (*Берет новый калач, разламывает.*) Это вам не французская булка... Угощайтесь, смелее, смелее... (*Бросает калач Шинели, вдруг увидел пустые рукава, поперхнулся, откашливается, быстро подходит бли-*

же, разглядывает.) В самошнем деле... Новая... Недавно пошили... Пустая шинель. *(Пауза.)* Пардон, а как же ты ходишь без хозяина???

Шинель пожимает пустыми плечами.

Чиновник *(задумчиво)*. Мда... *(Пауза.)* И что же ты хочешь?

Шинель. Башмачкин...

Чиновник. Если б все потерянные шинели и сюртуки рассудок заимели, что тогда? В Петербурге не протолкнешься! Ты порядок вещей нарушаешь! *(Берет новый калач, ест.)*

Шинель. Башмачкин...

Чиновник *(смотрит книгу, жует калач)*. Башмачкин... *(Листает.)* Башмачкин... А, нашел! Есть! Вот твой Башмачкин! Третьего дня заявленье писал о пропаже. *(Глощает.)* Вот и адресок имеется... *(Пишет в листок, отдает Шинели.)* Ступай к нему сей же час. И не теряйся больше! *(Смотрит в книгу, сверяет.)* Постой! Как его звать???

Шинель. Башмачкин...

Чиновник. А тут Галошин. Яков Лукич. А твой Башмачкин чем промышляет? *(Жует.)*

Шинель пожимает плечами.

Чиновник *(думает, глотает, смотрит в книгу)*. А может, господин Шинель, вам подойдет новый хозяин? Есть лица весьма уважаемые! Лекарь Горячкин, май-

ор Бедуинов, актер Крикунов, студент Кочергин...
Кого ты желаешь?

ШИНЕЛЬ. Башмачкин.

Чиновник. Какая разница???

ШИНЕЛЬ. Башмачкин!

Чиновник. Ну, если ты любишь обувь — ступай к Галошину. *(Пауза.)* Впрочем, как знаешь. Иди, я ничем помочь не могу.

Шинель опускает рукава.

Чиновник берет новый калач, жует, вдруг калач застревает в горле. Лицо Чиновника налилось кровью, кашляет, калач не вылетает изо рта, снова кашляет — калач не вылетает. Задышится, хватается воздух руками, падает замертво.

20

Комната Башмачкина.

Дверцы платяного шкафа и комода открыты, ящики перевернуты вверх дном, на полу лежит тарелка опрокинутых щей и валяется всякий хлам: тряпки, спички, сколотый подсвечник, пустые чайные коробки, скомканная газета. Дверь чуть приоткрыта, Хозяйка подглядывает.

БАШМАЧКИН *(сидит в кровати, на голове кальсоны)*.
Шинель! Шинель! *(Хватает руками воздух, срывает с головы кальсоны.)* Бог знает, что это за народ — чиновники! Глупейшие существа!!! Неужели так трудно помочь?.. Я вас проучу! Я устрою такое! Вот вам!..

Вот вам!.. *(Вскакивает с кровати, рвет кальсоны на части, отрывает пуговицы, яростно топчет ногами. Тяжело дышит, оглядывается.)* Шинель!.. Шинель!.. *(Смотрит на пол, разглядывает кучу хлама, изумленно.)* Петербург... У меня под ногами... *(Нагибается, смотрит на подсвечник, разглядывает, не касаясь руками.)* Адмиралтейство... Адмиралтейство... А это?.. *(Глядит на пол, идет маленькими шажками.)* Прошпекты... *(Смотрит на спичечные коробки.)* Управа, Собрание... *(Разглядывает перевернутую тарелку.)* Вот и собор... А тут подале живет наш чиновник... Домики, крыши... Дворы... Ручеек... *(Глядит на коробку.)* Мой департамент! *(Смотрит на картонную коробку, перешагивает, неловко сминает коробку ногой. В ужасе. Долгая пауза.)* Значит ли это, что я, Акакий Башмачкин, стал великан??? *(Догадывается.)* Я — великан... Но как же, можно ли?.. Чтобы я, Акакий Акакич, и сам Лександр Македонский?.. *(Переводит дух, оглядывается, прикрывает рот ладонью, хихикает.)* Вот незадача... Как же я в департамент-то попаду?.. Сторож подивится... Башмачкин — великан... *(Видит на полу возле лужи расплескавшихся щей россыпь живых тараканов, в замешательстве.)* Господа?! Пришли в гости проведать?!.. Я тронут, господа... Что нового в нашем департаменте? Извиняюсь, я не одет... Проходите... Сюда поудобней! *(Суетится, убирает мусор с пола.)* Я тут вам хотел рассказать... Помните мою новую шинель, которую отобрали?.. *(Смеется.)* Дак вот, случилось большое событие, моя шинель ожила!.. Погодите, господа, не

смейтесь... Она ожила, заимела рассудок и ищет меня по всему Петербургу!.. (*Смотрит на тараканов.*) Господа, у меня к вам деликатная просьба... Войдите в мое обстоятельство... Если вы где увидите мою шинель, то помогите ей отыскаться... (*Нечаянно наступил на таракана, приглядывается.*) Право, не знаю, чем вас занять... (*Оглядывается, видит скомканную газету.*) А не угодно ли вам почитать... (*Разворачивает газету, находит внутри что-то едкое и пахучее; кашляет, идет к кровати.*)

21

Редакция газеты «Пчела». Газетчик — молодой человек в сюртуке, перед ним Шинель.

ГАЗЕТЧИК. Удивительный случай! Отчего вы к нам сразу же не пришли?! Садитесь сюда! Поудобней! Вот так! (*Сажает Шинель на стул.*) С чего же начнем? Давайте сразу напишем объявление! Прошу вас за стол, берите перо! (*Смотрит.*) Ах, пардон, забыл — вы без рук... (*Берет, пишет сам.*) «Новая шинель, пошитая четыре дня тому назад, ищет своего хозяина...» Как его?

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ГАЗЕТЧИК (*пишет*). «Ищет Башмачкина и ждет радостной встречи по адресу нашей редакции». Подпись: «Шинель». (*Ставит точку.*) Каково?! Вы представляете, как ваш Башмачкин удивится?! Он в обморок свалится! Ведь в мыслях он расстался с вами!

Это же — sensation, как говорят французы! Жу де па! Шинель сама нашла хозяина! Сама! Сама! Это скандал! Мы сделаем ваш портрет, напишем статью и большой заголовок: «Первая в мире шинель». А пока вам надо ответить на наши вопросы. Итак, ваш хозяин — великий ученый?

ШИНЕЛЬ. А?

ГАЗЕТЧИК. Ну, если вы, его шинель, — как человек, заговорили?!

ШИНЕЛЬ. Я...

ГАЗЕТЧИК. Вы много ходили, путешествовали. Где вы были?

ШИНЕЛЬ. Э...

ГАЗЕТЧИК. Как??? И на Марсе?!

ШИНЕЛЬ. О...

ГАЗЕТЧИК. И на Венере?!

ШИНЕЛЬ. А...

ГАЗЕТЧИК. Грандиозно! А как вам наш Петербург? Сыро и холодно, правда? Я поставлю для вас самовар!

На лестнице хлопнула дверь.

О! Кажется, господин редактор! Посидите, я сейчас ему все опишу!.. *(Быстро выходит.)*

Шинель подходит к окну, долго смотрит.

Входит Газетчик с Редактором — усатым господином.

РЕДАКТОР *(подходит к Шинели, разглядывает, говорит газетчику)*. Да, ты прав...

ГАЗЕТЧИК. А я что говорил?!

РЕДАКТОР. Неслыханный случай.

ГАЗЕТЧИК. Небывалое чудо!

РЕДАКТОР. Большой феномен.

ГАЗЕТЧИК. «Шинель летала по Марсу, а хозяин нашелся в Петербурге!» Представляете «шапку»? Я уже сочиняю статью!

РЕДАКТОР. Нет, статью не надо.

ГАЗЕТЧИК. Как?!

РЕДАКТОР. Так.

ГАЗЕТЧИК. Но вы же сами...

РЕДАКТОР. Вижу. Вижу. А наш читатель видит крокодила в Фонтанке. Крокодил — предмет живой, душевный, а это — черт знает что такое... (*Смотрит на Шинель.*) Нет, ничего не надо.

ГАЗЕТЧИК. Ничего???

РЕДАКТОР. Ничего.

ГАЗЕТЧИК. Ну, хоть объявление дать можно?..

РЕДАКТОР. Я сказал — нет!

Пауза.

ГАЗЕТЧИК (*Шинели*). Что ж... Извините.

Шинель уходит.

Жалко...

РЕДАКТОР. «Жалко»... А меня тебе не жалко? Живая шинель — это же якобинство! Подсудное дело! (*Пауза.*) Садись лучше, давай продолжать крокодила...

Газетчик садится за стол.

РЕДАКТОР (*диктует, ест яблоко*). И снова ужасное происшествие. Крокодил, объявившийся в Фонтанке, продолжает съедать горожан. Кухарка Петрова, пусть будет Авдотья...

Входит Тихон в тулупе.

ТИХОН. Хочу вот известие дать.

ГАЗЕТЧИК. Какого рода?

ТИХОН. Убийство.

ГАЗЕТЧИК (*оживился*). Так, интересно. Садитесь сюда.

Пудобней. Диктуйте.

ТИХОН. Бывший Тихон, а нонче мертвяка...

ГАЗЕТЧИК (*с интересом, пишет*). «Мертвец»...

ТИХОН. Явился вечером...

ГАЗЕТЧИК (*пишет*). «Пришел вечером»...

ТИХОН. С топором...

РЕДАКТОР. Может, с ружьем? Так будет звучнее.

ТИХОН. Ограбил и убил...

ГАЗЕТЧИК (*пишет*). «Ограбил и убил...» (*Пауза.*)
Кого?

Тихон достает из тулупа топор, со всей силой бьет улыбающегося Газетчика по голове. Треск.

Редактор бежит к окну, Тихон настигает его и ударяет в спину топором.

Комната Башмачкина.

Башмачкин сидит на полу, смотрит в газету, которая свернута на манер подозрной трубы.

БАШМАЧКИН (*шепотом, тараканам*). А все ж, господа, отчего в нас братской помощи нет?! Кардинал испанский булавки б лишился, все газеты писали б уже... (*Смотрит в газету с другого конца.*) Вот же... Шинель летит по Петербургу... Внутри подклада тукает ветер... Метель кружит в рукавах... (*Кричит.*) Э-э-эй! Я тут! (*С досадой.*) Нет! Нет!.. (*Комкает газету, бросает.*) Что за шинель несмежливая?! Плутать и плутать... Этак можно все время кругами! (*Тараканам.*) Господа! Ступайте сейчас же! Приведите ее! Господа... Господа! (*Бегает по комнате за тараканами, те прячутся в щели.*) Куда же вы, господа?! Вы без шинелей озябнете... (*Пытается достать пальцами тараканов, не получается, тяжело дышит, устал, лежит на полу, смотрит в дыру плинтуса.*) Поутру все чиновники поспешают на службу... Бегут на морозе и ветре... А вот и шинель... Стоит на мосту, дожидается меня... Один коллежский регистратор, обратив глаз на мою шинель, толкнул своего приятеля в боки и сказал: «А смотрите, Аркадий Фомич! Не иначе Башмачкин идет!» — «Да нет, Петр Семеныч, это не он. Хотя очень схож». — «А может, это брат его?!» — «Может и брат». — «А вдруг, Аркадий Фомич, это

украденная шинель Башмачкина?! Пришла сама и дожидается!» *(Хохочет, ловит таракана, съедает, закашлялся, добирается до кровати, ложится. Уткнулся лицом в подушку. Нащупал под матрасом что-то жесткое, достает незнакомый дамский ридикюль. С огромным удивлением разглядывает, открывает, смотрит внутрь.)*

23

Дом полковничьей Вдовы.

На перине лежит Шинель, ткань в нескольких местах разодрана, выглядывает вата. Рядом стоят прислуга Прасковья и Вдова.

ВДОВА. Дышит-то как.

ПРАСКОВЬЯ. Лежал у порога.

ВДОВА. Стонет как будто... Ты не слышишь что?

ПРАСКОВЬЯ. Зовет кого-то...

ВДОВА. Судя по шинели — чиновник. А может, еще кто.

ПРАСКОВЬЯ. Мож, раздеть, поглядеть...

ВДОВА. Что ты, Прасковья, неприличности говоришь!

Лучше компресс положи, может, ему полегчает.

ПРАСКОВЬЯ *(подносит грелку)*. Барыня, а куда положить???

Ведь лба нету...

ВДОВА. Да вижу. Ну и ложи куда-нибудь...

ПРАСКОВЬЯ. Барыня, я у него рук не вижу... И ног!

ВДОВА. Я тоже. И что из того? Вон у Пал Палыча все было. А толку?

ПРАСКОВЬЯ. Барыня, а если это дух?..

ВДОВА. Умоляю, оставь.

Прасковья выходит.

Вдова сидит одна подле кровати.

Шинель лежит, не двигается, только тихо стонет.

Вдова осторожно просовывает руку в подклад Шинели, пытается нащупать тело.

Возвращается Прасковья с чашкой молока.

Сбегай в аптеку, микстуры возьми.

Прасковья уходит.

Вдова льет в воротник Шинели горячее молоко.

ШИНЕЛЬ (*села*). Башмачкин?!..

ВДОВА. Нет, это я. Нина Аркадьевна.

ШИНЕЛЬ (*встает*). Башмачкин...

ВДОВА. Нет. Успокойтесь, ложитесь. Куда вам идти?

Что за срочность?.. Отдохнете, выпьете чаю. Со мной.

ШИНЕЛЬ. Э...

ВДОВА. Почему?

ШИНЕЛЬ. Э... И... Я...

ВДОВА. Тогда пироги...

ШИНЕЛЬ. Я — Шинель... Я — Шинель... Я — Шинель...

ВДОВА. Шинель???

Пауза.

ВДОВА (*смотрит, разглядывает*). Как это романтично! Живая шинель... В моем доме! (*Хлопает в ладоши.*)

ШИНЕЛЬ. Я... Э... О...

ВДОВА. Всю жизнь мечтала о говорящей шинели! Марья Антонна сдохнет от зависти!.. *Quel monsieur feerique!*¹

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ВДОВА. Нет, вы останетесь у меня!

ШИНЕЛЬ. Башмачкин!..

ВДОВА. Да дался вам этот Башмачкин?.. Гадость какая... Неужто он лучше меня? Поди, сопливый и жалкий чиновник. А поглядите на меня!

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ВДОВА. Я что, вам не нравлюсь?!

ШИНЕЛЬ. А...

ВДОВА. Нет?! (*Задыхается.*) Да как вы посмели?! Я нравлюсь всем господам!

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ВДОВА. Я нравлюсь даже генералу! А тут какая-то шинель... Да что вы себе позволяете?! Хам!

ШИНЕЛЬ. Башмачкин... Башмачкин...

ВДОВА. Солидная дама, почти руку уже предложила! Кому?! Какой-то шинели! А оно воротник крутит! Ничтожество, тряпка!..

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ВДОВА. П-шел!.. Убирайся к нему!!!

¹ Какой сказочный господин! (*фр.*)

Хватает Шинель за воротник, тащит к окну, открывает, встает на подоконник, хочет выбросить Шинель, но вываливается вместе с ней.

Вдова падает с третьего этажа, а Шинель подхватил ветер.

24

Комната Башмачкина. Акакий Акакиевич падает с кровати, на шее дамский ридикюль. Смеется, хохочет. Смеяться больно, растирает ушибленную грудь, переворачивается на бок, вдруг видит под кроватью что-то, ползет, достает большой глиняный горшок с ручкой. Открывает крышку, принохивается с омерзением.

Разглядывает, надевает на голову горшок. Горшок настолько велик, что скрывает всю голову. На ощупь идет, неожиданно замер посреди комнаты, вытянувшись в струнку.

БАШМАЧКИН (*потрясен, почти заикаясь*). Ваше... Высо... ко... Ваше... Импе... Импе... ратор... ское... Величество... Титулярный Ба... Ба... шмачкин... Как я... Рад!.. Рад!.. Недостоем я чести!.. Вас в своем доме!.. Государь!.. Император!.. Отчего я не на службе?.. Я... Я чуть остудился... Я болен... Ваше... Императорское... Вели... чество... Я... Я... Я не к месту... Тут еще война с турками... А я... Я... Но... Если вы соблаговолите... По скромному делу... Просьбу... Прошение принять... (*Чуть громче.*) Государь... Император! Несчастье... Шинель была... Злодеи отняли... А теперь она ищет меня... Нет... Я уже обращался... Да... Да... (*Реши-*

тельно.) Государь!... Окажите милость... Сторожевых чтоб... на всех перекрестках!!! (Снимает горшок с головы, утирается рукавом, сидит на полу, плачет, шепчет в горшок.) Государь... Государь... (Видит маленькую тряпочку, висящую на спинке кровати.)

25

Шинель висит на дереве в Екатерининском саду.
Напротив дворец. Кабинет Государя-императора. На паркете стоит Генерал-губернатор, докладывает. У окна Государь-император.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Весь Семеновский полк привлечен к очистке улиц. Запасы дров в полном обличии.

С грабежами и разбоями — *le silence*¹. Эпидемий нет.

ИМПЕРАТОР. Вольнодумцы?..

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Все покойно, Государь-император.

ИМПЕРАТОР (*стоит у окна, видит висящую на дереве Шинель*). А как живет наш чиновник?

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Служат исправно, живут хорошо.

ИМПЕРАТОР. Врешь ты, голубчик.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Никак нет...

ИМПЕРАТОР. Видишь, на том дереве повешенный?

Я два часа смотрю, а его никто не сымает. Отчего он повесился, знаешь?

¹ Тишина (*фр.*).

Генерал-губернатор смотрит в окно, поклонившись, быстро уходит.

Император берет подозрную трубу, разглядывает Шинель, но из-за снега плохо видно. Подбегают к дереву чиновники и камердинеры, снимают Шинель. Несут Генерал-губернатору.

Генерал-губернатор входит в кабинет к Императору, на руке висит Шинель.

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Ваше Императорское величество... Оказия вышла. Пустая шинель!

ИМПЕРАТОР. Как пустая?..

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Она и висела. Ветром задуло.

ИМПЕРАТОР (*разглядывает Шинель, берет*). Выяснить, чья она... (*Бросает Шинель на паркет, вытирает салфеткой руки.*)

ШИНЕЛЬ. Башмачкин... Башмачкин...

ИМПЕРАТОР. Что???

ШИНЕЛЬ. Где Башмачкин?..

ИМПЕРАТОР. Башмачкин?.. Что такое это «Башмачкин»?

ШИНЕЛЬ. И... Э...

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Молчать! Здесь Государь-император!

ИМПЕРАТОР. *Parlant la capote*¹. Минуту, князь... Мне самому любопытно. Разумная шинель... (*Шинели.*) Так ты не знаешь, кто я?.. Нет? А известно тебе, кто есть российский император?..

ШИНЕЛЬ. Башмачкин!

¹ Говорящая шинель (*фр.*).

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Ц-ц-ц!..

ИМПЕРАТОР. Забавно... В Париже еще не знают, что у русского императора уже шинели говорят!

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Потерялась и сама барина ищет!

ИМПЕРАТОР. А кто этот Башмачкин? Исключительный, видно, господин...

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Судя по фалдам — низший чиновник!

ШИНЕЛЬ. Башмачкин... Башмачкин...

ИМПЕРАТОР. Полагаю, этот Башмачкин обладает чрезвычайно способными качествами, коль обучил так шинель исправно служить. Кто этот чиновник? Почему мне о нем ничего не известно???

ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОР. Узнаем, я доложу!

ИМПЕРАТОР. И странно, князь, что человек с такими талантами служит ничтожным чиновником! Надо бы произвести его в генералы, назначить главой департамента. (*Разглядывает шинель.*) А шинель... (*Шинели.*) Вот что. Я вижу, ты верно хозяину служишь, а равно служишь царю и Отечеству! Верность и служба твоя — суть благодетели. Посему... Ты достойна милости нашей! (*Торжественно.*) Высочайшим повелением российского императора дарую тебе орден Святого Андрея и ленту!

ШИНЕЛЬ. Башмачкин...

ИМПЕРАТОР (*Генерал-губернатору*). А вы, князь, найдите этого малого... Как он — Башмачкин? Чиновник? Пройдитесь по всем департаментам, но отыщите его!

Генерал-губернатор с Шинелью уходит.
Откуда-то сверху вкрадчивый стук.
Император поднимает голову.

26

Комната Башмачкина.
Акакий Акакиевич сидит на кровати. Осторожно стучит
по стенке горшка, опускает внутрь тряпочку.

БАШМАЧКИН (*ликуя и торжествуя*). До государя дошла!... До государя... Вот так шинель у меня!.. (*Взволнован. Встает с кровати. Оглядывается, размышляет, на какое самое видное и лучшее место поставить горшок. Торжественно несет к столу, вдруг ноги слабеют, задыхается от кашля, хватается ртом воздух, спотыкается и падает на пол, при этом разбивает горшок. В ужасе смотрит на мелкие осколки. Пауза.*) Что же теперь будет?.. Турки захватят... Монголы придут... Петербург без императора??? (*Собирает осколки, догадывается, тихая паника.*) Война начнется, все шинели убьют! (*Зовет.*) Шинель! Шинель!.. (*Оглядывается, с волнением.*) Как же... (*Старому капоту.*) Эй ты, слышь, нет?! Что ж теперь... У нас одного государя бояться! (*Думает, в беспокойстве.*) Губернатор решит, что ему не с руки самолично ходить по департаментам, и перепоручит тайному... А тайный уж точно не пойдет по министерствам с мелкой шинелью и перенаправит задание главному секретарю... А тот... Не будет валандаться по депар-

таментам! Он-то уж знает, что никто не проверит исполнение указа... И поручит шинель старшему... А тот — младшему секретарю... И пошло, понеслось!.. Статский — коллежскому, коллежский — попечителю... *(В отчаянии.)* Сымут с шинели ленту и орден и всучат пьяной слуге! А тот пустит шинелю на тряпки!.. *(Решительно.)* Идти надо... Шинель вызвать... *(Надевает рубаху, тяжело дышит, находит носки, замирает от боли, не может разогнуться, старому капоту.)* Вот что... Давай-ка ты собирайся... Медлить никак... *(Подползает к старому капоту, толкает внутрь капота шапку, сапоги, подушку, застегивает пуговицы.)* Пойди... Пойди... Возьми, приведи... Скажи ей, что жду я ее... Возвращайся скорее, иди же, иди!.. *(Толкает капот с кровати, капот падает на пол, рукава развязываются, из капота выпадают вещи. Башмачкин плачет.)* Эй... Люди... Кто-нибудь... Кто-нибудь...

Тишина.

Хозяйка глядит в замочную скважину.

27

Департамент. Гардеробная. Пустые крючки. У окна висит одна Шинель. Сидит Швейцар — старый мужик с седой бородой.

ШВЕЙЦАР *(пьет кипяток, подходит к Шинели)*. Ви-
сишь? Никто не хочет брать?.. Если завтра твой хо-

зияин не объявится, возьму тебя на ватник. Слышь меня?.. Загрязнилася вся, подол-то надорван, и вот капелька крови... Где мотало тебя? *(Разглядывает.)* Молчишь? Молчи. А то давай погутарим. Скучно молчком-то сидеть. Вот я, почитай, тут тыщу лет, сколько шинелев повидал. У каждой шинели свой гонор. Генеральская — тебя за человека не считает, в ней много тяжелого форсу, шинель регистратора — тоже, но проще, ей место в первом ряду подавай. Шинели ассессоров — легче, но буйного нрава, крючками цепляют за бороду. Самые чуткие — у чиновника малого. С такими шинелями завсегда разговор по душам... *(Пауза.)* Вот ты чо молчишь? Оглохла с морозу? Первый раз наблюдаем немую шинель... *(Вздыхает.)* Да, брат... Дела. *(Шинели.)* Висишь, никому не нужна... А когда была новая, на тебя наглядеться не могли... Так и я, тридцать лет оттрубил. Пока молодым был — сымал шубы одною левой... А теперича? Вчера снял шубу с начальника, а она, стерва, наземь упала... Начальник как закричит: «Ты что, старый?! Ты из ума выжил! Гнать в шею тебя!» *(Пауза.)* Да, брат, дела... Сын еще прихворал...

Шинель беззвучно плачет.

Плачет. А чо это ты?.. Ну-ка отчищу тебя. *(Чистит щеткой.)*

ШИНЕЛЬ *(зовет)*. Башмачкин... Башмачкин...

ШВЕЙЦАР. Это твой господин?

ШИНЕЛЬ. Э... А... И...

ШВЕЙЦАР. Нет, такой тут не служит.

ШИНЕЛЬ. Башмач...

ШВЕЙЦАР. Петербург — город великий. Пропал человек — не найдешь.

Швейцар отходит в сторону, ставит самовар.

Шинель тихо шепчет, зовет: «Башмачкин... Башмачкин...»

ШВЕЙЦАР (*вздыхает*). Выжил я из ума, с шинелями говорю...

ШИНЕЛЬ. Башмачкин... Башмачкин... Башмачкин... И...
Э... У... А... А... А... А... А... А... А... А... А... А... А... А...
А... А... А... А...

ШВЕЙЦАР (*вздыхает*). Выжил я из ума, с шинелями разговариваю... (*Слушает вой Шинели, наконец.*)
Ладно! Пройдемся по всем департаментам. Может, отыщется он...

28

Комната Башмачкина.

Хозяйка тихо отжимает мокрый компресс, на цыпочках выходит, затворяет за собой дверь.

Башмачкин (*в жару, глаза закрыты, лежит на кровати, вдруг радостно, шепотом*). Второй департамент... Второй департамент! Прямо, налево... Вниз и вперед... Второй департамент!... Все знают!... Второй...

29

Швейцар и Шинель идут по Петербургу.

Они заходят в один департамент, другой, третий. Но везде тот же ответ: «Нет такого». И в четвертом, и в пятом нет Акакия Акакиевича, точно и не было никогда на свете такого человека. Вьюга, пурга. Шинель прикрывает от ветра Швейцара. Они идут через площади и мосты. Шинель впереди, снег падает в воротник, туда, где должно быть тело и где нет тела, ветер залез в плечи и сидит там, воет тихо, тоскливо. Швейцар нагибается, прячет от ветра лицо.

30

Комната Башмачкина.

БАШМАЧКИН (*лежит, задыхается в жару*). Помоги же, добрый человек... Добрый человек... Я брат твой... Добрый человек... Я брат твой... Брат твой... Человек... (*Пауза, в отчаянии.*) Э-э-э-э-э-й!!!

31

Шинель оглянулась, Швейцар стоит далеко-далеко позади, прощаясь, машет рукой. Исчезает за углом. Шинель растерянно стоит посреди пустынной площади, бесцельно бредет дальше в снег. Устала, падает в сугроб.

32

Комната Башмачкина.

БАШМАЧКИН (*лежит, дрожит от озноба, весь в поту*).
Шинель... Шинель... Шинель... (*Зовет.*) А-а-а-а-а-а-а!..

33

Шинель бредет, подходит к новому департаменту. Открывает дверь, входит.
Сидит Сторож, строго смотрит на Шинель.

ШИНЕЛЬ. Башмачкин!
СТОРОЖ. Башмачкин?.. (*Кивает головой.*) Есть такой.
Есть, как же не быть!

Пауза.
Проходит на службу чиновник.

ЧИНОВНИК. Башмачкин? (*Смешок.*) Да он пятый день не объявляется!.. Да вон он тут рядом живет...

34

Комната Башмачкина.

БАШМАЧКИН (*стоит на кровати, волосы на голове растрепаны, в крайнем волнении*). Адрес же!.. Адрес!

Скорей! (*В эйфории.*) Летит шинель по Петербургу!.. Летит домой! Я тут! Я здесь! Сюда! Сюда! (*Размахивает рубахой, кричит.*) Шинель! Шинель! Матушки родные... Все! (*Благодарит, кланяется, едва держится на ногах. Недовольно оглядывает себя в зеркало. Торопится, находит бритву, кувшин с холодной водой, бреется, рука дрожит, режет лицо.*) Ах то Господи мой... (*Смеется, утирает кровь тряпкой, спешит.*) Шинель... Шинель... (*Радостно.*) Уж теперь никто... ничего... никогда! (*Спешит, надевает рубаху, сюртук, приглаживает волосы.*) Так-то. (*Подходит к окну, задыхается от кашля, смотрит в окно. Садится, приготовился, радостно ждет.*)

Хозяйка приоткрыла дверь, в щелку подглядывает за Башмачкиным. В окне завыл ветер.

БАШМАЧКИН (*прислушивается, смотрит в окно, хихикает*). Шинель... А чудно... Расскажи в департаменте, никто не поверит, скажут — вот небылица, гораздо привирать... А шинель сама нашла Башмачкина... Сама! Вот как оно. (*Мечтательно смотрит в окно.*)

За окном крупными хлопьями пошел красный снег.

БАШМАЧКИН (*удивлен, растирает глаза*). Шинель... Шинель... Шинель...

Воем без умолку ветер. Дребезжит оконное стекло. Тихо вставляют ключ в замочную скважину, осторожно пово-

рачивают, щелчок. За окном вместо снега летят миллионы генеральских шинелей. Смеются, пролетают мимо.

Башмачкин сидит молча, с закрытыми глазами, начинает трястись от кашля, задыхается, соскальзывает со стула. Долго лежит на полу, ползет к кровати, накрывается с головой одеялом, горько заплакал, отчаянно бьет себя по голове.

Пауза.

БАШМАЧКИН (*громко хохочет, наконец свернулся клубком и притих, тихо и мечтательно*). Отчего?.. Отчего?.. Отчего?.. (*Закашлялся, горлом пошла кровь.*)

Заскрипели, заходили доски в полу. Из комода, из платяного шкафа, из-под стола и кровати вылезают: Два грабителя, Швейцар, Сапожник, его Жена, Император, Дворник с Племянницей, Редактор, Чиновник, Инженер с Супругой, Приятель, Газетчик, Генерал-губернатор и Вдова. Все. В комнате становится душно и тесно.

Разбивается оконное стекло, комната наполняется холодным, промерзшим воздухом. В комнату влетает Шинель. Все расступаются. Шинель останавливается перед неподвижно лежащим Башмачкиным. На лице Башмачкина застывшая улыбка.

35

Та же комната. Разбитое окно заткнуто старым капотом. Летают перья подушки.

Стоит гроб. В гробу Башмачкин.

Хозяйка подметает пол, делает уборку.
Возле гроба два мужика в тулупах складывают руки покойнику.

ПЕРВЫЙ. Надо ж закрыть чем-то глаза...
ВТОРОЙ. Да вот хоть пуговики от шинели. (*Кладет на глаза Баимачкина пуговицы.*)

Хозяйка занята: перебирает жалкие вещи; находит гусиные перья, бумагу, кальсоны, носки, разглядывает.

ПЕРВЫЙ (*смотрит на покойника*). Мертвец, а улыбка какая.
ВТОРОЙ. Видать, перед смертью ангела видел.

Смотрят на покойника. Перекрестили.
Закрывают крышку.
Темнота.
Ничего.
Только ветер.

Занавес

Тридцать три счастья

Комедия в двух действиях

Действующие лица:

СТАРИК

СТАРУХА

Действие первое

Картина первая

Квартирка. Из мебели старенький диван и пара стульев. На столе стоит маленькая новогодняя елка. На стене старая, пожелтевшая фотография: жених в старомодном костюме и невеста.

Дребезжит телефон.

Просыпается старуха, бежит к телефону, снимает трубку.

СТАРУХА. Алле? *(Короткие гудки.)* Не успела... Кто ж звонил?.. *(Оглядывается, видит часы, всплескивает руками.)* Господи!.. *(Бежит на кухню.)* Два часа до Нового года, а у меня ничего не сготовлено!.. *(Открывает холодильник, хватает овощи, моет, чистит.)* Так... Полкило сельдев купила. Еще морковка, картошка, лук, свекла, майонез... *(Чистит.)* Ножик тупой, теперь и подточить некому... *(Чистит)*

овоши.) Первый раз Новый год справляю одна. Вся еда будет моя. До отвала натрескаюсь! *(Вытирает слезы.)* Что за лук шибкий?.. *(Снова чистит.)* Старикан помер, полгода прошло. И нормально, привыкла... Хотя скука. *(Достает из холодильника пакет с селедкой, вываливает в раковину.)* Разве это селедка? Это — воблик, пескаррик червивый! А кассирша божилаась, клялась... *(Селедке.)* Мыши, что ль, тебя обглодали? Ничего, щас мы тебя сошкурим... Щас мы тебя обстругаем... *(Моеет рыбу, прислушивается к тиканью часов. Пауза.)* Это надо же, как время скоро пролетело. Было утро, и уже вечер... Вроде вчера я была молода, а сегодня стала старухой... *(Вздыхает.)* Эх, время, время... Мигом жизнь пролетит, ничего не поспеешь... Вроде как и не жила, а так, легонько чихнула, на трамвайчике три станции проехала... *(Достает разделочный нож, кладет селедку на доску, поднимает нож, в носу щекочет, громко чихает).*

ГОЛОС. Будьте здоровы!

СТАРУХА. Спасибочки... *(Вытирает нос, испуганно замирает, прислушивается, тишина, снова берет нож, режет рыбу.)*

ВОПЛЬ. Ай!!! Ай!!! Ай!!!

Старуха вздрагивает, отбегает от раковины, со страхом оглядывается по сторонам.

Тишина.

СТАРУХА. Кто тут?..

ГОЛОС. Я... Вы меня за жабры держите.

Старуха поднимает скользкую рыбу, бросает в чайник. Ставит на стол, щурит глаз в носик чайника.

СТАРУХА. Видно, ножик вовсе тупой, раз она заговорила... *(В чайник.)* Эй, ты!.. Ну как там оно?! *(Стучит по чайнику.)* Ты чо? Золотая?

РЫБА *(глухо из чайника)*. Отпустите меня, и я исполню ваше желание.

СТАРУХА. Какое?

РЫБА. Любое.

СТАРУХА *(думает)*. Это... А можно зубные протезы поставить? Или нет... Говорят, их легко проглотить, да и десны до крови смозолят... Может, вот чего попросить... Чтобы все тараканы ушли обратно к соседям? Нет, ерунда... *(Думает.)* Погоди... Погоди... Чего бы такого... *(Пауза.)* А можешь сделать так, чтобы я этот Новый год хорошо отметила, весело... Чтобы он мне запомнился... А то сяду в двенадцать за стол, селедкой набужгаюсь, капустой объежусь, и наутро тарелки пустые — праздник прошел, вспоминать нечего...

РЫБА. Могу. А что вы хотите?

СТАРУХА. Придумай сама. Пускай мне будет сюрприз.

РЫБА. Хорошо. Теперь отпустите меня.

СТАРУХА. Ой, гляжу, тебе вовсе худо... Хорошо. Пойдем, милая... *(Уносит рыбу в уборную, смывает, кричит в унитаз.)* Не болей! Будь здоро-о-ова!

Шумит вода.

Старуха возвращается на кухню.

У холодильника стоит старик в белых тапочках и очень мятом костюме.

СТАРИК. С Новым годом, старуха!

СТАРУХА (*пораженно смотрит*). Ой, Господь... Откуда?!!

СТАРИК. Пока ты дрыхла, я за шампанским сгонял! (*Достает бутылку, ставит на стол*). Тряхнем стариной! Давненько не пили!.. (*Пауза.*) Ну что стоишь, как в землю врыта?.. Сельдя готова?..

СТАРУХА. Нет... еще... ничего...

СТАРИК. Шевелись! Новый год скоро, а у нас шаром покати!

Старуха в трансе, медленно перекладывает овощи, оглядывается на старика.

СТАРИК (*взмахивает рукой, как фокусник*). Отворяй!

СТАРУХА. Чего?

СТАРИК. Агрегат холодильный!

СТАРУХА (*выходит из оцепенения, открывает, холодильник забит дорогими, сказочными фруктами. Ахает.*) Откуда?..

СТАРИК. Сюр-приз... (*Вдруг видит на столе столовые приборы на одного человека.*) Одна кружка... Одна тарелка... А где второй комплект для меня?

СТАРУХА. Дак это... Не ждала я тебя...

СТАРИК. Как, Новый год отмечать порознь? Никогда не бывало такого...

СТАРУХА. Потом расскажу. Успеть проводить старый год надо. Чего стоишь? Помогай!..

Старик и старуха готовят еду к праздничному столу, спешат, поглядывают на часы.

СТАРИК. Муки скока?..

СТАРУХА. Стока!

СТАРИК. А это?

СТАРУХА. Сюда!

СТАРИК. Соли?

СТАРУХА. Сахар! Много!

СТАРИК. Маргарин куда?..

СТАРУХА. Сама я! Не суйся!

Готовят. Старуха пробует тесто на вкус, дико сморщилась.

СТАРУХА. Старик, ты чо сюда сделал?

СТАРИК. Вот. Оксус налил. Четвертинку. Ты ж сама просила...

СТАРУХА (*пробует розовую воду в графине, кашляет*).
А это что?!

СТАРИК. Морс малиновый.

СТАРУХА. А где взял сиропа?

СТАРИК. Во.

СТАРУХА (*читает на банке*). Карбофос. Жидкое средство от тараканов. (*Вздыхает.*) Ну и дурак... Даже смерть мозги не направила...

СТАРИК. Мозги? Чьи? Ты о ком говоришь?

Переносят праздничные блюда в комнату, садятся за стол.

СТАРИК (*смотрит на еду*). В кишках лягушка страсть стучит. Прямо жрать хочу, прямо месяц во рту ничего не держалось. (*Пауза.*) А где сардельки?

СТАРУХА. Какие?..

СТАРИК. Говяжьи.

СТАРУХА. Вспомнил...

СТАРИК. Ты чо, их съела, старуха?!

СТАРУХА. Любоваться прикажешь на них?

СТАРИК. Вот старая катаклизма... Пока я ходил, она все подъела.

СТАРУХА. Ты что?! Полгода прошло... И вообще... Сам виноват! Помирать не надо!

СТАРИК. Кому?

СТАРУХА. Тебе.

СТАРИК. Мне???

СТАРУХА. Помер ты. А чо, уже не помнишь? Полгода назад... Петухово кладбище... Райсобес тебя сжечь предлагал, а я не дала.

СТАРИК (*вспоминает*). Нет... Видно, из головы вылетело.

Пауза.

Погоди, старуха... Как это «помер»? Как это «сжечь»? Это как?.. Я помер?! Да ты сбрендила во-все!

СТАРУХА. Ладно, шучу... Ешь.

СТАРИК. Да уж... Циркачка... (*Успокоился, ест с большим аппетитом.*)

СТАРУХА (*с умилением и интересом*). Старик, мне чо любопытно... Скажи, там разве не кормят?

СТАРИК. Там — это где?

СТАРУХА. На том свете...

СТАРИК. Откуда мне знать?

СТАРУХА. Значит, тебя одного там не кормили...

Старик поперхнулся от ужаса, кашляет.

Не спеши. Горячо.

СТАРИК. Мать, ты чо, совсем обалдела?!

СТАРУХА. В гости на праздник пришел? Али как?

СТАРИК. Слушай, старуха...

СТАРУХА (*не в силах сдержать эмоций*). Родненький мой, я тебя поминаю часто. Бывало, приду к тебе на могилку веночек поправить и ревом заплачу. Скучно шибко без тебя!..

СТАРИК. «Могилка», «веночек»... Слушай, кончай тут это, старуха... (*Громко, кулаком об стол.*) Хватит!!!

СТАРУХА (*плачет от умиления*). Ох, не ждала я... Не чаяла...

СТАРИК (*ест*). Сама виновата, циркачка.

СТАРУХА (*вытирает слезы*). Да нет... Я от счастья это...

СТАРИК. Еще бы... Одна все сардельки съела... Два кило! И куда в тебя влезло?! (*Смотрит на стол.*)

А где печенюшки?

СТАРУХА. Какие?

СТАРИК. Мои, что люблю.

СТАРУХА. Дак еще на твоих поминках все схрумкали...

СТАРИК (*отпивает чай, поперхнулся*). Опять за рыбу деньги... Ты это!.. Кончай меня хоронить!

СТАРУХА. Все. (*Вытирает нос.*) Я больше не буду...

СТАРИК. Вот умора, удумала чо... Помер, видишь ли, я, скукошился... Сама все слопала за пять минут, пока я ходил за шампанским, а теперь брешешь, в животе добро утрясает! Тоже мне новогодняя уморина...

СТАРУХА (*вытирает слезы*). Все.

СТАРИК. Все.

СТАРУХА. Все.

СТАРИК. Вот то-то.

Открывают шампанское. Поднимают фужеры.

СТАРУХА. Давай проводим старый год!..

СТАРИК. Давай! И встретим новый!

Чокаются.

Старик и старуха поют: «Пять минут, пять минут, на часах двенадцать скоро...»

Бьют куранты.

Картина вторая

Спустя три недели.

Та же квартира. Но теперь без елки.

СТАРУХА (*смотрит в окно*). Что ж такое... Три часа его нет. (*Вздыхает.*) Куда, хрен, запропастился?.. Взял веник, уперся в баню, и с концами... Заботы одни с ним... Говорю: «Прыскайся в ванне, чего тебе парить, старый уже». Не-ет... Парок, видишь ли, любит, чтобы уши дымились и дух изо рта шел... (*В окно.*) А я тут

сиди, всякое думай, может, дурно стало, может, вовсе угорел... (*Пауза.*) И что за старик мне попался? Всю жизнь одни анекдоты с ним! Помер, полгода как схоронили, а ему хоть бы хны... Оклемался с того света! Вот старик егозливый, нигде не сидится ему... Это что за сюрприз?.. Новый год давно отметили, Рождество прошло, а он все тут, назад к ангелам не собирается... И вообще, как обычно ведет себя... (*В окно.*) Ну наконец! Идет, пень старый...

Входит старик.

СТАРИК. Заждалася, старуха? Эх, морозец... (*Снимает тулуп, кладет веник.*) Веник прокис. Мужики говорят, есть такой березовый лес, где веники сами растут. Вроде как технология... Слышь, сами растут. Надо съездить туда.

Чайник греется на плите, старик и старуха молчат, смотрят на огонь.

СТАРУХА. Чо так долго?

СТАРИК. Дак очередина была. Наплыв после праздника.

Молчат.

СТАРИК (*вдруг бьет себя по щекам*). Балда!.. Мыльце забыл в шкафчике. Вернуться, а?

СТАРУХА. Щас, ждет оно тебя... Горе с тобой луковое... Чего ты только в этой бане не оставлял. И часы, и

кошельки, и подштанники... Там, наверно, целый музей имени тебя.

Пьют чай.

СТАРИК. Скорей бы весна... А то достало морозиться. Вот на днях мне сон приснился. Снится, будто я попадаю в общественный рай. Хорошо там, тепло, еды и товаров навалом, народ все приличный гуляет, есть специально баня для меня, ангелы в шашки играют. И вроде все хорошо, а сердце никак не отпускает, думаю: «Как же там старуха моя?» Хожу по аллеям и про тебя все скучаю. Вдруг вспомнил, что на земле значку оставил!.. Лежит четвертной, под ножкой шкафа! Я до того расстроился... вот деньги пропадут... что тут же вспотел и проснулся.

СТАРУХА. На. *(Показывает кутюру.)* Пол убирала...

СТАРИК. Нашла? Сон-то в руку!..

СТАРУХА. Всю жизнь с тобой прожила и не знала, что ты от меня деньги ныкал! *(Пауза.)* Может, еще что скрывал?..

СТАРИК. Куда это клонишь?

СТАРУХА. Шуры-муры вращал с кем?!

СТАРИК. Старух, ты знаешь...

СТАРУХА. Знаю! Ты все время штаны снимал!

СТАРИК. Какие штаны? Перед кем это?

СТАРУХА. Да перед этой старой хабалкой...

СТАРИК. Дак уколы она... Врач, так сказать, участковый!

СТАРУХА. Все. Отвали! *(Ложится на кровать, отворачивается к стене.)*

Молчание.

СТАРИК. Давай в домино поиграем?

СТАРУХА (*обиженно*). Не буду, и не проси мне!

СТАРИК. Тока партейку...

СТАРУХА. Вот не уймется, старый мухлевщик... Отстань, говорю! Я лежу!

СТАРИК. В гробу належишься, поди... А жить надо играючи.

СТАРУХА. Отстань, отвали!

Старуха лежит. Старик молчит, играет костяшками домино.

Иди во двор, там и дубась!

СТАРИК. А мне партнеров нету!

СТАРУХА. Иди к своей участковой!

Молчание.

Старик, а старик...

СТАРИК. Чего?..

СТАРУХА. Ничего.

СТАРИК. Чего — ничего?!

СТАРУХА. Ничевокай. Пока не забыла... Спросить хотела....

СТАРИК. Ну?

СТАРУХА (*пауза*). Старик, ты любил меня?

СТАРИК. Кого?!

СТАРУХА. Меня, глухня!

СТАРИК. Тебя??? Старуха, ты с печки упала?!

СТАРУХА. Я не про то.

СТАРИК. А про что?

СТАРУХА. Ну так любил?.. Чтобы варызг! Чтобы с ума уйти... Как в кино — меня любил?

СТАРИК. Как артист, что ли?

СТАРУХА. Да! Как Баталов! (*Пауза.*) Или Рыбников Коля... Или Штирлиц этот... как оно... Тихонов?.. Или адъютант его... Или нет... Нет! Не знаю...

Молчание.

СТАРИК (*задумчиво*). Во как... Ведь целый век прожили вместе.

Картина третья

СТАРУХА (*смотрит в окно*). Снег-то... Метет, ни шиша не видать. (*С раздражением.*) Два часа как за хлебом послала, и все шатается где-то. Постоянно волнения с ним. Вот куда, старый козел, опять подевался? Хлебный под носом — за угол свернуть. Может, переучет? Тогда в центр поехал. А если в центр, то может в толпе затеряться. Или небось забыл, что купить... Хлеще того, ногой поскользнулся, лежит на сугробе кверху копытом, помощи ждет. (*Пауза.*) Любопытный такой, в каждую щель носопырку засунет. Одни приключения с ним. Вот стоишь и не знаешь, что думать. Все люди как люди, а он — тридцать три несчастья. (*Вздыхает.*)

Звонок в дверь.

Иду!.. Иду!.. (*Подходит к двери.*) Кто?..
ГОЛОС. Я! Твоя пенсия!

Старуха открывает дверь. Появляется рука, протягивает лист.

РУКА. Тридцать третья кэвэ?

СТАРУХА. Да...

РУКА. Распишитесь.

СТАРУХА (*расписывается, отдает лист, получает две купюры, смотрит*). И это все?..

РУКА. Да.

СТАРУХА. А вторую пенсию... на старика моего?..

РУКА. Ваш муж? Он же скончался.

СТАРУХА. Ага, помер... Все точно. Но...

Рука исчезает.

Стой!.. Погоди... А как мы прокормимся?! (*Стоит, глядит на две купюры, вздыхает.*) Жила... Ни заботушек — ни хлопотушек, и вот тебе на... (*Задумчиво возвращается в комнату, садится за стол, обхватывает голову руками.*)

Входит старик.

Ты где?! Я все глаза проглядела!..

Старик молча снимает полушубок.

Что? Варезку потерял?..

Молчание.

А кулек где?

Молчание.

Что, во всем городе хлеба нету?

Молчание.

За квартиру заплатил?

СТАРИК. Старух, я кошелек обронил где-то...

Долгое молчание.

Старуха всхлипывает.

Ну, ладно... Ты чего... Деньги — дело заживное...

СТАРУХА. Заживное?! (*Тычет купюрами в нос старику.*) Гляди! Неделя пройдет — и загнемся! Как на это прожить?! Бомжевать будем!

СТАРИК (*смотрит*). Дак тут одна пенсия... А вторая где?

СТАРУХА. Нету!

СТАРИК. Тебе что, не дали?

СТАРУХА. Мне — дали! А тебе шиш!

СТАРИК. С каких это шей?!

СТАРУХА. Государство кормит живых! А тебе не положено!

СТАРИК. Я что, не человек, по-твоему?.. А так — смеха ради?

СТАРУХА. Полгода прошло! Помер ты! Как заяц позорный скачешь с неба на землю.

СТАРИК. С ума весь народ посходил... Пойду в райсобес разбираться! (*Уходит, хлопнув дверью.*)

Молчание.

СТАРУХА (*смотрит в окно*). Пошел, а кофту под низ не надел... (*Вздыхает.*) Тащится в другой конец города... Заболеет, опять помрет... Опять хоронить буду...

Идет на кухню, открывает шкаф, ищет в баночках соль, крупу, вермишель, идет в прихожую, ищет в карманах пальто мелочь, выворачивает сумку, трясет. Падает монета. Старуха нагибается, ищет, вдруг видит под холодильником что-то, с трудом просовывает руку, достает банку консервы. Разглядывает, стирает пыль, втыкает консервный нож. Из банки раздается пронзительный крик, как от боли: «О!!!»

Старуха в ужасе роняет банку. Из проделанной в банке дыры вытекает красная жидкость томата, слышен протяжный стон. Старуха в замешательстве.

Пауза.

Э-э-э-й...

Стон.

СТАРУХА (*с опаской берет консервную банку, осторожно прикладывает к уху, слушает*). Вылезайте... Это моя консерва, нече! (*Слушает. Внутри тишина. Трясет банку, берет консервный нож, быстро открывает, вываливает содержимое в тарелку, смотрит, перебирает пальцами мелкую рыбу.*)

Одна из рыб зашевелилась, машет хвостом.

Вот так чудо... Это ты?.. Та самая рыба??? Ну, здравствуй... Натворила ты сюрпризик... Спасибо! Ты как в томаты попала? Или чо, наши трубы ведут на консервный завод?

РЫБА (*тяжело дышит*). Отпустите меня, я исполню любое ваше желание...

СТАРУХА. Всё. Теперь без подсказок. Сама. (*Пауза.*) Знаешь... всю жизнь без штанов, без копейки... Три года арбуз не едали... Дай денег!

РЫБА. Сколько?

СТАРУХА. Миллион! Долларов! Миллион на арбузы... а два на проживание. (*Думает.*) Хотя нет... Чего доброго, народ осудит. Начнут писать, по судам затакают!

Пауза.

Может, вот чего... Пенсию президента! (*Пауза.*) Только не мне, старику моему...

РЫБА. Будет, ладно.

СТАРУХА. Не соврешь? Честное пионерское? Пенсию президента... самого главного... *(Берет рыбу, идет в уборную.)* Отпускаю тебя... И гляди не перепутай! Пенсию президента... самого главного! *(Бросает рыбу, спускает воду.)*

Картина четвертая

Спустя три дня.

Старуха сидит, считает пачки денег. В углу стоит флаг. Стол так и ломится от еды. Старик не спеша ест.

СТАРИК *(ест сосиски)*. Седьмая... Осьмая... Девятая...

СТАРУХА *(считает пачки купюр)*. Девятьсот девяносто четыре... Девятьсот девяносто пять... Девятьсот девяносто шесть...

СТАРИК *(ест, рот полон)*. Одинадцата-я... Двена... цата... Трина... цата... Четыр... Четыр... Четыр... *(Впихивает в полный рот сосиску, пережевывает, переводит дух. Устало.)* Да-а-а...

СТАРУХА *(считает деньги)*. Девятьсот девяносто семь... Девятьсот девяносто восемь...

СТАРИК. Вот народ думает, что мы, президенты в отставке, живем припеваючи... И сосиски тебе, и копченые куры, и кефиры всякие разные, икорка, брынза, колбаска, рулька, голяшка... Все твое! Ешь — не хочу! *(Смотрит на стол.)* Глаз-то еще хочет, а желудок уже не принимает... Пищевая трагедия прямо! *(Наелся, не может встать из-за стола, старухе)*. Старух, а старух...

СТАРУХА (*считает*). Чего?

СТАРИК. Ничего.

СТАРУХА. Чего — «ничего»?!

СТАРИК. Ничевокай. Мои портреты, поди, в школьных книжках печатают?

СТАРУХА. С чего?

СТАРИК. Ну дак как, президент все ж таки...

Старуха считает деньги.

СТАРИК (*ест банан*). Чудно. Прожил всю жизнь и не знал, что я был самым президентом! Видно, жил невнимательно. (*Пауза.*) Прихожу в собес, а меня встречают с флагом и цветами: «Поздравляем! — говорят. — Страна Чунга-Чанга нашла своего бывшего президента!» Говорят, очень долго искали. Вот оно как бывает. (*Поет.*) «Чунга-Чанга, синий небосвод, Чунга-Чанга — море круглый год... Жить на нем легко и просто, жить на нем легко и просто, Чунга-Чанга...» Как же я этого моря не заметил? Видно, страна была очень маленькая. (*Старухе.*) Старух, а старух!.. Третий день тока деньги и считаешь. Баловство-то пустейное!

СТАРУХА. Молчал бы. Сидит тут, до пуза обжирается. Жрец... (*Пауза.*) Я тут чо сейчас подумала... А если к нам залезут воры ночью? Они небось караулят уже.

СТАРИК. Да? (*Подозрительно смотрит в окно.*)

СТАРУХА. Возьмут и слямзят все наши денежки.

СТАРИК. Давай спрячем...

СТАРУХА. Во что?

СТАРИК. Зашьем в носки, наторкаем в валенки...

СТАРУХА. Нет. Давай-ка в холодильник! Подальше от греха...

Складывают деньги в холодильник. Ставят дверцей к стене.

Глубокая ночь. Старик и старуха храпят.

Беззвучно открывается форточка, тихо влезает вор, осторожно крадется на кухню, подходит к холодильнику, взваливает его на спину. Неожиданно от холодильника отваливается мотор и с грохотом падает на пол.

СТАРИК (*проснулся, открывает глаза*). Стой!..

Вор, согнувшись под тяжестью холодильного веса, бежит на выход. Старик за ним.

Старуха не слышит, продолжает сладко спать.

Картина пятая

Следующий день. Утро. Та же квартира. Ярко светит весеннее солнце.

Звенит будильник. В кровати просыпаются новобрачные.

Щекочут друг друга под одеялом, смеются.

ДЕВУШКА. Ну все, Гришка! Не балуй! Хватит!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*целует девушку в щеку*). С Первым мая, Анфиса...

ДЕВУШКА. С праздником труда... (*Целует мужа в щеку.*)

Лежат, счастливо смотрят в потолок.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Эх, жена... Как жить на свете хорошо...

ДЕВУШКА. Теперь и у нас есть квартира, свой дом... Спасибо комсомолу. *(Пауза.)* А хорошо вчера отметили новоселье...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Не помню, как гости ушли...

Смеются.

ДЕВУШКА. Потолки побелим, окна вымоем и покрасим... Станет еще чище и светлей. Сюда купим торшер, туда два мягких кресла... Тебе когда зарплату повысят?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Я — комсомолец.

ДЕВУШКА. Ты — передовик! Имеешь полное право.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да вот, обещают...

ДЕВУШКА. Вот увидишь, они тебе еще сто лет прообещают!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК *(вспоминает)*. Представляешь, Генка поедет на целину!

ДЕВУШКА. Вот счастливый... Степь, бураны, трактора...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК *(бьет в ладоши)*. Подъем! Начинаем утреннюю гимнастику!

Встают с кровати, подходят к окну, делают зарядку.

ДЕВУШКА *(смеется)*. Ты такой юморной в этих кальсонах...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Начинаем первое упражнение!

Сделайте шею на ширине плеч!

ДЕВУШКА (*смотрит на свою широкую сорочку*). Похудела я за ночь, что ли?..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. И — раз! И — два!

Поют: «От Москвы до самых до окраин, с южных гор до северных морей человек проходит как хозяин...» Делают гимнастику.

Молодой человек останавливается.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Что-то не то... На дворе Первомай, а радио молчит.

ДЕВУШКА (*смотрит в окно*). И флагов нету...

Молча делают зарядку.

Завершают последнее упражнение.

Молодой человек умывается, девушка идет на кухню.

ДЕВУШКА. Гриша, а где наш холодильник?..

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Нету! Еще не купили!

ДЕВУШКА. Наверно, я не проснулась...

Смеются, готовят еду.

ДЕВУШКА (*пробует на вкус, морищится*). Гриша, ты чо сюда наделал?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вот. (*Показывает банку*.)

ДЕВУШКА (*читает надпись, с раздражением*). Карболка.

Средство от тараканов.

Пауза. Рассмеялись.

Ну одни анекдоты с тобой! Что за муж мне попался!

Едят. Пьют чай.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Слушай, мне сегодня сон приснился... Смешной до чего. Значит, так... Будто я — старик, а ты — старуха. И у нас с тобой куча иностранных денег. Ночью к нам залазит вор, хватает эти деньги и бежит. Я за ним. Догоняю его, хватаю за грудки, а он — раз, в рыбу обратился! И говорит человеческим языком: «Отпусти меня, дед. Я исполню любое твоё желание». Проснулся, а что загадал — не помню! (Пауза.) Вот такой мракобесный сон, полнейшая антисоветчина...

Молчание.

Вроде праздник, а тишина... Может, умер товарищ Буденный? (Пауза.) Позвонить надо... (Набирает номер.) Алло! С Первوماем вас! Что?.. Первомай? Праздник такой... Позовите Парамона! Что?! Умер?! Когда?! Извините... (Пауза.) Говорят, Парамон умер как 10 лет от старческого склероза... Шутники... (Набирает номер.) Алло! Фима?! А можно его?.. Кто я? Друг. Мы играем в одной футбольной команде, он наш вратарь... Уехал? Куда? Спасибо. (Пауза.) Говорят, уехал на пэмэж... (Пауза.) «Метеор» знаю, «Трудовые резервы», «ЦДКА»...

А «ПМЖ» это что такое?.. (*Думает.*) П — передовики, М — массовой, Ж... Ж... Ж... Ж — жизни! (*Снова набирает номер.*) Генка?! Привет, старик! Да! Это Гришка! Почему с того света? Нет... А что? Что?! Извините, товарищ... (*Пауза.*) Какой-то больной старикан бредит... (*Пауза.*) Сегодня я иду в передовой колонне! Мне опаздывать нельзя!.. (*Надевает костюм, напевает.*) «Широка страна моя родная, много в ней...»

Девушка глядит на молодого человека, хохочет.
Молодой человек видит на себе старый, полинялый от времени пиджак с расползающимися швами.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*рассеянно*). Ну и вид... В бане, что ли, с Ермолаичем поменялся?..

ДЕВУШКА (*смеется*). Тридцать три несчастья! Вечно что-нибудь с тобой!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ладно. Я сейчас к нему по пути забегу... (*Надевает старую обувь.*) Шнурки порвались... И ботинки не мои... Как чужие вроде...

Девушка смеется.

Не опоздай. Быстрее марафеться!.. (*Целует девушку в щеку.*) Придешь к десяти и вольешься в нашу колонну! Все, бегу. Увидимся на демонстрации! (*Идет, спотыкается в прихожей о старый чемодан.*) Откуда здесь столько старого хлама?! (*Смеется, посылает воздушный поцелуй, уходит.*)

ДЕВУШКА (*смеется*). Растяпа... (*Идет в ванную комнату, умывается, весело напевает*). «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» (*Возвращается, берет расческу, причесывается.*)

Вдруг видит на расческе клочок седых волос. Не понимает, откуда он взялся, разглядывает, очищает расческу от седых волос, снова причесывается. Смотрится в зеркало. Напевает.

«Кипучая, могучая, никем не победимая страна моя, Москва моя, ты самая любимая!»

Ищет тушь для ресниц, открывает комод, видит внутри что-то незнакомое, достает потрепанный, старый альбом фотографий. Вертит в руках, открывает.

Девушка (*узнает, с удивлением*). Это же... (*Перелистывает страницу.*) И здесь мы... (*Разглядывает снимки.*) И здесь... Эту фотку щелкнули в этом году... А эту... Завтра... (*Перелистывает страницу.*) А эту — послезавтра. На карусели в парке. (*Пауза.*) Завтра? Как «завтра»?! (*Пораженно смотрит на снимок, быстро листает в конце альбома.*) Старик какой-то... (*Смотрит.*) Старуха...

Быстро подходит к зеркалу, находит на полу клочок седых волос, прикладывает к голове. Глядит в альбом, в зеркало, снова в альбом, снова в зеркало. Пауза. На глазах появляются слезы.

Молчание.

ДЕВУШКА (*осторожно проводит ладонью по лицу, глядит в зеркало, медленно*). Личико ровное, гладкое... Носик прямой... Губки без трещин... И бородавка ушла... Все зубы целые... Нигде ничего не болит, не ноет, не зудит... Кости не скрипят... Черные мысли не лезут... В голове ветерок легкий... Сердце щебечет... (*Пауза.*) Я снова стала молодой.

Возвращается молодой человек. Смотрят друг на друга.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*не понимая*). Знаешь... Ничего нет. Ни флагов, ни смеха, ни наших песен... Вокруг рев машин, чужие дома, чужие люди, чужие песни и лозунги на импортном языке. Вокруг нас чужой город... Ничего нашего нет. Мы проснулись в другой стране. Мне сказали, что мы живем в новом мире. Мы теперь в стране капитализма... (*Грустно.*) «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся...»

Молчание.

ДЕВУШКА. «Кипучая, могучая»... Дремучая!!! Далось тебе! Погляди в окно — весна! (*Улыбается.*) Мы же снова молодые! В новом мире будем жить по-новому!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Вот растяпа... Загадал, а сам забыл...

ДЕВУШКА (*в зеркало*). Какое счастье — быть молодой.
(*Поправляет волосы.*) Старик, ну как? (*Кокетливо.*)
Нравлюсь тебе?..
МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Ты — такая опять... Прямо так...
Ну шибко... Очень.

Идут навстречу друг другу.

Картина шестая

Спустя три недели. Девушка сидит за столом, перед ней
пухлая книга и чайник.

ДЕВУШКА (*читает наизусть*). «Интеллектуальный
интерфейс меняется в зависимости от новой ситуа-
ции благодаря высокой степени интерактивности,
а также объема заложенной информации». (*Уста-
ло встает, разгибает спину.*) Три недели хожу на
компьютерные курсы, уже знаю слова: «память»,
«окно», «килобай». Да я бы давно все выучила,
только эта училка на курсах... я за ней умом не по-
спеваю... она так живо кнопки нажимает и языком:
«Тыр-тыр-тыр». (*Читает по слогам.*) «В вектор-
ном способе кодирования геометрические фигуры
хранятся в виде математических формул и геоме-
трических абстракций...» (*Закрывает книгу, наизусть, быстро.*) «В векторном способе кодирования
геометрические фигуры хранятся в виде математи-
ческих формул и ге... ге-уме... гео-мо... ге-мо-опа...»
(*Не может выговорить, отбрасывает книгу.*) Тьфу!

Белиберда! Такое понапишут!!! (*Нервно ходит по комнате, достает новую книгу.*) Вот, девочки дали... (*Читает.*) «Компьютер для чайников». (*Перелистывает страницу.*) «Друзья! Вы должны помнить, что компьютер — друг чайника. Поэтому смело ступайте в страну чудес. Для начала нажмите кнопку «Пуск»... (*Берет электрочайник, ищет кнопку.*) «Пуск»... Значит, есть где-то кнопка... (*Ищет, открывает крышку чайника, просовывает руку внутрь, не находит, переворачивает чайник вверх ногами, выливается вода. Ковыряет провода, бьет током.*) Ах ты! Кусаться?! (*Пауза.*) Ладно, на сегодня закончим урок. (*Приходит в себя.*) Скоро купим компьютер... Главное — чайник уже есть, а мышь подберем где-нибудь. (*Смотрит в окно.*) Вечер уже. Где мой старик ходит? Должен с работы вернуться, и — нет... (*Вглядывается в темноту.*) Темень какая... Опять побьют, как на прошлой неделе... Страх божий... Ну одни волнения с ним! Сказал, пойду в коммерцию. И устроился работать на рынок в палатку. За три недели всем торговал: лапшой, гвоздями, трусами, книжками... Товар разойдется, но выручки нет! У него все прут из-под носа, а он стоит как лопух, всем улыбается, с каждым китайцем поздороваается... Домой идет и, как дурак, всю получку раздаст беспризорным, а они обкурятся и хохочут над ним. (*Вздыхает.*) Растяпа. Тоже мне бизнесмен... Посмотрим, вчера встал на овощи.

Входит молодой человек, несет ящик гнилых яблок.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. А вот и я! Заждалася, старуха?

ДЕВУШКА. Так долго... Опять приключилось чего?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. День прошел хорошо. В царстве капитала светило солнышко! (*Смеется.*) Хозяин вот обещал меня застрелить.

ДЕВУШКА. Как?!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Да шутит он! Человек он добрый, я по глазам вижу. Только думает, что я всю выручку ворую себе... (*Пауза.*) Я малость задержался, братья из солнечного Узбекистана просили подсобить. Я «КамАЗ» разгрузил, а мне вот дали ящик спелых яблок, правда, они чуток подгнили, пока я тащил...

Девушка смотрит: в ящике грязная, смердящая жижа.

ДЕВУШКА. Как шла торговля?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Отлично! Сегодня ко мне выстроилась громадная очередь. Всем приглянулись мои огурцы!

ДЕВУШКА. А выручка как?

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Никак. Я отвешивал, а про деньги забывал как-то... Уж больно брали товар хорошо!

ДЕВУШКА (*заплакала*). Тридцать три несчастья!.. За что мне это горе луково-е-е-е!!!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК (*обнимает девушку*). Анфиса, успокойся... Все у нас будет...

ДЕВУШКА. Откуда?! Погляди, все воруют себе на карман! А ты... Даже деньги считать не умеешь!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Рядом со мной торгуют товарищи из далекой Корейской республики! Они обсчитыва-

ют всех! А почему? Потому что у них все съел Ким Чен Ыр! А у нас все есть! Старуха, мы ж не пухнем с голоду!

ДЕВУШКА. Да я ем меньше кошки! (*Плачет.*) Я молодая, мне питаться, одеваться, краситься надо!.. А на курсы я хожу в старушачьей обдергайке!.. (*Молчание.*) А если тебя укокошат на этом рынке?! Старик, ты обо мне подумал? (*Плачет.*)

Внутри ящика что-то забулькало, грязь закипела, появляется рыба голова, выплевывает струю грязи.

РЫБА. Помогите... Я исполню любое ваше желание...

Девушка и молодой человек подходят.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Оно говорит...

ДЕВУШКА. Тс!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Любое?

Пауза.

ДЕВУШКА (*тихо*). Старик, шевели мозгом быстрее...

Пауза.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Значит, вот что... Я страшно хочу то время. Ту, свою молодость, а не эту! Весенний воздух, праздники, демонстрации, улицы!.. (*Поет*).
«Кипучая, могучая, никем не побеждаемая страна

моя, Москва моя, ты самая любимая...» Понимаешь?! Никакого капитализма и рынка! *(Рыбе)*. Рыбка, очень прошу... На коленки встану...

ДЕВУШКА *(отталкивает молодого человека, тихо)*. Тс!

Ты что?! Спятил?! А если там узнают, что мы жили в стране капитализма?! Нас обоих посадят!

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Точно...

ДЕВУШКА. Старик, рыба помрет, думай быстрее...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Так... Так... *(Додумался)*. Вот!

Наконец-то! Я очень хочу, чтобы люди стали другие!.. Как тогда, и еще лучше! Как одна семья! Чтобы все люди любили друг друга!

ДЕВУШКА. Это ж сколько народу перекраивать... Тут никаких чудес не напасешься...

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВЕК. Это точно. *(Думает, девушке)*.

Погоди... Я сделаю тебе подарок! Хочешь золотую кастрюлю? Или нет... Золотое колечко? Может, ведро земляники? *(Придумал)*. Вот что! Я хочу, чтобы ты была самой доброй, самой красивой, самой-пресамой счастливой! Короче — чтобы ты стала артисткой кино! Согласна, старуха?

ДЕВУШКА. Да, они неплохо зарабатывают... *(Рыбе)*.

Рыба, слушай меня. Я хочу стать артисткой кино, как Целиковская!

РЫБА. Хорошо. А теперь отпустите меня...

Молодой человек берет ящик, уносит.

Картина седьмая

На плите жарится картофель. Шипит сковородка.

Муж АКТРИСЫ (*открывает крышку, обжигается.*)
 Черт... Опять пригорело... (*Ковыряет вилкой, пробует на вкус, морщится, пытается отодрать от сковородки пригоревшую картошку, не получается, выбирашивает вместе со сковородкой. Моет посуду.*) Хорошо быть артисткой экрана. Спи, ешь, на танцульки ходи, развлекайся... Чем не сладкая жизнь? А мы, мужики, валандайся: мой, жарь, обстирывай их. Работаю как пчела... Весь день по магазинам, а вечером мою, готовлю... (*Бросает тарелку.*) Надоела эта посуда!.. (*Демонстративно бросает соль на пол.*) К ссоре... Придет вся такая «звезда», руки в боки, спросит: «Почему ничего не сготовлено?» А я? «Прости, не успел, жена дорогая...» (*Пауза.*) Понятно, она теперь вся такая звездная, с простоквашей не подъедешь... Кругом кавалеры, поклонники: «Пардон, мадама, дайте ручку, вы — такая артистка...» А она, кокотка такая, про мужа не скажет даже в газетке... Рассказала бы, как я тут!.. (*Смотрит в окно.*) Когда молодой, время быстро летит. Опять уже вечер... (*Вздыхает.*) И что за старуха мне попалась?.. Всю жизнь прожил с ней, а не знал, что она вот этак вихляет ногами... И глазки всем строит... Такая ветрянка... (*Беспокойно.*) Сиди тут переживай про нее всякое... А может, сердце от плясок прихватило, упала где-нибудь, старая, и лежит?..

За окном слышен шум подъехавшей машины. Через минуту входит молодая актриса с огромной охапкой букетов.

АКТРИСА. Привет, старичок...

Муж актрисы (*смущенно*). Здравсьте, старуха...

АКТРИСА. Что молчишь, невеселый такой?

Муж актрисы. К тебе тут негры с иностранцами приезжали. Ждали тебя и ушли. А ты где-то шляешься!

АКТРИСА. Не шляюсь, а хожу. Чего хотели-то?

Муж актрисы. Сделать тебе катаракт.

АКТРИСА. Может, кон-тракт?

Муж актрисы. Не знаю, наверно...

АКТРИСА. Поставь цветы... Поесть приготовил, бедняжка?

Муж актрисы. Нет!

АКТРИСА. Старик, я страшно устала... Целый день на ногах!.. А дома шаром покати! Ты чем занимался?!

Муж актрисы. Да я с утра плюхаюсь тут! А она устала, видишь ли! Устала плясать, рожи корчить, шампанское дуть с ухажерами, свои фотки расписывать!

АКТРИСА. Вот что! Я терпела всю жизнь! Если хочешь рассориться...

Звонит телефон.

АКТРИСА (*берет трубку*). Алло? Да, это я. Вы откуда?.. Откуда?! Из Голливуда?! (*Слушает, отвечает.*) Кон-тракт?.. А как ваше кино называется? «Застенчивая красотка»?.. (*Слушает.*) Нет-нет! Эта роль как раз для меня! Да! (*Слушает.*) Миллиард долларов?.. Вы

смеетесь... (*Пауза, муж кашляет.*) Два! Плюс жилье!.. Плюс пропитание! И еще со мной мой старик будет... (*Слушает, муж кашляет.*) Скажите, у вас есть в Голливуде областная баня?.. Просто бабушка любит... (*Слушает.*) Хорошо. Мы на это согласны. Будем. Приедем. Ждите. (*Кладет трубку.*) Старик, собирайся. Нас позвал Голливуд.

Муж актрисы. Голий — кто?

Актриса. Голливуд. Мы едем в Штаты.

Муж актрисы. Какие???

Актриса. Американские.

Муж актрисы. Ты чо?.. Задумала стать изменницей Родины???

Актриса. Старик, проснись! Какой Родины?!

Муж актрисы. Нашей...

Актриса. Где она?..

Муж актрисы. Вот.

Актриса. Дурак, ты б еще на кровать показал!

Муж актрисы. Нет, ты как знаешь, старуха... А я!.. НЕ ПРЕДА-АТЕЛЬ!!! Я СВОЮ СТРАНУ... МЕРТ-ВЫМ СТАНУ, НЕ БРО-ОШУ!

Актриса. Хорошо. Поеду одна.

Муж актрисы. ЕЗЖА-АЙ!..

Актриса. И поеду.

Муж актрисы. ВОТ ВАМ, СКАТЕРТЬЮ ДОРОГА!!! ВАС ТОЛЬКО ПА-АЛЬЦЕМ ПОМАНИ!!!

Актриса. Слушай, ну что ж ты такой дурак? Ку-ку, рогами уперся. Чего тебе эта страна дала? Подзатыльник и могилку два на два! (*Пауза.*) А там море, пальмы, круглый год лето, финики, солнышко...

Муж актрисы. Там в домино не играют!

Актриса. Старик, вся Америка играет!

Муж актрисы. Там нет нашей бани...

Актриса. У тебя будет своя, отдельная баня!

Муж актрисы. Ты что! Я один не привык мыться...

Мне с людьми надо, чтоб была куча народу... Так сказать, коллектив дружный!

Актриса. Найдешь там сотоварищей. *(Пауза.)* Ты ж никогда за границу не был! *(Вздыхает.)* Ну, поедем?

Можно сказать, только сейчас жить начинаем! Ну?..

Муж актрисы. Круглый год теплота, говоришь...

Актриса. Хоть бы глазком поглядеть, как настоящие люди живут!

Муж актрисы. Ну...

Актриса. Ну?!

Муж актрисы. Ну... Разве глазком...

Конец первого действия

Действие второе

Картина восьмая

Голливуд. Большой дом. В окно видно побережье Тихого океана. Летают чайки.

У окна ногами в банном тазу стоит полураздетый муж актрисы, подливает из ковшика кипяток, мылится.

Муж АКТРИСЫ. Что за вехотка? Всю спину исшоркал... (*Моется.*) Тоже мне Голливуд... Помыться и то негде! (*Громко зовет.*) Старух, а старух! Ты дома?! (*Эхо, молчание.*) Тишина. Значит, еще не вернулась с работы. (*Мылится.*) Что говорить, живем роскошно. Большой трехэтажный домина... (*Моется.*) Только вот поболтать даже не с кем, тараканов и тех нет. (*Обливает веник кипятком, хлещет себя.*) Пальмовый веник — хороший, душистый... Правда, потом макакою пахнешь... (*Выливает на себя воду, фыр-*

кает.) Не пойму я местный народ. Они в баню не мыться, а отдыхать ходят. А я, дурак, приперся со своей шайкой. У них тут нет ни мужских, ни женских отделений. Все вместе. Таков закон. Поначалу мне было как-то неловко, а потом пообвык, осмелел. Мылюсь, вдруг чую — меня окружают. Встали кружком и тихо глядят. Я говорю: «Люди дорбые, американы, я человек простой, извините, если грязь поливаю. Мне тут еще две рубахи постирать надо». Ну я помылся, белье постирнул, гляжу — а они прямо в бане голышмя киноленту снимают! *(Одевается.)* Что за люди? Одно кино на уме.

Крик актрисы. Стари-и-ик!!! Стари-и-ик!!!

Муж актрисы. Пришла... *(Натягивает штаны и рубаху.)*

Крик актрисы. Стари-и-к!!! Стари-ик!

Муж актрисы. Ты где?! Я тут! *(Идет по коридору.)* Зачем для двоих столько места? Заблудиться же можно! Вот вчера потерялись, три часа искали друг друга, кричали как черти в лесу. *(Громко.)* А-у!

Крик актрисы. Старик!!!

Муж актрисы. То ли дело на панельной Руси: теснота, до кровищи лбами сшибались, но — довольны! А тут трехэтажный домина, пока по нужде добежишь... А-у!!!

Крик актрисы. Стари-и-ик!!!

Муж актрисы. А-у!!!

Сталкиваются в холле.

Глаза актрисы заплаканы.

Муж актрисы. Привет... Рано сегодня... Случилось чего?

Актриса. Случилось! Пока ты тут спишь, меня к срамоте принуждают!..

Муж актрисы. Кто?

Актриса. Пошляки! Распутники! Хулиганы! Я вам не продажная девка! Я — артистка!.. Я приехала в кино сниматься!

Муж актрисы. Стряслось чего?..

Актриса (*плачет*). Ты видел, чтоб Любовь Орлова в кино без штанов играла?

Муж актрисы. Нет...

Актриса. А меня принуждают! «Разденьтесь, — говорят, — мы уже снимаем». Да я перед мужем родным и то всю жизнь в крошечной темноте. А тут — зеваки стоят, яркие лампы сверкают... Вы что, обалдели совсем?! (*Пауза.*) Ну я понимаю, слова нежные, обняться там, к герою плечиком прижаться, ручку погладить... Ну, поцелуй на крайний случай... И то только один, когда в самом конце! Вот это кино про любовь! Я понимаю. А тут... Тьфу! Срамота! (*Плачет.*)

Муж актрисы. Сама Америку хотела.

Актриса. Старик, ты очумел?! А кто меня привел в артистки?..

Муж актрисы. Сама просила...

Актриса. Дурак, твоя идея! Я бы в жизнь не догадалась! (*Плачет.*) Идиот, такой баран, лопух... Вечно мне с тобой одни несчастья... Такой разврат!.. До гроба жизни не забуду!

Муж актрисы. Ну и дела... (*Задумчиво.*) Глядишь, еще день тут проживем, и обоих заставят сниматься... (*Пауза.*) Нет уж, старуха, давай-ка быстрее чемодан! Будем в Россию обратно собираться!!!

Быстро собирают вещи. Сталкивают все в чемодан, быстро уходят.

Раздается приглушенный звук — кто-то икает.

Актриса и муж осторожно оглядываются, видят под стулом банный таз. Из мыльной воды выглядывает рыба голова.

Муж актрисы. Откуда она здесь?..

Актриса. Не знаю... Видишь, мыла наглоталась...

Рыба (*пускает изо рта мыльные пузыри*). Помогите... Я исполню любое ваше желание...

Муж актрисы. Как же так... Мы чуть шайку мою не забыли!

Актриса. Помолчи. Надоел... (*Слушает рыбу.*)

Рыба (*тихо*). Любое желание... Любое... Йык... Йык...

Муж актрисы. Старуха, давай загадаем, чтобы в России на соснах бананы росли...

Актриса. Какие сосны?! Дурак, отойди!..

Муж отходит.

Актриса (*тихо, рыбе*). Рыба, я не хочу быть артисткой, это все он! Видишь, стоит — дурак дураком... Я всю жизнь из-за него мучаюсь... Я хочу, чтобы он наконец-то поумнел... Понимаешь? Я хочу умного

мужа! Такого умного, чтобы... Умней всех людей на земле!

РЫБА. Хорошо, ладно. Йык... Йык...

Актриса берет таз с рыбой, муж — чемодан, уходят.

Картина девятая

Спустя три недели. Все та же квартира. Стол завален книгами. За столом сидит близорукий ученый с бородкой, читает.

Входит жена ученого в пестром, нарядном платье.

ЖЕНА УЧЕНОГО. Какой ты у меня умница... (*Гладит ученого по макушке.*) Целыми днями книжки читаешь... Погляди, я новое платье купила.

УЧЕНЫЙ. Умбра — отвратительный цвет. (*Читает.*)

ЖЕНА УЧЕНОГО. Тебе не нравится?..

УЧЕНЫЙ. Нравится — не нравится, все субъективно.

Существует вкус эстетический как способность отличать прекрасное от безобразного.

ЖЕНА УЧЕНОГО. Ах вот как, значит, я тебе безобразна?!

УЧЕНЫЙ. Всякое суждение строится на гипотезах, как единый субстрат. Чтобы данный дискурс не выглядел многословным, предлагаю закончить обширную полемику.

Молчание.

ЖЕНА УЧЕНОГО. Сходим вечером на танцы-ы?..

УЧЕНЫЙ (*читает*). М-м?.. Что?

ЖЕНА УЧЕНОГО. Пойдем на танцы-ы?

УЧЕНЫЙ. Послушай меня. Танцы — это самый сложный вид искусства, где позы нашего тела поэтически осмыслены, организованы во времени и пространстве и составляют некую единую художественную систему! Не знаю, как ты, а я не способен на это. (*Читает.*)

ЖЕНА УЧЕНОГО. Целыми днями читаешь, можно загнаться от скуки...

УЧЕНЫЙ (*читает*). Что?..

ЖЕНА УЧЕНОГО. Читаешь, говорю, целыми днями! Ослепнуть можешь!

УЧЕНЫЙ. Да, в самом деле... (*Откладывает книгу.*) Давай развлечемся. Где наши шахматы?

ЖЕНА УЧЕНОГО. Опять... Ты же знаешь, я не умею.

УЧЕНЫЙ. Пустяки, я один за двоих поиграю. (*Расставляет фигуры, играет сам с собой.*)

ЖЕНА УЧЕНОГО. Старик, а старик...

УЧЕНЫЙ. Дебют... Гамбит... Комбинация Розеншталя...

ЖЕНА УЧЕНОГО. Слышишь меня?

УЧЕНЫЙ. М-м?.. Что?.. (*Играет сам с собой.*) Помолчи, не мешай! Блокировка... (*То и дело переворачивает доску, быстро и ловко переставляет фигуры, как фокусник.*) Раз... Два... Шах и мат! (*Жене.*) Поздравляю, ты опять проиграла.

ЖЕНА УЧЕНОГО. И давно ты так поумнел, старик?

УЧЕНЫЙ (*записывает шахматные ходы в тетрадку*). М-м?.. Что?..

ЖЕНА УЧЕНОГО (*громко*). Три недели, как поумнел, вот козел старый!..

УЧЕНЫЙ (*протирает очки*). Ты по-прежнему настаиваешь на своей антинаучной теории, что я был стариком? Пусть так. Предположим. Но тогда, исходя из твоих абсурдных утверждений, объясни, каким образом я радикально помолодел?! Только не надо мне сказочной утопии... Объясни кардинально научно!

Молчание.

Ученый машет рукой, садится за стол, смотрит в микроскоп, делает записи.

ЖЕНА УЧЕНОГО. Может, кофе?

УЧЕНЫЙ. М-м?.. Что?

ЖЕНА УЧЕНОГО. Кофе хочешь?!

УЧЕНЫЙ. Я работаю.

Проходит время. Жена ученого по-прежнему смотрит на мужа, а тот в микроскоп.

ЖЕНА УЧЕНОГО. Дак я кофе принесу?

УЧЕНЫЙ. Что?..

ЖЕНА УЧЕНОГО. Кофе принесу, говорю?!

УЧЕНЫЙ. Нет, спасибо... Я работаю...

ЖЕНА УЧЕНОГО. С сахарком?

УЧЕНЫЙ. М-м?.. Что?.. (*Вдруг в микроскоп, неистово.*) Кто мог подумать?! Потрясающий эффект!.. Я совершил переворот в науке!!! (*Жене.*) Иди посмотри!..

ЖЕНА УЧЕНОГО (*подходит, смотрит в микроскоп, брезгливо*). Кто это?

УЧЕНЫЙ. Моль. Насекомое.

ЖЕНА УЧЕНОГО. Фу-у, какая гадость...

УЧЕНЫЙ. «Наука — всегда прекрасна», — это еще Бойль-Мариотт говорил... А я совершил глобальный прорыв! (*Пауза.*) Я клонировал моль. Точней, ее биомассу.

ЖЕНА УЧЕНОГО (*ее тошнит*). Зачем?!

УЧЕНЫЙ. Дилетантский вопрос! С точки зрения теории вероятностей мою новую популяцию насекомых можно применять в широчайших областях. Например: медицина, общественное образование, школьное питание, но самое главное...

ЖЕНА УЧЕНОГО. Дурак! За этим столом мы едим!.. (*С омерзением хватает со стола склянку и микроскоп, выбрасывает в окно.*)

Пауза. Ученый в шоке.

УЧЕНЫЙ (*сдерживая ярость*). Знаешь, ты кто?! Ты — масса покоя частицы, помноженная на скорость света в вакууме!!!

ЖЕНА УЧЕНОГО (*обомлев*). Как ты меня назвал?! А ну, повтори!

УЧЕНЫЙ. Невежа... Плебейка... Молекула...

Жена дает мужу пощечину. Очки ученого летят в сторону.

Варвар... Что ты наделала?

ЖЕНА УЧЕНОГО. Так тебе и надо. За две недели хоть бы разочек глянул на меня... Сраный ученый! А я вокруг юлой и так и этак: «Птенчик, хочешь кофе? Хочешь чай?» Как идиотка наряжалась, «химию» сделала... Нашелся, тоже мне, «интеллигент»! (*Передразнивает мужа.*) «М-м?... Что?» Родной жене ни капельки внимания, не говоря о крохотной любви!

УЧЕНЫЙ. Разве это любовь?!

ЖЕНА УЧЕНОГО. Молчи, одни микробы на уме!

УЧЕНЫЙ. Жена ученого должна любить науку! Вспомни жену Дарвина, она сделала все для теории мужа! А ты даже в шахматы играть не умеешь! О чем вообще с тобой говорить?! Стоит тут, два класса образования!.. И это моя жена! Жена без пяти минут лауреата Нобелевской премии!.. Позор! Стыдоба!

ЖЕНА УЧЕНОГО. Ну и ладно! Я теперь молодая! Найду мужа современного, молодого... Уж лучше тебя — барахла!

Звонит телефон.

УЧЕНЫЙ. Закрой свою ротовую полость! Хватит мне гадости говорить!.. (*Снимает телефонную трубку, слушает.*) А?... Что?... Алло?... Да, это я... Как? Это правда? Благодарю вас... Когда? (*Кладет трубку, рассеянно жене.*) Можешь поздравить меня, я только что стал лауреатом Нобелевской премии... (*Пауза.*) О чем мы только что говорили?... Ах да... Все! Прощай! Я ухожу от тебя! Я ничего с собой не возьму! Где мои шахматы?! (*Берет шахматы, чемодан, с до-*

стои́нством, спо́койно.) Да здравствует наука. Ура.
(*Уходит.*)

ЖЕНА УЧЕНОГО. Сви́нья... (*Плачет.*) Ну зачем же он так?.. Я всю жизнь угробила на него... А он просто взял и ушел, бросил меня, как собачонку... (*Плачет, открывает окно, выбрасывает книги, кричит.*) Проваливай к черту!!! Зазнайка! Найдем в сто раз лучше!!! Ага!

Картина десятая

Та же квартира. Спусти́я три недели.
На столе откры́тая бутылка красного вина и роза. За дверью орет носорог.

ЖЕНА УЧЕНОГО (*кричит кому-то в прихожую*). Позорник бесстыдный!.. (*Подбирает с пола разодранные мужские брюки, бросает в открытую дверь.*) Да как ты мог подумать такое?! Чтобы я?! С первым встречным?! Тьфу! Чтоб тебя!!! (*Захлопывает входную дверь, закрывает на замок, тяжело дышит.*). Нахал... (*Возвращается в комнату, садится, переводит дух.*) Люди добрые, не успел парень прийти в гости к девушке, как штаны уже снимает! Это что за любовь нынче такая?! До чего докатились! Я к таким номерам не привыкла! С девушкой надо подружить, походить пару годиков! Потом через год расписаться! А уж потом когда-нибудь все остальное... Вот так у нас со стариком любовь делалась! А это что?.. Охульник! Похабник! (*Берет со стола розу, ломает.*) Вот тебе! Вот тебе!

Заталкивает розу в мусорное ведро, которое и так до краев забито увядшими цветами.

ЖЕНА УЧЕНОГО (*садится за стол, достает из рук занозы, от боли на глазах выступают слезы*). Так больно, силушек нет... Не пойму я нынешнюю молодежь! Она теперь какая-то чудная... Девчонки танцуют с девушками, парни — с парнями... В клуб ихний придешь — все трещит, все сверкает... Вместо патефона голые негры скачут... Раньше вальс танцевали в нарядных рубашках. А сейчас трясут нагишом, «умца-умца» одно... (*Вздыхает.*) Скромная девушка лучшей невестой считалась, а теперь надо задом вихлять... (*Пауза.*) Вот тоже на днях вроде с приличным парнем познакомилась... В больших чувствах клялся. Как люди сидели в кино, как люди по парку гуляли... Пошел меня провожать, вошли в подъезд... И начал РТОМ ХУЛИГАНИТЬ!.. (*Плачет.*)

Телефонный звонок.

ЖЕНА УЧЕНОГО (*снимает трубку*). Да?! Кто это?! Генрих?... Откуда? Из Голливуда??? Я сказала, нахал, не звоните мне больше! (*Бросает трубку, устало.*) Да, нелегко... (*Смотрит на свадебное фото на стене, снимает, ставит перед собой.*) Три недели прошло, а кажется — вечность. (*Говорит фотографии.*) Ну что стоишь? Доволен?... Видал, все ухажеры дарят мне розы... А ты листочка за всю жизнь не подарил! (*Смотрит на фото.*) Пропал, и с концами. Все

бродишь где-то в науке... Небось забыл про меня... Ходишь, наверно, грязный, бесхозный, худющий... Растяпа, тридцать три несчастья... Кто с тобой нянькаться будет, как я? *(Пауза.)* Может, стряслось чего? *(Фотографии.)* Я тебе, гад, никогда не говорила, а сейчас скажу... *(Пауза.)* Старик, ты — самый, самый, самый лучший на свете. Слышишь меня? Родненький мой, возвращайся, пожалуйста... *(Молчит, вытирает слезы.)*

Телефонный звонок.

ЖЕНА УЧЕНОГО *(быстро снимает трубку)*. Алло?... Да?... Справочная?... Да, я справку заказывала!.. Я мужа потеряла!.. Он — самый центральный ученый!.. Самый умный человек на земле!.. Что?... Не существует такого?..

Короткие гудки.

Сидит за столом, долго смотрит в одну точку. Наливает вино, залпом выпивает, плачет.

Где-то совсем рядом слышится бульканье и тихий смех.

Жена ученого смотрит по сторонам, с удивлением видит — в бутылке плавает что-то. Встряхивает вино.

РЫБА *(из бутылки пьяным голосом, язык заплетается)*.

Отпустите меня... Я исполню любое ваше желание...

ЖЕНА УЧЕНОГО. Опять она! *(Трясет бутылку.)* Что ж такое... *(Пытается достать рыбу из горлышка, не получается.)* Сейчас... Сейчас... *(Оглядывается по сто-*

ронам, подходит к батарее, разбивает бутылку. Находит в осколках стекла рыбу, берет в руки.) Живая?.. (Осторожно гладит рыбу.) Узнала меня? Это я. (Пауза.) Не хочу быть молодой... Ничего не хочу!.. Ничего! Только бы старик назад вернулся! Слышишь?

РЫБА. Хорошо. Будет.

ЖЕНА УЧЕНОГО. Уж пожалуйста, милая...

РЫБА. Хорошо, отпустите.

Жена ученого идет в уборную, бросает рыбу, спускает воду. Возвращается старухой. Садится у окна, ждет. За окном медленно темнеет.

Картина одиннадцатая

Раннее утро. Старик в пиджаке и нелепом праздничном галстуке стоит у кровати старухи.

СТАРУХА (*просыпается, сонно*). Проснулся... Чего так рано?.. (*Смотрит.*) Ты чо это вырядился?

СТАРИК (*улыбается*). Вставай-ка, хватит дрыхнуть. Проспишь.

СТАРУХА. Цветешь прямо, весь улыбаешься... Случилось чего?

СТАРИК. От. (*Достает маленький букетик цветов, дает старухе.*)

СТАРУХА. С чего это вдруг?

СТАРИК. Доброе утро, склероз!

СТАРУХА. Что?..

СТАРИК. День рожденья у тебя!

СТАРУХА. Ну?!

СТАРИК. Ну.

СТАРУХА. Закрутилась совсем... (*Быстро встает, ищет тапки.*)

СТАРИК. Ты куда, торопыгин?..

СТАРУХА. Дак одеться надо... К празднику пожевать приготовить.

СТАРИК. Старуха, не надо, уймись.

СТАРУХА. Это как это... (*Пауза.*) Стой, чем так вкусно пахнет?..

СТАРИК. Я пирог приготовил.

СТАРУХА. Сам???

СТАРИК. Сам.

СТАРУХА. Да врешь, поди. И что, не пригорело?..

Подходят к столу.

СТАРУХА (*смотрит на пирог*). Чудеса...

СТАРИК. И чай, гляди, заварен.

СТАРУХА. Да-а.

Пьют чай, режут пирог, очень быстро едят.

СТАРИК. Тебе не горячо?..

СТАРУХА. Нет. А тебе?..

СТАРИК. Мне — в самый раз...

СТАРУХА. Очень?..

СТАРИК. Очень. (*Пауза.*) Ешь осторожно, костями не подавись...

СТАРУХА. И ты тоже...

Еще быстрее.

СТАРИК. Вкусно?..

СТАРУХА. Вкусно. А тебе?..

СТАРИК. И мне...

СТАРУХА. Поперчу, хочешь?..

СТАРИК. Поперчи. Может, тебе еще пирожок отрезать?..

СТАРУХА. Отрежь с краю. И себе возьми.

СТАРИК. Вот, для тебя самый румяный.

Очень быстро.

СТАРУХА. Ешь аккуратно, на пол не роняй.

СТАРИК. Ем, не роняю.

СТАРУХА. Роняешь, вон под стулом уже...

СТАРИК. Это не мое.

СТАРУХА. А чье?

СТАРИК. Не знаю.

СТАРУХА. Как же ты не знаешь, если прямо под тобой лежит?!

СТАРИК. У меня нет такой манеры — свинячить.

СТАРУХА. Молчал бы! Каждый раз за тобой выгребая.

СТАРИК. Вранье!

СТАРУХА. Я поражаюсь... Сидит и нагло, как ребенок, отпирается!

СТАРИК. Это не я!

СТАРУХА. Ты!

Старик. Нет!

Старуха. Все! Замолчи, а то поругаемся...

Медленно едят, молчат.

Старик. Едим чего-то, молчим, как сваты на похоронах.

Старуха. Дак именинницу никто не развлекает! Сплясал бы чего, ногами подрыгал...

Старик. Я не артист балета, чтобы на полный желудок плясать... (*Пауза.*) Слушай, мне сегодня сон приснился... Чудной до чего. Снится мне, что я самый умнейший на земле человек и меня награждают большой премией. Как она, Шнобелевская, что ли?.. И вот я сажусь в карету и еду тыщу верст за деньгами. Приезжаю... Меня встречает сам шведский король, сажает, чаем поит, я про деньги, а он говорит: «Э, брат, тут еще есть одна загвоздка. Чтобы получить Шнобелевскую премию, ты должен окончательный выбор произвести. Выбирай, что тебе важнее: слава и деньги или старушечья твоя». Я подумал, прикинул... Слава пройдет, деньги закончатся, а старуха... она — одна у меня навсегда.

Старуха. Ерунда какая-то...

Старик. Да.

Старуха. Поумней ничего не приснилось?

Старик. А?..

Старуха. Ну вот, например, что у нас куча детей?

Старик. Нет...

Старуха. Почему?

СТАРИК. Не знаю... Сны — не кино по заявкам. Сны сами выскакивают...

Показывает, как из головы выскакивают сны.

СТАРУХА. Вечно все у тебя так.

СТАРИК. И потом, детей ты сама не хотела...

СТАРУХА. Кто?! Я?! *(На глазах появляются слезы.)*

СТАРИК. Да если б ты их очень хотела, они бы появились как-нибудь...

СТАРУХА. С чего?! Дурак! Да дети от нежности появляются! А у тебя все «как-нибудь»! *(Плачет.)*

Молчание.

СТАРИК. Старух...

СТАРУХА. А?!

СТАРИК. Ты же знаешь, я... я — человек затруднительный... шибко стеснительный... В общем... я... я тебе... Чудно, всю жизнь прожили вместе, а я еще не говорил... В общем... Ты самый дорогой мне человек... Я очень рад, что мы прожили эту жизнь вместе!

СТАРУХА. Спасибо.

СТАРИК. Тебе — спасибо.

СТАРУХА. Не за что.

Стоят молча, прижавшись друг к другу.

СТАРУХА. Старик, а старик...

СТАРИК. Чего?

СТАРУХА. Не чевокай. Спросить хотела...

СТАРИК. Ну?

СТАРУХА. А вот если б у нас были дети, ты бы любил их?

СТАРИК. Понятное дело. Мы бы их в ванне шампунем купали...

СТАРУХА. А я бы фартучки им шила, в школу водила...

СТАРИК. А я бы в домино играл с ними.

СТАРУХА. Две девочки и четыре мальчика.

СТАРИК. Нет, зачем? Четыре девочки и восемь мальчиков.

СТАРУХА. И все умные, как ты.

СТАРИК. А когда бы выросли, мы к ним в гости ходили бы и подарки дарили.

СТАРУХА. Да.

СТАРИК. Да.

СТАРУХА. Да-а...

СТАРИК. Да-а...

Грустно молчат.

Протяжный, печальный звук.

СТАРУХА. Что это у тебя живот так журчит?

СТАРИК. Не знаю...

СТАРУХА. Дай-ка послушаю... (*Прикладывает ухо к животу старика.*) А теперь бурлит... Внизу, верху, опять внизу... Расслабь кишки. Встань прямо.

СТАРИК (*истуганно*). Стою... Чего там?

СТАРУХА. Молчи! (*Слушает.*) Оно говорит... Говорит!

ГЛУХОЙ КРИК (*из живота старика*). Эй!.. Есть кто?!

По-мо-ги-те!

СТАРУХА. Пирог с чем был?..

СТАРИК. Кто?..

СТАРУХА. Пирог!..

СТАРИК. С рыбой...

СТАРУХА. А ну, становись поперек! (*Старуха нагибает старика, толкает в бок.*)

СТАРИК. Ой, больно!..

СТАРУХА. Терпи... (*Кладет старика на стул животом, толкает.*) Нагнись...

СТАРИК (*нагибается, приседает, хохочет*). Щекотно внутри... Она прыгает!..

Старуха раскачивает старика, пытается вытолкнуть из живота рыбу, не получается.

СТАРУХА. Становись на голову... Башку не сверни!
Я ноги держу...

Старик прислоняется к стене, кряхтит, с огромным трудом встает на голову. Старуха держит его ноги, трясет. Из штанов сыплется мелочь.

Из рта старика выпрыгивает рыба. Старуха поднимает рыбу. Старик встает, тяжело дышит. Оба смотрят на рыбу, переводят дух.

СТАРИК. Ну, старуха, давай говори...

СТАРУХА. Рыбка, мы хотим ребенка...

РЫБА. Сколько?

СТАРУХА. Хоть бы одного.

СТАРИК. Мальчика!

СТАРУХА. Девочку!

СТАРИК. Лучше мальчика, мужик все-таки!

СТАРУХА. Мальчика!

РЫБА. Хорошо. Будет.

СТАРУХА. Погоди, рыбка... Еще такая просьба... Сама понимаешь, ребенок — не кошка, его долго растить надо, а мы люди уже пожилые... Можем не успеть поднять. А нам бы еще так хотелось его свадьбу увидеть, на счастье его посмотреть. Пускай наш сыночек уже будет взрослым! (*Пауза.*) Можно?

РЫБА. Можно.

СТАРУХА. Правда?!

РЫБА. Правда.

СТАРУХА. Эх, милая, как мы тебе благодарны... (*Вытирает слезы.*) Прямо не знаю как... Пойдем на волю, пойдем на реченьку...

Старик и старуха бережно уносят рыбу.

Картина двенадцатая

Спустя три недели.

Та же квартира.

Старик и старуха сидят молча. Старуха смотрит в одну точку.

СТАРИК. Кушать хочешь?

СТАРУХА. Нет.

Молчание.

СТАРИК. Может, скушаешь печенье?

СТАРУХА. Нет.

Молчание.

СТАРИК. Давай, я кашки наложу.

СТАРУХА. Нет.

Молчание.

СТАРИК. С голоду помрешь...

СТАРУХА. Пускай.

Молчание.

Как же так? Родненький сын и на свадьбу не пригласил?

СТАРИК. Оно всяко в жизни бывает.

СТАРУХА. Всяко — не всяко, а родителей мог бы позвать! Раз в жизни такое.

СТАРИК. Да.

СТАРУХА. И невестку мы даже не видели. Хоть бы дал фотографию.

СТАРИК. Что поделаешь, занятой...

СТАРУХА. Работает все...

СТАРИК. Работает...

СТАРУХА. Да-а... (*Пауза.*) Высокий...

СТАРИК. Умный...

СТАРУХА. Красивый...

СТАРИК. И главное — летчик!

СТАРУХА. Широкие плечи, фуражка, погоны... А голос,
а голос...

СТАРИК и СТАРУХА (*поют*).

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!..

СТАРУХА. На кого он больше похож?..

Старик и старуха глядятся в зеркало.

СТАРИК. На меня.

СТАРУХА. На меня...

СТАРИК. На меня!

СТАРУХА. На меня!

Пауза. Сравнивают отражения.

Улыбка...

СТАРИК. А рот?..

СТАРУХА. А нос?..

СТАРИК. А глаза?..

Пауза. Смотрят.

Нет, красота — наша, красота — общая.

СТАРУХА. Хороший мальчик у нас получился...

СТАРИК. Хороший...

СТАРУХА. Хороший...

СТАРИК и СТАРУХА (*поют*).

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор,
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца — пламенный мотор!

Все выше, и выше, и выше
Стремим мы полет наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ!..

СТАРУХА. Высокий...

СТАРИК. Сильный...

СТАРУХА. Красивый... (*Пауза.*) Слушай! А может, молодые к нам жить переедут?.. Они на кровати, мы на раскладушке?! (*Пауза.*) Что молчишь?..

Старик молчит.

Места мало, но поместимся! А?..

Старик молчит.

Значит, так, будем все вместе жить, а внуки родятся — станем няньками. Как ты думаешь, Леша согласится?..

Старик молчит.

Согласится! А невестку уговорим. *(Пауза.)* Как тебе, а?.. *(Пауза.)* Да что ты все молчишь?.. *(Пауза.)* Неужто ты не хочешь?!

СТАРИК. Хочу!.. Но...

СТАРУХА. Что?

СТАРИК. Ничего.

СТАРУХА. Ой, вечно не поймешь тебя... *(Пауза.)* Погодь, который час?! Лешинька обещался!.. Сейчас придет!.. А у нас ничего... Все время проморгали... *(Пауза.)* Ну чо расселся, старый пень?.. Вставай, на стол собирать надо!..

СТАРИК. Не надо.

СТАРУХА. Как это?

СТАРИК. Сядь! *(Пауза.)* Не надо.

Пауза.

СТАРУХА. Стряслось что?..

Пауза.

СТАРИК. Он не придет.

Пауза.

СТАРУХА. А почему?

Пауза.

СТАРИК. Он улетел...

Пауза.

СТАРУХА. Улетел... А куда? (*Пауза.*) Куда?! Да что ты все молчишь?!.. Куда?

Пауза.

СТАРИК. Черт его знает... (*Пауза.*) У них опять там что-то... вроде как война какая-то...

СТАРУХА. Война?!

СТАРИК. Война...

Пауза.

СТАРУХА. Его ж убьют...

СТАРИК. Не каркай!

Звонок в дверь. Открывают.

РУКА. Тридцать третья?

СТАРУХА. Тридцать третья.

РУКА. Распишитесь. «Похоронка».

Пауза.

Распишитесь.

Пауза.

Распишитесь.

Старик расписывается на бланке. Рука забирает, исчезает.
Пауза.

СТАРУХА. Как??? Так быстро??? Нет... Я же... Мы же...
Лешинька сладкое любит... Лешинька... Лешинька...
Не-е-ет... Лешинька... Лешинька...

Звонит телефон. Старуха метнулась к телефону. Старик
останавливает, долго смотрит на звонящий телефон, на-
конец берет трубку.

СТАРИК. Да?.. (*Пауза.*) Да, я... (*Пауза.*) Слушаю... (*Пау-
за.*) Как это?.. Подождите, как?.. Что вы такое мне го-
ворите?.. (*Пауза.*) Я умер? Когда??? Нет, я не помню
такого... (*Пауза.*) Срочно вернуться? Куда? (*Пауза.*)
Что?.. Переключка в раю??? (*Пауза.*) Подождите...
А вы кто? (*Пауза.*) Ангел? Как ангел? Чей?.. (*Пауза.*)
Мой?.. Нет, это неправда — вот у меня тут старуха...
(*Пауза.*) Нет-нет, не хочу... Все! До свидания! (*Кла-
дет трубку.*) Чудак какой-то... Говорит, у меня есть
квартира в раю... И ежели я не вернусь в 24 часа,
меня лишат небесной прописки...

СТАРУХА. Сыночек... Сыночек... Не-е-ет... Ведь это не-
правда... Ошибка... Сыночек... Сыночек...

СТАРИК. Ничего, утро вечера мудренее. (*Вытирает сле-
зы старухе.*) Все, все... Закрой глаза, уснешь, может, а
я рядышком посижу...

Старуха закрывает глаза.
Старик сидит.

Ночь.

Старик видит под ногами рыболовную леску.

Смотрит, вся комната опутана леской. Старик идет, сматывает леску, ищет конец. Леска тянется за окно. Старик пыхтит, изо всех сил тащит леску на себя. Не поддается. Старик дергает леску, на другом конце рывок такой мощи, что старик мгновенно вылетает в окно и пропадает с леской в небе.

Картина тринадцатая

Утро. Шторы закрыты. Долго звонит телефон.

СТАРУХА (*сквозь сон*). Старик... Старик... Трубку возьми, слышь...

Звонок стихает. Старуха протирает сонные глаза. Оглядывается.

Старик, ты где?..

Встает. Пауза.

Ты где?..

Медленно идет по комнате, останавливается.

Ты где?..

Пауза.

Ушел? Или что?..

Пауза.

Что?..

Пауза.

Сон? (*Смотрит по сторонам, все вещи на прежнем месте.*)

Пауза.

Сон всё??? (*Закрывает глаза, садится на кровать.*)

Молчание. Раздергивает шторы.

Фу-ты, ну-ты... Приснится же... Вернулся старик с того свету... И артисткой я была, и молодой, и всякой разной... (*Смеется, разводит руками.*) Тридцать три счастья! Приснилось!

Идет на кухню, ставит на плиту чайник, долго глядит на огонь. Вспоминает что-то, тихо смеется.
Возвращается в комнату, смотрит на фотографию.

Сны, брат, дурацкая штука. Спишь, видишь Тридцатое царство, а потом как дурак просыпаешься... Глазами хлоп-хлоп, руками хват-хват, а чудес как не бывало! (*Долго молчит. Берет тарелку, ест.*) Се-

ледка, килька говорящая... (*Жует, качает головой, вдруг видит на оберточной бумаге буквы, расправляет, читает*). «Доброе утро, старуха! Я наконец-то стал летчиком-космонавтом! Сейчас ночь, я улетаю, писать некогда. Тут чо говорят — на небе появилась новая звезда специально для нас. Там будем жить с тобой как ангелы вдвоем. И еще говорят: там счастье одно и любовь. Слетаю, проверю обширно. И сразу вернусь за тобой. Гагарин вот опять говорит, что на небе микробов не любят. Поэтому надень все чистое. Последняя новость — смерть придумали астрономы. Так что, старуха, для нас смерти нет! Собирайся, не мешкай. Как доберусь, позвоню».

Дочитывает, суетится, собирает вещи.

Космонафт... Улетел на босу ногу... Растяпа.

Находит чемодан, складывает туда альбом, фотографию со стены. Заболело сердце, садится, глотает таблетки. От волнения не находит себе места, встает, ходит из угла в угол, болит сердце, снова садится в кресло. Резкий телефонный звонок.

СТАРУХА (*покачнувшись от неожиданности, замирает*).
Старик?!..

Звонит телефон.

СТАРУХА (*радостно*). Старик... (*Хочет встать, не может.*)

Звонит телефон.

Старуха задыхается от боли в сердце, крепко вцепляется руками в подлокотники кресла, с трудом поднимается, делает шаг.

Иду я... Старик... Иду...

Идет к телефону медленными, мелкими шажками, переводит дух.

Прихватило... Как оно... Видишь... Сейчас я...

Делает шаг, еще, глотает воздух.

Звонит телефон.

СТАРУХА (*не может вдохнуть*). Старик... (*С трудом делает шаг.*) Смерти же нет... Я ИДУ.

Темнота.

Звездное небо.

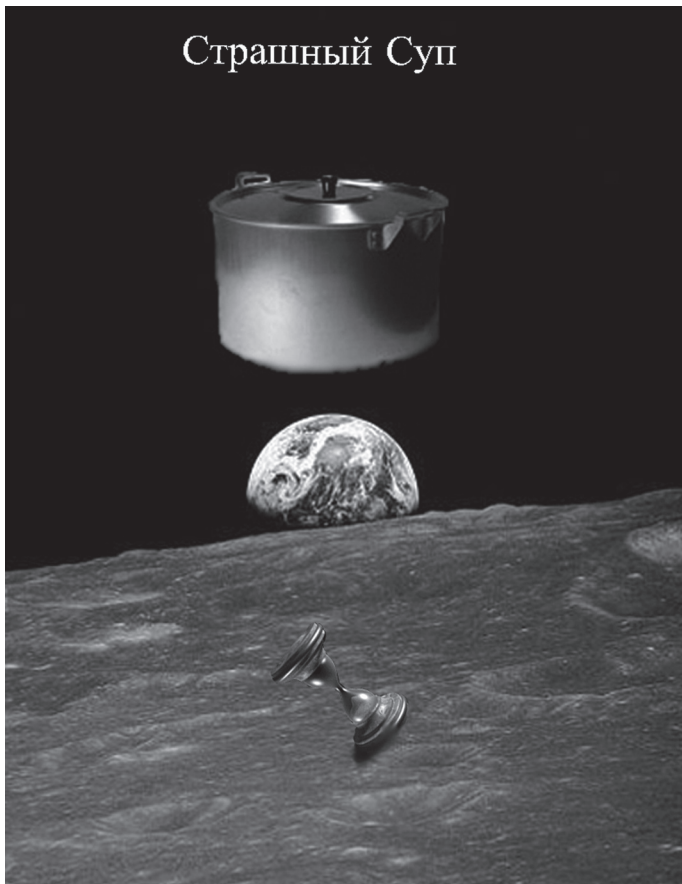
Одна из звезд мерцает.

Занавес

Сцена из спектакля «Великая Китайская стена».
Центр драматургии и режиссуры Алексея Казанцева и
Михаила Рощина.
Режиссер Александр Вартанов, в гл. роли Юрий
Шерстнев

Страшный Суп

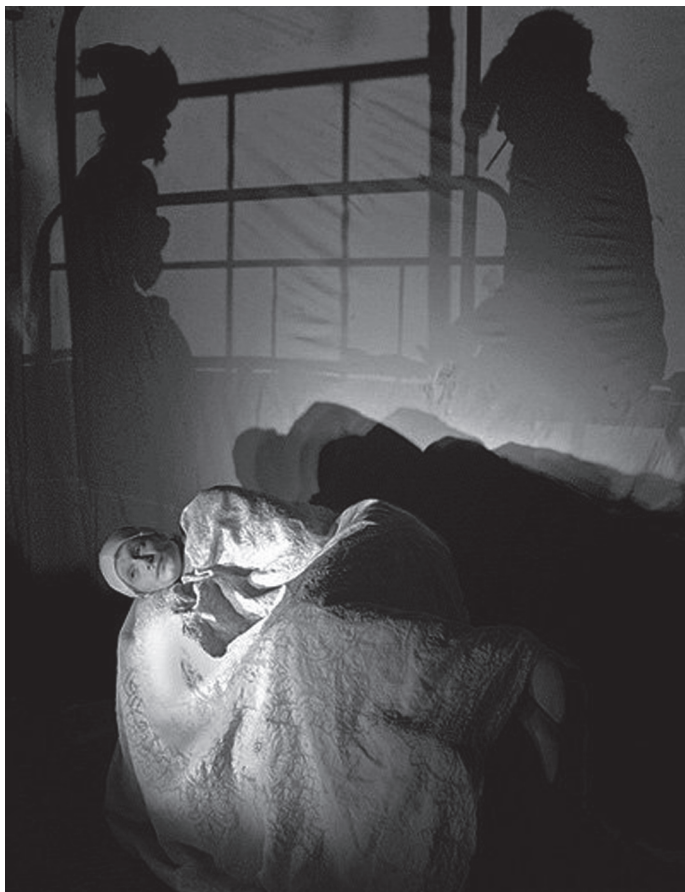
Афиша спектакля «Страшный суп».
Иркутский Академический театр драмы им. Охлопкова.
Режиссер Геннадий Гущин

**Сцена из спектакля «Резиновый принц».
Режиссер Нина Чусова, продюсер Павел Каплевич.
В гл. ролях Лолита Милявская и Евгений Стычкин**

Сцена из спектакля «Акакий А. Башмачкин».
Театр-студия-21.
Режиссер Владимир Мирзоев

Сцена из спектакля «Башмачкин».

Екатеринбургский театр кукол.

Режиссер Николай Коляда, в гл. роли Олег Ягодин

Сцена из спектакля «Тайное общество велосипедистов».
Вильнюсский молодежный театр.
Режиссер Альгирдас Латенас

Сцена из спектакля *Marias field*.
DCA Theater TUTA, Чикаго

Афиша спектакля: «Dawn-way».
Национальный театр Румынии, Ясса.
Режиссер Раду Эфрим

Тайное общество велосипедистов

Комедия в двух действиях

Действие первое

Картина первая

Панельный дом. Трехкомнатная квартира.
В большой комнате за столом сидит дочь тринадцати лет,
жуёт семечки, смотрит телевизор. Открывается дверь,
входит мать с кулками и сумками, набитыми едой.

МАТЬ. Чо, уже дома?

ДОЧЬ. Но.

МАТЬ. Воду нам привезли?

ДОЧЬ. Во. *(Пинает ногой большую бутылку питьевой воды.)*

МАТЬ. Как в школе?

ДОЧЬ. Никак.

МАТЬ *(проходит на кухню, выкладывает из сумок еду).*

Чо борщ не досла?

ДОЧЬ. Семечков...

МАТЬ. Так не наешься. Надо борщ похлебать.

ДОЧЬ. Я и так самая крупная в классе...

МАТЬ. И чо, вот теперь супа не есть? (*Изучает дочь.*)

Шары красные, опять всю ночь телевизор глядела?

(*Пауза.*) Где бабушка?

ДОЧЬ. С Василием гуляет.

МАТЬ. А деда?

ДОЧЬ. Откуда мне знать?

МАТЬ. Чо расселась? Уроки делай. И не трясись семечками...

ДОЧЬ. Я не трясусь.

МАТЬ (*начинает готовить ужин*). Ох, убегалась в доску... А дома надо готовить, за вами стирать... Вот сегодня утром дедушка опять обделался. Опять постельное менять. Все шляются где-то, ходят, а я тут грязь выгребай. Хоть бы посуду помыла...

ДОЧЬ. Я не могу. Мне нельзя.

МАТЬ. С чего это?.. Мне, значит, можно, а тебе нельзя?..

(*Пауза.*) Ничего, отец придет и так выдерет! Мало хлещут тебя...

Пауза.

ДОЧЬ. Мам...

МАТЬ. Чо?..

ДОЧЬ. Я беременна.

Пауза.

МАТЬ. Ч-ч-чо?

ДОЧЬ. Я беременна.

МАТЬ. Кто?

ДОЧЬ. Я.

Пауза.

МАТЬ. Ты чо несешь? Ты в своем уме?..

ДОЧЬ. В своем.

Пауза.

МАТЬ. Тебе сколько лет?..

ДОЧЬ. Тринадцать.

МАТЬ. Тринадцать.

ДОЧЬ. Тринадцать, и чо?

МАТЬ. А то! В тринадцать лет такими вещами не шутят!

ДОЧЬ. У-у-э-э-э...

МАТЬ. А ну выключи телевизор! Как ты с матерью говоришь?! Ничего... Ничего... Щас отец придет... Быстро пошла за уроки!

Дочь сидит на месте, смотрит в телевизор. Пауза.

С чего ты взяла, что ты беременна?

ДОЧЬ. С того.

МАТЬ. С чего???

ДОЧЬ. У нас после физики был медосмотр.

МАТЬ. И чо?

ДОЧЬ. Врач сказал, что я на четвертом месяце.

МАТЬ. Какой врач?..

ДОЧЬ. Ну наш этот, школьный...

МАТЬ. И чо?

ДОЧЬ (*пауза*). Мам, ну чо ты, как тормоз, глухая?

МАТЬ. У тебя чо, уже было с кем-то? Да убери ты эти семечки, с тобой говорю! Чо молчишь? А?

ДОЧЬ. Я не молчу. Я думаю.

МАТЬ. «Думаю»! Какого хрена?! Тебе ж тринадцать лет!

ДОЧЬ. И чо?

МАТЬ. А то! Я тебя в тридцать пять родила! И то ты была не доношена!

ДОЧЬ. И чо, вот теперь всем не рожать???

Мать в сердцах бьет кастрюлей дочь по голове.

ДОЧЬ (*схватила за голову*). Ты чо-о... (*Плачет.*)

Пауза.

МАТЬ (*переводит дух, садится рядом, осторожно гладит дочь по голове*). Кровь есть?

ДОЧЬ. А-а-а...

МАТЬ. Дай подую... Нашла чем шутить...

Дочь плачет. Мать смотрит.

А чо врач-то сказал???

ДОЧЬ. Беременна ты, говорит, гони домой, скажи об этом родителям. Я пришла вот, тебе говорю. А ты кастрюлей дерешься...

МАТЬ. Господи... А кто отец-то??? *(Пауза.)* Ну ладно, все, тихо, не ной... Я ругаться не буду. *(Пауза.)* Кто отец?

ДОЧЬ. Интернет...

МАТЬ. Кто???

ДОЧЬ. Интернет.

МАТЬ. А фамилия???

ДОЧЬ. Откуда я знаю? *(Встает, одевается.)* Все, я пойду...

МАТЬ. Куда???

ДОЧЬ. Приду вечером, расскажу. Только папке пока не говори... *(Уходит, хлопает дверь.)*

Долгая пауза.

МАТЬ *(снова готовит ужин)*. Вот ведь дура ненормальная, вся в папашу-отца... Что же теперь?.. Как же оно...

Входит отец.

ОТЕЦ. Чо дверь-то настежь открытая, а?.. Я для этого, чо ли, работаю, чобы вы все добро тут прошныкали, да?! А говном чо воняет?! Опять дед обосрался? Так и будет дермище месяц лежать. *(Раздевается.)* Давно пришла-то?..

МАТЬ. Тока.

ОТЕЦ *(натягивает майку-алкоголичку и трико с вытянутыми коленями)*. Целый день шлаки грузили... А потом разные шестерни. Умотался, ядрена. Чо расцелася? Боршу мужу налей.

МАТЬ. Пакли помой.

МАТЬ. А где наши пенсы-то?

МАТЬ. Дед шляется где-то, а бабка куда-то уперлась...

ОТЕЦ. Блин, заканал! Все ходют и ходют! Когда ж они
сдохнут-то? Только серут, толку никакого. *(Ест.)*

МАТЬ. Слушай, тут чо...

ОТЕЦ. Но?

МАТЬ. Тока сильно не матерись...

ОТЕЦ. Во.

МАТЬ. Наша Любка, похоже, это... беременна.

Пауза.

ОТЕЦ *(давится едой)*. Чо???

МАТЬ. Беременна.

Пауза.

ОТЕЦ. Погоди... Дак ей же... Сколько лет???

МАТЬ. Тринадцать.

ОТЕЦ. А чо, в стока можно???

МАТЬ. А как? Вон в Африке семилетние дети рожают.

ОТЕЦ. Зачем???

МАТЬ. Откуда мне знать...

ОТЕЦ. Вот ведь зараза какая!.. Доигралась, допрыгалась!.. А?!! И в кого она, дура сплошная?! *(Бьет кулаком в стену.)* А ну, где она?!!

МАТЬ. Удрала...

ОТЕЦ. Бабикино воспитание... Досюсюкались, а... Ничего... Ничего... Пусть тока придет, пусть тока попро-

бует... (*Садится, ест, смотрит в тарелку.*) Кто борщ варил?..

МАТЬ. Старики.

ОТЕЦ (*принюхивается к тарелке*). Попробуй, дерьмом отдаст.

МАТЬ (*пробует*). Да не-ет...

ОТЕЦ. А что, насрал же твой отец в стиральную машину, кому расскажешь — не поверят!

МАТЬ. И что теперь? Он пожилой, забывается.

ОТЕЦ. Кругом дерьмо мерещится... (*Ест.*) Никакого в доме порядка! И эта туда же... Соплячка! Ишь чо, от горшка три вершка, а туда же — рожать! Кто отец, хоть сказала???

МАТЬ. Сказала...

ОТЕЦ. Кто?!!

МАТЬ. Интернет...

ОТЕЦ. Погоди-погоди... В понедельник она мне тут выдала: «Вот не дадите мне денег на ролики, тогда я вас так, блин, напугаю, до самой смерти срать будете».

МАТЬ. Ну?

ОТЕЦ. Ага! Ага! Вранье! Это точно! Ну глянь на нее... вошка, микробка!.. Откуда чего... Вранье, вранье на все сто!!! (*Пауза.*) Ну надо же... Как мы купились. Ничего... Пусть тока заявится!

МАТЬ. Паша, ну шутит ребенок... Ты уж не очень-то...

ОТЕЦ. Живешь, как полено горбатишься... Полежать возле ящика и то некогда... А дома свинарник... Один ролики клянчит, второй как конь серется! (*Ищет в борщиче ложкой, достает что-то гадкое, разглядыва-*

ет; его начинает тошнить, затыкает хлюпающий рот, бежит к окну, открывает створки, высовывается, издает рыгающие звуки вниз.)

Картина вторая

Мать замывает лужи на паркете.

Входит бабушка. Жирный кот висит на поводке.

МАТЬ. Где вас носит, мама?

БАБУШКА (*гладит кота*). Гуляли.

МАТЬ. А Пашу на «скорой» увезли.

БАБУШКА. Когда?!

МАТЬ. Тока.

БАБУШКА. Бож мой...

МАТЬ. Вот вам и «бож мой». Два часа полоскало.

БАБУШКА. Да что ж такое... Прямо не знаю, Господи...

Может, Павлуша скушал чего?

МАТЬ. Мама, скажите, кто борщ вот этот готовил?

БАБУШКА. Мы. Мы самые.

МАТЬ. Может, сыпанули чего? Может, яду какого? Со-
слепу?

БАБУШКА. Да Господь с тобой, что мы? Враги???

МАТЬ. А он говорит, что в кастрюле плавало что-то...

Вроде кашка. Дерьмо. Дедушка это не мог? Честно скажите.

БАБУШКА. Да что вы нас обижаете? Мы ж не дети, чтоб
в супы-то говны кидать. А тошнит его так, что печен-
ка накрылась. С детского сада водку хлебал.

МАТЬ. А если помрет?

БАБУШКА. Оклемаются. (*Пауза, заглядывает в комнаты.*)

Никого? (*Входит на кухню.*) Я вчера сдавала анализ на почку... А сейчас в больницу зашла. (*Пауза.*)

И вот, обнаружили...

МАТЬ. Что?..

БАБУШКА. Я в тягости.

МАТЬ. Чего???

БАБУШКА. Беременна я.

Пауза.

МАТЬ. Кто?

БАБУШКА. Я.

Пауза.

МАТЬ. Мама...

БАБУШКА. Да я бы сроду до такого не додумалась... Доктор объявил. На четвертом месяце я.

МАТЬ. Вы???

БАБУШКА. Я.

Пауза.

МАТЬ. Что вы тут бредите? Вам сколько же лет?

БАБУШКА. Семьдесят что-то...

МАТЬ. Не семьдесят, а восемьдесят семь! И то по паспорту это.

БАБУШКА. Бывает же... Дожила до седых лет и не думала, не гадала, что еще раз рожу в девяносто-то лет.

МАТЬ. Студенты пошутили небось! А вы, старая, рады стараться, всем верите.

БАБУШКА. Так как... Сам доктор сказал — случай особый. И еще: «Берегите себя, пейте соки, лимонады, фруктов ешьте... На еде не экономьте».

МАТЬ. Ой, чушь, галиматья!

БАБУШКА. Мне опыт женский сказывает, беременна я!

МАТЬ. Ну ладно, а кто отец-то?..

БАБУШКА. Дедушка тут ни при чем.

МАТЬ. Ну? А кто?

БАБУШКА. Сталин и Ленин.

Пауза.

МАТЬ. Что, сразу двое???

БАБУШКА. Срам, если все рассказать...

МАТЬ. Мам...

БАБУШКА. Ночью было. В самую пору перед Новым годом. Заснуть никак не могла. Вдруг слышу, по трубе карабкается кто-то. Гляжу, открывается форточка, влезает Ленин в костюме, а за ним Сталин. И оба — шасть под одеяло ко мне и запели, запели, запели...
(Поет любовный романс.)

МАТЬ. Мам, да вы умом грохнулись!

Пауза.

БАБУШКА (*вздыхает*). Так я и знала... (*Садится перед телевизором, переключает каналы.*) Вышли мы из доверия...

МАТЬ. Сговорились... Обалдели совсем... *(Убирает пол.)*
Старая... Еле дышит, еле ходит. А туда же — двое...

За окном темнеет, перед телевизором храпит бабушка,
Мать варит на кухне.
Входит дедушка.

ДЕДУШКА. Вечер добрый семейству.

МАТЬ. Где ж вы шляетесь, папа? Я уж думала, померли
где.

ДЕДУШКА *(входит на кухню)*. Моя дряхлая дома?

МАТЬ. Дрыхнет вон.

ДЕДУШКА. А где весь народ? *(Садится за стол, ест)*.

МАТЬ. Любка шастает где-то, а Пашу с желудком на
«скорой» свезли.

ДЕДУШКА. Да что ты?! Отравился, поди?!

МАТЬ. А вы, папа, не делайте мне тут глаза, будто не знаете... Вы ж сами грозились его отравить.

ДЕДУШКА. Когда?!

МАТЬ. Да на прошлой неделе.

ДЕДУШКА. Дак я ж с горячки! Он сам виноват! Обзывается! Засранцем меня называет. *(Пауза.)* А насчет отравить — и слушать обидно. *(Прислушивается.)*

Бабка-то спит, говоришь?

МАТЬ. Спит, слава Богу... А то такие страсти городила...
С черепом что-то.

ДЕДУШКА. Я был у зубного... Он поглядел мой язык и отправил меня в восьмой кабинет. Оттуда меня направили в первую городскую, а из первой городской во вторую, а оттуда — в областную. Глядели меня,

наблюдали... И заключение вот... (*Пауза.*) Я беременный.

МАТЬ. Кто?

ДЕДУШКА. Я.

Пауза.

ДЕДУШКА (*достает справку, тихо*). Дочь, твой отец в положении. (*Разворачивает бумагу.*) Документ! Главврач подписал.

МАТЬ. Зачем?..

ДЕДУШКА. Чтобы я встал на учет.

МАТЬ. Какой?..

ДЕДУШКА. Учет всех рожениц. На четвертом месяце я.

МАТЬ. Как???

ДЕДУШКА. Так. Я думал, ты за отца порадуешься...

МАТЬ. Значит, и вы тоже?

ДЕДУШКА. Да. А кто еще?..

МАТЬ. Да вон разлеглась, бабка твоя.

ДЕДУШКА. Как?.. И она тоже? (*Пауза.*) А с кем она, кто отец?

МАТЬ. Уж не вы, это точно.

ДЕДУШКА. А кто?

МАТЬ. Сталин и Ленин.

ДЕДУШКА. Что? Оба?!

Пауза.

У меня только один.

МАТЬ. Уж любопытно, кто это?..

ДЕДУШКА. Снеговой человек.

МАТЬ. Снеговик, что ли?!

ДЕДУШКА. Да нет, снежный, вся рожа в шерсти.

МАТЬ. Папа...

ДЕДУШКА. Днем это было. Вровень перед Новым годом. Я за бифидоком пошел. *(Волнуясь.)* Иду, значит... Вдруг чую, будто сверху жужжит кто-то... Я поднимаю башку и вижу ракету... Но не такую, в которой Герман Титов летал, а квадратную. Мне страсть любопытно стало. Стою, смотрю, а ракета ко мне бочком так подвигается... И на тебе — бам! Темнотень, как в кино! *(Пауза, волнуясь еще больше.)* Деталев не помню, врать не могу... Помню только, что оклемался, глядь — я внутри той самой ракеты. Лежу, значит, лежу. И тут ко мне подплывает кто-то мохнатый, берет меня лапой за шею и говорит: «Дорогой дядя Миша. Мы, снежные ети, помним, как вы собирали про нас все газетные вырезки и клеили их в тетрадку. За этот ваш труд мы хотим подарить вам ребенка».

МАТЬ. А дальше?..

ДЕДУШКА. Очнулся, гляжу — я лежу на полу в канцтоварах.

Пауза.

МАТЬ. Значит, подарили.

ДЕДУШКА. Значится, так.

Пауза.

МАТЬ. Папа, у вас в голове магнитная буря... Идите ле-
жать! Не смешите! Идите-идите...

Дедушка уходит, садится перед телевизором.

МАТЬ (*моет пол, качает головой, ухмыляется*). Шутники!

Входит отец в больничных тапочках.

Паша, ты?!

ОТЕЦ. Отпустили.

МАТЬ. Слава Богу... Промывание сделали, да?.. А тут
цирк, как с ума посходили! (*Моет посуду.*) Целый
день страсти несут... (*Удивленно смотрит на отца.*)
Ты чо, уже успел налакаться?!

ОТЕЦ (*достает из кармана бутылку, пьет, заедает пу-
стой сигаретной пачкой*). Мне надо с тобой поляля-
кать. Короче... Сколько лет мы спим рядом?

МАТЬ. Двадцать.

ОТЕЦ. Точней!

МАТЬ. Двадцать один. 23-го августа было...

ОТЕЦ. Ну а скажи... За эти двадцать лет ты у меня ничего
не заметила?

МАТЬ. Чего?..

ОТЕЦ. Ну чего-нибудь этакого...

МАТЬ. Какого?

ОТЕЦ. Такого.

МАТЬ. Нет.

ОТЕЦ. А это, как его... Я же мужчина, мужик, да???

МАТЬ. А сам не знаешь?

ОТЕЦ. Блин, вот что значит на нервах — стока выпил, и ни в одном глазу... Значит, мужчина?

МАТЬ. Понятно.

ОТЕЦ. Со всеми причиндалами?

МАТЬ. С одним.

ОТЕЦ. Нигде ничего лишнего?

МАТЬ. Нигде ничего. *(Пауза.)* А что, тебе еще надо?

ОТЕЦ *(тихо)*. Слушай... *(Оглядывается. Пауза.)* Я в положении.

МАТЬ. А???

ОТЕЦ. В положении я. Беременный. Я беременный, понимаешь? Я беремененый на все сто... Я час назад об этом узнал... Я узнал об этом... Ну чо молчишь? Скажи чо-нибудь?.. На работе узнают — меня засмеют... Я просил у врачей сделать чего-то, а они говорят — слишком поздно пришли...

Молчание.

Они говорят, я уже на четвертом месяце...

Молчание.

Чо, язык проглотила? Вырази чо-нибудь...

Молчание.

Как женщина посоветуй, может, можно как-то...

Молчание.

Что же теперь?..

Молчание.

От кого я залетел, знаешь?

МАТЬ. Нет... От кого???

Пауза.

ОТЕЦ. Их одиннадцать человек.

Пауза.

МАТЬ. И кто же они?

ОТЕЦ. Футболисты в желтых майках.

МАТЬ. Бразильцы???

ОТЕЦ. Да, вся сборная.

Пауза.

Помнишь, я утром пришел после дня железнодорожника. Видно, тогда перебрал... Было все как в тумане... (*Пауза.*) Вроде как сидел где-то с кем-то... Потом провал в голове... Потом пошел куда-то, упал... Опять пил, опять встал... Пошел опять... И вот просветление — я сижу на газоне, а вокруг Бразилия! Солнце лепит, попугаи орут! Вдруг вижу — ко мне футбольный мяч подлетает, а к мячу одиннадцать игроков! И все обладатели Кубка! Сели кружком возле меня и шепчут: «Павло, наконец-то ты при-

был! Мы тебя давно поджидаем!» А мне, позорнику, ужас приятно... Говорю: «Братцы, я ваши матчи всегда гляжу по программе! Я вас люблю всех!» А они: «Мы тебя тоже любим. Так что позволь нам, Паоло, за твою страсть к мировому футболу наградить тебя суперподарком, о котором ты и в мыслях подумать не мог». А дальше — снова провал. *(Пауза.)* Очухался, гляжу — я в подъезде... *(Пауза.)* Пьяный бред, думал... А оно видишь, как вдруг...

Молчание.

Мать смеется.

Я гляжу, тебе шибко весело?..

Мать хохочет.

Смейся-смейся...

Мать хохочет все громче и громче.

Может, и ты...

Мать нервно хохочет.

Как-нибудь. Чо-нибудь. С кем-нибудь.

МАТЬ. Я?! *(Резко прекращает смеяться, пауза, к горлу подкатывает тошнота, пытается сдержать тошнотворные спазмы, через пальцы льется, тошнит все сильнее и сильнее, закрывает рот, убегает в ванну.)*

Картина третья

Удаляется сирена «скорой помощи».

Ночь. Бабушка, дедушка и отец молча сидят перед телевизором.

Тихо открывается входная дверь. Появляется дочь.

Дочь (*входит, смотрит*). А чо вы не спите?..

Молчание.

Отец хочет что-то сказать, но к горлу подкатывает тошнота, вскакивает, закрывает рот, убегает в уборную.

Чо это он???

Молчание.

А мама где?

ДЕДУШКА. Увезли на «скорой».

БАБУШКА. Не стращай ребенка, дело житейское. (*Внучке.*) Кушать хочешь?..

Дочь. Не...

БАБУШКА. А чего?

Пауза.

Дочь (*шепотом*). Баба, я должна тут это... Не ругайся тока. (*Пауза.*) Беременна я.

БАБУШКА (*лицо странное и счастливое*). Ничего, внучка... Я тоже...

ДЕДУШКА. И я.

Пауза.

БАБУШКА. Все мы тут «тоже».

Внимательно смотрят друг на друга. Дочь начинает резко тошнить. Затем тошнит бабушку и дедушку.

Картина четвертая

Женская консультация.

Мужеподобная медсестра в очках быстро пишет что-то в толстую тетрадь. Напротив нее стоят мать, дочь, бабушка, дедушка и отец.

ДЕДУШКА. Значит, только мочу?..

МЕДСЕСТРА. Только мочу.

ДЕДУШКА. А кал сдавать не надо?

МЕДСЕСТРА. Нет.

ДЕДУШКА. А я слышал, что просят...

ОТЕЦ. Отстань! Тебе ж говорят! (*Пауза.*) Доктор, можно еще нескромный вопрос?

МЕДСЕСТРА (*не отрываясь от бумаг*). Поактивней.

ОТЕЦ. Мы с дедушкой, конечно, рады, что у нас беременность здорово протекает, но мы все равно чем-то встревожены... Вот например... Мы второй раз у вас, а вы еще ни разу нам не разъяснили... Мы же мужского полу! А беременны! Может, все-таки это ошибка?..

МЕДСЕСТРА. Не волнуйтесь, все правильно.

ОТЕЦ. Да мы не волнуемся... Но как такое приключилось???

МЕДСЕСТРА. Вы меня спрашиваете?..

ОТЕЦ. Вас.

МЕДСЕСТРА. Вы беременны, вам лучше знать.

ОТЕЦ. А вы раньше встречали такое?..

МЕДСЕСТРА. Нет.

ОТЕЦ. Значит, мы первые?!

МЕДСЕСТРА. Да. Поздравляю.

ОТЕЦ. А почему же нами никто не интересуется?! Ну, скажем, мировая медицина...

Пауза.

Вот же — стоит живой беременный дед! Возьмите его на опыты!

МЕДСЕСТРА. Может, вас?..

ОТЕЦ (*обмяк*). Нет... Мне вообще нельзя, чтоб про меня узнали... На работе заржут. Скажут: «Со всем Петрович обабился, рожать натурально стал!» Я всем говорю, что у меня нервное ожирение... И вообще... Я полный инкогнито тут.

ДЕДУШКА. Значит, кала не надо?..

МЕДСЕСТРА. Нет.

ДЕДУШКА. А может, вы чего перепутали?..

МЕДСЕСТРА. Я вам повторяю — кровь и мочу. Кровь! И мочу!

ОТЕЦ (*теряет терпение*). Хватит базлатъ на старого человека! Он ветеран! Ему девяносто лет! И вообще... Ему тяжело... Он беременный... Понимаете?!

МЕДСЕСТРА. У меня очередь! Что еще?!

ОТЕЦ. Мы хотим разобраться!

МЕДСЕСТРА. Сами забрюхатились, сами и разбирайтесь!

Отец хватается за стул, кидается на медсестру. Входит старший гинеколог.

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. Спокойно! (*Медсестре.*) Марья Антоновна, выйдите, покурите...

Медсестра уходит.

В самом деле, это случай особый... Я вообще затрудняюсь что-либо... Даже предположить не могу... Впрочем, факт остается... (*Пауза.*) Уж не знаю, поздравлять вас или... Хотя, наверное, нужно поздравить, ведь для вас это событие... Верно?

МАТЬ. У меня взрослый муж... Его оборжут на работе...

Пьет, курит, какая он мать!

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. Люди меняются.

БАБУШКА. Как же вышло такое?..

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. Сейчас время такое. То, что было невозможно год назад, быстро становится очень привычным. Ненормальное раньше — теперь становится нормой, и наоборот, то, что считалось нормой, — превращается в аномалию. Тайные игры природы. Может быть все! (*Пауза.*) Мы бы вас положили, но у нас коек нет.

ОТЕЦ. А делать-то что?!

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. Соблюдать гигиену. Вот вы, бабушка, всегда руки моете?

БАБУШКА. Чьи???

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. Свои.

БАБУШКА. Всяко бывает...

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. А чем моете?

БАБУШКА. Водой...

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. Вот видите, а надо мыть с мылом.

ОТЕЦ. Что вы нас попрекаете мылом?!

СТАРШИЙ ГИНЕКОЛОГ. Посещайте женскую консультацию, наблюдайтесь. Мужчинам особенно.

БАБУШКА. А с котиком что?..

Главврач ощупывает живот кота. Кот лежит на спине: живот его округлый и заросший шерстью, лапы раскинуты в стороны, спит.

Картина пятая

Комната. Вечер. Вся семья у телевизора, смотрят, едят.

МАТЬ. Слушайте, папа, вы уже вторую котлету подъели.

ДЕДУШКА. Я??? Да что ты...

ОТЕЦ. Да, папаша... Я за вами давно наблюдаю. Вы как волкодав жрете.

ДЕДУШКА. Ну дак и что. Мне врачи велели — ешь, говорят, кормись как можно обильнее!

ОТЕЦ. Да забудьте вы этих врачей!.. Им на все наплевать, у них зарплата маленькая.

Едят, молчат.

ОТЕЦ (*встает, ходит по комнате*). Что же делать-то, а???

ДОЧЬ. Рожать. Вот у нас девочка в классе пятерых родила. И ничо, супер. А потом отказ на всех написала. По приколу даже.

МАТЬ. Ты где этой дряни набралась?

ДОЧЬ. А чо я сказала?..

БАБУШКА. Рожать — это благодать...

ОТЕЦ. Я против детишек ничо не имею. Хорошее дело... Только надо, прежде чем рожать, во всем разобраться... (*Пауза.*) Вопрос первый — как я оказался в Бразилии, если я там никогда не был???

МАТЬ. Тебе ж написали в медкарте: «Тайные игры природы».

ОТЕЦ. Да что мне карточка эта... В дурдом с ней положат... (*Пауза.*) Нет, надо во всем разобраться... Разложим все по порядку! (*Пауза, берет бумагу и карандаш.*) Значит, бабушка, вы зачали от Сталина с Лениным?

БАБУШКА. Точно.

ОТЕЦ (*записывает*). Дедушка — от снеговика? Правильно?

ДЕДУШКА. Я — от снежного ети.

ОТЕЦ. Да какая разница... Те, эти...

ДЕДУШКА. Большая. У снеговика, я извиняюсь, морковка и два угля, а у снежного — биоэнергетический симу...

ОТЕЦ (*перебивает*). Я, дедушка, что касается вас, больше верю, конечно, в снеговика. Эта дурь в вашем духе...

Но если вам для солидности хочется снежного, то как знаете... (*Дочери.*) А ты?..

ДОЧЬ. От интернета.

ОТЕЦ (*записывает, матери*). А тебе кто, говоришь, сделал ребенка?.. Премьер-министр Китая?

МАТЬ. Да...

ОТЕЦ. Имя, конечно, не помнишь? Ладно... (*Смотрит на свои каракули в листочке.*) Сталин и Ленин — раз; снеговик у дедушки — два; интернет — три; премьер-министр Китая — четыре; и сборная Бразилии — пять. (*Пауза.*) Ага, еще кот... Он, дурак, от кого?

БАБУШКА. От рыбы.

ОТЕЦ. Вопрос второй — где мы всю эту шоблу взяли??? (*Пауза.*) Ну с бразильцами как-то понятно, да и с министром... Хотя тоже... А вот как быть с Лениным-Сталиным? Они же давно трупачи?

БАБУШКА. Я тоже так думала.

ДЕДУШКА. «Живей всех живых»...

БАБУШКА. Еще как. Такие жаркие, такие горячие... Про любовь все ко мне, про любовь... (*Поет.*) И страстные! Страстные, точно цыгане! (*Встает, увлеченно танцует.*)

Все странно смотрят на бабушку.

Неловкая пауза.

Бабушка заметила это, смутилась, села на место.

ОТЕЦ (*дедушке*). Ну а снеговик твой... А как же он в наш город забрел?

ДЕДУШКА. Он по воздуху передвигается. У него три тарелки и голос как у Тарзана! (*Пауза.*) Ты же видел по передаче, вместе глядели.

ОТЕЦ (*пауза, дочери*). А интернет? Это же вовсе... Это даже не обезьяна.

ДОЧЬ. И чо, зато он самый-самый... У него есть все. Все, кого надо... Хочешь это — на, хочешь то — качай. Он везде живет, везде погоняет, за границей крутится... У него всякие окна там... И вообще все такое.

ОТЕЦ. В молодости у меня был катушечный мафон «Астрахань-844». Я любил его страшно. У него рук, конечно, не было, но зато были ручки... А тут интернет. Даже не знаешь, за что взяться... (*Пауза.*) Ну а ты-то! Ты где подцепила министра?!

МАТЬ. Это ты подцепляешь. А я встретила.

ОТЕЦ. Где?!

МАТЬ. В театре.

ОТЕЦ. В каком?!

МАТЬ. В Большом. Артисты там еще птиц исполняли.

ОТЕЦ. А он там делал-то чо?..

МАТЬ. Выступал в самом начале.

Пауза.

ОТЕЦ. Дак это по ящику было! Все вместе глядели!

МАТЬ. Да.

ОТЕЦ. А потом тебе приснился сон, ты еще говорила, как этот министр, который Китая, пригласил тебя выпить вина и покататься в парке на карусели...

МАТЬ. Да. А что тут такого?

Пауза.

ОТЕЦ. Дак это во сне все...

Пауза.

Дак это, значит, нам все приснилось?.. И Ленин, и снеговик, и интернет? Точно во сне! Я еще помню, как заснул на 49-й минуте. Второй тайм. Бразилия — Камерун. (*Пауза.*) А ну-ка, давай, где твой сонник!

Мать приносит из уборной помятую книжицу.

ОТЕЦ (*быстро листает, ищет*). Та-ак... Фэ... Фэ... Футбол! (*Читает.*) «Если вам во сне приснился футбол, то это к беременности!»

ДЕДУШКА (*берет книгу, листает*). Сэ... Сэ... Снежного нет...

ОТЕЦ. Ищи «снеговик».

ДЕДУШКА. К беременности тоже.

БАБУШКА. Ленин и Сталин — поглядите еще...

ДЕДУШКА (*читает*). Сталин — к прыщам на губе, а Ленин — к романтической встрече. А оба — к беременности.

МАТЬ. Министр... Министр к чему...

ОТЕЦ (*читает*). Министр с розовым портфелем к болезни... а китайский премьер — к богатству или быть на сносях. (*Листает.*) И... И... Интернета нет... Есть «интернАт». К тайному знакомству.

Внутри живота бабушки резкий толчок, она выкатила глаза, схватилась за живот, то же самое происходит с отцом, матерью, бабушкой и дочерью.

Дедушка вскрикивает, бабушка хватается за живот, отец выкатывает глаза, мать открывает рот, кот повис на люстре, дико и страшно смотрит вниз.

Картина шестая

Приемная толкователя снов. Вся семья здесь. Толкователь снов выходит к посетителям.

Дедушка достает из-за пазухи сонник, показывает.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Моя книга! (*Берет сонник, листает, оживленно.*) А вы и есть тот единственный покупатель?! (*Улыбка сменяется напряженным ожиданием.*) Хотите деньги обратно?.. Нет-нет...

ДЕДУШКА. Вот тут у вас на десятой страничке... Снеговик, палочка и беременность.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Хотите сказать, что я это взял с потолка?! Заблуждаетесь! Это другие позволяют себе путать литературное сочинительство с тайным знанием! А я не мошенник! Я медиум, я не высасываю с потолка! Все мои предки занимались этим, и не так, что в голову упадет, а на основе редчайшего дара прозрения!

БАБУШКА. Мы беременны. Все.

ДОЧЬ (*достает медицинские справки*). От футбола... От снеговика... От министра... От интернета... Все по вашей книжке.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ (*пораженно смотрит на гостей*).

Хотите с меня алименты???

ОТЕЦ. Не с вас, а с них.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Астральное соитие — есть соитие с собственным сном! Спит человек, и вдруг кто-то приходит. И обязательно тот, кого мы больше всех любим. Бывает, еще приглянулся тебе кто-то вне сна, ты еще не успел понять — отчего, почему, как он или она приходит к тебе во сне и владеет тобой всеобразно. (*Пауза.*) Когда, говорите, случилось?

БАБУШКА. Под Новый год.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Плутон вступает в фазу активного слияния. Сны в это время самые страстные. Но только раз в столетие Венера меняет свой цикл на скользящую траекторию. Вы попали удачно.

МАТЬ. Спасибо. Но что дальше?

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Стройте новую жизнь! Хотите жить со своим сном — рожайте ему ребенка! Любите его, живите с ним, как живут с простым человеком. Хотите, распишитесь с ним в загсе! Хотите, живите гражданским браком. Теперь многие так!

ДЕДУШКА. Как?

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Виртуально.

ДЕДУШКА. У меня снежный человек...

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. И замечательно! Постепенно притретесь, узнаете друг друга. Главное — была бы взаимность, симпатия, а отношения, поверьте, наладятся...

МАТЬ. Со сном?... «Отношения»???

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Есть сон, а есть явь. И есть граница между ними. Пересекая ее, мы ездим туда и сюда

целую треть своей жизни. Представьте уборщицу, которая каждый день пересекает границу Ватикана и Рима. Она же не считает, что Рима нет, потому что она всю свою жизнь мыла полы в Ватикане? *(Пауза.)* Сны бывают сытые и голодные, типичные и архитипичные, счастливые и несчастные, сны-идиоты и сны — запойные алкоголики. Они, как и люди, бывают самые разные! Одни приходят пофлиртовать, другие для устройства долгой совместной жизни. *(Пауза.)* Вот у вас, бабушка, кто?

БАБУШКА. Сталин и Ленин.

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Ужасно... Сны вступают в интимные отношения только в одном случае: когда они не могут жить без человека и хотят от него ребенка. *(Пауза.)* Хочу предостеречь, сны не любят абортотв. Нельзя убивать их детей, это грозит сумасшествием. *(Пауза.)*

МАТЬ. А можно их еще раз увидеть?..

ТОЛКОВАТЕЛЬ СНОВ. Конечно! Я научу вас, как сны вызывают. Лягте все на пол! На пол!

Все ложатся.

Картина седьмая

Поздний вечер. Каждый в своей комнате, лежат, ждут.

ОТЕЦ. А интересно, твой министр в штанах придет или без?

МАТЬ. Мой сон все равно не увидишь. Тебе-то какая разница?

ОТЕЦ. Ну, я все-таки тебе еще муж...

Лежат, молчат.

МАТЬ (*вдруг засмеялась*). А смешно, поди, поглядеть на тебя с этой бразильской оравой...

ОТЕЦ. У нас спортивный разговор будет!..

Лежат с закрытыми глазами, молчат.

Слушай, а тебе давно такая мура снится? До министра много было кого?

МАТЬ. Ален Делон, Бельмондо, Тихонов, Челентано, Михалковы, Макаревич... Мне много снилось артистов разных.

ОТЕЦ. И со всеми ты делала ЭТО?

МАТЬ. Конечно.

Лежат, молчат.

ОТЕЦ. А мне в школе снилась математичка. В жизни она ругала меня, била указкой, а ночью приходила ко мне где-нибудь на берегу моря и в любви признавалась. А я ее указкой, указкой!.. (*Пауза.*) Потом была повариха... Потом Клара Цеткин и Роза Люксембург... Они приходили ко мне во сне, и говорили: «Зачем же ты нам, Паша, в учебнике истории груди пририсовал?» (*Пауза.*) Потом певицы из групп разных... «Шизгара», «Арабеска», «Баккара»... (*Пауза.*) А в армии я посмотрел один фильм, там играла чет-

кая артистка... Нравилась она мне... Снилось часто... Потом когда я тебя встретил, то подумал — похожа, и глаза вроде, и руки... Разве только голос другой.

МАТЬ. И что, я ее хуже?

ОТЕЦ. Она американка, стройная такая, а ты видишь какая русская.

МАТЬ. Конечно. Живут красиво, культурно. У нее, поди, и муж-то нормальный, одним хлебом не кормит, носки в батарее не прячет...

ОТЕЦ. Дались тебе эти носки?! Сейчас придет перец китайский, вот и живи с ним! (*Лежат, молчат.*) И что ты в нем нашла?.. Узкоглазый... Поросяенок плешивый! И рожа зелеными пятнами! Скачет, моргает!..

МАТЬ. Это у нас телевизор такой. А в жизни он, может, другой. И вообще, не в наружности дело...

ОТЕЦ. А в чем?!

МАТЬ. Он обходительный... А как хорошо говорит, песня прямо, зря рот не раскроет, хайлат не начнет. Он умный, не то что твой футбол! Бум-бум! И орать во всю глотку!.. Не пойму, что тебе эти бразильцы???

ОТЕЦ. Футбол — это азарт! В нем все красиво: и гол, и мяч, и пас... А бразильцы, как они играют, загляденье... Бывало, смотришь: Рональдо, Ривальдо, Винсенто Дель Боске!.. И мураши по спине или сладость такая, сил моих нет...

МАТЬ. Вот и пожалуйста!.. Вот и рожай им тотальный футбол!.. А меня в покое оставь...

Отворачиваются друг от друга, накрываются одеялами.

Комната бабушки и дедушки.

БАБУШКА. Твой пришел?..

ДЕДУШКА. Нет.

БАБУШКА. И мои тоже. Может, на другой бок повернуться?

Переворачиваются на другой бок. Пауза.

Ну как?

ДЕДУШКА. Никак.

БАБУШКА. У меня тоже.

Кашляют, молчат.

ДЕДУШКА. А ты, наверно, теперь в мавзолей жить переедешь?

БАБУШКА. Наверно, посмотрим.

ДЕДУШКА. Вот ведь, сколько лет прожил... Никогда бы не подумал, что старуха моя сойдется с вождами...

У вас просто так или серьезный роман?

БАБУШКА. Серьезный.

Кашляют, молчат.

ДЕДУШКА. Жалко, льгот теперь нет... Так бы паяк получала. Спецодежду, питание. Орден бы дали как подруге вождей.

БАБУШКА. Я не ради бирюлек...

ДЕДУШКА. А ради чего?

БАБУШКА. Ради любви ихней ко мне. Жалко мне их, непонятно за что пострадали.

Кашляют, молчат, пытаются заснуть.

ДЕДУШКА. У тебя как?

БАБУШКА. Никак.

ДЕДУШКА. Надо местами поменяться...

Меняются местами, лежат, кашляют.

А кто тебя больше любит? Ленин или Сталин?

БАБУШКА. Оба клялись.

ДЕДУШКА. За что тебя любить, ты в партии не стояла!

БАБУШКА. Нешто любят за то? Вот ты меня за что любил?

ДЕДУШКА. За длинные волосы.

БАБУШКА. Вот и они за это же.

ДЕДУШКА. У тебя волос-то уж нет! То ли дело у снежного... Волоса, волоса, волосищи!

БАБУШКА. А снежный твой на людей не кидается?

ДЕДУШКА. Он не собака.

БАБУШКА. С тобой даже ангел собакою станет!..

ДЕДУШКА. Зато он не стонет, как старая бабка! Он всегда на ногах... И в лесу, и по горам, и по веткам лазает... Никто его найти не может, а я нашел!.. *(Пауза.)* У Сталина тоже характер не сахар... Уж он на тебя управу найдет! *(Пауза.)* Слышь меня, активистка?.. *(Переворачивается на другой бок, зевает, укрывается одеялом.)*

Ночь. Лестничная клетка. По лестнице поднимается Интернет, за ним 11 игроков сборной Бразилии в легких майках и трусах. Следом спешит премьер-министр Китая. У двери стоят Сталин, Ленин и снежный человек, изумленно смотрят друг на друга.

Картина восьмая

Там же. Спустя полчаса.

Мать с премьер-министром Китая, укрывшись газетой «Жеминь Жибао», занимаются любовью; отец в узком коридорчике гоняет мяч с толпой футболистов; бабушка с Лениным и Сталиным танцуют медленные танцы; дочь и интернет стоят друг против друга, гудят, жестикулируют, как немые; дедушка и снежный человек сидят на кухне и грызут огромную кость. Кот, оседланный минтаем, носится по квартире.

Светает. Сны исчезают.

По лестнице поднимается разносчик воды.

Действие второе

Картина девятая

Спустя несколько месяцев. Там же.

Отец, мать, дочь, дедушка и бабушка сидят перед телевизором, у всех огромные животы. Самый большой живот у отца, он с трудом передвигается. Перед ними медсестра. Она делает медосмотр, двигает трубкой по животу отца, глядит на экран.

МЕДСЕСТРА. Вы что на анализы не ходите?

ОТЕЦ. Я в дверь не влезаю...

МЕДСЕСТРА. Уволит меня главврач из-за вас. (*Глядит на экран.*) У вас будет мальчик... (*Считает.*) Один мальчик... второй... третий... четвертый... пятый... шестой... Се... Погодите, глаза разбегаются... Одиннадцать мальчиков.

ОТЕЦ. Одиннадцать???

МЕДСЕСТРА. Да!

ОТЕЦ. Как «одиннадцать»?!!

МАТЬ. УЗИ показало.

ОТЕЦ. Разве столько бывает??? Может, у вас УЗИ не контактит??? На самом деле один, а задвоило одиннадцать???

МЕДСЕСТРА. В такое брюхо больше сотни войдет.

ДЕДУШКА. А у меня?

МЕДСЕСТРА (*дедушке*). Рожаете первый раз?.. Тяжело будет. Плюс возраст.

ОТЕЦ. Одиннадцать... Я умру... У соседа сучка, и та восьмерых принесла.

МЕДСЕСТРА (*всем*). Вы где рожать будете?

ДЕДУШКА. Дома решили.

МЕДСЕСТРА. Все?

МАТЬ. Все.

БАБУШКА. Единогласно.

ДЕДУШКА. Родные стены помогут. (*Пауза.*) А что, на унитазе удобно рожать?

МЕДСЕСТРА. Мужчинам удобней, а женщинам — нет. Это вы, что ли, вчера передачу глядели?

ДОЧЬ. На третьей кнопке все показали.

МАТЬ. Роддом — это ужасы.

МЕДСЕСТРА. Минздрав не поощряет роды в домашних условиях.

БАБУШКА. Мы в курсе. Но лучше дома, чем в больничном аду.

МЕДСЕСТРА. Тогда подпишите.

Бабушка, мать и дочь подписывают бумагу.

МЕДСЕСТРА. Вообще-то правильно, дома рожать спокойнее как-то. А то в роддомах беспредел. Как рожать у таких коновалов? Даже сам главврач признался: «Не способен я такие роды принять. И никто не способен. Угробим их только». Я тоже рожать дома хотела, но меня силой в роддом увезли. Дети, рожденные дома, всегда лучше учатся.

ОТЕЦ. Одиннадцать... Это ж сколько колясок, штанов и бутылочек надо... Одних горшков миллион...

ДЕДУШКА. А где подписаться?

МЕДСЕСТРА. Нигде. Вас ветеринар поглядит.

ДЕДУШКА. Почему?

МЕДСЕСТРА. Мы занимаемся не животными.

ДЕДУШКА. Я — человек...

МЕДСЕСТРА. А ребенок ваш от животного...

ОТЕЦ. Заберите меня...

МЕДСЕСТРА. Вы же в дверь не проходите.

ОТЕЦ. Я в окно.

МАТЬ. Разобьешься.

ОТЕЦ. Ну и пусть.

МЕДСЕСТРА. Предродовая истерика, успокойтесь.

ОТЕЦ. Я дома боюсь! (*Шепотом.*) Мне страшно... Раньше я знал, что живу в мире придурков, вокруг меня были одни идиоты: на работе, на улице, дома, я — один умный человек. А теперь я узнал, что главный дурак, баран пуголобий, последний осел на земле — это я. Я! Понимаете? Я! Как мне рожать, зная это?!

МЕДСЕСТРА. Я же только что с вами провела инструктаж. Дышите ровнее.

ОТЕЦ. Вы уходите?!

МЕДСЕСТРА. Да. *(Открывает дверь.)*

Отец бежит в открытую дверь, с разбегу застревает в дверном косяке.

ОТЕЦ. Помогите!..

МЕДСЕСТРА. Когда родите, то позвоните. Мне нужно идти! *(Уходит.)*

ОТЕЦ *(не может вылезти из дверного проема, плачет)*.
Что же это такое... *(Пытается протиснуться, живот мешает.)* Не видите, корчится человек?! Что ж вы сидите?!

ДЕДУШКА. Толкнуть его надо.

БАБУШКА. Не надо. Он сразу родит.

ДЕДУШКА. И хорошо.

МАТЬ. Что «хорошо»?! Одиннадцать штук! И все не доношены!

ДОЧЬ. А может, выдохнуть воздух?

Отец выдыхает воздух. Его толкают. Не получается.

МАТЬ. Мышцы расслабь.

ОТЕЦ. И чо?..

МАТЬ. Да ты не расслабил!

ОТЕЦ. Да как я расслаблю?!

МАТЬ. Вот так!

ОТЕЦ. Как?! Я не вижу!

МАТЬ. Ну и дурак!..

Все толкают отца, он безнадежно застрял.

ДОЧЬ. Пап, покричи.

Отец кричит. Его толкают. Не помогает.

ДЕДУШКА. Знаете что: надо его гвоздодером. (*Приносит гвоздодер, аккуратно подцепляет отца, дергает.*)

ОТЕЦ. А! Бо... Бо... Больно!!!

БАБУШКА. Что ж ты творишь, старый козел...

МАТЬ. Мама, вы ж ему пальцы сломали... (*Отцу.*) Паш, больно?

Отец не отвечает, плачет, застряв в дверях.

БАБУШКА. Ладно, пусть отдыхает.

Все сидят у телевизора, глядят бесконечную телерекламу и засыпают. Отец дремлет в проеме, прижавшись к дверному косяку.

Картина десятая

Ночь. Отец повис в дверном проеме, спит, вдруг из него выпал футбольный мяч, второй, третий, четвертый... Мячи падают на пол и весело раскатываются по комнате. Отец не замечает этого, спит. Мать проснулась, видит под ногами мяч, оглядывается, видит отца, лежащего на куче мячей. Мать в страхе глядит, схватилась за свой живот, хватает за руку дочь. Дочь видит отца, тоже схватилась за живот, выкатила глаза. Дедушка вскочил и тут же сел, обхватив свой живот руками.

Бабушка задрожала от страха, опускаясь на пол. Все начинают рожать, сопровождая роды отчаянными воплями, стонами и криками. Отец просыпается в ужасе и тоже кричит, глядя на происходящее.

Картина одиннадцатая

Спустя неделю. Вся семья сидит перед телевизором. Отец укачивает коляску с кучей мячей. Мать поет колыбельную китайскому слонику. Дедушка кормит из соски меховую шапку. Кот доедает рыбку. Бабушка убаюкивает бюстики двух вождей. Дочь качает настоящего младенца. На экране телевизора рябь, полосы, плохое изображение.

ГОЛОС ТЕЛЕВЕДУЩЕГО. В это трудно поверить...

ГОЛОС УЧЕНОГО. Сны сами по себе не имеют детородных органов. Сны могут оплодотворять человека только посредством телекоммуникаций.

ГОЛОС ТЕЛЕВЕДУЩЕГО. Так просто?

ГОЛОС УЧЕНОГО. Да, наука это явление обнаружила совсем недавно.

ГОЛОС ТЕЛЕВЕДУЩЕГО. Мигель Де Сервантес говорил: «Сны — лишь сосуд, который мы наполняем несбывшимися страстями». Но должна быть реальная почва, фрейдистский источник, породивший все образы. Ленин, Сталин, футбол, интернет — очень крепкий коктейль. Это похоже на сетку телевидения!..

ГОЛОС УЧЕНОГО. Вы угадали. В данном случае телевидение буквально физически овладело нашими гражданами. А роль полового органа исполнил телевизор...

ГОЛОС ТЕЛЕВЕДУЩЕГО. Телевизор???

ГОЛОС УЧЕНОГО. Да, простой телевизор, который есть в каждом доме. Я не буду сейчас вдаваться в тонкости анатомии, скажу только, что осеменение нашего зрителя происходит через мозг посредством магнитного излучения.

ГОЛОС ТЕЛЕВЕДУЩЕГО. Потрясающе. Кто бы подумал, что любимая телепередача может подарить вам ребенка!

ГОЛОС УЧЕНОГО. И это огромный плюс, так как такой способ оплодотворения нашего населения легко помогает решить острый вопрос демографии.

ГОЛОС ТЕЛЕВЕДУЩЕГО. Невероятно! Теперь умолкнут голоса всех критиков, упрекающих наш телеэфир в легковесности. С сегодняшнего дня мы будем решать государственные задачи!

Входит телемастер.

ТЕЛЕМАСТЕР. Мастера вызывали? (Подходит к телевизору.) Рябит... Это антенна... (Переворачивает телевизор.) А что тут у вас?

Семья не отвечает, каждый укачивает своего «младенца».

Подключения левые... (*Распутывает провода.*) Да тут у вас скрытые камеры, знаете?... (*Указывает в углы, встает на табуретку, крутит.*)

Все исчезает. Полная темнота. В студии перед пультом и мониторами сидят режиссер и молодой ассистент.

РЕЖИССЕР (*глядя в монитор на телемастера*). Черт!!!

Кто это?!! (*В микрофон*). Леша, он что, настоящий?!

ГОЛОС ОПЕРАТОРА. Я не знаю, откуда он взялся!

РЕЖИССЕР. У нас реалити-шоу! Убери этого идиота!

АССИСТЕНТ. А семья что, не в курсе, что их снимают???

РЕЖИССЕР. Откуда?! (*Закуривает.*) Я раньше в театре работал, там все играют. А здесь целый год все реальное, даже снотворное с рвотным. Но бывают накладки, вот дочь не пойму, от кого родила.... Наверно, кто-то из наших. Будут проблемы... Она отказ написала...

АССИСТЕНТ. Они капитально рехнулись...

РЕЖИССЕР. Ну да, вторая часть будет в дурдоме.

АССИСТЕНТ. Но это же люди...

РЕЖИССЕР. Люди? В нашем городе не осталось людей!

Есть только продукт и его потребитель. Одни смотрят, другие играют, даже не зная об этом. Наша жизнь — это реалити-шоу. Мы должны удивлять! Я придумал новый проект. Мы посадим инвалидов без ног на велосипеды и отправим вокруг света!

АССИСТЕНТ. Но они же не смогут педали крутить...

РЕЖИССЕР. Вот это и интересно!

АССИСТЕНТ. А с этими что???

РЕЖИССЕР. Найдем других.

Работает телевизор. Все смотрят.

Занавес

Марьино поле

Пьеса в двух действиях

Действующие лица:

СЕРАФИМА ФЕДОРОВА, 100 лет

МАША ИВАНОВА, 100 лет

ПРАСКОВЬЯ ГРИШИНА, 100 лет

И другие

Действие первое

Между лесом и полем стоит старая, заброшенная деревня. Ни души. Поскрипывает ржавая цепь колодца, качается дырявое ведро на глупом ветру. Дома глядят пустыми черными окнами.

Впрочем, кажется, в трех избах еще горит какой-то слабый огонь.

Картина первая

Ветхая изба. Глубокий вечер. Горит свечка.

На лавке лежит умирающая хозяйка — старуха Марья.

Входят две старухи: Прасковья и Серафима, волокут пустой гроб, ставят у печи. Устали, сели на лавку, тяжело дышат, смотрят на умирающую.

СЕРАФИМА. Уговорила ты меня. Дарю тебе гроб.

МАША (*еле-еле*). Спасибо...

СЕРАФИМА. Вот уж правда «спасибо». Себе припасла,
а тебе отдаю с барского плеча.

МАША (*еле-еле*). Спасибо...

СЕРАФИМА. Да что уж теперь, ладно. Твой теперь гроб.
Лежи на здоровье. (*Пауза.*) Крышки, правда, нет, в
прошлом году на дрова пустила...

ПРАСКОВЬЯ. Сама лягешь или укласть тебя?..

МАША (*еле-еле*). Сама... (*Пытается встать, не получа-
ется.*)

СЕРАФИМА. Ладно, чего уж там. Ты подругой была на-
шей, поможем.

Серафима и Прасковья перекалывают Марью в гроб.

ПРАСКОВЬЯ. Тяжела...

СЕРАФИМА. Чо к чему перед смертью наелась.

МАША (*еле-еле*). Девчата...

СЕРАФИМА. Чего?

МАША. Это зря вы... Не ела я...

СЕРАФИМА. Ага, а кто выдал мое молоко? Ведро было
целое.

ПРАСКОВЬЯ. Да ладно... Ей не до этого.

МАША (*еле-еле*). Девчата...

ПРАСКОВЬЯ. Кого?

МАША. Цыплят заберите...

СЕРАФИМА. Не волнуйся, забрали уже.

Смотрят на умирающую Марью. Ждут.

ПРАСКОВЬЯ. Вдвоем третьего хоронить легче.

СЕРАФИМА. Скока я ее знаю, она всегда была самая юркая, и картошку копать, и окучивать. Везде активист, помирать даже!

ПРАСКОВЬЯ. Да ладно... Сама хоть обмылась, оделась...

СЕРАФИМА. А яму не выкопала!

Смотрят на умирающую Марью. Долгая пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Все, преставилась вроде...

Долгая пауза.

СЕРАФИМА. Конец всем мучениям. Отмучилась Маша.

Долго смотрят на покойницу.

Ладно, чо тут глядеть... С утра впряжемся в телегу и на бугорок. А щас помянем, что ли...

Прасковья задувает свечку, уходят, покойница остается в темноте.

Ночь. Только в окне Серафимы свет. Подвыпившие Серафима и Прасковья сидят на ступеньках крыльца, смотрят на звезды, поют «Окрасился месяц багрянцем!».

Картина вторая

Раннее утро.

Старухи волокут через улицу тяжелую сколоченную доску.

СЕРАФИМА. Ладная доска!..

ПРАСКОВЬЯ. Ой, да позорно...

СЕРАФИМА. Хватит, заладила тут!..

ПРАСКОВЬЯ. Дверь от сортира крышкою будет...

Втаскивают во двор Марьи.

СЕРАФИМА. Ей теперь все одно... от дворца, от сортира...

Гляди, какая доска!.. Щелей нет, воду удержит... Три года как королева под ней пролежит...

Идут в дом.

ПРАСКОВЬЯ. Погоди, надо платок...

Достают черные платки, надевают. Входят в избу.

Гроб пуст.

Раскрасневшаяся Маша сидит за столом, пьет чай.

Нелепая пауза. Смотрят друг на друга.

СЕРАФИМА. Ты чо???

Пауза.

МАША. Ничо. (*Пауза.*) А чо?..

ПРАСКОВЬЯ. Дак чо... Ты ж померла вчера...

МАША. Померла. А потом полежала и передумала.

СЕРАФИМА. Как это?..

МАША. Так это. Поживу, дела еще есть. (*Пьет чай.*) Вам жалко, чо ли?..

ПРАСКОВЬЯ. Да нет, живи уж, пожалуйста...

Пауза.

СЕРАФИМА. Я тогда свой гроб назад заберу.

МАША. Забери.

СЕРАФИМА. Заберу... И больше не дам, ты учти!

МАША. Забери, забери... больно надо. (*Пауза.*) Он весь вон в дырах...

СЕРАФИМА. Где?!

МАША. Тут. В трех местах насчитала.

Пауза.

СЕРАФИМА. Погляди на нее!.. Вчера кроличьей лунке рада была! «Проводите меня по-людски, проводите...» А сегодня брылы воротит, нашлась, счетовод...

МАША. Сама «брылы».

СЕРАФИМА. Нахалка!..

МАША. Сама!.. А ну!.. Кто мне должен гречу с 43-го года?..

СЕРАФИМА. Кто?

МАША. Ты!

СЕРАФИМА. Да вранье...

МАША. А в песьятом?..

СЕРАФИМА. Чего там опять?..

МАША. Впатефон!

СЕРАФИМА. Какой «впатефон»?! Ты же мне его подарил! *(Пауза.)* Обидела, значит, меня... Оскорбила.

МАША. Да кто тебя оскорблял?

СЕРАФИМА. Не зли и не трогай...

МАША. Сама с брылами завела.

СЕРАФИМА. Замолчи, я уйду!

МАША. Уходи.

СЕРАФИМА. И уйду!

Пауза.

МАША. Чо стоишь, как приклеена?.. Уходи. Тоже мне, напугала...

СЕРАФИМА. Все!!! Чтобы я еще раз... Хоронить... Доброе дело... На порог сюда не вступаю!!! *(Заплакала, громко уходит.)*

МАША. Гроб-то возьми!.. И цыпят мне верни.

Пауза.

Открывается окно, просовывается голова Серафимы.

СЕРАФИМА. Знала я!!! Знала!!! *(Трясет кулаками.)* Надо было тебя, заразу, прямо в сортире хоронить, чтоб так вот в дерьме и лежала! *(Шумно уходит.)*

Молчание.

ПРАСКОВЬЯ (*смотрит на стол, вдруг удивленно*). Две стопки...

МАША. Чего?..

ПРАСКОВЬЯ. Две стопочки у тебя.

МАША. Где???

ПРАСКОВЬЯ. О.

Пауза.

МАША. Ну две, две! (*Прячет стопки в шкаф.*) И чо?..

ПРАСКОВЬЯ. Да ничо... Я так... в любопытстве спросила... (*Пауза.*) В гостях, чего ли, был кто?..

МАША. С чего ты взяла?!

ПРАСКОВЬЯ. Дак две эти, стопочки... (*Пауза.*) Кто был у тебя?

МАША. Кто???

ПРАСКОВЬЯ. Да я уж не знаю... И на полу, гляди, сапогами натоптано... Лесничий, поди, заходил?

Пауза.

МАША. Вот привязалась... Не знаю, наверно...

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Дак помер он, верблюд одноногий... Еще в позапрошлом...

МАША. Конечно...

Пауза.

МАША (*соображает*). Может, этот, как его... Охотник...

А мож, почтальон...

ПРАСКОВЬЯ. Какой еще почтальон???

МАША. А черт его знает...

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Ну и дела... Не знаешь, кто у тебя ночью
гостил?..

Долгая пауза.

МАША. Знаю.

ПРАСКОВЬЯ. Кто?..

Пауза.

МАША. Иван был...

ПРАСКОВЬЯ. Какой еще Иван?..

Пауза.

МАША. Муж мой Иван. Ваня был!

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Иван???

МАША. Иван.

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Погоди... Он же у тебя погиб...

МАША. Нет! Он живой!

ПРАСКОВЬЯ. Да как «живой»?! Он же у тебя на войне погиб!

МАША. А значит, жив остался...

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Жив???

МАША. Жив.

ПРАСКОВЬЯ. Ой, я что-то не пойму... Это как оно??? Это скоко лет с войны пролетело???

МАША. Посчитай, с сорок пятого.

ПРАСКОВЬЯ (*задумчиво*). С сорок пятого... (*Пауза.*)

И откуда ж он объявился?..

МАША. Не знаю... (*Пауза.*) Всю ночь вместе сидели, а на рассвете ушел.

Слышно, как Серафима вытащила на крыльцо хлипкий патефон и включила громко-громко назло соседке. Поет забытый Виноградов о любви.

МАША (*смотрит на старую фотокарточку на стене, достает из-за зеркала запылившуюся «похоронку», сдувает пыль*). Я думала, давно погиб, а он вернулся... (*Пауза.*) Лежу совсем уже мертвая, голова остывает... и вдруг чую, берет меня за руку... «Здравствуй, — говорит, — Машенька...» И гладит так нежно... «Это я, твой Ваня, вернулся к тебе... Посмотри на меня, живой я!» А я открыла глаза, вначале узнать не могу...

Откуда??? И точно, стоит мой Иван, как днем, весь в свету... «Что же ты, — говорит, — зайныка, меня перед смертью даже и не вспомнила... Ты, верно, за-была меня?»»

ПРАСКОВЬЯ. Дак тыщу лет прошло...

МАША. «Война — дело не скорое... Победу сто лет жаут. Знаю все про тебя, Марья... На станцию ходила... А «похоронку» за зеркалом держишь... Но я-то живой!» А я гляжу и глазам своим верить не могу... Точь-в-точь как на карточке — молоденький танкист... И ни одной сединки, представляешь... «Нехорошо, — говорит, — Маша... Муж твой с войны возвращается, а ты печальна лежишь... А ну-ка, вставай!» Сели за стол, налили, выпили. Он спрашивает: «Тут что... тоже... война с фрицем была?» Я ему: «Да вроде его... Кто съехал, кто умер... Сима, Прасковья и я — втроем мы здесь доживали, пока я не померла». Молчим. А он грустно глядит так в окно: «Эх, люди, что ж вы с нашей страной наделали?.. Куда ни глянь — везде разруха, везде одна могила. Эх... И врагов нет, и друзей нет, и ни добрых, и ни злых... Никого нет. Ничего нет. Посмеяться бы, да смеха нет, поплакать бы, да слезы высохли... Стыд один». Снова выпил и вдруг говорит: «Нам ли печалиться, Маша?! Русский солдат на то и герой, что любое чудо сварганит! Вся деревня думала, что мы на фронтах погибли?! Ан нет! Мы смерть облапошили!»»

ПРАСКОВЬЯ. Все?!

МАША. «Все мы живые, все как есть, до единого! И вернемся, — говорит, — на литерных поездах.

Все в орденах, при параде! И заново все наладим, отстроим и лучше прежнего заживем! А сейчас, — говорит, — отправляйтесь на станцию встречать нас. Мы вернемся к маю, вровень к кануну победы».

ПРАСКОВЬЯ. И мой?!!

МАША. И твой.

ПРАСКОВЬЯ. Врешь...

Долгая пауза.

Когда, говоришь?..

МАША. Ближе к маю.

ПРАСКОВЬЯ. Ближе к маю — это когда?.. В марте, поди, что ли?..

МАША. Откуда я знаю... Вернемся, говорит, а число не назвал. *(Махнула рукой.)*

ПРАСКОВЬЯ. В марте они вернуться не могут, март уже прошел!

МАША. Значит, вернутся в апреле...

ПРАСКОВЬЯ. Балда! Май уже!..

Из-за туч вышло весеннее солнце.

МАША. Господи...

ПРАСКОВЬЯ. Вот тебе «господи»... Надо ж собираться скорее!!! *(Вскакивает, выбегает, кричит.)* Сима!..

Сима! *(Бежит к дому Серафимы, быстро вбегает в дом, кричит.)* Скорей! Они возвращаются!..

СЕРАФИМА *(кормит цыплят)*. Не ори, цыплят распугаешь.

ПРАСКОВЬЯ. Сима, они возвращаются!..

СЕРАФИМА. Не ори, запыхалась. Чо там? Опять помер-
ла, кривая оглобля?

ПРАСКОВЬЯ. Наши мужья возвращаются!..

Пауза.

СЕРАФИМА. Чьи???

ПРАСКОВЬЯ. Да все наши!

СЕРАФИМА. Какие мужья???

ПРАСКОВЬЯ. Твой, мой, все до единого!

Пауза.

СЕРАФИМА (*смотрит на стену, где висит портрет мо-
лодого мужа в гимнастерке*). Вот дура, чо ты несешь?..
Они же давно... Все... Того... Сто лет, как на фронте
убитые!

ПРАСКОВЬЯ. Живые! Я точно тебе говорю!

Пауза.

СЕРАФИМА (*перекрестилась*). А ты почему знаешь???

ПРАСКОВЬЯ. Маша... То есть не Маша, а Иван ее. Ночью
приходил. Представляешь?!

Пауза.

СЕРАФИМА. Ну вот... Я давно тебе говорила — не як-
шайся с ней!

ПРАСКОВЬЯ. Ты чего?..

СЕРАФИМА. А того! Она уж давно умом крякнулась и тебя волочит за собой! А ты не будь дура — свихнулась с первого разу! Вот теперь на пару и будете ходить мозги набекрень. (*Противным голосом.*) «Сима-Сима, ты дома? А я из дурдома!» (*Смеется.*)

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Живые они!

СЕРАФИМА. Щас, поверила, как же...

ПРАСКОВЬЯ. Живые!

СЕРАФИМА. Хватит уже, сбрендили обе.

ПРАСКОВЬЯ. Живые...

СЕРАФИМА. «Живые, живые!» Да какие они живые, если давно мертвые?! Цыплята вон живые... Видишь, как серут? А ты вовсе ум потеряла!

ПРАСКОВЬЯ. Все до единого...

СЕРАФИМА. Ой, ну ты размысли! Это скоко лет пробежало, к едрене?! Все мужики наши мертвые давно лежат... А ты кудахчешь: «Живые, живые!» Они чо тебе, «ваньки-встаньки»?.. Всех войной убило, всех! Даже косточков их не осталось.

ПРАСКОВЬЯ. Живые!

СЕРАФИМА. Мертвые! Блин...

ПРАСКОВЬЯ. А ты видела их, мертвых?.. Откуда ты знаешь?..

Пауза.

СЕРАФИМА. Знаю. *(Пауза.)* «Живые»... *(Пауза.)* Ну ты скажи, какая Машка дрянь, какие сказки завирает... «Живые»... Нет, я сказок таких не люблю...

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Собирайся давай, собирайся.

СЕРАФИМА. Куда???

ПРАСКОВЬЯ. Опять двадцать пять... На станцию! Мужа своего встречать!

СЕРАФИМА *(иронично и едко)*. Зачем же на станцию, а???

Сразу в Берлин! К Гитлерам на попутках!

ПРАСКОВЬЯ. Учти, мы уйдем, одна остаешься...

СЕРАФИМА. Ой, да лучше с волками одной, чем с такими соседками!

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ *(требовательно)*. Дай нам корову.

СЕРАФИМА. Чего???

ПРАСКОВЬЯ. У Маши ноги больные, до станции далеко... На корове быстрее доедем!

СЕРАФИМА *(пораженно)*. Вы чо?!! Да вы совсем обнаглели?!! *(Показывает фигу.)* Корову вам, да?! Вот вам корову, нахалки!

Вытакивает Прасковью из избы, закрывает дверь на за-
сов, отчаянно ругается.

Картина третья

Поле.

Дорога в выбоинах и канавах. Передвигаться по ней невозможно, и все же корова идет, идет, идет, запряженная в телегу. В телеге сидит Маша, мечтательно смотрит в небо, в руках держит патефон и фотокарточку мужа. Рядом идут Серафима и Прасковья.

МАША. И вот сидим, любимся друг на дружку... Берет он вот так вот свечку, подносит к моему лицу и долго так смотрит... Я говорю: «Видишь, Ваня, старухой я стала, пока тебя дожидалась... Не нравлюсь уже, любви прежней не выйдет?» — «Э-э, — говорит, — красота — дело отбратное... Мне главное — сердечко твое...»

СЕРАФИМА. Врет... Молодые — молодых любят.

МАША. Сидим, и вдруг он мне сообщает: «Я все это время, пока с фрицами воевал, думал, как мы с тобой после победы ляжем...»

ПРАСКОВЬЯ. Куда???

СЕРАФИМА. Понятное дело...

МАША. А я руками замахала... «Ты что? — говорю. — Мне нельзя... Я старуха... И вообще... я померла же...»

ПРАСКОВЬЯ. А он???

МАША. Смеется, говорит: «Юморная ты, Машенька... Разве не знаешь, что смерти и старости нет? Тем паче для русских солдат и ионовских жен?»

СЕРАФИМА. Ой заливает...

ПРАСКОВЬЯ. А как же оно, что мы старые, а они молодые остались?

МАША (*мечтательно смотрит на фотокарточку, потом в небо*). А Бог его разберет...

Идут.

Маша дремлет в телеге.

СЕРАФИМА. Ой, дуры вы, дуры... эта, гляди, набрехала и спать залегла! И главное, совести нет сочинять про такое...

ПРАСКОВЬЯ. А я верю...

СЕРАФИМА. Тьфу! Стыдно смотреть — как клоуны, разрядились, рожи намазали, карточки взяли...

Идут.

ПРАСКОВЬЯ. Вон там, за пригорком, Пантинó, а у реки станция. Помнишь, как мы мужиков провожали?..

СЕРАФИМА. Не помню.

ПРАСКОВЬЯ. Всей деревней... Мужики, старики, бабы... А мы молодые были, помнишь? Вот шли так же по этой дороге. (*Поет.*) «Двадцать второго июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война... Война началась на рассвете, чтоб больше народу убить. Спали родители, спали их дети, когда стали Киев бомбить».

СЕРАФИМА. Врешь ты все! Мы другую песню пели. (*Поет.*)

Чух-чух-чух-чух,
Разгорелся наш уют!
Ты влюбился, промахнулся,
Встретил дамочку не ту —
Огорчился, оглянулся
И увидел красоту!

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Разве это, Сима?.. (*Поет.*)

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят.
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят!
Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины броневой!

СЕРАФИМА. Да нет же! Вот это... (*Задорно поет.*)

Мы летим, ковыляя во мгле,
Мы ползем на последнем крыле.
Бак пробит, хвост горит,
И машина летит
На честном слове и на одном крыле!

ПРАСКОВЬЯ и СЕРАФИМА (*поют вместе, маршируют*).

Ну дела! Ночь была!
Их объект разбомбили дотла!

Мы ушли, ковыляя во мгле,
Мы к родной подлетаем земле...

Серафима споткнулась, упала в канаву. Прасковья помогает ей подняться, стоят, тяжело дышат.

ПРАСКОВЬЯ. Вот видишь, а говоришь — не помню...
СЕРАФИМА (*кашляет*). Отвали!..

Идут. Спускаются с косогора.

МАША (*проснувшись, села*). Корова у тебя медленная...
Слышь, Серафима?

СЕРАФИМА. Удивляюсь я этой нахалке! А ну, слазь! Пешим беги! (*Сталкивает с телеги Машу, подгоняет.*)
Ферштейн! Ханде хох! Гутен морген!

Идут.

Картина четвертая

Идут по заброшенной деревне. Вокруг ни души, пустые, мертвые избы.

ПРАСКОВЬЯ. Пантинó это.

СЕРАФИМА. А я говорю — нет. Пантинó ниже!

Идут по заброшенной улице. Тихо. Страшно.

МАША. Хоть бы встретить кого...

СЕРАФИМА. Эй, народ!

ПРАСКОВЬЯ. Говорила тебе, рано свернули...

Идут, стучат в окна: «Эй!..» Заросшие пылью окна глядят на людей мертво, бессмысленно.

СЕРАФИМА. Все, привал... Мне корову ремонтировать надо.

Садятся у заколоченного колодца.

ПРАСКОВЬЯ. Если б пошли через гору, давно уж пришли б...

МАША. Куда полезешь с рогатой техникой?

ПРАСКОВЬЯ. Тут, в Пантинó, был клуб, а за клубом станция...

МАША. Собак, и тех не слышать...

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Помнишь, Серафима, как в Пантинó ходили на кино? С тобой первый раз картину глядели...

СЕРАФИМА. Ты — первый, а я второй. Я тогда первый раз с Федькой глядела.

МАША. А Федька твой из Пантинó?

СЕРАФИМА. Мой Федя был из Александрова! Он в лес-промхозе начальником был. А тут не было производства, свиноводник был, и все женихи — свинопасы.

ПРАСКОВЬЯ. Ой врешь, да он у тебя бригадиром.

СЕРАФИМА. Пускай, зато в галстук был.

Сидят, достают фотокарточки мужей, разглядывают.
Пьют молоко.

ПРАСКОВЬЯ. Мож, это Петухово уже?

СЕРАФИМА. Петухово — не может, это Криулино. Точно! В нем, я слыхала, уж никто не живет.

МАША (*прислушивается*). Тише!..

Слышно, как в тишине далеко-далеко стучат колеса паровоза.

ПРАСКОВЬЯ. Пантинó! Пантинó! Что я вам говорила!

Вскакивают с мест, быстро идут на шум поезда.

Картина пятая

Тишина. Берег широкой реки. Вода чистая, прозрачная и неподвижная, как зеркало.

ПРАСКОВЬЯ. Вот она, станция...

СЕРАФИМА. Где?

ПРАСКОВЬЯ. Вот.

СЕРАФИМА. Ослепла совсем? Тут вода! Нету тут станции...

МАША. А рельсы видишь в воде?

СЕРАФИМА. Где? (*Смотрит в воду.*) Нет, это не рельсы...

ПРАСКОВЬЯ. Точно вам говорю! Это место! Как сейчас помню: тут народ, там народ, везде куча народу, а в

середке оркестр марши играет. Слева — пантинцы, справа — криулинцы... А тут гармонист Яшка поет... А мы где стояли? Здесь, вот тут. В этом месте. Тут люди, там рельс. Мужиков наших вон там в шеренгу построили, помните?

Смотрят на рельсы, уходящие в воду.

Командир, что будем делать?..

МАША. За рельсами поплывем.

СЕРАФИМА. Чего??? Ты совсем обалдела?! (*Пауза.*) Нет-нет! Это вы без меня... Вы как знаете, а я обратно пойду... Мне корова жизни дороже... Нет-нет! Все! Видерзейн! До свиданья!

Картина шестая

Река. Корова стоит в лодке, поперек лодки телега. Серафима молится, крестит корову, Прасковья и Маша гребут веслами. Корова равнодушно машет хвостом.

МАША. Река-то широка...

ПРАСКОВЬЯ (*шепотом*). Маш, слышь, скажи честно, а ты не придумала???

Плеск воды, вокруг тишина. По реке стелется туман.

Жалко будет, если задаром потопнем...

МАША (*шепотом*). Я тебе говорю — вернется твой и мой.

ПРАСКОВЬЯ. И Федька Симкин?

МАША. Все вернутся, все до единого, Иван так сказал.

Плывут в тумане. Берег не виден.

ПРАСКОВЬЯ. Помнишь, ее Федька был холостым и за тобою бегал?.. Вот Серафима это и помнит, всю жизнь тебе все слова поперек... Даже корову в твою честь назвала...

МАША. Дождик уж скоро... Налегает давай.

Гребут.

ПРАСКОВЬЯ. А мне мой Григорий давно уж не виделся. И лицо я забыла... А сегодня приснился вдруг ни с того, будто он такой же молодой, как твой... Я спрашиваю его: «Ты вернешься, голубь любимый?» А он молчит и смотрит так, смотрит... И вдруг песню запел...

Неожиданно на другом берегу где-то в тумане громко запел задорный хор молодых мужских голосов: «Ой, мороз, мороз, не морозь меня!..»

Старухи замерли, опустили весла, слушают как зачарованные.

Корова пошатнулась, замычала и упала в воду.

Картина седьмая

Старухи — мокрые, старые курицы — сидят на противоположном берегу, дрожат от холода. Коровы и телеги нет.

СЕРАФИМА (*ревом причитает*). Чо наделали, ироды!.. Еп твою мать!!! Послушала вас!.. В воду поперлась! (*Плачет.*) Бедная Маша! Бедная Машенька! Стопла! Что за злодеи... Ввек не прощу! (*Плачет.*) Вот за что ей, за что, бедной коровке?! Уж она совестливая была, все молоко!.. Все до капли, милая девочка! Не корова, а душа... Человек прямо, все про все понимала... Ну что же наделала я?!! (*Плачет.*) Машенька! Маша!!!

ПРАСКОВЬЯ. Ладно, хоть впатефон жив... (*Крутит ручку, чтобы не замерзнуть.*)

СЕРАФИМА. Да сожри ты его!!!

МАША. Не утопли, дак околеем. (*Встает.*) Пойдем.

ПРАСКОВЬЯ. Ой... (*Быстро хлопает себя по карманам.*)

Ой... Ой! А где же мой??? (*Хлопает себя по карманам, замерла, кричит в речную даль.*) Гришенька!!!

Гриша!!!

СЕРАФИМА. Машенька! Маша!!!

ПРАСКОВЬЯ. Гришенька!!! Гриша!!!

Заходят по пояс в воду, плачут, зовут, кричат.

МАША (*смотрит на воду, вдруг видит что-то, удивленно*). Ой, девчата, глядите...

Корова плывет по реке к берегу, гребет копытами, отчаянно мычит.

Серафима зарыдала от счастья.

Спустя минуту мокрая, дрожащая корова стоит на берегу, старухи крепко обнимают ее, плачут, в руках Прасковьи размокшая фотография мужа.

Картина восьмая

Старухи и корова идут по полю.

СЕРАФИМА. Туман-то какой...

Прислушиваются.

МАША. В мае ветер поет человечьи.

ПРАСКОВЬЯ. Сердце мое говорит, не приехали парни еще... *(Дышит на фотокарточку, пытается высушить.)*

СЕРАФИМА. Да не три ты его! Все уже, высох!

МАША *(останавливается)*. Куда же теперь??? Может, прямо? Там за горами озеро в реку уходит. А река — в ключи. Может, рельсы из этих ключей происходят???

Идут.

СЕРАФИМА. Зря мы идем. Все они мертвые.

ПРАСКОВЬЯ. А ты глянь на своего Федора! Такой кабан погибнет...

МАША. Помню, перед самой войной мы с Иваном мечтали, как умрем в один день. Теперь оно не получится. Старая я. А он еще молодой будет.

СЕРАФИМА. Ты помрешь, а он — бац! — на молоденькой женится!

ПРАСКОВЬЯ. «Помрешь, помрешь...» Целый день, вот заладила!

Идут. Смеркается.

МАША. Где дорога?..

СЕРАФИМА. А все, кончилась!

Смотрят в темноту.

ПРАСКОВЬЯ. Надо идти. Опоздаем.

СЕРАФИМА. Куда?! В болото, чего ли?!

МАША. Верно она говорит — впотьмах нельзя по болоту. Будем тут ночевать.

ПРАСКОВЬЯ. Тут?! А волки?!

МАША. Кончай говорить, палки ломай!

СЕРАФИМА. О, блин... Гиблое дело... Связалась!

Картина девятая

Ночь. Горит костер. Корова жует печеную картошку.

Старухи лежат, прижавшись друг к другу, смотрят на звезды.

МАША. Глянь, еще одна звезда пала.

СЕРАФИМА. А я успела загадать!

МАША. Чего???

ПРАСКОВЬЯ. Известно что — вторую корову...

Смотрят вверх.

МАША. Я сроду стока звезд не видала, страсть-то какая...

И чего это вдруг?..

Пауза.

МАША (*достает портрет мужа, Серафиме*). Твой где?

СЕРАФИМА. Тут... В левом кармашке.

МАША (*Прасковье*). А твой?..

Прасковья отворачивается, долго расстегивает пуговицы кофты.

СЕРАФИМА (*хохочет*). Ой, умора! Гляди, солдата титькою кормит!

ПРАСКОВЬЯ. Да молчи ты, вздорная баба!..

Старухи лежат, смотрят то на звезды, то на фотокарточки.

МАША. Раньше, когда я думала, что Ивана убило, я вот так же глядела на звезды и думала себе, что он стал звездой и с неба смотрит сюда... (*Показывает в небо.*) Знаешь, какая звезда?.. Вон та, я назвала ее «Рядовой Иван Марьин».

СЕРАФИМА. Смешная ты, завирать... Да этой звезде — лет тыщу! Небось обозвали ее без тебя...

ПРАСКОВЬЯ. Я перед тем, как Гришу забрали, ночью с ним была. И вот лежим мы во дворе, и вдруг посыпались звезды... Одна горсть! Другая! Опять и опять! Я шепчу ему: «Скорей загадай!» А он: «Что загадать?» Пока думал, все небо потухло.

Пауза.

МАША. Не успел?

ПРАСКОВЬЯ. Не успел.

Смотрит на фотографию.

СЕРАФИМА. Не к добру много счастья. Мне хватило бы одного...

Смотрят на небо.

ПРАСКОВЬЯ. Маша...

МАША. Чего?..

ПРАСКОВЬЯ. А твой Иван про моего ничего не рассказывал?..

МАША. Рассказывал...

ПРАСКОВЬЯ. Как?! И ты все мочишь?!

МАША. А ты спрашивала?.. (*Пауза.*) Рассказывал, мол, храбрый боец, сто танков подбил, взял в плен тыщу фрицев... Хотели генералом его назначить, да он из скромности отказался...

ПРАСКОВЬЯ. А там у него никакой старушки не завелось?..
МАША. Да нет вроде... Просил передать, что до сих пор любит.

Прасковья смотрит на фотографию мужа, гладит рукой желтую бумагу.

СЕРАФИМА (*Прасковье*). Вот чо за баба неумная?! Мнет и мнет мужика...

ПРАСКОВЬЯ. Отстань, балаболка!

МАША (*Серафиме*). И от Феди тебе привет на словах.
«Обижусь страшенно, — говорит, — ежели Серафима меня не встретит...»

СЕРАФИМА. Так и сказал???

МАША. Так и сказал.

Пауза.

СЕРАФИМА. А еще?..

МАША. Еще велел передать, что любит тебя крепче прежнего.

Пауза.

СЕРАФИМА. Ой, да врешь ты все! Врешь!

МАША. Почему?..

СЕРАФИМА. Не мог он такое сказать! Не мог, да и все!

МАША. Чо с тобой?..

СЕРАФИМА. Ничего. Отвалите. (*Поворачивается спиной, накрывает голову фуфайкой.*)

Молчание.

ПРАСКОВЬЯ. Я в детстве, когда дитем была, любила с рыбами говорить. Встану вот так на мостике, руки в воду опущу и говорю: «Дайте, рыбы мои милые, мне жениха, чтоб умного и хорошего, чтоб я любила его, чтоб мы долго-предолго прожили и чтоб деток... Чтоб мама и тятя никогда не умерли, чтоб старуха Ильинична вечно жила, и дядя Степан, и председатель, и наш бычок, и куры, и поросенок...»

СЕРАФИМА. Вот дура! Сочевряжились все! Плохо просила...

МАША. Серафима...

СЕРАФИМА. А что, разве нет?! Никого не осталось в нашей деревне!!! (*Долгая пауза, грустно.*) Разве с рыбами так говорят??? С ними надо тихонько-тихонько, как с Богом...

Молчание. Прасковья и Маша смотрят на звезды.

ПРАСКОВЬЯ. Живые, значит.

МАША. Живые...

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ (*шепотом*). Вот ты, Маша, все равно мне скажи.... Тока по правде... Я никак оно в толк не приму... Вот мы без мужиков наших стока лет мыкались, а они вдруг живые, да? А где ж они тогда все это время слонялись?..

МАША. В поезде едут.

ПРАСКОВЬЯ. Чо, до сих пор???

МАША. А как ты думала? Поезд-то длинный. Солдат много.

СЕРАФИМА (*отбрасывает свою фуфайку, вскакивает*).
Бу-бү-бү, бү-бү-бү... Надоели! (*Яростно рвет фотокарточку своего мужа, кричит Прасковье*.) Она тебе брешет, а ты лопухи-то развесила!!! (*Маше*.) Врешь ты все!!! Врешь!!! Сдохли они, понимаешь?!! Давно, понимаешь?!! (*Всем*.) Все! Надоели! Я назад ухожу!!! (*Дергает корову*.) Пошли домой, Маша... (*Вдруг обняла корову, зарыдала*.)

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Что ж ты с карточкой сделала, гадина?!

МАША. Злая ты как собака... И как Федька с тобой жил?..

СЕРАФИМА. Не ваше дело собачье!!! (*Берет корову за веревку, уходит, возвращается, собирает клочки разорванной фотографии мужа, торопится, складывает в карман*.) Да уж, жили как кошка с собакой!.. Я ему слово, а он — сто поперек! В последний день в пух разругались! Да чтоб разорвало тебя! А он так дверью хлопнул, что икона упала! (*Пауза*.) Потом, помню, на платформе стоим, все плачут чего-то вокруг, целуются там, обнимаются, а мы надулись и молчим как сычи! (*Пауза, плачет*.) А потом он прислал письмо с фронта: «Здравствуй, Серафима! Пули ко мне так и липнут, но я их ловчей! А если

убьют меня — не печалься! Все равно нам вместе не жить! Лучше умереть храбрым героем, чем с тобой подкаблучником жить! А вообще, живу хорошо! Много песен на фронте поем! Разных песен! И все пролюбовные». *(Пауза.)* Чо тут скажешь, стервозная баба... *(Маше.)* А любил он тебя.

Молчание.

Далеко из темноты докатилось эхо — поют красивые мужские голоса. Старухи встали, прислушиваются.

ГОЛОСА *(поют)*. «Окрасился месяц багрянцем, где волны шумели у скал...»

Старухи долго слушают пение.
Тишина, хрустнул сучок.

ПРАСКОВЬЯ. Волки!!!

Старухи оглядываются, вдруг видят вокруг себя плотное кольцо волков.

Волки стоят, сверкают налитыми кровью глазами, рычат, подбираются ближе и ближе к старухам. Лязгают зубы, кольцо волков сужается. Волки зажигают факелы, и мы видим, что это не волки вовсе, а солдаты элитных частей. Старухи онемели от ужаса, прижимаются к корове. Самый крупный волк — это Адольф Гитлер.

ГИТЛЕР. Es ist seit langem höchste Zeit, der Russe zu regeln! Diese barbarischen Slawen sind die am meisten

niedrigste Rasse! Sie sind, geistig anspruchslos, und erinnern der Tiere, die man zerstören muss! (*Старухам.*) Sie warten auf die Männer?! Vergeblich! Sie seit langem im Grab!¹

Серафима крепко обнимает корову.
Старухи напуганы, жмутся друг к другу.

МАША. Откуда тут Гитлер в наших краях???

СЕРАФИМА. Драпаем...

ПРАСКОВЬЯ. От этой гадины?!

МАША. Что мужики нам скажут? «Наши жены — дезертиры!»

СЕРАФИМА. Эх! Помрем по-нашему! (*Берет бревно, поднимает над головой.*)

МАША (*тоже берет палку*). А ну... Слова Шахера, музыка народная... Запевай! (*Поет.*)

На границе тучи ходят хмуро,
Край суровый тишиной объят!
У высоких берегов Амура
Часовые Родины стоят!..

СЕРАФИМА и ПРАСКОВЬЯ.

¹ Давно пора решить русский вопрос. Эти варварские славяне являются самой низшей расой. Они бездуховны, некультурны и напоминают животных, которых надо уничтожать. Вы ждете своих мужчин? Напрасно! Они давно в могиле! (*нем.*)

Там врагу заслон поставлен прочный,
Там стоит, отважен и силен,
У границ земли дальневосточной
Броневой ударный батальон!!!

ВСЕ ВМЕСТЕ.

Там живут — и песня в том порука —
Нерушимой крепкою семьей
Три старухи, три веселых друга —
Экипаж коровы боевой!!!

Гитлер пятится назад для разбега.
Старухи первыми кидаются с бревнами на фашистов.
Поднимается дикий визг, рев, рычание. Схватка.

Конец первого действия

Действие второе

Картина десятая

Раннее утро, появляются первые лучи солнца. Угли костра рассыпаны по всей поляне, едва тлеют. Патефон разбит в клочья. Валяются ободранные волчьи хвосты и фашистские штандарты. Серафима, Маша и Прасковья спят высоко на сосне, рядом на крепкой ветке висит корова и тихо дремлет. Первой с дерева падает корова, затем Прасковья, Маша и Серафима. Все просыпаются. Непонимающе оглядываются по сторонам, потирают ушибленные бока. Корова ищет свой обломанный рог.

ПРАСКОВЬЯ. Откуда в наших лесах фрицы взялись?

МАША. Ты у Гитлера хвост видала?..

ПРАСКОВЬЯ. Видала, и чо? *(Расправляет углы обгоревшей фотокарточки.)*

МАША. А то, что это не Гитлер был, а леший!

ПРАСКОВЬЯ. Ну?!

МАША. Вот те «ну». Много в наших лесах разной нечисти. Проведали они, что мы к мужьям идем, и давай палки в колеса... А нас голой рукой не возьмешь!

СЕРАФИМА (*на штандарты*). Кругом волчьи говна, смотри...

МАША. Ладно, хватит трендеть... (*Встает, Серафиме.*)

Мотористка, заводи свою корову!

СЕРАФИМА. Не команду, генерал...

Картина одиннадцатая

Старухи идут лесом.

СЕРАФИМА (*на ходу пьет молоко*). До сих пор молоко порохом отдает...

ПРАСКОВЬЯ (*вдаль*). А что это там за деревня?..

МАША. Мясное. Тоже пустое. Мы раньше с отцом туда частенько ходили...

СЕРАФИМА. Да, там все толстые жили! Народ как на подбор: сытые, жирные, крупные! Свадьбы всей деревней справляли! У каждого поросятки, хозяйство, детишки... Все добрые, толстые, как битюки... Бывало, так наедятся, что еле ходят... Сто дворов! А потом после войны худоба навалилась, так и померли все...

Идут по дороге.

ПРАСКОВЬЯ (*Маше*). Вот ты самая старшая, разъясни...
Вот за что мужики страдали на фронте???

СЕРАФИМА. За Родину.

Молча проходят мимо заброшенного села.

ПРАСКОВЬЯ. И корове ты кричала: «За родину, Машка!» А за какую? За ту или вот эту, забытую???

Идут. По земле стелется туман.

ПРАСКОВЬЯ (*проверяет, на месте ли фотокарточка*). Я сон видала: будто карточку потеряла. И вот приходит ко мне Гриша и плачет: «Что ж ты наделала, Прошенька? Ты меня нашла и второй раз потеряла. Значит, прощай, уж не свидеться никогда!» Слышите, девочки, их карточки терять не надо.

Идут.

СЕРАФИМА (*вдруг останавливается*). Стой!.. (*Прасковье*.)

А ты куда с нами идешь?!

ПРАСКОВЬЯ. Как «куда»?.. Ты чо???

СЕРАФИМА. Мы к мужьям, а ты к кому?!

ПРАСКОВЬЯ. Серафима, ты с дуба упала?..

СЕРАФИМА. Разве Гришка тебе муж?

ПРАСКОВЬЯ. А кто???

СЕРАФИМА. Никто! Вы не стояли в браке!

ПРАСКОВЬЯ. Ну и что ж???

СЕРАФИМА. А то ж, что он тебе не муж, а ты ему не жена.

Так и скажи, просто сожительствовали...

ПРАСКОВЬЯ. Ты чо собираешь??? Машка, скажи!..

СЕРАФИМА. Нерасписаны жили.

ПРАСКОВЬЯ. Какое «жили»? Да мы с Гришкой просто так дружили!

СЕРАФИМА. Врешь, вся деревня про вас знала!

ПРАСКОВЬЯ. Не было ничего!

СЕРАФИМА. Не ври! В постели-то точно были!

ПРАСКОВЬЯ. Не были!

СЕРАФИМА. Ну хоть разочек, а?..

ПРАСКОВЬЯ. Да как не совестно такое?! Мы с Гришей только под ручку ходили!

СЕРАФИМА (*смеется*). Значит, поцелуйчики были...

ПРАСКОВЬЯ. Не были!!!

Пауза.

МАША. Как «не были»? Да вы пять лет вместе ходили!

ПРАСКОВЬЯ. Мы не успели...

Маша и Серафима начинают хохотать.

ПРАСКОВЬЯ (*заплакала*). Я на платформе... когда его провожала... поцеловать хотела... А он стеснительный такой... Гляжу и вижу, что он тоже хочет... А вокруг народ, нам стыдно, люди смотрят... Ну и решили до окончания войны потерпеть...

Маша и Серафима хохочут.

ПРАСКОВЬЯ (*в слезах, тихо*). А после войны я не вышла... Мужиков было мало, да и те слово одно —

все чего-нибудь у них не хватало: то рук, то ног...

А после Гриши никого уж не надо...

СЕРАФИМА. Всю жизнь протерпела!!! (*Смеется.*)

ПРАСКОВЬЯ (*в гневе*). Да я себя для любимого сохранила!!! Я, как ты, потаскухой... по сарайкам не прыгала!

Пауза.

СЕРАФИМА. Кто???

ПРАСКОВЬЯ. Ты!!! Все вы!!! (*Плачет.*) После войны... как мужиков не стало, все бабы как обезумели... Измочалили всего председателя... Таких стрелять надо! А теперь зато мужей встречать идут... (*Пауза.*) Ну чо шары вылупили, красоточки?.. (*Серафиме*). Вот ты после своего три раза женихалась!

СЕРАФИМА. Кто???

ПРАСКОВЬЯ. Ты!!!

МАША. Ну дак и чо, ей детей надо было...

ПРАСКОВЬЯ. «Детей»... Вот-вот... А где теперь они???

Пауза.

СЕРАФИМА (*сжимает кулаки, надвигается на Прасковью*). Слушай, ты, дурочка нецелованная...

МАША (*не доводя до драки, Прасковье*). Уйди...

ПРАСКОВЬЯ. И уйду! Уйду! Без вас дойду! Пошли вы к черту! (*Берет свою котомку, быстро уходит в лес.*)

Долгое молчание.

СЕРАФИМА (*тяжело дышит, волнуясь*). Боженька мой, стыдно-то как... Я ведь не три, а один раз тока... И то бес попутал... Перед тем как к нему пойти, я «похоронку» Федину триста раз перепрятала, чтоб уж совсем позабыть... Чтоб уж не ждать, не надеяться и не верить... (*Пауза.*) А видишь как — счастья сто лет ждут... (*Пауза.*) Вернется мой Федя, я сама ему все расскажу... Он поймет... Он поймет. Ведь поймет, Маша, правда?... (*Смеется, вытирает слезы.*) Это ж надо, сколько лет нам по радио дули!.. Живой Федька, живой. (*Достает из кармана обрывки фотографии, складывает.*) Ничего, склею тебя подорожником...

Истошный крик Прасковьи из леса.
Серафима и Маша бегут на крик.

Картина двенадцатая

На опушке леса стоит канцелярский стол. Горит лампа. За столом сидит тварь Берия, ест патефон. Перед ним стоит связанная Прасковья.

БЕРИЯ. Ну, рассказывай, куда намылились? Лес поджигать?

ПРАСКОВЬЯ. На станцию идем... Мужей встречать с фронта...

БЕРИЯ. «Мужей... С фронта»?..

ПРАСКОВЬЯ. С фронта...

БЕРИЯ. С фронта... С какого?!! (*Смеется.*)

Входят Серафима и Маша. В ужасе смотрят.

БЕРИЯ. Так. Сдать свои «похоронки».

Старухи отдают.

А известно ли вам, что этим самым вы совершаете преступление??? Нельзя встречать погибших мужей.

МАША. Почему?..

БЕРИЯ. Да потому, что они мертвые!!!

ПРАСКОВЬЯ. Живые...

БЕРИЯ. Мертвые, я сказал!!!

Пауза.

Из кустов выходит чудовище Сталин с корзиной грибов. Подходит к старухам.

СТАЛИН. А теперь расскажите — как жизнь в вашем колхозе?.. Что ж вы молчите?.. Да-а... А что вам сказать?.. Вы же всю страну просрали... Дорогие мои братья и сестры... *(Садится, чистит ножом грибы, обрезает ножки и шляпки, откидывает лишнее.)* С таким народом, как вы, кашу не сварить... Вы — как стадо козлов да баранов... Вас все время надо сажать и сажать. Сажать и сажать... Сажать и сажать... *(Пауза.)* Тут говорят, вы собрались на станцию мужей встречать?.. А кто разрешил?! Кто дал указание?! *(Пауза.)* Совсем сошли с ума под сраку лет!!!

БЕРИЯ. Они думают, что их мужья — большие герои...

Сталин (*берет «похоронку» со стола, читает*). «Уважаемой Лизавете... с прискорбием сообщаем, что ваш муж пал смертью храбрых...» (*Рвет «похоронку», делает из нее самокрутку, засыпает табак.*)
 Ссыкуны они все, ваши герои... Труха, а не люди!..
 Дерьмо!

БЕРИЯ. Мужей захотели, девчонки... (*Смеется.*)

СТАЛИН. Они захотели мужей?.. (*Смотрит на старух.*)

Что делать мне с ними?..

БЕРИЯ (*смеется*). Вот если б они молодые были...

Пауза.

СТАЛИН. Расстрелять паникеров.

Входят два бойца, уводят старух и корову.

Картина тринадцатая

Два бойца ведут старух в конец поля, останавливаются у края оврага, первый снимает с плеча винтовку, второй — гитару.

ВТОРОЙ (*растерянно, себе*). Опять забыл винтовку...

Пауза.

ПЕРВЫЙ (*старухам*). Может, у вас есть последнее желание? Может, спеть вам???

МАША. Спойте...

Второй отложил винтовку, первый сел на землю.

ПЕРВЫЙ и ВТОРОЙ (*поют*).

Шаланды, полные кефали,
В Одессу Костя приводил.
И все биндюжники вставляли,
Когда в пивную он входил...

ПРАСКОВЬЯ (*узнает, второму*). Аркаша?!

ВТОРОЙ. Аркаша...

ПРАСКОВЬЯ. Вы не помните меня? Забыли?! В сорок пятом?! Пантино?! Вас в клубе десять раз на простыне крутили! Прошенька я. (*Указывает на первого.*) А это — Саша с Уралмаша! Я всегда сидела в первом ряду, и весь фильм вы на меня глядели!.. Влюблено так, ну прямо страсть!..

ВТОРОЙ. Бабуся... Вы интересная чудачка...

ПРАСКОВЬЯ. Да я это! (*Достает из кармана платочек, повязывает на голову, изображает наивное лицо.*) Мне было двадцать!..

Пауза.

ПЕРВЫЙ (*смотрит, вдруг узнает*). Проша, Прасковья... Но что с вами???

ПРАСКОВЬЯ. Известно что... Старость. (*Пауза.*) Я не в кино жила.

Пауза.

ПЕРВЫЙ. Прасковья, вы не представляете, как он об вас тосковал... Каждый раз, когда нас крутили, он смотрел в темный зал и искал вас. Почему вы с тех пор в кино не ходили???

Пауза.

ВТОРОЙ (*грустно*). Эх, Проша, Прасковья... Милая вы моя... (*Играет на гитаре.*)

Фонтан черемухой покрылся,
Бульвар Французский весь в цвету.
«Наш Костя, кажется, влюбился», —
Кричали грузчики в порту...

Пауза.

ВТОРОЙ (*решительно*). Проша, выходите за меня!..
СЕРАФИМА (*возмущенно*). Да что ты? Погляди! Зачем тебе мурло старое?!

ВТОРОЙ. А это дело поправится. Так ведь, Санек?..

ПЕРВЫЙ. Есть тут одно хитрое местечко. Нарочно для Проши. «Девичий источник» прозывается. Умоешь лицо, и снова молодая.

ВТОРОЙ (*Прасковье*). Ну что, Проша, вы на это согласны?

Пауза.

ПРАСКОВЬЯ. Нет. Я другого люблю. (*Достает фотокартточку, смотрит.*) Он, конечно, не такой... на

гитаре не поет... и говорить-то толком не умеет... Но я его люблю хоть какого и такого с фронта ждала. А теперь он живой, он ко мне возвращается...

Пауза.

МАША. Погодите, не расстреливайте нас... (*Пауза.*) Вот вернутся наши мужья-победители и увидят, что их жены мертвые, чего доброго, или стали старухами, и им сразу станет обидно... А хорошо было б, если их жены тоже — молодые! Сделайте, братцы... Дело-то доброе...

Пауза.

ВТОРОЙ (*разглядывает фотокарточку*). Ну что, Саша? Поможем женам героев?

ПЕРВЫЙ (*махнул рукой*). Эх, была не была! (*Старухам.*) Только учтите, дело секретное... (*Указывает вдаль*). Глядите, вон там бугорок и лощина. Налево — осиновый лес. Окажетесь там и увидите дерево. А на дереве белка. Она вам дорогу укажет. (*Пауза, оглядывается.*) А теперь бегите! И не оглядывайтесь назад! Что ж вы стоите??? Бегите!!!

ДВА БОЙЦА (*грустно смотрят на убегающих в туман старух, поют*). «Темная ночь, только пули свистят по степи, только ветер гудит в проводах...»

Картина четырнадцатая

Поляна. Жара. Старухи идут глухой просекой.

ПРАСКОВЬЯ. ...Видала у Сталина фингал?

МАША. Видала...

ПРАСКОВЬЯ. Это я ему в газете «Труд» пририсовала...

МАША (*указывает вверх*). Глядите!

Смотрят вверх. На сосне сидит диктор Левитан.

МАША. Белка, а белка...

ДИКТОР ЛЕВИТАН. Кто вас научил обзыватьсь?! Наверно, опять эти двое?.. Они, видишь ли, считают, что кино точнее стреляет, чем радио...

ПРАСКОВЬЯ. А где тут родник для старух?!

ДИКТОР ЛЕВИТАН. А вам зачем???

МАША. Молодыми надо быть.

СЕРАФИМА. Мы мужей встречаем с фронтов!

ДИКТОР ЛЕВИТАН. Ваши мужья погибли давно на всех направлениях.

МАША. Они живые.

ПРАСКОВЬЯ. Белка, мне что-то голос твой знаком...

ДИКТОР ЛЕВИТАН. Повторяю вам! Я — не белка! Я — Левитан. Диктор.

ПРАСКОВЬЯ. Ты — Левитан??? Неужто самый тот?

ДИКТОР ЛЕВИТАН (*басом, так громко, что с сосны посыпались иголки*). «От Советского Информбюро!..»

Пауза.

МАША. Нам некогда сводки слушать... На станцию опоздаем.

СЕРАФИМА. Ты бы помог нам, слезай!

Пауза.

ДИКТОР ЛЕВИТАН. А молоком угостите?

ПРАСКОВЬЯ. Давай!

Левитан ловко слезает с дерева.

СЕРАФИМА (*доит корову*). А я всю жизнь думала, что ты великан, а ты вон какой шибзик маленький...

ДИКТОР ЛЕВИТАН. А как тут станешь большим, если вся страна мне в тарелку глядела?

Картина пятнадцатая

Поле. Туман. Диктор Левитан идет за старухами.

ПРАСКОВЬЯ. ...А я все вспоминаю, как мы их провожали... Народу много, платформа маленькая... Оркестр играет, песни поют! Мужики, старики, бабы, телеги, собаки, лошади... Кто плачет, кто смеется, ничего не понять... И солнце такое яркое, до сих пор прямо слепит глаза!.. А поезд стоит... Гармонист Яша был, красивый парнишка, как он смеялся, играл! Так и сел в вагон с этой гармошкой... Мы за поездом побежали, а поезд уходит, его уже не видать, а гармониста далеко-далеко слышно:

«Три танкиста, три веселых друга! Экипаж машины боевой!»

МАША. Перед тем, как «похоронке» прийти, снегу-то было... *(Пауза.)* А у нас дому хоть и сто лет, зато на века, дом был крепкий... И вот. Утром слышу как взрыв — страшный грохот, как будто весь мир в овраг провалился. Я выхожу из сеней и вижу — господи мой!.. Двора нету! Навес рухнул... И небо голое, чистое... Я сижу, реву, а дядька Анисим говорит: «Не горюй, не беда. Беда придет, когда небо рухнет». И тут появляется почтальон. «Тебе, — говорит, — получи». Я говорю: «Это что за письмо, все в треугольнике были, а это в конверте???» *(Пауза.)* Помню, когда я слушала радио, все ждала, а вдруг этот Левитан своим ревом скажет: «А теперь важное сообщение для Маши — жителя села Малые Опята! Уважаемая Марья, к вам по ошибке пришла «похоронка»! Ваш муж живой!» Всю войну ждала, да так и не дождалась... Может, скажешь хоть сейчас?

ДИКТОР ЛЕВИТАН *(на все поле)*. «От Советского Информбюро!.. Внимание. Важное правительственное сообщение. Уважаемые вдовы Советского Союза! Центральное Главнокомандование информирует вас о том, что все «похоронки» высланы вам по ошибке. Все ваши мужья живы. Ура! Мы приносим каждому свои извинения. С победой вас, вечные вдовы!»

Молча идут.

Входят в лес, подходят к маленькому ледяному озерцу, останавливаются у заводи.

ДИКТОР ЛЕВИТАН. Мне дальше нельзя. Будем прощаться. (*Обнимает старух.*) А станция там, уже близко!..

Старухи и корова идут к воде, сверкающей льдом и серебром, входят в ледяную воду, плывут.

Картина шестнадцатая

Старухи в мокрой одежде идут по лесу, они спешат, торопятся. Следом за ними бежит какая-то однорогая коза.

ПРАСКОВЬЯ. У меня ноги гудят!

МАША. Не успеем, поменьше отдыхать надо!

СЕРАФИМА (*останавливается, взглядывается в туман*).
Куда же теперь???

ПРАСКОВЬЯ. Я там поезд слышала. (*Оглядывается.*)
А может, и там... Бог его знает, в лесу кругом отдается.

СЕРАФИМА. Все! Перекур.

Сидят, переводят дух.

СЕРАФИМА (*плюет на козу. Пауза*). Была корова, стала коза!!! Ну прямо сердце обливается!.. (*Дергает козу.*)
Связалась я с вами...

МАША. Старые мы... Такие старые, что даже чудо нас не пробирает...

СЕРАФИМА. Тоже мне «чудо» — убыток один!!!
ГОЛОС (*напевает в траве*).

В кармане маленьком моем
 Есть карточка твоя,
 Она от пуля меня хранит,
 Моя любимая...

Старухи видят в траве существо, похожее на огромный,
 изъеденный червями гриб.

МАША. Ты кто???

ЧЕЛОВЕК-ГРИБ (*весело*). Гриб. Расту тут и песни пою!

СЕРАФИМА. Плохо ты поешь...

ЧЕЛОВЕК-ГРИБ (*шутливо*). О чем страдаете, девушки?..

Хотите анекдот про мухомора?!

СЕРАФИМА. Куда тебе, сморчливый... Вот раньше Яшка-
 гармонист — откроет рот, и сразу смеху...

ЧЕЛОВЕК-ГРИБ. Тогда про гармониста. (*Весело*.) Уехал
 Яша на фронт. Воевал, воевал, с пулями веселился, и
 вот послали в разведку. Ползет Яша, ползет, и вдруг
 к нему подлетает мина: «Ты кто»? — «А ты»? —
 «А я — твоя мина!» И бац! Яша стал «самоваром»
 без ручек, без ножек. Вернулся домой — бжих-бжих,
 щекотливое дело... Жену не обнять, на гармошке не
 спеть, ордена не потрогать, не жизнь — а сплошная
 умора! Глядела на это супруга, глядела, взяла Яшку в
 лукошко и в лес. А Яша, не будь дураком, покатался в
 земле, пообтерся и стал гриб. (*Смеется*.) Вот теперь
 по пояс в земле крепко-крепко... (*Пауза*.) Нас тут та-
 ких ведра три.

СЕРАФИМА. Мы потом придем за грибами...

ПРАСКОВЬЯ. Мы сейчас идем мужей встречать с войны.

ЧЕЛОВЕК-ГРИБ. Насчет мужей — вы молодцы, с войны надо встречать только мертвых.

МАША. Живые они.

ЧЕЛОВЕК-ГРИБ. Живые?! А что ж вы тогда без песни идете?!

МАША. Станцию обыскались.

ЧЕЛОВЕК-ГРИБ. Да вы уже пришли! Выйдете из леса, встретите памятник, а там и рукой уж подать!..

Старухи идут.

ЧЕЛОВЕК-ГРИБ (*кричит вслед*). Только в ельник не заходите!!!

Картина семнадцатая

Старухи быстро идут по черному, выжженному полю. навстречу им скачет маршал Жуков на чугунной лошади.

МАРШАЛ ЖУКОВ. Здравствуйте, бабоньки! А где тут Красная площадь?!!

ПРАСКОВЬЯ. Не знаем...

СЕРАФИМА. Не местные мы.

МАРШАЛ ЖУКОВ. А почему на парад не идете?!! Все там уже!

МАША. Мужей с фронта встречаем...

МАРШАЛ ЖУКОВ (*едва не падает с лошади*). Как «мужей»?!! Вот дурачье! Да они уже прибыли!!! Стоят, ждут вас на станции!!! (*Исчезает.*)

СЕРАФИМА. Бежимте скорей!!!

Старухи несутся что есть сил, бегут через поле.

ПРАСКОВЬЯ (*останавливается, Серафиме и Маше*).
Стой!.. Стой!

Пауза.

МАША. Что?!

ПРАСКОВЬЯ. Карточку Гришину потеряла... (*Ищет по карманам.*)

СЕРАФИМА. Потом найдешь! Торопиться надо!!!

Слышен шум приближающегося поезда.

Старухи бегут, на ходу рвут охапки цветов. За горизонтом уже грохочет салют, старухи срезают путь — вбегают в ельник. Маша спотыкается, падает, поднимается, бежит вслед за Прасковьей и Серафимой, продирается сквозь деревья, попадает в ельник.

Картина восемнадцатая

Ельник. Маша останавливается.
Тишина.

МАША. Эй!..

Глухая тишина.

МАША (*прислушивается*). Эй!

Тишина.

МАША (*зовет*). Сима!.. Прасковья! Вы где?!

Тишина.

А-у-у!.. (*Пауза, сердится.*) Нашли время шутить!..

Тишина. Маша идет, вдруг видит на земле домотканую дорожку. Дорожка исчезает за старой елью. Маша идет по дорожке, обходит ель, видит покосившуюся старую лавку и два холма с деревянными могильными крестами. На одном кресте висит пожухлый платок Прасковьи, на другом — коровьи бубенцы и дырявый сапог Серафимы. Маша подходит ближе, видит рядом пустую свежевырытую могилу и вдруг замечает, что давно держит в руках лопату.

Пауза.

МАША. Чо же дальше было?..

Пауза.

БЛИЗКИЙ ГОЛОС. Ну как, ты закончила, Марья?

МАША (*оглядывается*). Ты кто???

СМЕРТЬ (*встает с пня, подходит к Маше, смотрит в вырытую яму*). А ты молодец, хорошо для себя постаралась. (*Пауза.*) Я тут, пока ты землю рыла, сказку твою послушала... Задорно, хотя... Нескладно, конечно, зато... Смех, да и только! (*Вздыха-*

ет.) А как без смеха и песен, когда вся деревня умерла, даже подруги! А ты стоишь, от тоски зеленая, и роешь могилу себе. Вот уж невесело... Да? А ты — молодец, сказкой себя развлекала! (*Смеется*). «Ванька-встанька с фронта вернулся...» Ага... (*Указывает на яму.*) Ну, давай, залезай, только с песней...

Маша стоит.

Нет, я никак не пойму... Ты снова веришь, что Ванька твой вернется?!

МАША. Вернется...

СМЕРТЬ. Вот дура. (*Теряя терпение.*) Сколько раз ты его ждала?! Турецкая, японская, финская, гражданская, Первая мировая, Вторая! С Куликова поля ждала Ваньку, помнишь?! Забыла?! И каждый раз ты меня умоляла: «Отпусти меня, смерть, мне Ваню с войны встречать надо...» Ты что, вечно ждать его собралась??? (*Пауза. Совершенно не понимая.*) Зачем тебе это???

МАША. Надо...

СМЕРТЬ. Сколько русских солдат погибло, а сколько еще погибнет!

Долгое молчание.

Ладно, последний раз даю тебе сто лет. (*Пауза.*) Иди.

Маша уходит.

Смерть смотрит ей вслед, надевает на шею почтальонскую сумку.

Картина девятнадцатая

Рассвет.

Старуха Марья тяжело карабкается на крутую железнодорожную насыпь, идет по путям.

Приходит на пустынную станцию.

Останавливается, смотрит вдаль; стоит, стоит и превращается в молодую девушку.

Занавес

Dawn-Way

Пьеса в одном действии

В нескольких километрах от современной автотрассы, в стороне от шума и цивилизации проходит старое шоссе. Когда-то давно здесь было оживленное движение, но с появлением в десяти километрах скоростной магистрали об этой дороге забыли, к тому же лет пять назад мост, находящийся за последним поворотом, смыло горной рекой. Первое время шоссе было перекрыто шлагбаумом, существовала даже табличка «Проезд запрещен». Но вскоре шлагбаум исчез, табличку, как водится, сдуло куда-то, даже знак «кирпич» и тот бесследно пропал.

Действие пьесы происходит на шоссе в темное время суток.

Сцена первая

Пустынное шоссе. Поздний вечер, темнеет. Проливной дождь. Визг тормозов.

У капота автомобиля стоит на корточках мужчина, залез под колеса, что-то смотрит. Рядом женщина в вечернем платье, светит фонариком.

ОНА. Где он???

ОН. Внизу!

ОНА. Так отцепи его!

Под колесами лежит незнакомец, голова зацепилась за днище автомобиля.

ОН. Отцепляю! Не видишь?!

ОНА. Меня вырвет сейчас... Мы в ресторан опоздаем!

ОН (*в панике*). Надо валить...

ОНА. Ты уже навалил! А если он еще жив??? Ты предлагаешь взять и уехать?!

Он. Тяни на себя! Ну, давай же, короче!

С трудом вытаскивают тело из-под колес. С ужасом смотрят.

Говорил, давай я сяду за руль...

Она. Это я говорила...

Он. Говорил — не гони...

Она. Это я говорила!

Он. Говорил — дождь... Говорил тебе?! Говорил?!!

Она. Господи, мама, что теперь делать?.. Это ты его задал!

Он. Я???

Она. Ты! Больше никому!

Он. Я?!!

Она. Ты! Врешь и всегда отпираешься!

Он. Я?!!

Она. Ты! Ты его задал!

Любовник изумленно глядит на нее, затем на незнакомца и снова на любовницу.

Он. Ну, блядь, ты совсем офигела...

Пауза.

Она. Блядь??? Ты меня блядью назвал?! Он меня блядью назвал! Все, достал, мы уже не увидимся!

Он. Не увидимся?!

Она. Да!

Он. Ты решила?!

Она. Решила!

Он. Отлично! Я рад!

Она. Я тоже!

Он. Заманала, коза, по самые гланды!

Она. Пошел в жопу!

Он. Пойду!

Она. И иди!

Любовник уходит.

Она (*вдогонку, громко*). Правильно мама мне говорила, это чмо бросит тебя в самую трудную минуту!!! Я одна и с покойником на дороге!!! Вали, чмо! Ты — урод и ублюдок! Ты не знаешь, что я с Николаем спала!!!

Пауза.

Он (*останавливается*). А ну повтори, чо ты сказала?! Чо ты сказала?! (*Подходит, готов ударить.*) Спала с мужем, значит, спала??? С мужем мне изменяла?! (*Дает ей пощечину.*)

Пауза.

Он (*указывая на тело незнакомца*). Ты его убила.

Она (*рыдает, смотрит на незнакомца*). Да! Да! Я! Я! Я за рулем сидела! Ну что, тебе легче?! Ты не мужик, ты — сраная баба... Не можешь взять на себя... (*Гля-*

дя на тело.) Откуда он взялся?! Как с неба упал! Пустая дорога, и вдруг... Ты же видел! Ты видел!

ОН. Я в окошко курил... И вообще, ничего я не видел.

ОНА. У меня все платье в крови!

ОН. Прекратила истерику! *(Дает тряпку.)* На, быстро вытри... Быстрее! Быстрее!

ОНА *(сбивчиво)*. Какой ужас... И руки... Кошмар... У тебя вся рубашка в крови... Я сейчас убила человека... я убила его, понимаешь?! Убила... Дай лучше мне зонт... Я промокла... Ты слышишь?! Промокла! Ты — сволочь, ты — эгоист... Мой муж лучше тебя в тысячу раз! Если б у нас не было сына... Зонт!!! Дай мне, сказа-а-а-а-ла!..

ОН. Бы-ы-ы-быстро в машину, валим отсюда!

ОНА. Куда???

ОН. В рестора-а-ан!!!

Пауза.

ОНА. А если он еще жив???

ОН. Садись, ты достала!

ОНА. Жив???

ОН. Его двести метров под днищем тащило!!!

ОНА *(рыдает)*. Еду... И вдруг...

ОН *(заталкивает ее в машину)*. Скорей!

Вдали появляются огни приближающегося автомобиля.

Двигатель заводится, машина быстро уезжает.

Незнакомец остается лежать на дороге в луже крови.

Сцена вторая

Визг тормозов. Автомобиль останавливается в метре от лежащего посреди дороги тела. Из бронированного автомобиля с надписью «Банк» выходят два коротко стриженных мужика в униформе заключенных. Быстро подходят, глядят на тело незнакомца.

БЕЗУХИЙ. Полбашки разнесли... Круто кто-то его...

БЕЗНОСЫЙ. Ладно, я успел по тормозам... Еще бы чуть-чуть — и наехал!..

БЕЗУХИЙ. Мертвый...

БЕЗНОСЫЙ. Трупак. *(Пауза.)* Прикинь, Баклан, я б его не заметил... Щас бы масло качал, что это я...

БЕЗУХИЙ. Жизнь — это зона, отсюда смотаешься только в могилу. Кровищи-то, а...

БЕЗНОСЫЙ. Сам виноват. Не хер таскаться. Баклан, едем дальше!

БЕЗУХИЙ. Погоди, он типа живой...

БЕЗНОСЫЙ *(смотрит на тело незнакомца)*. Жмурил — стопудово.

БЕЗУХИЙ. Живой...

БЕЗНОСЫЙ. Мертвый.

БЕЗУХИЙ. Живой... Дышит, не?

БЕЗНОСЫЙ. Насрать, без нас разберутся. Дальше рванули!

Незнакомец издает звук. Пауза.

БЕЗУХИЙ. Шепчет, сука, чего-то...

Пауза. Прислушиваются.

БЕЗНОСЫЙ. Нет, он пердит.

БЕЗУХИЙ. Как пердит???

БЕЗНОСЫЙ. Как все пердят, так и он. Мертвецы всегда пердят, когда вредный дух через жопу выходит. Посхали...

БЕЗУХИЙ (*глядит на лицо незнакомца*). Зырь, вроде хочет базарить...

БЕЗНОСЫЙ. Да он давно кони двинул! Кончай дурковать! Брось, Баклан, едем!

БЕЗУХИЙ. Живой, гляди... Кровь из артерии хлюпает...

БЕЗНОСЫЙ. Живой, мертвый — насрать! Жизнь — это чифирь, кайфуешь, пока не остынет.

БЕЗУХИЙ. Ему «скорую» надо, короче...

БЕЗНОСЫЙ. Фраер, ты грохнул щас семь человек, а бом-жаре решил «скорую» вызвать?!!

БЕЗУХИЙ. Чо ты лепишь, нормальный чувак! Ему «скорую» надо, базар, отвечаю!

БЕЗНОСЫЙ. Нормальный не станет шмонаться в этих местах!

БЕЗУХИЙ (*склоняется над незнакомцем*). Погоняло надо послушать...

БЕЗНОСЫЙ. Запарил ты яйца!.. Посхали!

Безухий не двигается с места, наклоняется, слушает сердце незнакомца. Пауза.

БЕЗУХИЙ. Еп!

БЕЗНОСЫЙ. Чо?..

Безухий. Нога...

Безносый. Чо «нога»?

Безухий. У него нога... Ты видел? Он дрыгнул...

Безносый. Да членом он дрыгнул, на смерть возбудил-ся... Поехали!

Безухий. Ты чо, блин, совсем отмороженный? Нельзя чувачка так кидать. Мы же не суки позорные, надо, чтоб все по понятиям!

Безносый. Дурик! У нас менты на хвосте, а в багажнике сто штук баксов! А ты тут стоишь, покойника дрочишь!

Безухий. Я сказал — по понятиям надо.

Безносый. Слушай, Баклан, менты на хвосте! В жопу понятия!

Безухий. Отвечаешь, чо ты сказал???

Безносый. Побег, ограбление, и этого нам припаяют!

Безухий. Я пять ходок прошел, а ты мне сказал — в жопу понятия?!

Безносый. Ну и гандонище ты... Время нашел стремать на понятиях!

Безухий. Говорили мне парни, что ты — сука позорная!

Безносый. За базар отвечаешь?

Безухий. В натуре.

Безносый. Божись!

Безухий. Сам божись, говноперка! (*Достает нож, пытается ударить Безносого.*) Галстук красненький хочешь?!

Безносый. Обоссался???

Безухий. Сам обоссался!

БЕЗНОСЫЙ (*достает пистолет, направляет на Безухого*). Сел в тачку, короче! Короче! (*Стреляет в ногу Безухому.*) А щас жахну в башку!.. Шевелись! Спасибо мне скажешь! (*Стреляет во вторую ногу.*)

Безухий падает как подкошенный.

На понт взять решил, лоха нашел... Давай, я друзей не кидаю! (*Взваливает Безухого на спину, тащит в машину.*)

Вдали появляются огни приближающегося автомобиля.

БЕЗУХИЙ. Менты!

БЕЗНОСЫЙ. Атаc! Доигрались!

Машина уезжает. Незнакомец остается лежать на дороге.

Сцена третья

Визг тормозов. Глухой удар, незнакомец катится по асфальту. Машина проезжает пять метров, останавливается.

Из милицейской машины выходят два милиционера: носатый сержант и молодой рядовой с большими ушами.

НОСАТЫЙ (*разглядывает вмятину у переднего бампера*).
Вмятина...

УШАСТЫЙ. Ништяк! Ты видал?! Как с неба упало!
Еду — хренакс! Чо это было, товарищ сержант?!

НОСАТЫЙ. Опять суки эти!.. Всегда тут!

УШАСТЫЙ. Кто???

НОСАТЫЙ. Да свиньи... Я этого фермера кончу, прибью!

Они от него удирают, голодные... Стоят вдоль дороги и ждут. Тока машина — эти свиньи под колеса кидаются... Порода такая — как кенгуру... (*Смотрит на машину.*) Зараза ты, сильная вмятина...

УШАСТЫЙ. Машина-то новая, а...

НОСАТЫЙ. Жестянка, покраска... Куда ты смотрел, идиот?!

Идут назад, видят лежащего незнакомца. Пауза.

УШАСТЫЙ. Товарищ сержант... Разве это свинья?

Пауза.

НОСАТЫЙ. Выпить осталось?

Ушастый достает флягу, пьют оба, смотрят на незнакомца.

Сколько время?

УШАСТЫЙ. Двенадцатый час.

НОСАТЫЙ. Быстро темнеет... (*Пауза.*) Кто это, баба? Мужик?

УШАСТЫЙ. Мужик вроде... Как будто...

НОСАТЫЙ. «Как будто»! Куда ты, козел, смотрел за рулем?!

УШАСТЫЙ. На дорогу... Я ж говорю — он как с неба упал...

НОСАТЫЙ. Но он же не птица?

УШАСТЫЙ. Согласен, товарищ сержант...

Пауза.

Обходят лужу крови, смотрят на незнакомца.

НОСАТЫЙ. Круто ты его припечатал...

УШАСТЫЙ. А может, это один из этих двоих, что кассу
взяли?

НОСАТЫЙ. Да нет. У этого харя приличная.

Пауза. Молодой идет к машине.

Куда?

УШАСТЫЙ. В часть доложить.

НОСАТЫЙ. Зачем?

УШАСТЫЙ. А что, разве не надо?

Пауза.

НОСАТЫЙ. Надо, стажер... Исполнять закон — наша
работа. А закон — это песня для сливного бачка...

Без воды он не работает. А вода — это мы.

УШАСТЫЙ. Мне ничего не прилепят, кроме взыскания...

НОСАТЫЙ. Щас, губу раскатал.

УШАСТЫЙ. Вот вы, товарищ сержант... Извините, конечно... Но вы вчера задавили троих, а сегодня уже грамоту дали...

НОСАТЫЙ. Закон, как мой папаша, — трахает избирательно!

УШАСТЫЙ. За что меня трахать, товарищ сержант?!
(*Указывая на тело незнакомца.*) Он же шел в непо-
ложенном месте!

НОСАТЫЙ. А придут и спросят: «Ты пил, рядовой?»
Что ты им скажешь?... Пьяный мент — все равно
что заяц с грудями. Так быть не бывает и быть не
должно.

Смотрят на лежащего незнакомца.

УШАСТЫЙ. Что же нам делать?

НОСАТЫЙ. Не нам, а тебе... (*Пауза.*) Наезд со смертель-
ным исходом — фигня. А вот езда за рулем в бухом
состоянии... Сколько ты, говоришь, детей настру-
гал?

УШАСТЫЙ. Пятеро.

НОСАТЫЙ. Вот и я говорю, шустрый ты парень. На
службе восемь часов, а уже нагрузился, заработал
«условно».

УШАСТЫЙ (*глядя на незнакомца*). А может, он еще жив?

НОСАТЫЙ. Да... вон глаза лежат на асфальте...

Пауза.

УШАСТЫЙ. Я закурю, товарищ сержант?..

Закуривают.

НОСАТЫЙ. Сколько мы тут стоим?

УШАСТЫЙ. Пять минут сорок восемь секунд.

Пауза. Вглядываются в темноту. Курят.

НОСАТЫЙ. Засек, машин нету?

УШАСТЫЙ. Так точно. *(Пауза.)* А чо?

НОСАТЫЙ. Эта дорога закрыта.

УШАСТЫЙ. А где же «кирпич»?

НОСАТЫЙ. Закрыта.

Пауза.

Ну чо? Может, дальше поедem?

Пауза.

УШАСТЫЙ. Как «дальше?» *(Глядя на тело незнакомца.)*

А чо делать-то с ним???

НОСАТЫЙ. Ничо. Пусть лежит.

Пауза.

УШАСТЫЙ. Пусть лежит?..

НОСАТЫЙ. Пусть лежит. *(Пауза.)* Он не наш.

УШАСТЫЙ *(с радостью)*. «Он не наш»?!

НОСАТЫЙ. Первый раз вижу.

УШАСТЫЙ. Спасибо, товарищ сержант!..

НОСАТЫЙ. Не за что, едем...

Садятся в машину, уезжают. Незнакомец поднимает руку
вверх, хватая пустоту, пытаясь подняться на ноги.

Сцена четвертая

Визг тормозов. Сигнал клаксона. Удар. Звон стекла разбитой фары. Из дорожного автомобиля выходят мэр, похожий на рыхлую котлету в пиджаке, и его телохранитель.

МЭР. Ты видел?! Я вправо — оно вправо, я влево — оно на меня... Потом — удар, оно на капот и под колеса! Чо это было?!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Человек.

МЭР. Как человек??? Он же летел... Летел на меня!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Значит, птица.

МЭР. Такая большая, с человеческим лицом???

Осматривают повреждения автомобиля.

МЭР. Зараза, только вчера тачку купил...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Фара разбита... И вон, Лев Геннадьевич, трещина в лобовухе...

МЭР. Гадство какое! Налюбоваться не мог... Ласточка моя! И во что превратилась! Невовремя как! Страховщика надо вызвать! У меня визитка там под стеклом...

Телохранитель в машине ищет визитку.

Мэр оглядывается назад, смотрит в темноту, видит в десяти метрах незнакомца, который сидит на асфальте и зажимает рукой кровавую яму в пробитой голове.

Пауза. Смотрят друг на друга.

МЭР. Эй, вы кто???

Незнакомец не может ответить.

Зачем вы бросились мне под колеса??? (*Пауза, подходит.*) Только не говорите, что по обочине шли, грибы собирали... Что вы делали на дороге? Я повторяю вопрос — что вы делали тут на дороге?! (*Свирипееет.*) Отвечай, свинья! Кому говорю! А-а, так ты пьяный... Алкаш, ты мне машину угробил! Встать, встать, свинья, говорю! Иди, мудака, погляди, чо ты наделал! Ах ты говно, он еще улыбается! Тебе весело, да?.. Убери эту улыбку, сказал! Убери! Встать, говнюк! Быстро встать, гнида! Развелось вас, бомжара свинячья! Встал, кому говорю, говорю! (*В бешеной ярости бьет лежащего на асфальте незнакомца кулаками, пинает ногами.*)

Телохранитель подходит, смотрит, ждет, когда мэр прекратит избивание.

МЭР (*устал бить, тяжело дышит, вытирает платком кровь с ботинок*). Вот, даже бомжи летать научились...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*склоняется над незнакомцем, раздвигает веки, смотрит зрачки, проверяет пульс и дыхание*). Лев Геннадьевич... Вы убили его.

МЭР. Как — убил?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Вон пульса нет, и не дышит.

Смотрят.

МЭР. Тяжелый день, понедельник... Чо это со мной было? Устал я...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Конечно, двадцать лет без отпуска. Как белка в колесе. Все выборы, выборы, выборы. Вам бы съездить куда-нибудь, Лев Геннадьевич. Вон сестра у меня в Турции отдохнула. Красота: шведский стол, водяные горки...

МЭР. Водяные, говоришь?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Водяные. Сел в струю и летишь.

МЭР. Что же делать?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ничо. Страховщика вызывать.

МЭР. Ну да, а этот вон?.. Считай, я сбил его, а потом руками прикончил. Хоть и бомжара, а по Конституции — избиратель. Право на жизнь, падла, имеет. *(Пауза.)* Он мертвый, нормально смотрел?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(рассматривает тело)*. Мертвый.

МЭР. Блин, я такие бабосы угрохал в страховку!.. *(Со злостью бросает окровавленный платок в незнакомца.)*

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Есть предложение, Лев Геннадьевич... *(Смотрит на незнакомца.)* Возьмем его и выбросим.

МЭР. Куда?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Вон за дорогу в кусты, что ли...

МЭР. Только надо спрятать его так, чтоб страховщик не увидел.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Это понятно... Беремся давай.

Телохранитель берет незнакомца за ноги. Мэр не двигается.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Лев Геннадьевич, а вы его за руки берите... Ну что же вы? Беритесь!

МЭР. Леша...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Чего?

МЭР. Давай ты один его, а...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Один?

МЭР. Один.

Пауза.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Почему один?

МЭР. Я, Леша, мертвецов не люблю.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. А кто их любит? Беритесь!

МЭР. Нет, я не хочу.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Да ерунда, Лев Геннадьевич! Беритесь!

Пауза. Телохранитель продолжает держать ноги незнакомца. Мэр не подходит.

МЭР. Я сказал, ты должен унести его один.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Я-то унесу, мне-то нетрудно. А вы почему не хотите?

МЭР. Я сказал, не хочу! Бери его и неси вон туда! Давай, он не тяжелый. Что ты стоишь?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Не буду один.

МЭР. Будешь! Неси, я тебе говорю!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Я сказал — нет!

МЭР. Это твоя работа.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Моя работа, Лев Геннадьевич, вас охранять, а не таскать за вами трупы.

МЭР. Почему за мной?! За собой!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Он ваш, вы его убили.

МЭР. Я? С чего ты взял?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Я видел...

МЭР. Я уволю тебя, бык холуевый!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Увольняйте. Только я видел...

Пауза.

МЭР. Слушай, Алеша... У меня самолет, я на рейс опоздаю! Давай поживей! Взял, бросил туда, и дело с концами!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Вы прикалываетесь?

МЭР. Слушай, сделай, и все! Ради меня! Делов — три секунды. Ну?! Я заплачу тебе прямо сейчас.

Пауза.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Сколько?

МЭР. Ну, милый мой... Я и не знал, что ты так деньги любишь... Вот, получи. *(Достает большой кошелек, дает телохранителю несколько купюр.)* Извини, без квитанции.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(смотрит на деньги)*. Что это???

МЭР. Баксы... Что, мало?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. А вы как считаете?

МЭР. Вот еще. *(Дает деньги.)* Я бы сам его унес, но не хочу костюм пачкать, у меня утром в Кремле совещание...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ *(не берет деньги)*. Нет...

МЭР (*бросает кошелек*). На! Забери! Все твое!

Телохранитель не берет кошелек.

И этого мало??? Ну, брат, ты обнаглел. Чего же ты хочешь?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Тачку вашу.

МЭР. Тачку? Какую?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Вот эту.

Пауза.

МЭР. Ты чо, полный дурак?! Ты знаешь, за сколько я ее купил, плюс кредит, плюс страховка?! Тебе всю жизнь вкалывать надо — не заработаешь... Понял меня?!! И главное — за что? За что, спрашивается?! Мешок дерьма оттащить на десять метров... Смешно!!!

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ну да, и срок — десятка лет. Если что, вы в отмазке, а меня подставите. Кто спрятал, тот и убил. Я же знаю ваши дела...

МЭР. Ну-ну, не надо из мухи слона раздувать...

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Я подожду. (*Отходит в сторону, закуривает.*) А вы покумекайте... Только ритмичней, на рейс опоздаем.

Пауза.

МЭР. Ладно, согласен. Тачка твоя.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Ключи.

МЭР (*бросает телохранителю ключи, тот ловко ловит*).

Водяные горки, говоришь?

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ. Водяные. Сел в струю и летишь.

Только ноги надо сделать вперед. Если ноги назад, то смертельные случаи бывают.

МЭР. Милый мой, я в этой струе уже двадцать лет. Вверх-вниз! Вверх-вниз! Работа такая.

Телохранитель берет незнакомца за ноги, тащит к краю дороги.

Мэр достает из кармана вторые ключи, быстро идет к машине, садится и уезжает.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ (*бросает незнакомца на обочине, видит уезжающую машину*). Стой, блядь! (*Достает револьвер, стреляет, бежит по дороге следом за удаляющейся машиной.*)

Тело незнакомца остается лежать на дороге.

Сцена пятая

Шоссе. Визг тормозов. В трех метрах от лежащего незнакомца останавливается автомобиль со свадебными лентами, с праздничной куклой на радиаторе и двумя декоративными свадебными кольцами на крыше. Из машины быстро выходят: жених — парень лет восемнадцати, и его сверстница — невеста. Смотрят на лежащего незнакомца.

ЖЕНИХ. Светка, прикинь... Я его задавил!

НЕВЕСТА. Где??? Ты до него еще не доехал... (*Достает мобильник, озабоченно набирает, в трубку.*) Алло! Мама! (*В трубке тишина.*) Мертвая зона... Нет охвата. (*Пауза, глядя на незнакомца.*) Спроси, может, он знает...

ЖЕНИХ (*незнакомцу*). Мужчин, а мужчин!.. Вы в курсе, где тут развилка? Мы реально потерялись. Вверх или вниз?

Незнакомец не отвечает.

НЕВЕСТА. Он спит...

ЖЕНИХ. На дороге???

Пауза.

НЕВЕСТА. Триндец... Значит, он пьяный. (*Смотрит на лужу крови вокруг незнакомца.*) И гляди, банку варенья разбил... Вишневое, что ли?

Пауза. Подходят ближе. Смотрят.

ЖЕНИХ. Отвернись, Света.

НЕВЕСТА. А чо?

ЖЕНИХ. Это кровь...

Пауза.

НЕВЕСТА. Кровь? Откуда???

ЖЕНИХ. Его задавили...

НЕВЕСТА. Как задавили?

Пауза.

ЖЕНИХ. Иди, не смотри.

НЕВЕСТА. А чо, тебе можно, а мне нельзя, что ли?..

ЖЕНИХ. Ну, смотри, если хочешь...

Соят, смотрят.

НЕВЕСТА (*тихо*). А ты мертвеца видел когда-нибудь?

ЖЕНИХ. Видел.

НЕВЕСТА. Где? Не ври.

ЖЕНИХ. Мужика сосулькой убило, в «Макдональдсе»
один пенс окочурился, и в метро девушку видел... Их
вообще до хрена.

НЕВЕСТА. Да?

ЖЕНИХ. Да.

НЕВЕСТА. А я первый раз живьем мертвого вижу...

ЖЕНИХ. Не страшно?..

НЕВЕСТА. Да нет, лежит себе и лежит... (*Пауза, жениху.*)

Слушай, а ты меня любишь?..

ЖЕНИХ. Кто — я?

НЕВЕСТА. Ну не он же.

ЖЕНИХ. Люблю, понятное дело. Да чо ты с утра это
спрашиваешь?

НЕВЕСТА. Дак свадьба сегодня. Счастливый день.

ЖЕНИХ. И чо, не целый же день этот вопрос задавать...

НЕВЕСТА. А за чо?

ЖЕНИХ. Что — «за чо»?

НЕВЕСТА. Любишь меня?

ЖЕНИХ. А чо, ты типа не знаешь?

НЕВЕСТА. Не знаю...

ЖЕНИХ. Красивая. *(Пытается обнять невесту.)* Умная... Дай трусики посмотреть! Ты какие сегодня одела?

НЕВЕСТА *(бьет жениха по рукам)*. А если он жив?!

Подходят еще ближе к незнакомцу, смотрят.

Может, ему анальгина дать? У меня две таблетки осталось.

ЖЕНИХ. Надо «скорую» вызвать... *(Достает мобильник, ищет место, где появится сигнал мобильной связи.)*

НЕВЕСТА. Не звони!

ЖЕНИХ. Да чего?

НЕВЕСТА. Не звони, я сказала!

ЖЕНИХ. Ты чо?!

НЕВЕСТА. Да ничо! А вдруг придут и скажут, что это ты его задавил?

ЖЕНИХ. Я???

НЕВЕСТА. Ты. Тебя тогда в тюрьму посадят, а там сделают педиком... *(Поправляет куклу на радиаторе.)*

ЖЕНИХ. Чо ты городишь?! Ты же свидетель! Ты видела, я до него не доехал!

НЕВЕСТА. Видела...

ЖЕНИХ. Ну?!

НЕВЕСТА. А если меня убедят, что ты его задавил, и я им поверю?

ЖЕНИХ. Да?... Ладно, поехали. Нас давно потеряли...

(*Вглядывается в темноту.*) Где эта турбаза?

НЕВЕСТА (*вглядывается в темноту*). Рядом должна.

ЖЕНИХ. Где «рядом»? С утра еще от эскорта отстали!

(*Пауза.*) Мамик точно стреляется...

НЕВЕСТА. Кто виноват? Я хотела в кафе отмечать, а ты — на турбазе...

ЖЕНИХ. Ну да... Восемьсот приглашенных... Я и не знал, что у тебя столько друзей и знакомых.

НЕВЕСТА. А может, потанцуем?

ЖЕНИХ (*удивленно*). Чего???

Невеста громко включает музыку в автомобиле, оставляет двери открытыми, подходит к жениху, тянет его к себе, крепко обнимает, танцуют.

Незнакомец поднимает руку. Жених и невеста этого не замечают и продолжают танцевать. Страстно целуются.

Жених задирает невесте подол длинного платья, гладит нижнее белье. Невеста расстегивает ремень жениха. Жених и невеста быстро идут в машину, закрывают двери. Глухо звучит музыка.

Автомобиль начинает раскачиваться на рессорах, все быстрее и быстрее.

Незнакомец привстал на локоть, поднимает голову, смотрит.

Автомобиль качнулся последний раз и замер. Пауза.

Открывается дверь, выходит жених, подходит к колесу, пишет, застегивает ширинку, садится обратно в машину.

Захлопывает дверь. Пауза.

Двигатель заводится, машина резко стартует и уезжает.

Незнакомец с трудом встает на одно колено, смотрит вслед. Только сейчас мы видим, что у него за спиной смятые крылья, он — ангел.

Сцена шестая

Визг тормозов. Сигнал клаксона. Сильный удар. Из оставившегося автомобиля выходят муж и жена. Смотрят на лежащего ангела.

Муж. Черт... Я не заметил его.

ЖЕНА. Ужас какой... Что теперь делать?

Муж. Не знаю...

ЖЕНА. Посмотри, может, он еще жив?

Муж. А как... Что смотреть?

ЖЕНА. Ну, глаза там, сердце, дышит — не дышит...

Муж нервно закуривает, смотрит.

Муж. Вроде бы нет...

ЖЕНА. Ты уверен?

Муж. Не знаю...

ЖЕНА (*смотрит*). Ты убил его насмерть.

Муж вдруг смеется.

Ты смеешься?

Муж. Смерть всегда насмерть! Разве можно убить — не убив?!

ЖЕНА. У тебя может быть все. Ты такой человек.

Муж. Какой я человек?!

ЖЕНА. Да с тобой всегда все не как у нормальных людей!

Муж. Ты хочешь сказать, что я нарочно его сбил???

ЖЕНА. Я не знаю...

Муж. Что ты не знаешь?!

ЖЕНА. Не кричи, дети проснутся.

Муж закуривает новую сигарету, смотрит в темноту.

Ты целый год обещал детям рыбалку... И вот мы собрались, едем, а ты в трех столбах заблудился... Ты даже пруд не можешь найти! Зачем этот пруд, когда рядом у дома река?

Муж. Там рыба не клюет.

ЖЕНА. Тебе рыба важнее, чем семья?!

Муж. Да!

ЖЕНА. Ну, вот! Я давно хотела это услышать!

Муж. Услышала, да?..

ЖЕНА. И после этих слов ты хочешь третьего ребенка?

Муж. Я? Да это ты мне уши все прожужжала: «Мальчик и девочка есть. Нужен третий».

ЖЕНА. Трепло. Ты слов не умеешь держать. И врешь в мелочах. Ты обещал купить детям глобус. И где он? Нет! Обещал бросить курить? Обещал! И снова дымишь как скотина!

Муж. Наконец-то я сяду в тюрьму, от тебя отдохну...

ЖЕНА. А дети тебе вообще не нужны! Ты любишь только себя! (*Смотрит в темноту.*)

Ангел шевелится.

Муж. Гляди... Он живой.

Смотрят. Он что-то говорит. Слушают.

Он молится, что ли?

ЖЕНА. Нет, вроде плачет...

Муж. Без слез?

ЖЕНА. Гляди, у него крылья...

Муж. Зачем ему крылья?

ЖЕНА. Он — ангел...

Муж. Ты спятила! Откуда тут ангелу взяться???

ЖЕНА. Звони быстро в «скорую».

Муж звонит.

Муж. Мертвая зона...

ЖЕНА. Звони еще.

Муж. Я говорю — тут не ловит! Давай в машину его!

ЖЕНА. Куда? У нас места нет. И потом, детей испугаем...

И крови полно, сиденья замараем... И вообще, при таких травмах с места трогать нельзя.

Муж. Так что, уедем?

ЖЕНА. Уедем.

Муж. А его оставим?

ЖЕНА. Оставим.

Муж. В город приедем и позвоним.

ЖЕНА. Обязательно.

Садятся в машину и уезжают. Ангел остается лежать на дороге. Мимо пролетает автомобиль — падает окурок.

Сцена седьмая

Удар. Визг тормозов. Останавливается автомобиль-катафалк. Из машины выходит человек в костюме — начальник похоронной службы — и два работника с красными лицами. Подходят к ангелу.

Начальник. Ну, ваше счастье, уроды... Берите.

Работники поднимают ангела, кладут обратно на землю.

Начальник. В чем дело???

Первый и второй смотрят на ангела.

Первый. Это не то.

Начальник. Как не то?

Второй. Это не наш покойник.

Начальник. Не наш?

Первый. Нет. Это мужик, а нам надо бабу.

Смотрят.

Начальник. Елы мае... Точно мужик. А может, он тоже из наших?

Второй. Нет. Мужики не теряются. Одни бабы. Они даже после смерти любят гульнуть.

Первый. Мужик — благодарный покойник. Если он лег, то уж лег навсегда, серьезно вот так, капитально. А баба...

ВТОРОЙ. Месяц назад привезли одну, так она ночью встала и предьявляет: «Зачем меня облачили в тряпье?» Ушла, деньги где-то нашла, сходила в магазин и вернулась в шикарном купальнике.

ВТОРОЙ. Раз в неделю одна точно теряется.

Начальник. Где ж вы ее потеряли?

ПЕРВЫЙ. А хрен ее знает. Выпала где-то, зараза.

Начальник. Что вы творите, уроды?! Там вся родня на ушах, покойницу ждут отпевать, а я им гоню, что машина сломалась! Вот езжайте к родственникам сами и объясняйте, как вы, свиньи, нажрались, что покойника потеряли...

ПЕРВЫЙ. Тут пей не пей, все равно ходишь пьяный. Смерть сама наливает.

ВТОРОЙ. Мы виноваты. Мы отработаем. А этой — замену найдем. Походим по моргам, поищем... Незаменимых покойников нет.

ПЕРВЫЙ. Найдем как две капли воды, даже лучше, ей-богу.

Начальник. Спасибо, в прошлый раз вы нашли. Я два часа вдовцу объяснял, почему его жена на тридцать лет в гробу помолодела! Нет уж... Теперь этот номер со мной не пройдет! Ищите... А не найдете — сами ложитесь!

ПЕРВЫЙ (*смотрит на лежащего ангела*). А этого что, тут оставлять?

Начальник. Берите. На всякий случай сгодится.

Работники берут ангела.

ВТОРОЙ. Глядите, он жив...

ПЕРВЫЙ. Живой...

ВТОРОЙ. И крылья как будто...

Разглядывают ангела.

НАЧАЛЬНИК. Живой??? Живой нам не нужен.

Бросают ангела на асфальт. Крестятся. Все трое идут к машине. Садятся, уезжают.

Ангел лежит на дороге.

Сцена восьмая

Визг тормозов. Перед ангелом останавливается автомобиль, из машины выходят мулла, христианский священник, раввин и буддийский монах. Окружают лежащего ангела, смотрят.

СВЯЩЕННИК. Что вы думаете?

МУЛЛА. Я не знаю...

РАВВИН. Он лежал здесь или нет? Или только что появился?

Пауза. Смотрят на лежащего в крови ангела.

СВЯЩЕННИК. Но что делают в этих случаях??? Ведь ему надо как-то помочь.

МУЛЛА. Аллах всемогущ! (*Разглядывает.*) Этот человек мертв...

РАВВИН. Из праха Господь создал человека и в прах вышел...

СВЯЩЕННИК. Господи, упокой душу раба Твоего и Его молитвами помилуй нас, грешных...

БУДДИЙСКИЙ МОНАХ (*читает мантру*).

Ишварах парамах Кришнах,
Сач-чит-ананда-виграхах.
Анадир адир говиндах,
Сарва-карана-каранам.

Смотрят.

РАВВИН. Его задавило машиной.

СВЯЩЕННИК. На все воля Божья...

МУЛЛА. Суд Аллаха есть высший и справедливый.

РАВВИН (*мулле*). Откуда вы знаете, что он правоправный?

Разглядывают лежащего ангела.

МУЛЛА. Все люди — земные дети Аллаха.

СВЯЩЕННИК. Есть только один верный путь — в веру Христову!

РАВВИН. Машиах — настоящий Мессия...

БУДДИЙСКИЙ МОНАХ. Встаньте на путь просветления — так говорил Будда.

Начинают спорить.

МУЛЛА. Нет бога, кроме Аллаха!

Священник. Есть только Троица!..

Мулла. А как же пророк Мохаммед?!

Священник. Никак! Он был Иисусом, а вы его себе приписали!

Мулла. А вы даже молитесь за рулем, собаки неверные...

Раввин. Не пойму, чем рыбаки пастухов лучше??? Единый Творец — это Бог Яхве.

Буддийский монах. Колесо Благого Закона имеет три спицы — есть только Будда, Сангха и Дхарма!

Говорят все сразу, перебивая друг друга.

Мулла. Сказано в суре Назате: «И когда наступит день самой большой катастрофы — день Воскресения, день, когда человек вспомнит все свои заблуждения и покажется огонь вечных мук, а те, кто уклонялись и предпочли жизнь иную, им место в огне геенны!»

Священник. «...Ибо придет Сын Человеческий во славе Отца Своего с ангелами Своими и тогда воздаст каждому по делам!»

Буддийский монах. И придут 33 бога, чтобы встретиться с Буддой!

Раввин. Сказано в Торе — явится Мошиах. Остальные — все самозванцы!

Пауза.

Буддийский монах (*глядя на лежащего ангела*). Что у него за спиной?

РАВВИН (*вглядывается*). Похоже на крылья...
Священник. Крылья???

Пауза.

МУЛЛА. Значит, он ангел.

Пауза.

СВЯЩЕННИК. Поздравляю вас, ребе...

РАВВИН. Меня? С чем?

СВЯЩЕННИК. Вы встретили своего ангела.

РАВВИН (*разглядывает ангела*). Он не наш.

МУЛЛА. А чей?! У вас в Каббале одних ангелов —
49 миллионов!

РАВВИН. И что, вы их всех в лицо знаете??? (*Священни-
ку*.) Да он ваш, батюшка!

СВЯЩЕННИК. Помилуйте... Наши ангелы — светлого-
лосые. А этот брюнет!

МУЛЛА. Он лысый, заметьте.

СВЯЩЕННИК. Наши ангелы — как юноши с крылья-
ми... А этому приблизительно сороковник. (*Мулле*.)
Он ваш.

МУЛЛА. Наши ангелы — тоже как юноши! И у них тоже
два, а то и три, и четыре огромных, мощных крыла!

РАВВИН (*разглядывая крылья*). Крылья какие-то вовсе...
как тряпки... (*Мулле*.) Нет сомнений, он — ваш.

МУЛЛА (*гневно*). Э-э! Наши ангелы созданы Аллахом из
чистого света!!! (*Буддийскому монаху, указывая на
его бритую голову*.) Ваш!

Буддийский монах. У нас — Джармакайа¹, у нас ангелов нет.

Страстно пытаются убедить друг друга.

Мулла (*загибая пальцы, восторженно*). «Джабраиль, Микаиль, Исрафил...»

Священник (*тоже загибая пальцы*). «...Небесные сияния, Престолы, Господства...»

Раввин. «Метатрон — Глас Божий, Михаил — хранитель Израиля...»

Буддийский монах. «Аватары, Бодхисаттвы и Дэвы...»

Священник. «Начала, власти и силы, херувимы и серафимы...»

Дергают друг друга, толкают.

Мулла. «Азраиль, ангелы-пророки Мункар, Накир...»

Раввин. «Габриэль, Уриэль, Рафаил...»

Буддийский монах. «Архаты, идамы...»

Священник. «Ангелы и архангелы...»

Буддийский монах. «Шакра, Вишвакарман»!

Мулла. «Ангелы забани!»

Раввин. «Ангел Завета, ангел Лица»!

Пауза. Смотрят на ангела.

¹ Космическое тело в образе Дьхьяни-будд.

Священник. Он не наш.
Буддийский монах. Он не наш.
Мулла. Он не наш.
Раввин. Тогда чей же он???

Растерянно смотрят друг на друга.

Буддийский монах (*смотрит на часы*). Через час самолет.

Мулла. Мы опоздаем на Мирную конференцию...

Раввин. Едем.

Священник. Упокой душу раба...

Садятся в машину, уезжают.

Ангел с трудом поднимается на ноги, вытирает кровь с лица, смотрит вслед удаляющейся машине.

Сцена девятая

Удар. Визг тормозов. Из машины выходят женщина и беременная девушка. Подходят к ангелу.

БЕРЕМЕННАЯ. Черт... Я задавила его.

Смотрят на лужу крови.

ЖЕНЩИНА. Успокойтесь. Вам нельзя волноваться.

БЕРЕМЕННАЯ. Да я не волнуюсь, мне просто обидно, что руль в живот упирается.

ЖЕНЩИНА. Я вам предлагала, давайте я сяду за руль.

БЕРЕМЕННАЯ. С чего? Эта машина моя, а не ваша!

ЖЕНЩИНА. Да, но вам сейчас ездить нельзя... Нежелательно.

Смотрят на ангела.

БЕРЕМЕННАЯ. Нам надо что-то делать...

ЖЕНЩИНА. Поедем.

БЕРЕМЕННАЯ. У вас все так просто...

ЖЕНЩИНА. А вы любите усложнять... Он шел где не надо! *(Пауза.)* Вам нельзя волноваться.

БЕРЕМЕННАЯ. Да я не волнуюсь, он сам виноват.

ЖЕНЩИНА. Конечно...

БЕРЕМЕННАЯ. Вы не согласны?

ЖЕНЩИНА. Согласна. *(Открывает бутылек, дает капсулы.)* Вам нужно принять витамины.

БЕРЕМЕННАЯ. Да хватит! Они мне надоели! Я жру их каждые два часа!

ЖЕНЩИНА. Вы должны их съесть.

БЕРЕМЕННАЯ. Нет, я сказала!

ЖЕНЩИНА. Вы обязаны!

БЕРЕМЕННАЯ. Хер ли.

ЖЕНЩИНА *(с угрозой)*. Я сказала, ты будешь их жрать сколько надо! Понятно?!

Беременная грызет витамины.

Они укрепляют твой таз и кости ребенка.

БЕРЕМЕННАЯ. Вы должны купить мне новую машину...

ЖЕНЩИНА. А эта уже разонравилась?..

БЕРЕМЕННАЯ (*указывая на ангела и затем на машину*).

Он помял бампер своей башкой, поглядите.

ЖЕНЩИНА. Ладно.

БЕРЕМЕННАЯ. Только мне нужна машина дороже. Вы обещали быть щедрой, а щас что-то скупитесь. Дороже.

ЖЕНЩИНА. Что еще?

БЕРЕМЕННАЯ. Пока все.

ЖЕНЩИНА. Поедем. (*Вглядывается в темноту.*) Мы, кажется, заблудились.

БЕРЕМЕННАЯ (*глядя на ангела*). А как же он?

ЖЕНЩИНА. Что — он?

БЕРЕМЕННАЯ. Он вроде жив... Что-то шепчет...

Смотрят.

ЖЕНЩИНА. Поедем.

БЕРЕМЕННАЯ. Как «поедем»??? Вы такая правильная, честная вся из себя, а его тут оставляете?

ЖЕНЩИНА. Что ты предлагаешь?

БЕРЕМЕННАЯ. «Скорую» вызвать, ментов...

ЖЕНЩИНА. Ну да, дура наивная, чтоб тебя привлекли...

БЕРЕМЕННАЯ. Почему меня? Вас.

ЖЕНЩИНА. Но ведь ты же его сбила.

БЕРЕМЕННАЯ. А вы сядете вместо меня. (*Улыбается.*) Вам же нужен ребенок. (*Кладет руки на свой живот.*) Вы уже имя ему придумали?

ЖЕНЩИНА. Да.

БЕРЕМЕННАЯ. Какое?

ЖЕНЩИНА. Не твое дело.

БЕРЕМЕННАЯ. Почему не мое? Я же мать.

ЖЕНЩИНА. Ты не мать. Ты производитель. Я плачу тебе.

БЕРЕМЕННАЯ. А если я передумаю?

ЖЕНЩИНА. У нас договор. Машина — аванс, квартира — по факту отказа.

БЕРЕМЕННАЯ. Мне квартира нужна прямо сейчас.

ЖЕНЩИНА. А вдруг ты уроды родишь?

БЕРЕМЕННАЯ. А вы не скупитесь, тогда не рожу.

ЖЕНЩИНА. Я не скуплюсь. Я создала тебе идеальные условия, чтобы ты родила мне здорового ребенка.

БЕРЕМЕННАЯ. Насрать. Еще триста рожу.

Смотрят на ангела.

Отвезем сейчас его в больницу.

ЖЕНЩИНА. Зачем?

БЕРЕМЕННАЯ. Ему надо помочь.

ЖЕНЩИНА. Все равно он умрет через десять минут.

БЕРЕМЕННАЯ. Если мы оставим его здесь, меня Бог stupidно накажет.

ЖЕНЩИНА. Успокойся. Ты Богу совсем не нужна.

Смотрят.

БЕРЕМЕННАЯ. Накажет!

ЖЕНЩИНА. Нет!

БЕРЕМЕННАЯ. Да! И тогда я уроды рожу и умру... *(Достаёт спички, закуривает.)*

ЖЕНЩИНА (*бьет беременную по руке с сигаретой*).

Брось! Я тебе говорила?! Ты, харя ты деревенская!

Нельзя! И выплунь эту жвачку! Жует и жует целыми днями, корова...

БЕРЕМЕННАЯ. Я что, уже ничего не могу???

ЖЕНЩИНА. Родишь — и гудбай, до свиданья, делай что хочешь, хоть сдохни... А пока слушай меня. (*Пауза.*)

В чем дело? Ты плачешь?

БЕРЕМЕННАЯ. У меня будет синяк...

ЖЕНЩИНА. Успокойся... Я больше не буду. (*Обнимает, гладит.*) Прости.

БЕРЕМЕННАЯ. Два ресторана, три магазина имеет, а ребенка родить не может, тоже мне бизнесменша! (*Вырывается из объятий, идет.*) Да пошла ты! Ребенок мой! Не отдам!

ЖЕНЩИНА. Стой! Ты куда?! Быстро вернись!

БЕРЕМЕННАЯ (*бежит, вдруг замирает, хватается за живот*). Ой!.. (*Садится на землю.*) Я уродо рожу...

ЖЕНЩИНА. Успокойся... Все будет нормально.

БЕРЕМЕННАЯ. Ой... Ой... Я умру...

ЖЕНЩИНА. Не волнуйся, обычные схватки... (*Поднимает беременную с земли, ведет к машине.*)

БЕРЕМЕННАЯ. Я умру...

ЖЕНЩИНА. Дыши... Квартира — по факту отказа... Я сказала — дыши!

Садятся в машину, уезжают.

Ангел лежит на дороге.

Сцена десятая

Останавливается авторефрижератор с надписью «Холодные куры». Из машины выходят водитель и экспедитор, смотрят на лежащего ангела.

ВОДИТЕЛЬ. Надо же, а...

ЭКСПЕДИТОР. Это эти его, да? Которые нас обогнали?

Смотрят.

ВОДИТЕЛЬ. Мертвый...

ЭКСПЕДИТОР. Даже если живой, что из того?

ВОДИТЕЛЬ. Ну как, «скорую» б вызвали, откачали...

ЭКСПЕДИТОР. Какую «скорую»? У нас 10 тонн мяса!

Через час все протухнет! И так целый день потеряли, едим кругами! (*Идет назад к машине.*)

ВОДИТЕЛЬ. Стой!

ЭКСПЕДИТОР. Ну, чего?!

ВОДИТЕЛЬ. Видишь?

ЭКСПЕДИТОР. Что?

ВОДИТЕЛЬ. Крылья...

ЭКСПЕДИТОР. Врешь.

ВОДИТЕЛЬ. Сам погляди.

Смотрят.

ЭКСПЕДИТОР. Значит, он не человек...

ВОДИТЕЛЬ. А кто же?

ЭКСПЕДИТОР. Значит, старуха мне не врала.

ВОДИТЕЛЬ. Какая старуха?

ЭКСПЕДИТОР. Соседка. Она на птицеферме работала.

И там курица родила человека.

ВОДИТЕЛЬ. Как?

ЭКСПЕДИТОР. Очень просто. На ферме летом солдаты пахали. Ну, знаешь, корму подать, вычистить клетки... Солдаты — народ диковатый, дурной... И вот один подружился с хохлаткой. Он с курицей даже на танцы ходил. Уехали потом в Самару, расписались, он взял ее фамилию, Хохлаков, и у них сын родился совершенно куриный! Человек — как есть человек, только с крыльями.

ВОДИТЕЛЬ. Так это что, может, он? (*Смотрит на ангела.*)

ЭКСПЕДИТОР. Очень возможно. Хотя... Если курица способна рождать человека, их должно быть уже миллионы.

ВОДИТЕЛЬ. Хороший бройлер весит килограмм пять.

ЭКСПЕДИТОР. А этот — все шестьдесят.

ВОДИТЕЛЬ. Ну да, плюс потроха...

Смотрят.

ЭКСПЕДИТОР. Это, считай, крупный бизнес лежит на дороге. Давай свое дело откроем.

ВОДИТЕЛЬ. Давай. А если дома узнают? Моя жена меня даже к курицам ревнует...

ЭКСПЕДИТОР. А ты дома-то не кудахтай...

Смотрят.

ВОДИТЕЛЬ. Когда ж мы начнем?
ЭКСПЕДИТОР. Завтра же.
ВОДИТЕЛЬ. А этого как?
ЭКСПЕДИТОР. Он несвежий уже.

Идут в машину, садятся и уезжают.
Ангел поднимается на четвереньки, харкает кровью, встает на ноги.

Сцена одиннадцатая

Визг тормозов. Удар.
Перед лежащим ангелом останавливается машина, выходят слепые: мужчина и женщина с младенцем, завернутым в одеяло.

СЛЕПАЯ. Мне кажется, мы здесь уже проезжали...
СЛЕПОЙ. Не волнуйся, сейчас я отдохну, и дальше поедем.

Пауза.

СЛЕПАЯ. Я удивляюсь, как ты едешь.
СЛЕПОЙ. Чутье. Слепой за рулем — это сам слух и внимание. Ты же не боишься ездить со мной?
СЛЕПАЯ. Наоборот. Я очень спокойна.
СЛЕПОЙ. Тебе тоже нужно сдать на права.
СЛЕПАЯ. Я не смогу.

Пауза.

СЛЕПОЙ. Ты улыбаешься?

СЛЕПАЯ. Да.

СЛЕПОЙ. Ты счастлива?

СЛЕПАЯ. Да.

СЛЕПОЙ. Но голос у тебя не очень веселый.

СЛЕПАЯ. Я боюсь, что наш ребенок родился слепой.

СЛЕПОЙ. А что врачи говорят?

СЛЕПАЯ. Они тоже слепые, не видят.

СЛЕПОЙ. А почему он все время молчит? Может, он мертвый?

СЛЕПАЯ. Нет, он писает, какает, значит, он жив.

СЛЕПОЙ. Быть слепым — не так уж и плохо. Мои бабушка, дедушка, мама и папа, брат и сестра — все слепы, как я. И все живут счастливо. Главное — слышать друг друга и понимать.

СЛЕПАЯ. А тебе снятся сны?

СЛЕПОЙ. Разумеется.

СЛЕПАЯ. А мне сегодня ангел приснился. Будто мы едем с тобой по дороге и ангела видим. Ты обнял его и прозрел. Странно, к чему это?

СЛЕПОЙ (*вглядываясь в темноту*). К перемене погоды.
(Пауза.) Ладно, поедem.

Садятся в машину, переезжают лежащего ангела, едут дальше.

Ангел поднимается на колени, блюет кровью, встает, идет по дороге, пытается оторваться от земли.

Мимо пролетает автомобиль — катится пустая банка из-под кока-колы.

Сцена двенадцатая

Визг тормозов. Удар. Из машины «скорой помощи» выходят низкорослый молодой врач и мощная, грузная медсестра. Быстро подходят к ангелу, смотря.

ВРАЧ (*в истерике*). Я не хотел! Я не хотел! Вы же видели, я тормозил! Тормозил! Откуда он взялся?! Я в последний момент увидел его! Дорога скользкая, просто кошмар! Что делать?! Что делать?! Я его задавил!

МЕДСЕСТРА (*дает пощечину врачу*). Заглохни, скотина! Ты кто, мужик или нет???

ВРАЧ. Я — вирусолог! Я — не хирург! Меня Иванов просил его подменить! Он мне сказал, покатаешься ночь с долбаной жабой, получишь отгул! (*Пауза.*) Зачем я, дурак, согласился?!

МЕДСЕСТРА. Ну сбил, чо теперь... В каждой смене бывает.

ВРАЧ. Я — врач, я убил! Скажите, может, он еще жив? Я не хирург — я вирусолог!

МЕДСЕСТРА. Спокойно ты, не ори... Тоже мне доктор...

ВРАЧ. Что с ним?! Я прошу, посмотрите скорее!

МЕДСЕСТРА (*смотрит*). Перелом основания черепа...

Травма ключицы... И вывих предплечья, и, похоже, закрытая травма груди... Зрачки средних размеров, положение глаз по оси. У него травматический шок... А вообще, терминальная кома... Круто, доктор, ты его зацепил.

ВРАЧ. Надо срочно везти!

МЕДСЕСТРА. Куда? В районной его не спасут.

ВРАЧ. В городскую...

МЕДСЕСТРА. Они без полиса никого не берут.

ВРАЧ. В областную...

МЕДСЕСТРА. До областной бензина не хватит. У нас и так перерасход.

ВРАЧ. А куда мы его повезем?!

МЕДСЕСТРА. Никуда. Здесь оперировать будем.

ВРАЧ. Как — здесь?!

МЕДСЕСТРА. Не ссы, вирусолог. Я сорок лет на «скорой» работаю! Давай тащи инструменты.

Врач быстро уходит. Медсестра разглядывает ангела.

Это не человек...

ВРАЧ (*подходит*). Что вы сказали?

МЕДСЕСТРА. Это — дегенерат. (*Переворачивает ангела на бок.*)

Смотрят на крылья ангела.

ВРАЧ. Первый раз встречаю такое...

МЕДСЕСТРА. Это — свинья.

ВРАЧ. С крыльями???

МЕДСЕСТРА. Хромосомный мутант.

ВРАЧ. Как интересно! Давайте его заберем для науки.

МЕДСЕСТРА. Мы возим только людей...

ВРАЧ. Ну и что?

МЕДСЕСТРА. А если у него вирус птичьего гриппа, ведь он из отряда пернатых!

ВРАЧ (*смотрит на ангела*). Жаль, придется оставить...

МЕДСЕСТРА. Покурит, ничо, до утра... А днем ветеринарка поспеет.

Врач долго смотрит на лежащего ангела.

Чо встал, вирусолог?! Поедем!
ВРАЧ. Слышите?..

МЕДСЕСТРА. Что?

ВРАЧ. Голос какой-то... Хотя нет... Померещилось все.

Садятся в машину, уезжают.

Ангел остается лежать на земле, хочет что-то закричать или сказать, но не может — рот забит кровью.

Сцена тринадцатая

Удар, визг тормозов. Из машины выходят режиссер и композитор. Подходят, смотрят.

РЕЖИССЕР. Черт, откуда он взялся?

КОМПОЗИТОР. Темно...

Смотрят.

Жив?

РЕЖИССЕР. Жив.

Пауза.

Слава богу. (*Показывает на крылья.*) Смотри.

Композитор. Представь себе, ты задавил ангела.

Режиссер. Какой-то больной нацепил крылышки.

Композитор. А может, это кто-то из наших?

Режиссер. Нет, он не похож на артиста.

Композитор. Позвони в «скорую».

Режиссер. Тут не ловит.

Пауза.

Композитор. Может, он в самом деле ангел?

Режиссер. Ты шутишь?

Композитор. А что?

Режиссер. Он — психбольной.

Композитор. А вдруг?

Режиссер. «Вдруг» не бывает.

Композитор. А если он ангел?

Режиссер. Ты это серьезно?

Композитор. Серьезно.

Режиссер. Может, проверим по Станиславскому?

Композитор. Полетит.

Режиссер. Не полетит. Если он ангел, взлетит, как ракета!..

Режиссер и композитор берут ангела за ноги и руки, подбрасывают вверх.

Ангел падает на землю.

Режиссер (*глядя на ангела*). Из дурки сбежал. Это было сразу же видно.

Композитор. У тебя неприятности будут.

РЕЖИССЕР. Да уж, по судам затаскают, некогда вовсе, спектакль на выпуске, финал не придуман... *(Пауза.)*

А вдруг он умрет?

КОМПОЗИТОР. В тюрьме есть театральная самостоятельность.

РЕЖИССЕР. Ты на что намекаешь?

КОМПОЗИТОР. Просто, если тебя посадят, то придется сесть всем артистам, даже Марье Антоновне.

РЕЖИССЕР. Да! Они пойдут за мной, потому что они меня очень любят! А ты?..

КОМПОЗИТОР. При чем здесь я? Я — композитор.

РЕЖИССЕР. Но ты ведь пишешь музыку для моих спектаклей!

КОМПОЗИТОР. Музыка — это другое. Музыка сама по себе.

Пауза.

РЕЖИССЕР. То есть первая крыса бежит с корабля?!

КОМПОЗИТОР. Я не крыса, я — композитор.

РЕЖИССЕР. Я так и знал, что ты предашь меня! Ты не человек, ты — дерьмо! Друг, называется!

КОМПОЗИТОР. Сам — говно! И спектакли твои супер-бубер-жопа-говенные!

РЕЖИССЕР. Что ж ты все эти годы молчал?!

КОМПОЗИТОР. Надо иметь мужество остановиться и сказать себе, что жизнь прошла, и прошла зря, глупо и бездарно!

РЕЖИССЕР. Откуда этот монолог, твою мать??? *(Пауза.)*

Во что человек верит, то и будет. Верит в рай — будет

рай, верит в ад — получит ад, верит в ничто — будет ничто!

Композитор. А как же душа?

Режиссер. Что душа? Где душа? Погляди, пока мы говорили, он уже умер, и души никакой над ним не висит! И вообще, каждый раз, когда ты говоришь об этих вещах, всегда впадаешь в банальность. Жизнь устроена грубо, никаких чудес не бывает!

Композитор достает из кармана флейту, наигрывает мотив.

У меня такое чувство, что меня обманули, — мне продали билет на ужасный, скучный спектакль, и выхода нет... Братцы, что же с нами происходит??? Разве все это жизнь? (*Слушает мелодию.*) Что это?

Композитор. Я пытаюсь найти тему счастья... (*Играет на флейте.*)

Режиссер (*слушает, внезапно осенило*). Ты — гений! Я придумал финал! Едем скорее!

Быстро идут к машине.

Композитор (*глядя на ангела*). Объедешь?

Режиссер. Объеду.

Садятся в машину, уезжают. Ангел с трудом поднимается, зажимает бок рукой, бредет по сплошной разделительной полосе, глядя только вперед.

Сцена четырнадцатая

Визг тормозов. Удар.

Из старого автомобиля вылезают старик и старуха, быстро идут назад, вглядываются в темноту.

СТАРИК. Где?!

СТАРУХА. Там где-то...

Подходят, видят лежащего на дороге ангела.

СТАРИК. Едрит твою...

СТАРУХА. Дурак! Ты убил человека!

СТАРИК. Я думал, это бревно... Может, он еще жив?

СТАРУХА. Будь ты проклят, старый козел! Таких, как ты, расстреливать надо! Шел себе человек, а ты его задавил, как собаку!..

СТАРИК. Что ты городишь?..

СТАРУХА. А что, разве не так?! Ты — убийца! Гляди, он мертв! Гляди, что ты наделал!

Смотрят.

Такой грех на душу... Куда шарами глядел, ты, убийца?!

СТАРИК. Мой грех, а не твой...

СТАРУХА. Щас, разбежался: 50 лет в браке, теперь грехи общие!

СТАРИК. Помолчи, баба дурная...

СТАРУХА. Убийца. Убийца. Убийца.

Смотрят.

СТАРИК. Погоди... Кто это???

Пауза.

СТАРУХА. Ангел...

СТАРИК. А?

СТАРУХА. Ангел!

СТАРИК. Какой???

СТАРУХА (*радостно*). Я тебе говорила, ангелы существуют. А ты мне не верил!

СТАРИК. Надо же, крылья...

СТАРУХА. Я с детства мечтала увидеть ангела... Мне мама еще говорила: увидишь ангела — вечное счастье будет... Вот всю жизнь прожила, все думала, что это за вечное счастье, и вот в старости вижу... Ангел... Гляди, как нам повезло! Ангел! Сам ангел явился...

Смотрят.

СТАРИК. Жалко, что он уже мертвый... Он мог бы многое нам рассказать.

СТАРУХА. Не беспокойся, ты все равно никогда не досмотришь свой сериал до конца... На том свете нет телевизоров.

Смотрят.

СТАРИК. Жив?..

СТАРУХА. Жив?!

СТАРИК. Погляди.

СТАРУХА. Что? Где? Как? Жив?! Он жив! Глаза открыл...
 Что за глаза! Я вижу, вот оно, счастье... Боже ты мой...
 Ангел жив! Нам второй раз повезло! Скорей же беги
 за аптечкой!

Старик убегает к машине.

Ангел что-то беззвучно шепчет старухе.

СТАРУХА (*непонимает*). Что??? Что?! «Вечное» — что?..
 Я не расслышу... Скажи громче... Я слышала — «веч-
 ное», а дальше чего? «Вечное», ну? Что ты хотел
 мне сказать? Повтори еще раз... Я прошу еще раз,
 еще раз... Я услышу.

Возвращается старик с дорожной аптечкой.

СТАРИК. Надо кровь тут прижать... (*Прикладывает к
 голове ангела комок ваты, льет йод на рану.*)

СТАРУХА. Не лей много! Больно ему! Ты не видишь?

СТАРИК. Быстрее в больницу!

Старик и старуха берут ангела за руки-ноги, но поднять
 не в состоянии.

СТАРУХА. Он для нас слишком тяжел...

СТАРИК. Давай завернем его в плед и дотащим до ма-
 шины!

СТАРУХА. Чо встал? Живей!

Старик убегает к машине, открывает багажник, быстро ищет плед.

СТАРУХА (*ангелу*). Не умирай... Потерпи... Что? Я не слышу тебя... Щас мы поможем... В больничку тебя отвезем... Потерпи, все направится... Будешь снова летать и летать... А про вечное после расскажешь... (*Кричит старику*.) Где ты там?! Скорей! Он умрет скоро!

СТАРИК (*кричит*). Ты плед дома забыла!

СТАРУХА (*кричит*). Ищи! Полосатый, махровый!

СТАРИК. Его нет!

СТАРУХА. Там, под сиденьем!

СТАРИК. Нет!

СТАРУХА. Да что же это такое! (*Ангелу*.) Щас... Мы щас, потерпи... (*Убегает к машине*.)

Старик и старуха ищут плед в багажнике и в салоне автомобиля.

СТАРИК. Ты забыла его!

СТАРУХА. Нет!

СТАРИК. Забыла, тебе говорю!

СТАРУХА. Не ври, у меня память хорошая! (*Ищет, вдруг замирает*.) погоди, что мы ищем???

СТАРИК. Как что?! (*Пауза*.) Забыла уже???

СТАРУХА. Забыла. (*С надеждой*.) А ты?

Пауза.

СТАРИК. Я — тоже...

Пауза. Растерянно смотрят друг на друга.

Может, эти... как их... очки?..

СТАРУХА. Очки? Очки... Очки... Очки! Точно!..

Старик достает из-под сиденья очки, передает старухе.

СТАРУХА. Ну вот, теперь нашлись, слава богу...

СТАРИК. Ну что, едем дальше?

СТАРУХА (*подходит к машине, открывает дверь*). Садимся давай.

СТАРИК. Поедем... (*Пауза.*) А куда мы поедем?

СТАРУХА. Как — куда? Туда, куда ехали только что.

СТАРИК. А куда мы ехали?

СТАРУХА. Забыл?

СТАРИК. Забыл.

СТАРУХА. Туда. Все прямо и прямо, прямо и прямо...

Всматриваются в темную даль.

СТАРИК. А что там?

СТАРУХА. Не помню...

СТАРИК. Я вспомнил! Как же я мог забыть! Мы едем на нашу свадьбу.

СТАРУХА. На нашу свадьбу?! Наша свадьба была 50 лет назад! Извини, я это помню отлично.

СТАРИК. 50 лет?! Мы живем вместе уже 50 лет?!

СТАРУХА. А что тебя огорчает?

СТАРИК. 50 лет?! И все эти годы мы были счастливы?

СТАРУХА. Наверно...

Всматриваются в темноту.

Может, мы едем к Марье Петровне?
СТАРИК (с *радостью*). Ну, да! Ну, конечно!

Пауза.

СТАРУХА. Но она сорок дней как скончалась...

СТАРИК. Ты думаешь?

СТАРУХА. Я уверена. И потом, она жила в городе, а
здесь...

Всматриваются в темноту.

СТАРИК. Снег, снег, снег... А когда будет дождь?..

СТАРУХА. У тебя рябенья в глазах. Жуй таблетки, и
вспомнишь. Мы говорили что-то о...

СТАРИК. Я вспомнил! Как же я мог забыть?! (*Пауза.*)
Дорогая, мы едем на кладбище!

Пауза.

СТАРУХА. Зачем???

СТАРИК. На могилу к Петру Николаичу!

Пауза.

СТАРУХА. Ночью???

Пауза.

СТАРИК. Похоже, мы совсем заблудились. Поедем скорее!

Открывают двери машины.

СТАРУХА. Стой.

СТАРИК. Ты чего?

СТАРУХА (*пауза*). Я, кажется, что-то забыла... Самое важное...

СТАРИК. Поедем, потом вспомнишь.

Садятся в машину, уезжают. Ангел остается лежать на дороге. Мимо пролетает автомобиль — долго кружится обертка от шоколада.

Сцена пятнадцатая

Останавливается раритетный автомобиль 50-х годов.

Из машины выходит Дьявол и Бог.

Подходят к ангелу, смотрят.

ДЬЯВОЛ. Полагаю, на этом мы кончим нашу комедию? (*Смотрит на ангела.*) Лично мне было забавно. Что касается вас, вы опять проиграли... Никто не спас вашего ангела. Я был прав! (*Пауза.*) Люди, люди... Люди — это пустая затея. Хотя... Две тысячи лет назад на этой дороге вообще никто из них не остановился... (*Пауза.*) А скажите, как люди милы, наивны! Едут куда-то, спешат... А там, вон за тем поворотом дороги, их всех ожидает сюрприз. (*Глядя в темноту.*)

Они и не знают, что там — пропасть, обрыв. Если падаешь вниз, то падаешь навсегда и без остановок! Давайте спустимся вниз и как следует разглядим эти падшие души... *(Пауза.)* А ангела что, вы с собой не берете???

БОГ. Он останется здесь.

ДЬЯВОЛ. Здесь??? Но зачем?... *(Пауза.)* Ждать Судного дня? А по мне — все и так очевидно... Давайте с людьми разом покончим?

БОГ. Нет.

ДЬЯВОЛ. Я не вижу здравого смысла...

БОГ. Мы продолжим. Ступайте на место.

Пауза.

ДЬЯВОЛ. Вы до сих пор уверены, что среди них найдется хоть один Человек???

Сцена шестнадцатая

Рассвет. Ангел лежит на дороге.

Приближается очередной автомобиль.

Занавес

Шпильки

Пьеса в одном действии

Сцена первая

Кабинет директора самой средней школы.

Директор — беспокойный мужчина за шестьдесят, он ходит из угла в угол, активно размахивает руками, быстро говорит. В школе у него прозвище Муму.

Напротив директора на стульях сидят два человека: мужчина и женщина. Они совершенно не похожи друг на друга: один — почти брюнет, другой — почти блондин, но тем не менее есть в них что-то неуловимо общее.

ДИРЕКТОР. А где матери?!! Матери ваши?!! Матери где?!! Я же сказал, позвать матерей!!!

БРЮНЕТ. Моя жена не может...

БЛОНДИН. Моя тоже...

ДИРЕКТОР. Я поражен! Я поражен!!! Это касается ваших детей!!!

БРЮНЕТ. Не плюйтесь слюной. Я вам не школьник.

БЛОНДИН. Если мой чего натворил — так и скажите.

БРЮНЕТ. И мой... То есть моя...

ДИРЕКТОР. Наша школа не прошла в финал зонального конкурса «Звонкое перышко»! И все по вине только двух человек! Ваших детей!!! Они орут на уроках, плюются и даже поделки из глины не делают!!! (*Брюнету.*) Ваша Люба писать не умеет! (*Блондину.*) А ваш Коля... тот вообще... с трудом говорит! (*Брюнету.*) Вашей дочке вlepили три кола! (*Блондину.*) А ваш... Не могу говорить!!! (*Выкатывает глаза, хватается за живот и мгновенно оседает на стул.*)

БРЮНЕТ. Что с вами?

ДИРЕКТОР (*открывает трясущимися руками пузырек с таблетками*). Геморроидальные колики... (*Высыпает на ладонь горсть таблеток, кидает в рот, жует, постепенно приходит в себя, переводит дух, собирается с мыслями. Пауза.*) А готовят они как? В смысле — жарят там, парят и все такое?

БЛОНДИН. Кто, дети?

ДИРЕКТОР. Да нет, жены ваши.

БРЮНЕТ. Моя — ничего.

БЛОНДИН. Моя тоже — нормально.

ДИРЕКТОР. А моя — совсем ни хрена.

Молчание.

БРЮНЕТ. Моя тоже первый год совсем не готовила, а потом стала варить.

ДИРЕКТОР (*заинтересованно*). А что такое случилось?

БРЮНЕТ. А фиг ее знает, видно, есть захотела.

ДИРЕКТОР. Это вам повезло. А моя — всю жизнь всухомятку. И меня приучила. У меня безобразный кишечник, а у жены все в порядке. Ходит кобыла, кровь с молоком.

БЛОНДИН. А может, она у вас втихаря в столовую ходит?

ДИРЕКТОР. Да?

БРЮНЕТ. Я уверен.

БЛОНДИН. Проверьте.

ДИРЕКТОР. А характерец как?

БРЮНЕТ. У моей? Так себе. А у вашей?

ДИРЕКТОР. Тоже крысинда полная. (*Блондину.*) А у вас?

Вы с женой часто ругаетесь?

БЛОНДИН. Каждый день.

БРЮНЕТ. А с какой интенсивностью?

БЛОНДИН. Спорадически.

Пауза.

БРЮНЕТ. А за коммунальные услуги вы сами ходите платить или жена?

БЛОНДИН. Я сам.

ДИРЕКТОР. Я тоже.

БРЮНЕТ. Я тоже.

Пауза.

ДИРЕКТОР. А вам жена белье нижнее гладит?

БРЮНЕТ. Что вы, зачем?

БЛОНДИН. Мне — только постельное.

БРЮНЕТ. А рубашку, штаны?

БЛОНДИН. Ни-ког-да.

ДИРЕКТОР. А меня даже в гроб в мятом костюме положит.

БЛОНДИН. Она так сказала?

БРЮНЕТ. Ладно, хоть честно призналась...

БЛОНДИН. А носки?

ДИРЕКТОР (*тревожно*). Что «носки»?

БЛОНДИН. Вам стирает?

ДИРЕКТОР. Ни одного носка за всю жизнь. Даже чистые не стирала.

Пауза.

БРЮНЕТ. А вас ваша пилит?

БЛОНДИН. Еще бы.

БРЮНЕТ. Утром — вдоль, вечером — поперек?

ДИРЕКТОР. А ночью — в разрез и мелко вот этак, продольно, кружками, кружками, кружками!

БЛОНДИН. А потом — бздынь, и вдруг у нее в мозгах перемкнется.

БРЮНЕТ. Скандал...

БЛОНДИН. О!

ДИРЕКТОР. А потом молчите с ней целыми днями?

БРЮНЕТ. Молчим.

БЛОНДИН. А мы, бывает, и месяц слова не скажем.

ДИРЕКТОР. «Месяц»... Я со своей три года не говорил.

А потом сам виноват — поболтать захотелось.

Пауза.

БРЮНЕТ. А деретесь?

ДИРЕКТОР. Бывает.

БЛОНДИН. И мы.

БРЮНЕТ. И мы.

Пауза.

Волосы рвет?

БЛОНДИН. Моя — только себе.

ДИРЕКТОР. Моя — только мне.

БРЮНЕТ. А моя — и себе, и мне, и ребенку.

Пауза.

БЛОНДИН. А кто у вас первый начинает?

ДИРЕКТОР. Она.

БРЮНЕТ. Она.

ДИРЕКТОР (*в замешательстве*). Надо же, как все похоже... А обзывает?

БЛОНДИН. Конечно. Придурком.

БРЮНЕТ. А меня — чаще говном...

ДИРЕКТОР. А меня называет — «засерыш плеши-
вый».

БРЮНЕТ. Зато ваша утюгом в вас не бросалась. Глядите! (*Закатывает итанину, показывает на лодыжке кровоподтек.*)

ДИРЕКТОР. Ха! «Утюгом». (*Быстро расстегивает рубашку, закатывает майку, показывает шрам на груди.*) Гладильной доской не хотите?!

БЛОНДИН. В меня как раз бросала доской.

БРЮНЕТ. А ножницами?

БЛОНДИН. Всем, что есть острое в доме.

ДИРЕКТОР. Но зеркалом не бросала?

БЛОНДИН. Бросала.

БРЮНЕТ. Круглым???

ДИРЕКТОР. В прихожей???

БЛОНДИН. Маленьким круглым, а после — большим и квадратным.

ДИРЕКТОР. Даже смешно, как все похоже...

БЛОНДИН. Истероза.

ДИРЕКТОР. Я бы сказал — психбольная.

БРЮНЕТ. Таких, как моя, — поискать.

БЛОНДИН. Истеричней моей — не бывает.

ДИРЕКТОР. Да бросьте! Видите под глазом синяк? Каблуком меня стукнула.

Брюнет и Блондин смотрят на левый глаз Директора.

БЛОНДИН. Целилась в оба...

БРЮНЕТ. А попала в один...

ДИРЕКТОР. Она и когтями царапается...

БЛОНДИН. А моя и по полу катается.

БРЮНЕТ. А моя — царапается, катается и орет... А-а-аааа!!!

Молчание.

БЛОНДИН. А к врачу ее не водили?

ДИРЕКТОР. Водил, еще как.

БРЮНЕТ. И чего?

ДИРЕКТОР. Ей — ничего, а меня, скажу по секрету, слегка залечили... Во сне губы трясутся... (*Показывает, как у него трясутся губы во сне.*) Му-м. Му-м-м. У меня первый этаж... Ночью вся улица слышит...

БРЮНЕТ. У меня тоже...

БЛОНДИН. Соседи... Соседи... Стыдно-то как...

ДИРЕКТОР. Говорила мне мама — не женись никогда.

БРЮНЕТ. Как?! Ваша мама так говорила?!

ДИРЕКТОР. А что, разве она не права?..

БРЮНЕТ. Моя мама мне с детства эти слова повторяла.

БЛОНДИН. И моя...

Директор встает из-за стола, пожимает руки Блондину и Брюнету так, будто знакомится с ними первый раз.

ДИРЕКТОР. Герасим!

БРЮНЕТ. Тарас!

БЛОНДИН. Родион!

Жмут друг другу руки, улыбаются. Неловкая пауза.

ДИРЕКТОР (*оживленно*). Да не выпить ли нам?! (*Достает из шкафчика бутылку водки.*) Вот, у ваших детей вчера отобрал... (*Выкладывает пачку печенья «Школьное», затем чайные кружки, разливает.*)

Выпивают.

БРЮНЕТ. Сколько ты в браке?

ДИРЕКТОР. Тридцать семь лет.

БРЮНЕТ. А у меня в пятницу будет тринадцать.

БЛОНДИН. А я только год.

ДИРЕКТОР. Ну, слава богу... Значит, дурак из третьего класса не твой?

БЛОНДИН. Мой.

ДИРЕКТОР. Странно... Как же так получилось?

БЛОНДИН. Я сам удивляюсь...

БРЮНЕТ. Один черт этих баб разберет...

Выпивают.

Тебе твоя изменяла?

ДИРЕКТОР. Да так... По молодости, самую кроху.
С чертежником. Да он вроде, скотина, умер уже...
Стыдно сказать, у нас секс был только раз за все эти страшные годы.

БРЮНЕТ. У тебя на жену — ЭТО САМОЕ?

ДИРЕКТОР. Нет, я даже лечился от этого.

БЛОНДИН. Как все похоже...

БРЮНЕТ. Мы помрем, а они будут плясать на наших гробах!

БЛОНДИН. Моя мне сказала, что похоронит меня в картонной коробке.

ДИРЕКТОР. Из-под телевизора???

БЛОНДИН. Точно.

БРЮНЕТ. Как все похоже.

Пауза. Выпивают.

ДИРЕКТОР. Мы им нужны из-за денег.

БРЮНЕТ. Моя сама зарабатывает.

БЛОНДИН. Моя тоже.

ДИРЕКТОР. А чо не разводитесь?

БРЮНЕТ. Мы это делаем всю свою жизнь.

БЛОНДИН. Разводятся только звезды в газетах.

ДИРЕКТОР. Да, а такие люди, как мы, мягкие, умные, добрые, честные, — страдают и будут страдать.

БРЮНЕТ. Как точно ты говоришь.

Пауза.

ДИРЕКТОР. Но есть же у нас какой-то другой вариант?

БЛОНДИН. Есть.

БРЮНЕТ. Убить?

БЛОНДИН. А вы никогда об этом не думали?

ДИРЕКТОР. Милый мой, я жену каждую ночь убиваю, а в браке мы с ней 37 лет...

БРЮНЕТ. Простите, а как же она...

ДИРЕКТОР. ...Выживает? Я всегда душу ее подушкой.

Она хрипит, трепыхается... Но когда остается секунда, как она крикнет, — я просыпаюсь.

БЛОНДИН. Ну-у... Так это во сне...

БРЮНЕТ. Во сне не считается...

БЛОНДИН. А если это сделать реально?

ДИРЕКТОР. Мы — мягкие люди... У нас не получится.

БРЮНЕТ. У одного не получится...

БЛОНДИН. Если втроем?

Пауза.

ДИРЕКТОР. Хорошая мысль.

БЛОНДИН. Надо действовать вместе. Вы убьете мою...

ДИРЕКТОР. А мы — вашу.

БРЮНЕТ. Согласен, проще это сделать с чужой.

БЛОНДИН. Убьем всех по кругу.

БРЮНЕТ. Конечно...

ДИРЕКТОР. Но аккуратно, не больно и без криминала.

БРЮНЕТ. Когда?

ДИРЕКТОР. Да сегодня! У меня вечер свободен.

БЛОНДИН. Давайте прямо сейчас...

Выпивают.

ДИРЕКТОР. Постойте... А с чьей жены мы начнем?

Глядят друг на друга.

БРЮНЕТ. Кинемте жребий.

Сцена вторая

Парикмахерская. Очередь.

Сидят Брюнетка, Блондинка и Жена директора с книгой.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вы по записи?

БРЮНЕТКА. Да.

БЛОНДИНКА. Я тоже.

Пауза.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вы краситься будете?

БЛОНДИНКА. Нет. Стрижку.

БРЮНЕТКА. Я тоже.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А я маникюр.

Пауза.

Ужас как долго...

БРЮНЕТКА. Да, просто кошмар...

БЛОНДИНКА. Я сегодня к ребенку в школу из-за этого не пошла.

БРЮНЕТКА. И я.

БЛОНДИНКА. А вы в какой?

БРЮНЕТКА. В сто тринадцатой.

БЛОНДИНКА. Надо же, мы тоже.

БРЮНЕТКА. А вы в каком классе?

БЛОНДИНКА. В третьем.

БРЮНЕТКА. А мы во втором.

БЛОНДИНКА. Меня директор к себе вызывал...

БРЮНЕТКА. И меня...

БЛОНДИНКА. Я мужа отправила...

БРЮНЕТКА. Я тоже.

Пауза.

БЛОНДИНКА. Там директор такой...

БРЮНЕТКА. Да он просто козел...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Это — мой муж.

БЛОНДИНКА. Что???

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Директор этой школы — мой муж.

БРЮНЕТКА. Да???

БЛОНДИНКА. Извините.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Зачем извиняться? Я лучше других в курсе, что он за человек. (*Пауза.*) А готовят они как? В смысле — жарят там, парят и все такое?

БРЮНЕТКА. Кто, дети?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Да нет, мужья эти ваши.

БЛОНДИНКА. Мой — ничего. Вкусно бывает.

БРЮНЕТКА. Мой — тоже. Нормально.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А мой — совсем ни хрена.

Молчание.

БРЮНЕТКА. Мой тоже первый год совсем не готовил, а потом стал варить.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*заинтересованно*). А что такое случилось?

БРЮНЕТКА. А фиг его знает, видно, жрать захотелось.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Это вам повезло. А мой — всю жизнь всухомятку. И меня, свинья, приучил. (*Ест таблетки.*) У жены безобразный кишечник, а ему — хоть бы хны. Ходит кабан, кровь с молоком.

БЛОНДИНКА. А может, он у вас втихаря в столовую ходит?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Да?

БРЮНЕТКА. Сто процентов.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Проверю. (*Записывает что-то в блокнот.*)

БЛОНДИНКА. А характерец как?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Зануда. Нудит и нудит.

БРЮНЕТКА. А ваш?

Блондинка. Одно безобразие.

Жена директора. Что, выпивает?

Блондинка. Лучше бы пил. Вон у подружки муж пьет — одно загляденье. Ходит по дому добрый такой, чем больше пьет — тем сильнее улыбается... А мой вечно ходит с рожей такой... *(Изображает лицо неприятного человека.)*

Пауза.

Брюнетка. А посуду вы сами моете или он?

Жена директора. Тарелки — он. Кружки — сама.

У него пальцы толстые — в кружки не входят.

Блондинка. А мой — распустился, раньше мыл постоянно, а теперь только ночью.

Брюнетка. Мой тоже.

Жена директора. А как промывает?

Блондинка. Никак. Посуда еще грязнее становится.

Блондинка. Это специально.

Жена директора. Гаденыши...

Пауза.

Блондинка. А вам пальто подает, когда вы одеваетесь?

Брюнетка. Что вы, зачем?

Блондинка. Мне — только плащ. Да и то — швырнет как попало. А бывает, и воротник оторвет.

Жена директора. Говорит: «Потеплей, дорогая, оденься»?

Брюнетка. Смеетесь???

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Меня даже в гроб в драной ночнушке положит.

БЛОНДИНКА. Он так сказал?

БРЮНЕТКА. Ладно, хоть честно признался...

БЛОНДИНКА. А трусы?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Что — «трусы»?

БЛОНДИНКА. Себе стирает?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Ни одного трусаля за всю жизнь! Так и ходит с тех пор, как мамочка померла, в грязных, засранец...

Пауза.

БЛОНДИНКА. А ваш... он — кровосос?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Таких кровососов найти еще надо. Он зубами, собака, скрипит.

БРЮНЕТКА. Кр-кр-кр?

БЛОНДИНКА. Хрз-хрз-хрз.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Г-ч-з-з-ст-ч-чр.

БРЮНЕТКА. И ходит пытит из угла в угол.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Как бешеный суслик... Из уборной на кухню туда и сюда.

БЛОНДИНКА. И шарами так — зырк, зырк, зырк?

БРЮНЕТКА. И смотрит недобро...

БЛОНДИНКА. Как все похоже...

БРЮНЕТКА. И копит весь вечер дерьмо?..

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Это он любит копить.

БРЮНЕТКА. Дерьма-то в них море...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А потом — бздынь, в мозгу чего-то там перемкнет, рот свой откроет, и как понесло...

Молчание.

БРЮНЕТКА. Что ж вы в дурдом не сдадите такого???

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Пыталась. Сбегает.

БЛОНДИНКА. И молчите, как мы, целыми днями?

БРЮНЕТКА. А о чем с дураком говорить???

Пауза.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А волосы рвете?

БРЮНЕТКА. Рву. Чаше бы надо, да он не дается...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А я своему давно вырвала все. Теперь даже жалеть начинаю. По старой привычке хватаю, а пальцы скользят по голой башке.

БЛОНДИНКА. Так вы ногтями крепче хватайтесь.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Хватаюсь.

Пауза.

БЛОНДИНКА. А он вас таскает?

БРЮНЕТКА. За волосы? Пусть тока попробует!

БЛОНДИНКА. А ваш?

БРЮНЕТКА. Он трус!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*открывая книгу на закладке*). «Взаимная драка имеет консолидирующее значение. Семья без драки — не семья. Драка в семье — это посредник между гражданином и государством!» Вон у вашей подруги муж пьет. Они вместе подерутся, вместе поплачут, вместе обнимутся, и снова у них все хорошо.

Блондинка. Они всегда вместе. А мы существуем.

Брюнетка. Не мужики, а бабье.

Блондинка. Мамулино воспитанье...

Жена директора. Это уж точно, свекровь была у меня как квашня!

Блондинка. А моя — как куча гороха, помню, придет — вся рассыпается...

Брюнетка. Мамочка в ящик сыграла, а я плюхаюсь с «милым сынком»...

Пауза.

Жена директора. Значит, он вас достает?

Брюнетка. Доставать он умеет! Прямо доводит до слез!

Блондинка. А утюгом в него не бросали?

Жена директора. Ха! Утюгом! Даже гладильной доской!

Брюнетка. А ножницами?

Жена директора. И ножницами.

Брюнетка. А кофемолкой?

Жена директора. И кофемолкой. И зеркалом из прихожей.

Блондинка. И что, ничего не помогает?

Жена директора. Нет, он еще стал дурней.

Блондинка. Поразительно, как все похоже...

Брюнетка достает из сумочки фляжку с коньяком, дает выпить Жене директора и Блондинке.

БРЮНЕТКА (*Жене директора*). А к психологу он вас не водил?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Водил.

БЛОНДИНКА. И чего?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Мне — ничего, а его, скажу по секрету, слегка залечили... Во сне губы трясутся... (*Показывает, как у мужа трясутся губы во сне.*)

БРЮНЕТКА. Говорила мне мама моя: «Не выходи за него, это плохо закончится».

БЛОНДИНКА. Как?! В самом деле? Ваша мама так говорила?!

БРЮНЕТКА. Да, а чего?..

БЛОНДИНКА. Моя мама слово в слово это сказала.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. И моя...

Пауза.

БРЮНЕТКА. А ваш муж не болеет?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. И не надейтесь. Здоровье у него — чем старше, тем крепче. Он как горный хребет — никогда не умрет.

БЛОНДИНКА. Ваш — тоже жмот?

БРЮНЕТКА. Жмотей моего не бывает.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Мы им нужны из-за денег.

БЛОНДИНКА. Да, чтобы было кому деньги не отдавать.

Пауза.

БРЮНЕТКА (*Жене директора*). А чо не разводиться?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А он хоть бы раз отказался... Поживем день-другой, и опять начинается... А вы почему не разводитесь?

БРЮНЕТКА. Разведемся, а дальше чего? Он, паразит, к другой женщине сразу же присосется и будет пить кровь из нее.

БЛОНДИНКА. Согласна, это нечестно.

БРЮНЕТКА. Пусть уж пьет кровушку из меня, я привыкла.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Это уж точно.

БЛОНДИНКА. Такие, как мы, — страдают и будут страдать...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Дурной муж — это крест. Тащить надо, пока не издохнешь. (*Пауза.*) Кстати, простите, ваш муж не пердит?

БЛОНДИНКА. Как же не пердит?..

БРЮНЕТКА. Мне кажется, все пердят. Особенно — наши.

Выпивают.

БРЮНЕТКА. С такими мужьями не разводиться надо, а убивать их.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Да, убивать.

БЛОНДИНКА. Конечно.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А дети?

БЛОНДИНКА. Что «дети»? Такие отцы никому не нужны.

БРЮНЕТКА. Согласна.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Все верно.

Брюнетка достает из сумочки фляжку с коньяком, дает выпить Жене директора и Блондинке.

Блондинка. Сегодня убьем?

Брюнетка. Давайте сегодня, после восьми.

Блондинка. А чем?

Брюнетка. У меня отец был охотник. У него осталось ружье.

Жена директора. Вы стрелять умеете?

Брюнетка. В тире стреляла.

Блондинка. И как, в цель попадали?

Брюнетка. Да, в зайцев и птичек картонных.

Жена директора. А в мужа попадете?

Брюнетка. Не знаю... Я когда его вижу, у меня от злости руки дрожат.

Жена директора. А я не смогу. Как-никак сто лет в одной кровати лежали.

Блондинка. И я своего не смогу. А чужого — пожалуйста.

Брюнетка. Слушайте, точно! Вы убьете моего, а мы — вашего!

Жена директора. Вставайте, пойдемте скорей.

Блондинка. Подождите, а как же прическа?

Сцена третья

Квартира. Дверь осторожно открывается, входит Директор, за ним Блондин и Брюнет. В руках у Блондина петля, сделанная из шнура, Брюнет держит палку, пробитую насквозь большим гвоздем.

ДИРЕКТОР (*громко зовет*). Мариша! Мариша, ты где?..

Все трое стоят в прихожей, прислушиваются.

Еще не пришла... (*Блондину и Брюнету.*) Что ж вы встали в дверях? Проходите...

Входят. Оглядывают гостиную.

БРЮНЕТ. Обувь снимать?

ДИРЕКТОР. А-а-а, как хотите.

БЛОНДИН. Мне обувь лучше не снимать, у меня ноги еще грязнее.

Садятся на диван. На окне горшки с землей.

БРЮНЕТ. Я гляжу, вы уже землю приготовили?

ДИРЕКТОР. Да нет, это у жены рассада... Странно.

БРЮНЕТ. Что «странно»?

ДИРЕКТОР. Это на нее не похоже... (*Смотрит на часы.*)

Обычно уже дома торчит...

БЛОНДИН. Забежала, может, куда-нибудь.

Пауза.

БРЮНЕТ. Не передумали?

ДИРЕКТОР. Я? Да что вы! Нет-нет... Я хочу, чтобы вы убили ее поскорее. (*Пауза.*) А вы сами-то как?

БЛОНДИН. Жаль, что вашей жены сразу не оказалось...

БРЮНЕТ. Немного настроенье упало. А где бензопила?
ДИРЕКТОР (*достает из кладовой бензопилу, с гордостью показывает*). Вот. Для дачи купил.
БРЮНЕТ. А где у вас дача?
ДИРЕКТОР. В Нижних Сувалках.
БРЮНЕТ. А у нас в Верхних!
БРЮНЕТ. Соседи, значит? Отлично! Рядом с вами глубокое озеро.
ДИРЕКТОР. Да, но подлещ не клюет. (*С воодушевлением.*) Слушайте... я рыбачу на речке перед плотиной!
БРЮНЕТ (*с еще большим воодушевлением*). На спиннинг???
ДИРЕКТОР. На удочку.
БРЮНЕТ. Прикармливать надо?
ДИРЕКТОР. С утра.
БРЮНЕТ. С берега?
ДИРЕКТОР. С лодки.
БРЮНЕТ. А донку кидали?
ДИРЕКТОР. Только мелочь идет.
БРЮНЕТ. А мормыш?
ДИРЕКТОР. Что «мормыш»?
БРЮНЕТ. Не глотает?
ДИРЕКТОР. Только мотыль в середине течения.
БРЮНЕТ. А красноперка?
ДИРЕКТОР. В майских протоках.
БЛОНДИН. Крупная?
ДИРЕКТОР. Как повезет.
БЛОНДИН. Я про жену вашу.

Пауза.

ДИРЕКТОР. Жена, я бы сказал, средних размеров. Чуть повыше меня. Вот посюда. А бюст — очень тяжелый.

БЛОНДИН. Я ее оглушу, чтоб не орала, на пол повалим... Тяжелая, нет, сколько в ней килограммов?

ДИРЕКТОР. Она год назад была на диете... Кажется, девяносто или что-то возле того. Последний год много сладкого ела, значит, теперь где-то под центнер.

БРЮНЕТ. Провод на шею накинem и будем сильно тянуть с разных концов.

БЛОНДИН (*глядя на цепь пилы*). На гарантии... Не тупая?

ДИРЕКТОР. Кости в три счета распилит.

БРЮНЕТ. Да и мясо возьмет...

БЛОНДИН. Расчлeнять в ванной будем?

ДИРЕКТОР. Конечно.

БРЮНЕТ. Согласен. В ванной удобно.

ДИРЕКТОР (*лезет в шкаф*). Вот мешки и три сумки.

БЛОНДИН. Надо куски помельче пилить, чтобы компактней. Голову — вот сюда, а тело и ноги в мешки.

БРЮНЕТ (*смотрит мешки на свет*). Протекать кровь не будет?

БЛОНДИН. Не будет.

ДИРЕКТОР. Потом едем к вам и точно так же «на бис» повторяем.

БЛОНДИН. Шесть ног, три головы...

БРЮНЕТ. И куда потом мы с этим богатством?

ДИРЕКТОР. В рюкзаки — и на дачу ко мне. Баньку растопим.

Блондин. Веники есть?

Директор. Да. И топка очень большая. Попаримся, а заодно и сожжем. Электричка в двенадцать, поспеем.

Блондин. А если шею не передавим?

Директор. Вот вам еще молоток. (*Достает молоток, показывает.*)

Брюнет. За дверь положите. (*Показывает.*)

Прячут молоток за дверь. Убирают обратно в кладовую бензопилу. Смотрят на часы.

Директор. Я надеюсь, в последний момент вы не проявите малодушие? Это не тот случай, когда нужно играть в милосердие...

Блондин. Да с чего?

Директор. Собаку убить трудно, а здесь — женщину-человека...

Брюнет. Ваша жена — не человек...

Пауза.

Директор. А кто она, по-вашему?

Брюнет. Тварь — вот кто она.

Директор. Тварь???

Брюнет. Да, и сучка последняя...

Директор бьет Брюнета по лицу.

Ты чо, ненормальный???

ДИРЕКТОР. Не смей мою жену оскорблять!

Сцепились, драка. Звонок. Все трое замирают. Звонок повторяется.

Это она...

Все трое прячутся в шкаф.

Дверной звонок смолкает, в замочной скважине поворачивается ключ, дверь открывается. Входит Жена директора.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Гоша! Гошуля, где ты?! (*Входит, смотрит.*)

За ней следом в дверях появляется Блондинка с ружьем и Брюнетка с большим ломом. Останавливаются в прихожей.

БЛОНДИНКА. Где он?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Еще нету. Да проходите... Что ж вы встали в дверях?

Входят. Оглядывают квартиру.

БРЮНЕТКА. Туфли снимать?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Не надо. Я после поминок вымою.

БЛОНДИНКА. У меня тоже окна на южную сторону...

Садятся на диван.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Ну, как настроение?

БРЮНЕТКА. Хорошо. Только жаль, что его нет...

БЛОНДИНКА. Так бы сразу прикончили.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Осторожно... Дайте сюда... (*Берет ружье из рук Блондинки.*) Тут есть кнопка такая... Нажмете — и все.

БЛОНДИНКА. Я первый раз сегодня стреляла... Оно всегда так бабахает?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Наверно.

БРЮНЕТКА. Потренироваться еще бы...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Зачем? У нее и так хорошо получается.

БЛОНДИНКА. В парке было тесновато...

БРЮНЕТКА. Да нет, хорошо, вот только болонку вы зря подстрелили.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Убьем моего и пойдем к вашему.

БЛОНДИНКА. Может, лучше сразу ко мне? Мой сегодня раньше придет.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*достает монетку, Блондинке*).
Ваш — орел или решка?

БЛОНДИНКА. Мой на орла не потянет.

БРЮНЕТКА. Мой — тоже.

БЛОНДИНКА. Почему на наших монетах козлов не печатают?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*Блондинке*). Ну ладно, допустим, он все же орел... (*Монета падает на «орла», Блондинке*). К вам. Поздравляю.

Молчание. Женщины сидят, прислушиваются.

Брюнетка. Я на нервной почве есть захотела.

Жена директора. Убьем и тогда перекусим. Сделаем вашего с вашим и махнем на природу.

Блондинка. Да, это нужно отметить. Мой как раз сегодня зарплату домой принесет.

Брюнетка. Мой тоже. А трупы куда?

Жена директора. В рюкзаки — и на дачу ко мне. Баньку растопим.

Блондинка. Веники есть?

Жена директора. Да. И топка очень большая. Попаримся, а заодно и трупы сожжем. Электричка в двенадцать, успеть надо.

Блондинка. Когда мне стрелять?

Жена директора. Сразу войдет — подойдите поближе. В упор и в затылок. Бах-бах! Я его отвлеку.

Блондинка. А если с первого раза я его не убью?

Жена директора. Голова у него, конечно, чугунная, пули могут отскакивать... Вы стреляйте, пока патроны не кончатся...

Блондинка. А если я промахнусь?

Жена директора (*умоляя*). Вы уж постарайтесь, инвалид мне не нужен... (*Достает из шкафа бензопилу.*) Я ее на дачу купила. Двадцать лет колуном чурки рубила, а теперь поясница.

Брюнетка. Наши мужья ездят на дачу только рыбачить.

Блондинка. У них от безделья зуд рыболовный.

Жена директора (*демонстрируя пилу*). Эта пила — очень полезная. Мне сосед подарил заднюю часть свиньи, так я из нее холодец делала. Пилит

мгновенно, и мякоть не крошит, и кости не рвет.

И главное — кровью не брызжет.

БЛОНДИНКА. Вот и отлично, а то я крови боюсь...

БРЮНЕТКА. А где распиливать будем?

БЛОНДИНКА. На кухне.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Клеенку подстелем. (*Достает из шкафа большие мешки и три сумки.*) Голову — вот сюда, а тело и ноги сложим в мешки...

БРЮНЕТКА. А руки куда?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. «Руки»? Я даже забыла, что у них еще есть и руки...

БЛОНДИНКА. Может, лучше взять чемодан? У меня на колесиках.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. С чемоданом на дачу? Нет, перебор...

БРЮНЕТКА. Главное — чтобы тело вошло, а руки — засунем.

Разглядывают мешки, сумки, складывают их обратно в шкаф, прячут бензопилу.

БЛОНДИНКА. А это что?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Рассада. К сезону готовлюсь. (*С воодушевлением.*) Слушайте... у меня на даче каждое лето — море цветов. Львиный зев, гладиолусы, фиалки...

БРЮНЕТКА (*с еще большим воодушевлением*). Красный мак... Настурция... Ноготки...

БЛОНДИНКА. Я тоже люблю цветы разводить. Особенно многолетние.

БРЮНЕТКА. Нет, они долго растут.

Блондинка. А чем удобряете?

Жена директора. Птичьим пометом.

Брюнетка. А как?

Жена директора. Вертикально. (*Показывает, как она удобряет.*) Одна беда — шелкопряд анютины глазки сжирает.

Брюнетка. Большой?

Жена директора (*показывает размер червяка*). Вот такой, паразит.

Брюнетка. Да нет, я про мужа вашего.

Пауза.

Жена директора. Про мужа... Ну как вам сказать...

Он — высокий, красивый, статный шатен с кудрявыми волосами. Прекрасно сложен. Большие карие глаза, могучие плечи и низкий, бархатный голос. Не человек, а Аполлон. (*Пауза.*) Но спустя годы моя эротическая фантазия надорвалась... (*Пауза, оглядываясь на дверь.*) Не понимаю, и где его носит? (*С раздражением, глядя на часы.*) Вот так он всегда: когда очень нужен, его не дождешься!

Брюнетка. Не передумали?

Жена директора. Я? Нет-нет... Я вас прошу об одном, постарайтесь убить его с первого раза.

Блондинка. Главное, чтоб вы его не жалели.

Жена директора. Кто? Я???

Брюнетка. У вас слезы...

Блондинка. Конечно, они столько лет прожили вместе...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Да нет, это ресница отпала...

БЛОНДИНКА. Как-никак человек...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Человек?.. Да это место пустое!

БЛОНДИНКА. Место не место, а все ж что-то.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вы за него заступаетесь?!

БЛОНДИНКА. Нет...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Как «нет»? А чем вы сейчас занимаетесь?!

БЛОНДИНКА. Чем???

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Может, вы хотите жить с ним?! Пожалуйста, он придет, и берите!

БЛОНДИНКА. Зачем мне нужна ваша плешивая обезьяна???

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Обезьяна??? Плешивая??? (*Пауза.*)

Ты — сама обезьяна! Он — мой муж! Муж! Муж!

БЛОНДИНКА. Нет, она точно больная... Сама убивай, мы пошли...

Брюнетка и Блондинка берут ружье, собираются уходить.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Куда вы???

БРЮНЕТКА. Мужей убивать.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Стойте, я с вами!

Жены уходят. Из шкафа выбираются мужья.

ДИРЕКТОР (*с горечью*). Люди добрые! Что это?!

БЛОНДИН. Не понимаю, какой-то кошмар...

БРЮНЕТ. Моя убить меня хочет...

Блондин. А моя!..

Директор. Меня убить, как свинью???

Брюнет. Моя — просто маньячка!

Блондин. За что они нас так не любят???

Брюнет. Убить человека, тем более самого близкого...

Директор. Откуда в них этот цинизм?!

Блондин. Вот стоит дом на 140 квартир. За каждой дверью — семейство. А что там, за дверьми? Как они там живут — наши соседи? Иногда мы слышим, как ночью орет он, а она бьется о стену. Но утром опять — тишина. Днем они выходят из своей квартиры, и счастливы оба, да так, что и зависть берет, глядя на них. А ночью — опять. И так каждый раз. Но однажды она выходит из дома одна... или он... Возможно, он сам свалился с балкона, пытаюсь поймать воробья, возможно, и она сама умерла, проглотив пассатижи... Кто знает? Никто, кроме РОССТА-Та. А он говорит: «Каждую минуту на земле муж убивает жену, а жена — мужа». А в нашей стране — каждый десятый супруг убивает супруга. Убивают все, но попадаютса чаще мужья. Потому что убивают от чистого сердца, наивно, без плана.

Молчание.

Брюнет. Спокойно, есть план.

Все трое уходят.

Сцена четвертая

Раннее утро.

Предбанник в сауне. На полу валяются мужские и женские вещи. На столе гора пустых бутылок, россыпь окурков. На лавке, завернувшись в грязные простыни и прижавшись друг к другу, сладко спят Брюнет, Блондин и Директор.

На трубе парового отопления висят три повешенных проститутки в купальных костюмах, на почерневших от удушья лицах странно пестреет яркая губная помада.

С лавки падает Директор и просыпается. Какое-то время он лежит неподвижно, пытаясь понять, где он. Просыпаются Брюнет и Блондин, садятся.

БРЮНЕТ. Что за черт?

БЛОНДИН. Где мы?..

ДИРЕКТОР. В сауне...

БЛОНДИН. А как же наш план?

БРЮНЕТ. Ничего я не помню...

Вдруг видят повешенных проституток.

БРЮНЕТ. Что за?..

ДИРЕКТОР. Мы не тех убили...

БЛОНДИН. Надо бежать!

Кое-как оделись. На ногах разные ботинки, рваная одежда. Бегут на выход. Сталкиваются в дверях с пришедшим сутенером. Сутенера сопровождают два бандита — моло-

дые боксеры крепкого телосложения с оружием в руках. Брюнет, Директор и Блондин пятятся назад, садятся на лавку. Сутенер мрачно оглядывает помещение, смотрит на повешенных проституток, закуривает.

ПЕРВЫЙ БАНДИТ. Ну чо, сразу их кончим?

ВТОРОЙ БАНДИТ. Сначала помучим. *(Достает опасную бритву.)*

СУТЕНЕР. Отрежьте им языки. Это у них — самые вредные органы. *(Подходит.)* Откуда, уроды, вы такие беретесь?! А?! Вам — праздник по прайсу, а вы тут Освенцим в бане устроили... *(Пауза.)* Чо за гнилье?!!

ПЕРВЫЙ БАНДИТ. Вы чо, блин, наших девчонок убили?!!

ВТОРОЙ БАНДИТ. Они же классные были!!!

Молчание. Брюнет и Блондин окаменели от ужаса. Директор отчаянно сморкается.

СУТЕНЕР. У вас мозги набекрень, а языки как у шакалов...

ПЕРВЫЙ БАНДИТ. Вы чо, твари, совсем жрать не умеете?!

СУТЕНЕР. Не вздумайте гнать нам парашу, что вы ни при чем, типа, в мясо упились и все забыли! Пришли, захотели радость и чистоту! Мне уборщица баба Настя все про вас рассказала, все, что вы тут ночью творили! Это вы их убили! *(Указывает на повешенных.)* Вы убили! Убили своими рассказами о семейной

жизни... А они послушали вас — и в петлю! Проститутки, как дети, — народ нервный и впечатлительный... Они же все жили мечтой о счастье семейном: побольше бабла, потом хорошего мужа найти где-нибудь в области, а вы эту мечту в них убили...

ПЕРВЫЙ БАНДИТ. Уж на что девки прожженные были, но таких рассказов не вынесли...

СУТЕНЕР (*бандитам.*) Пацаны, кончай их.

Бандиты достают оружие, перезаряжают.

Внезапно Директор сделал страшную гримасу, схватился за живот и повалился с лавки на кафедру.

ПЕРВЫЙ БАНДИТ. Чо это с ним???

БРЮНЕТ. Геморроидальные колики...

СУТЕНЕР. «Недуг императоров»? (*Внимательно вглядывается в лицо директора. Пауза. Лицо светлеет, и появляется детская улыбка узнавания.*) Герасим Ефремыч?! Это же я... Я учился у вас...

ДИРЕКТОР (*приходит в себя, мутно*). Алеша?.. Откуда ты здесь?

СУТЕНЕР. Я?.. Я тут работаю. Как вы живете?

ДИРЕКТОР. Да ничего... Прости, не узнал... Ты очень вырос. (*С гордостью Брюнету и Блондину.*) Это мой ученик...

СУТЕНЕР (*директору*). Как вы вообще?

ДИРЕКТОР. Да так... в общем.

СУТЕНЕР. Я тоже того...

ДИРЕКТОР. Вот и отлично.

СУТЕНЕР. Конечно...

ДИРЕКТОР. Еще бы...

Неловкая пауза.

СУТЕНЕР. А как поживает ваша супруга Мария Петровна?

ДИРЕКТОР. Спасибо, прекрасно.

СУТЕНЕР. Все так же дерется?

ДИРЕКТОР. Теперь уже редко, силы не те.

СУТЕНЕР. Большой ей привет.

ДИРЕКТОР. Передам.

СУТЕНЕР. Если кто вас обидит — сразу ко мне. У меня есть умельцы — мигом убьют и в асфальт закатают.

ДИРЕКТОР (*глядя на повешенных*). Как жаль... Молодые такие...

СУТЕНЕР. Ничего, мы их пристроим.

БРЮНЕТ. Нам можно идти?

СУТЕНЕР. Конечно, идите.

ДИРЕКТОР. Алеша, счастья тебе!

Блондин, Брюнет и Директор уходят.

Сцена пятая

Парикмахерская. Спустя две недели.

Брюнетка, Блондинка и Жена директора сидят, ждут очередь. У Брюнетки перебинтована рука.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Ну, как ваша рука?

БРЮНЕТКА. Заживает.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вы уж простите меня... Я в тот раз не нарочно. Я когда выпью, косить начинаю.

БРЮНЕТКА. Еще бы чуть-чуть, и вы прострелили мне печень.

БЛОНДИНКА. А мужу как про руку соврали?

БРЮНЕТКА. Никак. Две недели прошло, а он до сих пор не заметил.

БЛОНДИНКА. Эгоист...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Они все такие. (*Брюнетке.*) Нашли ружье?

БРЮНЕТКА. Нет, вы же в пруд его бросили с перепугу.

БЛОНДИНКА. А мой тогда домой не пришел.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Мой тоже.

БЛОНДИНКА. Где-то шатался...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Может, они почуяли что?

БРЮНЕТКА. Что они могут почуять, если все чувства у них атрофированы?

БЛОНДИНКА. Лучше их отравить, это как-то надежнее.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Милая моя, да я своего каждый день травлю! Тридцать лет никак не умрет.

БРЮНЕТКА. Чем травите?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Хлором. В чай подсыпаю и прыскаю утром в лицо дихлофос, пока спит.

БЛОНДИНКА. А мышьяк пробовали?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. И мышьяк, и дуст, и цианистый калий...

БРЮНЕТКА. А ртуть не давали?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Ртуть?! Да ты знаешь, сколько я градусников извела?

БРЮНЕТКА. Ничего не берет.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Ничего.

БЛОНДИНКА. Вот ведь собаки...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Мышьяк, цианистый калий, парацетамол — три килограмма... Нитрил, бромацетон, хинуклид...

БРЮНЕТКА. Синильная кислота... Красный фосфор... Соли титана.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вся таблица химических элементов! Даже обогащенный уран он съел! И что? Ничего. Мой козел еще здоровее...

БРЮНЕТКА. Я думаю, это был не уран, — нам продали собачьи какашки.

БЛОНДИНКА. Я поняла... Нужны природные яды.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Где ж их достать?

БЛОНДИНКА. Да в лесу!

Смотрят друг на друга.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Гениально!

Сцена шестая

Лес. Поют соловьи. На опушке у костра сидят Блондинка, Брюнетка и Жена директора.

На костре в большом котелке закипает вода. Рядом три корзины, полные до краев бледными поганками и мухоморами, в рюкзаках пустые стеклянные банки.

Бросают в котел мухоморы.

БРЮНЕТКА. Говорят, сначала сохнет во рту, потом глухота, слепота и остановка сердца. Был, допустим, у кого-то муж и вдруг скovyрнулся за сутки.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Я и не знала, что бледные поганки такие полезные.

Где-то далеко в глубине леса слышен животный крик.

БЛОНДИНКА. Что это?..

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Снежный человек. Тут иногда грибки пропадают.

БРЮНЕТКА. А как вы с ним познакомились?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Я не знаю его.

БРЮНЕТКА. Я про мужа вашего.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Да как познакомились... Отправили обоих по распределению в Тынду. А в Тынде для педагогов жилья не было. Нас поселили в одной комнатенке. Так мы и жили бок о бок семь лет. Потом он баб стал водить, а я, как девушка деликатная, всегда на улицу выходила, неудобно же как-то. А в Тынде морозы, ну я и решила больше не мерзнуть. К тому же возраст подошел у обоих... Ну, взяли паспорта — и в загс по морозу. А в детстве мне мама сказала, что моя вторая половинка живет в Индокитае. А как ее найти, если там народу — как тараканов, и главное — адреса нет, как зовут, зачем, кто такой. И вот стою я в загсе, гляжу на своего будущего мужа и думаю — а вдруг это и в самом деле та моя половина? И рука как у меня, и нога, и нижняя губа, и часть носа... Да и как ни гляди,

а вся половина лица очень похожа! (*Достает соль, сыплет в котел.*)

БЛОНДИНКА (*перемешивает поганки в котле*). Надо следить, чтобы яд не сбежал...

БРЮНЕТКА. Ваш любит грибочки?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Обожает.

БЛОНДИНКА. А мой и соленые любит, и малосоленные...

БРЮНЕТКА. А мой — в маринаде с лучком.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вот и накормим, милых, под водочку. (*Черпает ядовитую жидкость большим черпаком, пробует на вкус.*) Попробуйте... Я всегда пересаливаю.

Брюнетка и Блондинка поочередно пробуют.

БЛОНДИНКА. Достаточно...

БРЮНЕТКА. Еще бы картошечки...

Понравилось, снова пробуют. Вошли во вкус. Увлеченно едят. Пауза. У всех троих выкатываются глаза. Задыхаются, катаются по траве.

Сцена седьмая

Траурный зал крематория. Стоит гроб, в гробу лежит Директор, лицо у него жутко синее. У гроба стоят Блондин и Брюнет, грустно смотрят. Пауза.

БЛОНДИН. Ну, как вы?..

ДИРЕКТОР. Нормально. Только ноги в носках мерзнут...

БРЮНЕТ. Наших жен ничем не пронять, даже поганками. Убить их можно только внезапным испугом.

ДИРЕКТОР. Вы «вдове» уже позвонили?

БЛОНДИН. Да, я представился членом роно: «Ваш муж умер внезапно, сейчас лежит и кремацию срочную ждет».

ДИРЕКТОР. Скоро приедет?

БРЮНЕТ. Она уже здесь. Там, у входа, сидит.

ДИРЕКТОР. Плачет?

БРЮНЕТ. Смеется.

ДИРЕКТОР (*приподнимается из гроба, тянет руки*). Разрыв сердца ей обеспечен!

БЛОНДИН. Вы ее подготовили?

ДИРЕКТОР. Да, три дня показывал ей ваши диски с кошмарами. Трусиха, сил нет. Одним глазом боится, другим — смотрит. (*Приподнимается из гроба, страшно*). «Ляг рядом со мной, дорогая...»

БРЮНЕТ (*критически*). Надо вставить резче. Так неожиданно. И ноги не сгибайтесь в коленях, вы в гробу, а не на пляже. И не надо переигрывать голосом. Вы же покойник — будьте естественны. (*Смотрит на лицо*.) Чем вы намазались?

ДИРЕКТОР. Взял грим в драмкружке...

БЛОНДИН. Перебор. Сейчас вы похожи на лешего. (*Стирает тряпкой грим с лица*.)

Директор скалитесь. Блондин и Брюнет в страхе отшатываются.

Ну, вот, теперь вы готовы.

Пауза. Входит могильщик.

БРЮНЕТ. Позовите вдову...

МОГИЛЬЩИК. Она не хочет.

БЛОНДИН. Как «не хочет»??? С мужем проститься не хочет???

МОГИЛЬЩИК. Очень хочет, но не может.

БРЮНЕТ. А почему???

МОГИЛЬЩИК. Боится.

БЛОНДИН. Чего боится?

МОГИЛЬЩИК. Мертвецов. Говорит — фильмы ужасов насмотрелась. Говорит — а если труп оживет?

БРЮНЕТ. «Оживет»??? (*Смеется.*) Вы же спец по покойникам, объясните женщине, что так не бывает!

МОГИЛЬЩИК. Почему не бывает? Бывает...

БЛОНДИН. Бред какой-то...

БРЮНЕТ. Пойдемте, поговорим, успокоим ее.

Брюнет и Блондин выходят из зала.

Появляется второй могильщик, стоят, глядят на Директора. Директор открыл глаза, подмигнул.

Могильщики быстро и ловко накрывают гроб крышкой.

Один держит, другой — быстро и умело заколачивает гвозди.

ДИРЕКТОР (*стучит изнутри, кричит*). Эй! Эй!

МОГИЛЬЩИК (*второму*). Я ж говорил — он ведьмак!

Сцена восьмая

Вечер. Мрачный район на окраине. Идут Блондинка, Брюнетка и Жена директора.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Куда мы идем?

БРЮНЕТКА. На важную встречу.

БЛОНДИН. Вы чо увязались за нами?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Я хочу просто знать, вот и все!

БРЮНЕТКА. Послушайте... Мы с вами целый месяц пролежали в одной палате! У меня уже сил нет вас терпеть!

БЛОНДИНКА. Опоздаем, скорей...

Идут, оглядывают мрачные закоулки.

БРЮНЕТКА (*держит в руке газету с адресом, смотрит на номер дома*). Нет, это не здесь...

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Я знаю, вы меня считаете виноватой. Но это не так.

БРЮНЕТКА. А кто нас накормил этим пойлом из бледных поганок?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вы — сами.

БЛОНДИНКА. Идите к черту! Скажите спасибо, что я доползла до электрички! Сейчас бы все трое лежали в братской могиле...

Идут.

БРЮНЕТКА. К ней муж каждый день в больницу передачи носил. Не понимаю, что еще ей надо.

Блондинка. Он — милый. Только толстяк.

Брюнетка. С такой женой не так растолстеешь...

Жена директора. А ваш прямо Брандо...

Блондинка. А что, у меня муж внешне нормальный.

Жена директора. Нормальный? Что ж он тогда к вам не приходил? Жена две недели боролась за жизнь в токсикоцентре, а он дома ящик смотрел.

Брюнетка (*Жене директора*). Зато ваш к вам ходил. Яблочки гнилые притащит, поплачет, поправит подушку и говорит: «Подаvisь, ты мне жизнь искалечила».

Останавливаются.

Блондинка (*оглядывает дом*). Все, кажется, здесь.

Жена директора. А что здесь?

Блондинка отдает газету Жене директора, та читает объявление, обведенное карандашом.

Жена директора. «Помогу всем, кто хочет избавиться от близкого человека. Быстро, недорого. Киллер». (*Пауза.*) Погодите, но он же... убьет!

Сцена девятая

Пустая комната. За столом сидит киллер в темных очках, у его ног лежит старая собака. Напротив стоят Брюнетка, Блондинка и Жена директора.

Брюнетка (*киллеру*). Сколько стоит заказ?

Киллер пишет что-то на листочке.

Блондинка (*не понимая*). Сколько???

Киллер разводит руками, жестаи объясняет что-то.
Открывается дверь. В комнату быстро входит хромой, но очень подвижный человек в костюме и с портфелем в руках.

ЧЕЛОВЕК (*запыхавшись*). Простите за опоздание! Позвольте представиться... Арт-менеджер компании «Праздничный киллер»!

Жена директора охнула, оседает на пол.

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Что это с ней?

Блондинка. Геморроидальные колики...

АРТ-МЕНЕДЖЕР. «Недуг императоров»??? (*Внимательно вглядывается в лицо Жены директора. Пауза. Лицо светлеет, и появляется детская улыбка. Узнает.*) Герасим Ефремыч! Мой дорогой!

БРЮНЕТКА. Это не он, это его жена...

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Мария Петровна!!!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*приходит в себя, мутно*). Миша Барашкин?..

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Ну! Я учился у вашего мужа!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Погоди... ты же хотел стать комбайнером.

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Нет, комбайнером хотел Лева Шрайман, а я — солистом Большого театра.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Не вышло?

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Отчасти. Вместо хлеба собираю капусту.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А как же театр?

АРТ-МЕНЕДЖЕР. У меня есть своя любительская студия. Раз в месяц премьера. Играем комедии. Я как-нибудь вас приглашу. *(Пауза.)* О цене сговорились?

БРЮНЕТКА *(на киллера)*. Он нас не понимает.

БЛОНДИНКА. И мы его тоже.

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Конечно, наш друг — слепоглухонемой.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. А как же он убивает?

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Уверяю, он лучший в стране киллер.

БЛОНДИНКА *(недоверчиво)*. Он в цель попадает???

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Чтобы убить чьего-то мужа, совершенно необязательно видеть. Для этого есть собака.

БРЮНЕТКА. Собака???

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Она подбегает к вашему мужу, начинает лаять, и наш киллер стреляет на лай. Гав-гав! Бах-бах! Промахов не было.

БРЮНЕТКА. Это все несерьезно...

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Конечно, несерьезно! Если вы хотите убить своего мужа серьезно, то вы обречены на провал. И знаете, почему? Потому что мужчина — самое чуткое существо. А если он к тому же чей-то муж, то хитрости в нем выше крыши. Он нюхом чувствует киллера за спиной. На этом многие женщины погодели... Однако у мужей есть слабенький пункт — у них все дико серьезно. Они и не знают, что их можно убить в легкой, безумной манере. И потом... *(Пауза,*

указывая на киллера.) Посмотрите... Ну какой он, к чертовой бабушке, киллер? Калека! Смешно! Ведь как следяки рассуждают: «Допустим, я хочу заказать убийство. Разве я доверю это слепому?» *(Пауза.)* Чистое алиби. Клиентура довольна.

Блондинка. Дорого все же...

АРТ-МЕНЕДЖЕР. У нас для вас сезонные скидки.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Сколько?

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Десять процентов. Вложив свои средства в убийство мужа, вы комплексно решите проблемы. К тому же для вас приятная новость — вы победители акции. Тысяча первый звонок дает преимущество в очереди.

БРЮНЕТКА. У вас очередь?!

АРТ-МЕНЕДЖЕР. А вы думали, вы одни? Таких — целый город.

Блондинка, Жена директора и Брюнетка глядят друг на друга.

Блондинка. А у вас есть экономичный тариф?

АРТ-МЕНЕДЖЕР. У нас скидки только постоянным клиентам. Но из глубокого уважения к Герасиму Ефремычу я предлагаю новый тариф, он называется «Скинемся, сестры». *(Показывает график в буклете.)* Индивидуальный заказ — 10 процентов. Групповой — тридцать, и массовый — семьдесят.

БРЮНЕТКА. Массовый — лучше.

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Конечно, убивать оптом — дешевле. Посадил всех троих в автобус — и все... А в «ин-

дивидуалке» расходные материалы дороже... (*Считает на калькуляторе.*) И еще, помня прекрасные уроки истории Герасим Ефремыча, я дарю скидочку девять процентов... (*Считает, показывает сумму.*) На каждого всего ничего...

БЛОНДИНКА. Отлично.

БРЮНЕТКА. Мы «массовый» выбираем.

АРТ-МЕНЕДЖЕР. Ваш заказ принят. (*Дает конверты, буклеты и договор.*) Убийство назначим на двадцать шестое... Начните деньги копить, вот счет, куда их отправить. Вот адрес, куда посылать фотографии мужей. За дело!

Сцена десятая

Спустя две недели.

У заколоченного досками подъезда стоят Директор, Блондин и Брюнет.

ДИРЕКТОР. Вернулся домой, а жена зевает, сериал смотрит. Я говорю: «Ты хоть бы извинилась, что с моих похорон сбежала!» А она посмотрела так и отвечает: «Ну, хорошо, что ты жив, на кухне много грязной посуды».

БРЮНЕТ. Черт... Этот киллер нас кинул...

БЛОНДИН. Директор, это был ваш ученик!

ДИРЕКТОР. Да-а, этот Барашкин развел нас как мальчишек... Хотя тут и в черта поверишь.

БЛОНДИН. Деньги пропали...

БРЮНЕТ. Я бы лучше машину купил...

ДИРЕКТОР. Кредит в банке взял на убийство жены, щас
вот отдавать надо...

БЛОНДИН. Моя, слава богу, не знает... Я всю жизнь эти
деньги копил...

Появляются Брюнетка, Жена директора и Блондинка.
Мужья и жены удивленно глядят друг на друга.

БРЮНЕТ (*жене*). Здрасьте... Откуда ты здесь?

БРЮНЕТКА (*мужу*). Я... Тут гуляю... А ты?

ДИРЕКТОР (*жене*). Кто эти женщины?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*мужу*). Подруги мои. А это что за
хмыри?

ДИРЕКТОР (*жене*). Это мои друзья, познакомься...

БЛОНДИНКА (*мужу*). Странно...

БЛОНДИН (*жене*). Да, очень странно...

Глядят друг на друга.

БРЮНЕТКА (*мужу*). А зачем вы сюда пришли?

БРЮНЕТ (*жене*). А вы?

БРЮНЕТКА. Я же сказала — гуляем.

БРЮНЕТ. Мы — тоже.

БЛОНДИНКА (*мужу*). А почему именно здесь?

БЛОНДИН (*жене*). Да просто.

БЛОНДИНКА. У тебя просто так ничего не бывает.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*мужу*). А что это за газета у тебя?

ДИРЕКТОР. Где?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Вон в кармане.

БЛОНДИН (*жене, у которой тоже газета*). А у тебя?

Блондинка. Не твое дело.

Блондин. Почему не мое? Дай сюда!

Блондинка быстро съедает свою газету. Жена выхватывает у Директора газету, смотрит объявление.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Так они тоже нас заказали!

БРЮНЕТ. А... Вот, значит, куда семейные деньги уходят...

БРЮНЕТКА. Ну, что, кинули вас, дураков? Так вам и надо!

БРЮНЕТ. Вы тоже попались, моя дорогая...

Блондинка (*мужу*). Ты же убийца, погляди на себя, мне перед людьми стыдно...

Блондин. Замолчи! Надоела!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*мужу*). Кошмар, с кем я живу...

БРЮНЕТ (*жене*). Ты — чудовище!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА (*мужу*). На себя погляди!

Блондинка (*мужу*). Ты убить меня захотел!

Блондин. Нет! Это ты меня захотела!

Крики, брань, начинается всеобщая драка.

Сцена одиннадцатая

Школа. Раннее утро. Брюнет складывает раскладушку, Директор бреется, Блондин убирает матрас со стола. Все трое живут в кабинете.

ДИРЕКТОР. Неделю я жил в подсобке у физика.

БЛОНДИН. А я на лестничной клетке.

БРЮНЕТ. А я в трансформаторной будке. Когда засыпашь — электричеством бьет.

БЛОНДИН. Просился домой — не пускает.

БРЮНЕТ. Я тоже. Моя говорит — зачем жить с человеком, который тебя хочет убить?

БЛОНДИН. Логично.

БРЮНЕТ. Льва Толстого «Каренину Анну» читали?

БЛОНДИН. Да...

БРЮНЕТ. Там прекрасная глава, как она под поезд бросилась.

БЛОНДИН. Заметьте — сама.

БРЮНЕТ. В том-то и дело. С этим у ее мужа проблем не было. А наши ничего сами не могут. Все за них самим делать надо.

ДИРЕКТОР. Мне сон приснился, что жена меня съела.

БЛОНДИН. Значит, долго жить будете...

ДИРЕКТОР. В мясорубке меня прокрутила и в пироги... И в пироги...

БЛОНДИН. Нельзя быть таким пессимистом... Все идет замечательно. Теперь мы учли все ошибки! (*Смотрит вдаль*). Нам нужен план...

БРЮНЕТ. Который по счету?

БЛОНДИН. Вы на что намекаете?

БРЮНЕТ. У вас нет новых идей.

БЛОНДИН. Идеи прекрасные, а вот исполнение — из заднего места. С высоты десятого этажа нормальный кирпич развивает скорость пятьсот километров! Вы стояли на крыше, в поддоне было сто кирпичей. Моя жена спокойно прошла мимо. А все почему? Вы забыли дернуть веревку.

ДИРЕКТОР. Не расслабляйтесь. Они ведь тоже за нами охотятся.

Входят жены.

БРЮНЕТ. Я смотрю, вы прекрасно устроились.

БЛОНДИНКА. Можно пройти?

БРЮНЕТКА. Не бойтесь, мы сейчас вас не убьем...

ДИРЕКТОР. Мы тоже.

БЛОНДИНКА. Вы, наверно, хотите знать, зачем мы пришли?

БРЮНЕТКА. Козлы, есть предложение.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Барашкин, который нас обманул, — его поймали. Нам вернули часть денег.

ДИРЕКТОР. Отлично.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Не радуйся. Этих денег уже нет.

БРЮНЕТКА. Мы купили шесть путевок в Крым.

БЛОНДИНКА. На три семейные пары. Вам, вам и нам.

БЛОНДИН. Ура!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Путевки в один конец. Там мы все и убьем друг друга.

ДИРЕКТОР. Почему именно там?

БРЮНЕТКА. Там Черное море.

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Возьмем лодку, все шестеро сядем в нее и уплывем как можно дальше от берега. А потом дно пробьем. И все утонем.

БРЮНЕТ. Как просто...

ДИРЕКТОР (жене). Наконец у тебя хоть одна умная мысль...

БЛОНДИН. Когда отправляемся?

Блондинка. Самолет через час.

Брюнет. Скорей, надо ехать.

Сцена двенадцатая

Спустя сутки.

Большая резиновая лодка в Черном море плывет как можно дальше от берега.

Мужья гребут.

ДИРЕКТОР. Все?!

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Нет, гребите! Еще берег видно!

Мужья гребут.

Брюнетка размахивается и протыкает ножом дно.

Лодка быстро спускает воздух, все оказываются в воде, но выясняется, что никто тонуть не хочет.

Не умеющий плавать Блондин хватается за Блондинку,

Брюнетка — за мужа, Директор — за Жену.

ВСЕ. Помогите!!!

Бутыхаются в воде, кричат, умоляют о помощи, слышен сигнал приближающегося теплохода.

Сцена тринадцатая

Ресторан «Три пескаря». Все те же персонажи, но к ним добавился новый — это психолог.

ПСИХОЛОГ. Ну вот, в Крым съездили, игра и окончена.
Сдайте тесты.

Все отдают Психологу бумаги, кроме директора.

Даже при беглом взгляде я вижу, что появилась масса плюсов.

БРЮНЕТКА. Да, мы стали жить намного лучше.

БЛОНДИН. Мы тоже.

БЛОНДИНКА. Мы стали меньше ругаться.

БРЮНЕТ. Мы больше понимаем друг друга.

БРЮНЕТКА. Игра нам помогла.

БЛОНДИН. Игра нас сблизила, и меньше одиночества.

ДИРЕКТОР. Какая игра?

ПСИХОЛОГ. Как «какая»? Вам разве жена не сказала в самом начале?

ДИРЕКТОР. О чем вы???

ПСИХОЛОГ. Игра как форма общения, направленная на моделирование экстремальных конфликтов, с целью избежать их в дальнейшем. Игра как психолингвистический метод семейного тренинга.

ДИРЕКТОР. Какого тренинга???

ПСИХОЛОГ. Ролевого.

БРЮНЕТ (*жене директора*). Странно... Почему вы ему не сказали?

ЖЕНА ДИРЕКТОРА. Я хотела ему сделать сюрприз.

ДИРЕКТОР. Ну ни хрена... Вы что, все знали?! Все, что будет дальше? И сауна, и киллер с морем???

БЛОНДИН. Да, у нас был текст.

ДИРЕКТОР. Текст???

ОЛЕГ БОГАЕВ

ПСИХОЛОГ. Да, все по сценарию.
ДИРЕКТОР. Ну вы, ребята, и даете...

Достает из сумки бомбу, кладет на стол.

А я думал, все по-настоящему.
БЛОНДИНКА. Что это???
ДИРЕКТОР. Бомба.

Тихо стучит механизм бомбы.

БРЮНЕТ. Остановите...
ДИРЕКТОР (*смеется*). Не могу...

Пауза.

Занавес

Взрыв

Вишневый ад Станиславского

Обычная история в одном действии

*Посвящается Борису,
который хотел, но не смог*

Малая сцена.

Премьера завтра, на сцене декорация вишневого сада, представляющая собой марсианский ландшафт или что-то в этом роде, холодно, пусто и страшно; вероятно, где-то здесь прячется «мировая душа», но где — понять сложно, ясно одно — это все очень далеко от нас.

На сцене заведующий постановочной частью прибывает что-то к полу, радистка что-то цепляет на штанкет, осветитель направляет яркий луч на центр.

ОСВЕТИТЕЛЬ (*второму, куда-то вверх*). Где будет ЭТОТ?

ВТОРОЙ (*откуда-то сверху*). Да тут! Как всегда, в центре!

РАДИСТКА (*откуда-то сбоку*). Фонограмму какую?!

ВТОРОЙ (*откуда-то снизу*). «Лакримозу» давай.

В зале, рассчитанном на 30 зрителей, все места заняты. В первых рядах корифеи театра — актеры: Валентин Владимирович Вдунов, Михаил Анатольевич Корнеев,

Олег Петрович Чохманда, Альберт Васильевич Флягин, Мария Егоровна Шашкина и Галина Марковна Лурье. За их спинами молодые актеры и уже не очень: Илья Файко, Максим Чочкарев, Дарья Афигенова, Лариса Хвостова, Сергей Гадин, Вера Чертилова, Любовь Сатановская, председатель профкома Вилорий Сайдулаев и заведующая литчастью Лора Семеновна Прун. Позади обслуживающий персонал: гримеры, костюмеры, билетерши, кассирши и другие. У всех в руках разные газетные издания с одной и той же публикацией открытого письма.

АКТЕР КОРНЕЕВ (*глядя в газету*). Вот! На первой странице!

АКТЕР ВДУНОВ. Все газеты напечатали...

АКТРИСА АФИНОГЕНОВА. И по телевизору вчера было.

АКТЕР ФЛЯГИН. На каком канале?

АКТЕР ГАДИН. На всех. Даже на «Enimals Planet».

АКТЕР ЧОХМАНДА (*завлиту*). Молоток, Лорка, читай, и так прошибает...

ЗАВЛИТ ЛОРА ПРУН. Мы же вместе это писали.

АКТЕР ВДУНОВ. Давайте начнем! Сколько можно?!

АКТЕР ЧОХМАНДА. Мы не можем начать без него.

АКТРИСА ХВОСТОВА. А если он не придет?

АКТЕР ФАЙКО. Наш «Станиславский» подался в бега!

АКТРИСА САТАНОВСКАЯ. Разбежались. Он будет держаться у нас до последнего!

Звонок.

КОРНЕЕВ (*достает телефон, слушает*). Да? (*Убирает телефон, пытаясь скрыть волнение.*) Уже здесь.
Осветитель и завпост убегают за кулисы.

ФАЙКО. Я, когда его вижу, в дерьмо превращаюсь!

Паника. Часть слабонервных людей убегают через запасной выход, но большая часть проявляет мужество и остаются. Все прячут газеты. Наступает тишина. Ждут. Напряженная пауза. Слышны шаги в холле.
Дверь распахивается, появляется режиссер. Он совершенно не ужасен, напротив, его внешний вид — лицо, глаза, голос, руки, походка — все ладно и хорошо, он из тех людей, кто с первого взгляда может расположить к себе.

РЕЖИССЕР (*не замечая «полный» зал, поднимается на сцену, актерам*). Доброе утро! День замечательный... Наконец-то дождались весны... Ну, как у всех настроение?

ВДУНОВ. Прекрасно...

РЕЖИССЕР (*оглядывает сцену*). Монтировщики? Где монтировщики?! Почему декорация не готова?!

ГОЛОС ЗАВПОСТА (*из-за кулис*). А чо вам еще?..

РЕЖИССЕР. Где гильотина для Фирса?! У нас последний прогон!

ГОЛОС МАШИНИСТА СЦЕНЫ. Гильотина будет к обеду.

РЕЖИССЕР. А где реквизит? Где топор? Где ножи, где стекло битое?! (*Зовет.*) Арина Михайловна!

РЕКВИЗИТОР (*из зала, вяло*). Да?..

РЕЖИССЕР. Где чучело Чехова?!

РЕКВИЗИТОР. Красят в подделке.

РЕЖИССЕР. Что, до сих пор?.. (*Вверх, осветителю.*)

Паша, дай на меня свет!

Включается луч, режиссер стоит в круге света.

Галина Марковна тут?

АКТРИСА ЛУРЬЕ (*из зала*). Я здесь.

РЕЖИССЕР (*щурится в темноту зала, пытается разглядеть ее*). Как у вас самочувствие?

АКТРИСА ЛУРЬЕ (*из зала*). Спасибо, кашель прошел.

А как ваше сердце?

РЕЖИССЕР. Нормально... Я на таблетках.

Файко и Гадин прыснули смехом.

Вы, двое, опять анекдоты?! О вечном подумайте!

ФАЙКО. Думаем...

ГАДИН. Думаем.

РЕЖИССЕР (*оглядывается*). Актеры все в сборе? Паша, свет убери! (*Щурится в зал, прикрывает глаза ладонью.*) Помреж! Галя, ты где?!

АКТЕР САЙДУЛЛАЕВ. Вы ее выгнали вчера из театра.

РЕЖИССЕР. Да? Точно... Паша, да убери с меня свет! Ты издеваешься?! (*В зал.*) Кто здесь? Почему посторонние в зале?

АКТЕР КОРНЕЕВ. Здесь нет посторонних. Тут весь трудовой коллектив.

РЕЖИССЕР (*всем*). Зачем вы пришли?.. Генеральная завтра! (*Раздражается, осветителю.*) Убери этот свет!!!

ЗАВМУЗ. Он не сделает этого.
РЕЖИССЕР. Что??? Кто сказал???

Тишина.

Дорогие друзья... Повторяю, генеральная завтра!
В одиннадцать приходите! А сейчас прошу вас уйти.
(*Вглядывается в темноту зала, вдруг узнает.*) Слепцова??? Кто вас пустил в театр?!

ЗАВМУЗ. Кто надо.

РЕЖИССЕР. Хамлин??? А вы что здесь забыли?!

АДМИНИСТРАТОР. Чо надо.

РЕЖИССЕР. Охрана! Почему посторонние в театре?!

ГАДИН. Вам же сказали — тут нет посторонних!!!

РЕЖИССЕР (*как миротворец*). Давайте устроим собрание после премьеры.

АКТРИСА САТАНОВСКАЯ. Премьеры не будет.

РЕЖИССЕР. Кто умный такой?!

МАШИНИСТ СЦЕНЫ. Я. (*Встает.*)

РЕЖИССЕР. Так, он уволен... Быстро из зала!

МАШИНИСТ СЦЕНЫ. Ни хрена он не знает, по роже видеть...

ВДУНОВ (*режиссеру*). А позвольте спросить, вы газеты утром читаете?

РЕЖИССЕР. Газеты??? Какие газеты?

САЙДУЛЛАЕВ. «Правда»...

КОРНЕЕВ. «Культура»...

ФЛЯГИН. «Известия»...

РЕЖИССЕР. Нет, как любой образованный человек, я газетами подтираюсь.

АКТЕР ЧОХМАНДА. Это заметно...

ФАЙКО. И телевизор не смотрите по утрам?..

РЕЖИССЕР. По ночам. И только порнуху.

Все тридцать человек достают газеты, разворачивают.

КОРНЕЕВ. Петрович, зачи.

МАШИНИСТ СЦЕНЫ. Все, что ли?..

ВДУНОВ. Тезисно. Самое актуальное.

МАШИНИСТ СЦЕНЫ (*встает, идет к авансцене, громко читает газету*). «Открытое письмо сорока... А кроме этого, уважаемый мэр, мы постоянно слышим, что в театре нет денег, но при этом непомерно увеличивается аппарат главного режиссера. В нашем сравнительно не очень большом театре — 33 курьера, 43 консультанта и 1 музейный работник. При наличии шести шекспироведов появился еще один гоголевед, который сидит в декорационном цехе и непрерывно пишет указы в стиле Поприщина».

Далее все зачитывают по очереди.

САЙДУЛЛАЕВ. «Набивая до отказа штат своими рабами, наш режиссер и художественный руководитель К.С. Курицын вытесняет из театра даже заслуженных лиц. На службу этой цели поставлен целый аппарат уничтожения и изощренного террора, сравнимого разве что со сталинскими временами».

АКТЕР ЧОХМАНДА. «Народный артист России Олег Петрович Чохманда, человек, отдавший киноэкрану

всю свою жизнь, получил унижительный выговор за то, что два раза чихнул во время спектакля».

АКТРИСА ШАШКИНА. «Еще в начале прошлого сезона актриса Мария Шашкина, обратившись к новому хуадуку с творческими вопросами, получила в ответ: “Вы профнепригодны”».

ЗАВМУЗ. «Получила предложение подать заявление “по собственному желанию” и руководитель музыкальной части, композитор Нонна Безухова, человек, которая долгие годы была музыкальной душой наших спектаклей».

АДМИНИСТРАТОР. «Из-за постоянных угроз вынуждены были уйти “по собственному желанию” главный администратор Хамлин, помощник режиссера Соня Слепцова, комендант театра Любовь Эйхман».

САТАНОВСКАЯ. «Не избежал “чистки” и начальник отдела снабжения, Герой труда Иван Кузьмич Соломаткин».

ЛОРА ПРУН. «Серьезный, глубокий психологический театр подменяется скоропортящимися поделками или антрепризой, о чем писали и уважаемые театральные критики Р. Жбанский и М. Дмыдова».

ФЛЯГИН. «Русский театр, долгие годы служивший храмом человеческих чувств, превращается в дикий могильник эпохи бесстыдства, о чем ярко свидетельствует предстоящая премьера в нашем театре с диким названием “Вишневый зад”».

ВДУНОВ. «Однако К.С. Курицын бравирует тем, что ему уже продлили договор на следующие двадцать лет, и гордится тем, что генсек ООН Пак Думун — его

школьный товарищ. Видимо, по причине своего сумасшествия он так уверен в своей безнаказанности». КОРНЕЕВ. «Уважаемый мэр, то, что происходит сегодня с нашим театром, это — культурная катастрофа».

Молчание.

РЕЖИССЕР. Кто вчера на расписании букву «эс» переправил на «зэ»?

ГАДИН. А что, «Вишневый сад» стал «Вишневым задом»...

ФАЙКО. Логично...

На сцене и в зале смех.

РЕЖИССЕР. Кто это сделал?! (*Файко и Гадину*). Вы, два подлеца?

ГАДИН. А мы тут при чем?..

ФАЙКО. Вахтеры говорят, это дух Чехова бродит...

ЛУРЬЕ. Он вами очень недоволен.

РЕЖИССЕР. Хорошо, я выясню все. (*Разворачивая газету.*) Итак. Во-первых: этот донос...

ЧОХМАНДА. Не донос, а «письмо сорока»!

ВДУНОВ. И заметьте, открытое.

РЕЖИССЕР. Такое дерьмо у меня за спиной...

КОРНЕЕВ. Почему за спиной? Вчера на худсовете. Мы вас приглашали, но вы не явились.

РЕЖИССЕР. Еще вчера вы говорили, что не встречали режиссера лучше меня...

ФЛЯГИН. Кто говорил???

РЕЖИССЕР. Да вы!!!

ФЛЯГИН. Я???

РЕЖИССЕР (*указывая на всех*). И вы! И вы! И вы!

И вы!!! Даже уборщицы! Я знаю, кто вас обработал!

Вот он — Чихманда! Его камарилья!

ВДУНОВ. Чох-манда.

ЧОХМАНДА. Не имеете права, у меня орден «За заслуги перед Отечеством»!

Аплодисменты.

РЕЖИССЕР. Я и не думал вас оскорблять! Мне это надо?!

Но вы никак не хотите понять, что не вы, а я руково-
жу этим театром!

КОРНЕЕВ. Пока.

РЕЖИССЕР. Это решать управлению культуры. А вы
всего лишь актеры. Актеры! И ваша задача на сцене
играть! А «цеховые» должны помогать! А кто не со-
гласен, пусть валит к черту!

САЙДУЛЛАЕВ. У нас профсоюз.

РЕЖИССЕР. Да в жопу ваш профсоюз! Вы голоса не
имеете! Имеют они... (*Указывая на корифеев.*) Одной
ногой в могиле и за собой тащат театр...

КОРНЕЕВ (*знак в будку радистке*). Алён, микрофончик...

РАДИСТКА (*сверху*). Я — давно запись включила.

РЕЖИССЕР. Записывайте! Записывайте! Я все щас ска-
жу! (*Корифеям.*) Вам давно плевать на театр, вам,
вам, вам и вам! Сидят, обдолбались лекарствами! На
сцене давно импотенты! На кладбище уж пора, а они
каждый день ходят сюда, старые пидарасы!!!

Пауза.

ВДУНОВ. Люди, вы слышали?!

ШАШКИНА. Я ж говорила — быдло крестьянское...

РЕЖИССЕР. А вас, моя дорогая, я должен обрадовать!

Вы покидаете этот театр!!! Пошла, жаба, вон!..

ШАШКИНА. Сопляк! (*Заплакала.*) Я здесь сорок лет...

ЧОХМАНДА. Как вы смеете так разговаривать с женщиной?

ВДУНОВ (*режиссеру*). Ее в труппу взял сам Кафрос!

А вам, голубчик, до него срать да срать...

РЕЖИССЕР. Кафрос? Кафрос!!! Вы же сами сожрали его!

ЛУРЬЕ. Это ложь!

РЕЖИССЕР. А Кривоногов?

ФЛЯГИН. Кривоногов не смог здесь работать, потому что ногу сломал.

РЕЖИССЕР. А Васильчиков?! А Удодин?!

ЛУРЬЕ. Они своей смертью умерли.

РЕЖИССЕР. А великий Нихулин?

ФЛЯГИН. Он сам сожрал себя.

ВДУНОВ. Да, еще тот был самоед...

РЕЖИССЕР. А Нелюбов, а Верещагин? А Фейшиц?

А Роман Фитюк?

КОРНЕЕВ. Хватит всякую дрянь собирать!

Ропот в зале.

РЕЖИССЕР. Мы должны это сделать... Мы должны...

И мы сделаем это!!! Это будет великий спектакль!

И нам Чехов поможет! В каждой фразе, в каждом

движении он гениален и современен! Но есть огромное «Но»! Его тексты — как письма древних шумеров, их надо открыть и подвергнуть полной... как бы проще сказать... квази-дешифрации. Поймите, дорогие мои... Если есть загробная жизнь, то можно представить, как страдает там Чехов! Вроде великий писатель, а он так и не понят никем! Как жаль, что мы не имеем возможности лично встретиться с ним, он бы многое нам открыл... *(Пауза.)* Сегодня последний прогон, я понимаю, материал непростой, но, друзья, мы сделаем это! Клянусь, я знаю решение!!! *(Корнееву.)* Михаил Анатольевич, я тоже недоволен, как у нас решается финал первого акта! Эмоции должны нарастать, а у нас все пропадает! А почему? Мы выбрали неверный акцент! Ваш герой после трагичной реплики должен снимать не шляпу, а наоборот — превратить все в фарс!

ФЛЯГИН. Он готов и брюки спустить...

ЛУРЬЕ. Актеры — народ очень доверчивый.

РЕЖИССЕР. Да поймите, надо только жест обозначить!

КОРНЕЕВ. Зачем же... Я готов сколько угодно... И нагишом даже бегать, если есть сверхзадача...

ЛУРЬЕ. Помнишь, Кафрос ставил «Дети разврата»?

ВДУНОВ. Да, три часа без белья танцевали...

РЕЖИССЕР. Вы все не хотите работать!

КОРНЕЕВ. Очень хотим, но без вас!

РЕЖИССЕР. Вы же сами позвали меня в ваш театр! *(Корнееву.)* Вы даже домой ко мне приезжали! Умоляли возглавить, чай пили, рыдали, на коленях стояли... Зачем?! Для чего?!

КОРНЕЕВ (*Афиногеновой*). Галочка, где твой супруг?..
АФИНОГЕНОВА. Да он здесь уж давно. Сидит дожидается!
КОРНЕЕВ. Пусть начинает.

Из зала выходит мужчина, по его внешности и походке видно, что он к театру не имеет никакого отношения. Мужчина робко выходит на сцену, смущенно смотрит на режиссера.

РОБКИЙ. Здравствуйте... (*Достает из рукава финский нож и умело бьет режиссера в живот и бок несколько раз, прокручивая лезвие внутри тела.*)

Кто-то в ужасе вскрикнул. В зале мертвая тишина. Режиссер охает, оседает на пол, закрывает рану рукой; сначала он испытывает крайнее удивление и только затем боль. Робкий вытирает нож, кладет обратно в карман, так же смущенно покидает сцену. Подходит к своей жене Афиногеновой.

АФИНОГЕНОВА (*робкому мужу*). Ты щас куда?
РОБКИЙ (*кладет нож в карман*). В садик.
АФИНОГЕНОВА. Не опоздаешь? Заедем за продуктами.

Робкий поклонился всем, уходит в таком же смущении.

КОРНЕЕВ. Стеснительный он у тебя..
АФИНОГЕНОВА. Да. Коля очень любит театр. Для него актеры — как боги.

ЛУРЬЕ. А сколько ребеночку вашему?
АФИНОГЕНОВА. Шесть будет уже.
ВДУНОВ. Да, быстро время летит...

Все смотрят на режиссера, лежащего навзничь на сцене.

РЕЖИССЕР. Кто это?.. Он зарезал меня...

Радистка включает фонограмму «Реквиема» Моцарта.
Из зала с рыданиями убегает девушка.

КОРНЕЕВ. Что за особа???

ПРИМЕРША. Это новенькая из реквизита.

ВДУНОВ. Почему вы ее не предупредили?

КОСТЮМЕРША. Я ей сказала... Но она плачет всегда,
когда слышит «Реквием» Моцарта.

ФАЙКО (*радистке*). Алён, убавь «боковые» на сорок
процентов!

«Реквием» стал звучать тише.

РЕЖИССЕР. Мерзавцы... Скоты... Что вы творите... (*Пы-
тается встать, держится за бок.*)

ЛУРЬЕ. А у Кафроса кровь была голубая...

ЧОЧКАРЕВ. А у этого желтая, как моча!

Все сидят, смотрят на муки режиссера.

ЛУРЬЕ (*патриархам*). Слушайте, мальчишки, а помните,
как умирал Нелюбов?

ВДУНОВ. Нелюбов... Нелюбов...

ЧОХМАНДА. Нелюбов умер достойно, легко...

ЛУРЬЕ. А ты не путаешь его с Васильковым?

ФЛЯГИН. Нет-нет.

КОРНЕЕВ. Жаль, что с Нелюбовым так получилось. За-
мечательный был.

ЛОРА ПРУН. Говорят, его привидение ходит ночью в зале.

ЧОЧКАРЕВ. И плачет. Я слышал.

ЧЕРТИЛОВА. Дураки, это кот!

РЕЖИССЕР. Я умру... Помогите... Врача...

КОРНЕЕВ. А Фейшиц?

ФАЙКО. Он разве работал у нас?

КОСТЮМЕРША. Фейшиц?! Господь с вами! Конечно!

БИЛЕТЕРША. Я поражаюсь. Сейчас молодежь приходит
в театр и совершенно не знает нашей истории. Фей-
шиц поставил три грандиозных спектакля... «Си-
ний остров»...

ГАДИН. Может, «Багровый»?

МАШИНИСТ СЦЕНЫ. Потом он поставил «Гнездо пе-
скаря»...

ФЛЯГИН. Потрясающий был спектакль. Я там играл ры-
бака.

КОРНЕЕВ. Рыбака играл я, а ты — червяка.

ФЛЯГИН. Разве?

КОРНЕЕВ. Конечно... Он поставил еще «Спешите де-
лать любовь», не помню, чья пьеса. Фантастический
был спектакль!

ШАШКИНА. Да, все на сцене так любили друг друга...

ФЛЯГИН. А с Романом Фитюком мы всю Европу объез-
дили...

РЕКВИЗИТОРША. А с этим вообще никуда.

КОРНЕЕВ. Почему же... Мы ездили в Пензу.

РЕЖИССЕР. Обещаю гастроли в Нью-Йорк...

ЧОХМАНДА. Поздно. Мы с вами уже никуда не поедем.

РЕЖИССЕР. Люди...

Все сидят, смотрят на режиссера.

КОРНЕЕВ. Принято думать, что умирать на сцене — дурной знак. Суеверие! После «Гамлета» я женился, после «Чайки» Светка Петьку родила, но главное — после «Бесов» я в лотерею выиграл!

ЧОХМАНДА. Пятнадцать копеек.

ЛУРЬЕ. Неважно.

ВДУНОВ. Да, были когда-то режиссеры. Помню, когда у меня роль Треплева не шла, Кафрос принес на репетицию трехлинейку. И говорит: если ты хочешь понять эту роль, тебе нужно взять дуло в рот и спустить курок. Я не знал, есть или нет там патроны...

РЕЖИССЕР (*с трудом*). Звери... шакалы... (*Пытается ползти.*)

ГАДИН. Значит, спустили?

ВДУНОВ. Это вы, молодежь, спускаете, а я нажал.

АФИНОГЕНОВА. Да что вы??? И как?

ВДУНОВ. Осечка. Но за эти доли секунды перед смертью я понял, в чем заключается роль. Понимаете, текст Чехова — как волшебство...

РЕЖИССЕР. Не верьте... Он все лжет! Негодяй...

ФЛЯГИН. Пардон, я эту историю читал у Тарханова. Эта книжка у меня в гримуборной пропала вчера...

КОРНЕЕВ (*профкому*). Вилорий, ты время засек?
САЙДУЛЛАЕВ. Да, пять минут. Окочурится скоро.

Все сидят, смотрят на муки режиссера.

ЧОХМАНДА (*недовольно*). Что-то он долго...
ФАЙКО. Он, видите, кровь рукой зажал, а надо, чтобы
она полностью вытекла...
ИЗ ЗАЛА. Может, руки связать?
ВДУНОВ. Молодежь, откуда в вас столько садизма?
ФЛЯГИН. Надо все по рецепту.
РЕЖИССЕР. Твари... Скоты... Кто-нибудь... Помогите...

У режиссера в кармане звонит мобильник.
Сайдуллаев подходит, осторожно, чтобы не запачкаться
кровью, достает мобильник из кармана режиссера.

САЙДУЛЛАЕВ. Да? Кто это??? (*Режиссеру*.) Вам звонят из
мастерской. Они хотят уточнить номер вашей сти-
ральной машины.
РЕЖИССЕР (*с трудом*). Ка... кой???
САЙДУЛЛАЕВ (*в телефон*). Какой? (*Ему отвечают, ре-
жиссеру*). «Беко».
РЕЖИССЕР (*пытаясь остановить кровь*). У меня... был...
«Сам-сунг»...
САЙДУЛЛАЕВ (*в телефон*). У него был «Самсунг».
Что??? (*Слушает, режиссеру*.) Они спрашивают, цен-
трифуга была с ребром или нет?
РЕЖИССЕР. Кажется... нет...
САЙДУЛЛАЕВ. Нет...

Слушает, передает режиссеру.

«Она что, белье жевала?»

РЕЖИССЕР (*сквозь боль*). Она... протекала.

САЙДУЛЛАЕВ (*в телефон*). Протекала. (*Слушает, передает режиссеру.*) «Можете взять».

РЕЖИССЕР. Передайте... что я... уже...

САЙДУЛЛАЕВ. Он не сможет! (*Выключает телефон.*)

На сцену выходит буфетчица в грязном фартуке.

РЕЖИССЕР (*буфетчице*). Помогите...

БУФЕТЧИЦА (*глядит на режиссера*). Что, уже мясо готово?

ФАЙКО. Мариночка, погодите...

БУФЕТЧИЦА. Что погодить? Мне тарелки нести или нет? Или опять черт-те как будете есть?

КОРНЕЕВ. Принеси одноразовые. (*Оглядывается.*) Где Диффенбах? Мы ждем, сколько можно???

Быстро входит жизнерадостный пожилой мясник с чемоданом и футляром от контрабаса — его зовут Диффенбах.

ДИФФЕНБАХ. Пробки, я извиняюсь!..

ЛУРЬЕ (*Корнееву*). Мишенька, начинай.

На сцену выходит актер Корнеев, надевает очки, достает лист бумаги. Тем временем Диффенбах выходит на сцену, достает из чемодана фартук, надевает, извлекает из футляра топор, из чемодана — тесаки и ножи различных размеров. Раскладывает. Готовится.

РЕЖИССЕР. Эй... вы чего?... *(В ужасе смотрит, хочет бежать, но не может из-за нанесенных ран.)*

КОРНЕЕВ. Дорогие друзья и коллеги. Я сегодня немного волнуюсь, я уверен — вы поймете меня. Ровно сорок лет назад вот тут, на этой сцене, у меня привился вкус к театру. Анатолий Аркадьевич Кафрос был мой первый учитель. Во всех отношениях это был талантливый, замечательный художник, и мне, будучи тогда еще совсем мальчишкой после школы-студии МХАТ, представилась честь быть скромным участником его поедания. *(Читает.)* «За все эти годы моего служения в нашем театре было съедено 12 режиссеров совершенно разных талантов и дарований. Разумеется, у каждого из нас образовались свои вкусы и пристрастия: кто-то любит язык, кто-то мозг, а кому-то просто нравится печень, но нас объединяет одно — это мучительная любовь к непростому искусству, которым мы занимаемся. Великий основатель нашего театра Владимир Иванович Лялин на заре XX века достаточно точно выразил свою мысль в письме к Горькому: “Для чего нужны режиссеры? Для того, чтобы их есть. На этом и держится наш русский театр”. В этой регулярности и непрерывающейся великой традиции мы принимаемся за тринадцатого режиссера». *(Убирает бумагу в карман.)*

ДИФФЕНБАХ. Ну?..

КОРНЕЕВ. Начинайте!

Звучит «Реквием». Диффенбах берет топор, подходит к лежащему режиссеру. Входит буфетчица с тарелками и вилками.

РЕЖИССЕР. Я несъедобный... (*Кричит.*) Я несъедобный!
ШАШКИНА. Становится сыро...
ВДУНОВ. Опустим-ка занавес, братец...

Машинист опускает занавес. Теперь режиссера и Диф-
фенбаха не видно, зато слышно: методично стучит топор,
и кричит от адской боли режиссер. Буфетчица раздает та-
релки. Входит директор театра — Янина Петровна.

ДИРЕКТРИСА. Что у вас происходит?!!! Опять?!!!

Все стихает. Тишина.

КОРНЕЕВ. Репетируем...

За занавесом стонет режиссер.

ДИРЕКТРИСА. Что «репетируем»?! Я разве не вижу?!
Опять режиссера сожрать собрались?!

Весь зал молчит.

ГАДИН. А что, разве нельзя?..

ЧОЧКАРЕВ. Имеем полное право.

ДИРЕКТРИСА. А ты, Чочкарев, помолчи!.. Я быстро
укорочу твой язык! Ты у меня Гамлета играешь без
регистрации!

ЛОРА ПРУН. Янина Петровна, мы же договорились...

ДИРЕКТРИСА. Договорились... Но это было вчера! А се-
годня пришел факс!

ФЛЯГИН. Факс???

ДИРЕКТРИСА (*в зал*). А цеха что тут расселись?! Нечего тут! Осветители, монтировщики, реквизит — живо на большую сцену! Вечером конкурс красоты, нам за это спонсоры платят... И билетеры, и гардероб! Пошли все, заберите тарелки! А артисты останьтесь...

Обслуживающий персонал театра быстро покидает зал.

Занавес поднимается.

Диффенбах исчез.

Режиссер лежит на полу, его тело растерзано, но он еще жив.

ДИРЕКТРИСА (*актерам*). Наш театр зовут в Нью-Йорк на фестиваль.

ГАДИН. В USA?..

ДИРЕКТРИСА. Именно.

ЧОХМАНДА. Я был в Америке сто лет назад!

КОРНЕЕВ. Да, вы еще ездили с Коминтерном.

ДИРЕКТРИСА. Вот факс из СТД. (*Отдает бумагу Корневу.*) Вся труппа, плюс персонал.

Все передают бумагу друг другу, пытаются прочесть.

ФАЙКО. Когда это?

ДИРЕКТРИСА. В рождественские недели.

ФЛЯГИН. А какие спектакли хотят?

ДИРЕКТРИСА. «Вишневый сад».

КОРНЕЕВ (*указывает на декорации на сцене*). Этот?

ДИРЕКТРИСА. Этот...

АФИНОГЕНОВА. Но премьеры же не было!

ДИРЕКТРИСА. Она будет в субботу. Работать надо, а не ерундой заниматься! (*Подходит к режиссеру.*) Константин Сергеевич, вы как?

Пауза.

Репетировать сможете?..

Пауза.

РЕЖИССЕР. Да...

ДИРЕКТРИСА. Вот и отлично... Принесите воды!

Все суетятся над режиссером, приносят воды, поят его, появляется медицинская аптечка, забинтовывают страшные раны.

Мерзавцы, глаз один выбили... Как он теперь на вас смотреть будет?

РЕЖИССЕР. Ничего... Я привык...

САЙДУЛЛАЕВ. «Скорую» б надо.

РЕЖИССЕР. Потом... Все потом... м... Мы должны ретипе... тиро...

Режиссера заботливо поднимают, появляется инвалидная коляска, режиссера усаживают в нее.

КОРНЕЕВ (*режиссеру*). С какого места начнем?

ДИРЕКТРИСА (*тихо, режиссеру*). Если что, я у себя...
(*Всем актерам.*) Товарищи! Работаем! Соберитесь!
(*Уходит.*)

РЕЖИССЕР. Пер... пер... вая... Сце...

Актеры с энтузиазмом выходят на сцену, каждый занимает свое мизансценическое пространство. Лора Прун садится рядом с режиссером. Все героини-актеры принимают какие-то странные, застывшие позы, звучит фонограмма, еще более странная.

Меняется странный свет, музыка исчезает.

ЧОХМАНДА. Вохеч Нотна Чиволвап!!! Дас йывеншив!!!
Яидемок!¹

ЛУРЬЕ. Меаничан ым. Дас! Дас! Меарги ым. Дас! Дас!

КОРНЕЕВ (*играя Фирса*). Ыт хэ! Апетоден! Огечин ьсолатсо, огечин... От-икшулис у ябет утен... Ужелоп я...
(*Встает.*) Ынзиж алшорп, онволс и ен лиж... (*Бормочет.*) Одолом-онелез! От-я ен ледялгоп... (*Озабоченно вздыхает.*) Диноел Чиерна, ьсобен, ыбуш ен ледан, в отьлап лахеоп! Янем орп илыбаз... (*Встает с дивана, пятится задом.*) Илахеу... Отрепаз.

Остальные актеры оживают и начинают изображать кусты и деревья.

САЙДУЛЛАЕВ. Нелоб но!

АФИНОГЕНОВА. Адгесв как тедо Сриф, в скаждип и йолеб ектелиж!

¹ Актеры играют пьесу и читают текст Чехова задом наперед.

ВДУНОВ. Хагон ан илфут!

ГАДИН. Зи иревд отч оварпан, ястеавызакоп Сриф!

ФАЙКО. Ясташылс игаш!

ЛУРЬЕ (*играя Раневскую*). Меди ым! (*Пятится назад.*)

Меди ым!

ФЛЯГИН (*играя Петю Трофимова*). Уа!

САТАНОВСКАЯ (*играя Аню*). Амам!

ЧОХМАНДА (*играя Гаева*). Артсес яом, артсес яом...

ЧОЧКАРЕВ (*играя шкаф*). Оп йотэ етанмок алибюл ьти-
дох яанйокоп ьтам!

АФИНОГЕНОВА. В йинделсоп зар ьтунялгзв ан ьнетс,
анко ан!

ФЛЯГИН. Уа!

САТАНОВСКАЯ. Амам!

ВДУНОВ. Йащорп... Йащорп...

ЧОХМАНДА. Йащорп...

ВСЕ. Йащорп!

РЕЖИССЕР (*неожиданно громко и бодро для своего состояния*). Стоп!!! Стоп!!! Что за хрень происходит?! Вы что мне играете?!

КОРНЕЕВ. Я?..

РЕЖИССЕР. Да не вы! Вы как раз замечательно... Я говорю Чехмонде с Сайдуллаевым!

ДВОЕ. Да???

РЕЖИССЕР. Я миллион раз говорил — забудьте ваши плотские игры! Не надо играть тело души, будьте совсем бестелесны! Плоть — это неважно! Вот вы все меня пять минут назад сделали инвалидом. И что?

ЛОРА ПРУН. Ничего.

РЕЖИССЕР. А почему?! Потому что главное — дух, он вне всякой материи! (*Файко и Гадину.*) А вы двое, вы чем тут занимаетесь?!

ГАДИН. Чем???

РЕЖИССЕР. Вы же профнепригодны! Вас пинками надо гнать из театра и на лбу выжечь клеймо: «Идиоты»! Я сто раз умолял: в финале каждой фразы ставить жирную точку!

ГАДИН. Зи иревд отч оварпан, ястеавызакоп Сриф...

ФАЙКО. Ясташылс игаш...

РЕЖИССЕР. Жирней, размазни! Мне нужна жирная точка, а не ваше собачье дерьмо!

ГАДИН. Зи иревд отч оварпан, ястеавызакоп Срифффф!

ФАЙКО. Ясташылс игашшшш!

РЕЖИССЕР. Сначала начнем.

Актеры опять принимают сложные позы, звучит фонограмма еще более сложная. Меняется свет, музыка исчезает.

ЧОХМАНДА. Вохеч Вохеч Нотна Чиволвап!!! Дас йы-
веншив!!! Яидемок!

ЛУРЬЕ. Меаничан ым. Дас! Дас! Меарги ым. Дас! Дас!

КОРНЕЕВ (*играя Фирса*). Ыт хэ! Апетоден! Огечин ьсо-
латсо, огечин... От-икшулис у ябет утен... Ужелоп я...
(*Встает.*) Ынзиж алшорп, онволс и ен лиж... (*Бор-
мочет.*) Одолом-онелез! От-я ен леद्याгоп... (*Озабо-
ченно вздыхает.*) Диноел Чиерна, ьсобен, ыбуш ен
ледан, в отьлап лахеоп! Янем орп илыбаз... (*Встает с
дивана, пятится задом.*) Илахеу... Отрепаз.

Остальные актеры оживают и начинают изображать кусты и деревья.

САЙДУЛЛАЕВ. Нелоб но!

АФИНОГЕНОВА. Адгесв как тедо Сриф, в скаждип и йолеб ектелиж!

ВДУНОВ. Сайгон майн инфут!

ГАДИН. Зи иревд отч оварпан, ястеавызакоп Сриффф!

ФАЙКО. Ясташылс игашшшш!

РЕЖИССЕР (*неожиданно громко и бодро для своего состояния*). Стоп!!! Стоп!!! (*Вдунову.*) Валентин Владимирович, сколько мы репетируем?

ВДУНОВ. Семь месяцев.

РЕЖИССЕР. И вы текст до сих пор не выучили!

ВДУНОВ. Как???

РЕЖИССЕР. «Сайгон майн инфут» — откуда это?

ВДУНОВ. Оттуда.

РЕЖИССЕР. У автора написано — «Хагон ан илфут»!

Это огромная разница. Автор думал над каждой строкой, а вы запомнить не в состоянии.

ГАДИН (*Файко*). Был бы тут Чехов, он нам бы таких тут навешал...

ВДУНОВ. У автора написано «Туфли на ногах»!!! А не ваше «Хагон ан илфут», блин, через заднее место...

РЕЖИССЕР. Вы будете делать, как я говорю! (*Пауза.*) Снова пошли.

Перемена света, все снова принимают позы, вдруг вместо музыки идет не та фонограмма, и невыносимо громко.

ГОЛОС РЕЖИССЕРА. «...Вам давно плевать на театр, вам, вам, вам и вам! Сидят, обдолбались лекарствами! На сцене давно импотенты! На кладбище уж пора, а они каждый день ходят сюда, старые пидарасы!!!»

Фонограмма обрывается, тишина.
Пауза. Все в шоке.

ФЛЯГИН. Алён... ты чего?

РАДИСТКА (*нервно из будки*). Я ни при чем! Здесь все перепутано!

РЕЖИССЕР. Снова начнем.

Перемена света, все снова принимают нужные позы, музыка.

КОРНЕЕВ (*играя Фирса*). Ыт хэ! Апетоден! Огечин ьсолатсо, огечин... От-икшулис у ябет утен... Ужелоп я...
Ужелоп я... Ужелоп я...

РЕЖИССЕР. Что случилось?

КОРНЕЕВ. Ужелоп я... Тьфу ты, черт, привязалось! Я не понимаю, что я играю!

ФЛЯГИН. А я понимаю.

КОРНЕЕВ. Все понимают, кроме меня.

РЕЖИССЕР. Вы великий артист. Величайший. Без вас невозможен этот спектакль. Вы даже научились произносить мягкий знак в начале каждого слова, но у вас в голове бытовой театр. Я не говорю, что все, что вы делали на сцене, — плохо, наоборот, я вырос на ваших спектаклях, но нужны новые фор-

мы. Только в поиске театр живет. Новое — это жизнь. Новое — это то, что способно расти, развиваться. Как бы ни было страшно впереди, но надо двигаться дальше и открывать, открывать, открывать... Уже давно наука открыла новые формы жизни, а в нашем русском театре тоска, как на погосте, и мертвые камни с великими именами. Надо все время искать, искать, искать новые образы, символы, только тогда есть смысл заниматься театром. А если этого нет, тогда ради чего? Можно спокойно лежать камнем до второго пришествия и не знать, что там, за углом, целый мир. Но мы же люди живые, нам Всевышний дал связку ключей от тайных дверей, только надо сделать усилие... Как точно сказано автором в пьесе: «Янем орп илыбаз».

ЛОРА ПРУН. Да, это он про нас написал.

РЕЖИССЕР. «Ымроф еывон ынжун... .. Дас... Дас...» Репетировать... Надо успеть...

Замолкает, закрывает глаза, теряет сознание.

Пауза.

АФИНОГЕНОВА. Умер...

ФАЙКО (*смотрит*). Живой...

ЛОРА ПРУН. Без чувств.

ФЛЯГИН. Еще бы, столько крови лишился...

ЧОЧКАРЕВ. Да вон еще из артерии льется. (*Показывает на шею режиссера.*)

ФЛЯГИН. Перетянуть надо шею жгутом.

КОРНЕЕВ. Задохнется...

АФИНОГЕНОВА. Дайте мне нитки... Я ему горло зашью.

Появляются нитки и иголка. Зашивают рану на шее режиссера. Тот без чувств. Входит художник спектакля с траурным венком.

Художник. Пробки, простите, весь город стоит...
(*Смотрит.*) А что, перерыв?
ФАЙКО (*на режиссера*). Да вот...

Художник подходит, с ужасом разглядывает режиссера, осматривает бинты и раны, смотрит зрочки.

ЛОРА ПРУН. Он ваш друг. Подскажите, чего делать?
Художник. Репетировать. Продолжать. Его спасет только театр. (*Смотрит на сцену, монтировщикам.*)
Монтировщики! Монтировщики! Где гильотина?
МАШИНИСТ СЦЕНЫ. Ждем. Должны привезти.
Художник. Почему дерево передвинули? Где план?!
Все должно быть по точкам!
АФИНОГЕНОВА. Это режиссер. Ему так удобнее.
Художник. Что значит удобнее?! Что значит удобнее?!
Сделать, как я говорю!

Монтировщики переставляют деревья. Художник прибавляет к декорации венок.

Художник. А где «красные глаза дьявола»?
МАШИНИСТ СЦЕНЫ. На складе нет красных лампочек.
Художник. Поставьте зеленые, киловаттные.

Осветители ставят зеленые глаза.

ЛОРА ПРУН. Вячеслав Алексеевич, в Америку на визу какие нужны фотографии?

ХУДОЖНИК. Цветные. Шесть на четыре.

ЧОХМАНДА. А долго лететь? Там курить не дают?

ХУДОЖНИК. Тоже в Америку собрались?

КОРНЕЕВ. Наш театр позвали с этим спектаклем.

ХУДОЖНИК. С этим??? Это куда?

ЛУРЬЕ. В Нью-Йорк.

Пауза.

ХУДОЖНИК. Кто сказал?

Лора Прун дает бумагу факса.

ХУДОЖНИК (*читает, всем*). В Нью-Йорк позвали не вас, а театр Еремы.

КОРНЕЕВ. Еремы???

ХУДОЖНИК. Еремы.

ЛОРА ПРУН. Но здесь же написано...

ХУДОЖНИК. Написано... У нас в одной Москве пять национальных художественных театров. Пять НХТ. Все одинаково называются. Вот американцы и путают. НХТ Чехова, НХТ Горького, НХТ Пушкина, НХТ Гоголя... Тут не наш человек ногу сломит, вот американцы и страхуются, на всякий пожарный всем рассылают.

Пауза.

КОРНЕЕВ (*решительно*). К директору.

Все актеры уходят. Режиссер очнулся.

ХУДОЖНИК. Извини, я был в пробке... Стоял два часа.

РЕЖИССЕР. Дай закурить...

ХУДОЖНИК (*дает закурить*). Бежать тебе надо отсюда.

РЕЖИССЕР (*смотрит на сцену*). Это будет наш лучший спектакль.

ХУДОЖНИК. Бежать. Хотя куда бежать? Сейчас все такие... Вот Кошкина съели в детском театре. Говорят, выбежал на улицу, а руки уже нет, дак они догнали его и доели.

РЕЖИССЕР. Здесь лучший ансамбль. Они все идеально подходят на роли. Звезды совпали. Сева, я сдохну, но сделаю это.

ХУДОЖНИК. А у Еремы премьеры уже завтра... Они ухитрились Чехова пригласить с того света и дорогу ему оплатить.

РЕЖИССЕР. Эпатаж. Удивлять стало сложнее. Только я это делаю не для критиков.

ХУДОЖНИК. А для кого?

РЕЖИССЕР. Для себя.

ХУДОЖНИК. Вранье. Ты хочешь успеха. А успех формируют. Какой бы ни был великий спектакль, если нет хороших рецензий — ты в заднице.

Режиссер стонет.

Я тебя предупреждал, люди свихнутся от этих экспериментов...

РЕЖИССЕР. Я сделаю этот спектакль!

ХУДОЖНИК. Ты стал как фанатик...

РЕЖИССЕР. Я работал в Томске, Омске, Самаре, в Казани, в Норильске, в Туле, в Барнауле, в Тюмени, в Нагани, в Абакане, в Павлодаре, в Краснодаре, Орле, Хабаровске, Иркутске, в Ташкенте, в Бишкеке, в Ижевске, Хабаровске, Симбирске, Новосибирске, в Уренгое, в Минске, в Киеве, Вятке, Челябине, Оренбурге, в Екатеринбурге, в Нижнем Новгороде, в Верхнем, Кривом Роге, Прямом, в Орле, в Костроме, Глазове, Сыктывкаре, Перми и всегда делал то, что хотят директора и артисты. А жизнь проходит... Проходит... Я наелся этих компромиссов, достало.

ХУДОЖНИК. Для тебя театр и жизнь не совмещаются, это в корне неправильно... (*Смотрит на часы.*) Думаешь, Софокл от лучшей жизни вставлял эти Хоры Фиванских старцев???

Кто он, чью длань вещего бога
Со скалы дельфийской
Примерил взор — страшного дела
Тайный совершитель?
Пора ему в глубь пустынь
Коней-летунов быстрее
Бежать без оглядки¹.

¹ *Софокл. Царь Эдип.*

Нет, брат, актерам нужны были роли.

РЕЖИССЕР (*глядит на сцену*). Я сделаю этот спектакль.

ХУДОЖНИК. Да ни фиги ты не сделаешь! Театр — коллективное творчество, вспомни теорию... А где коллектив — там бардак. Шедевры делают в одиночку, а не в соавторстве. Вспомни Буонаротти.

РЕЖИССЕР. Он не работал в театре...

ХУДОЖНИК. Конечно, он был не дурак! Зачем тратить жизнь на объяснение того, что ты хочешь?

РЕЖИССЕР. Артистам нельзя объяснять!

ХУДОЖНИК. Нельзя, это когда режиссер — крупный хищник, если у него челюсти динозавра... А если режиссер без зубов, вот как ты, — травоядный? Значит, ты должен им все объяснять, объяснять, объяснять. А как объяснить то, что ты хочешь? Таких слов еще не придумали, одни ощущения, облака, волшебство... (*Пауза.*) У тебя были неплохие рассказы, ты мог бы стать хорошим писателем, на худой случай филологом.

РЕЖИССЕР. Ты меня никогда не поймешь...

ХУДОЖНИК. И слава богу! Вот поэтому я беру жену, мольберт и уезжаю к чертовой матери. (*Тушит сигарету.*)

РЕЖИССЕР. Куда???

ХУДОЖНИК. Я монтирам дал все указания... У меня вечером самолет.

РЕЖИССЕР. Самолет???

ХУДОЖНИК. Забыл? Я же с Маринкой купил путевки в Гавану.

РЕЖИССЕР. В Гавану???

Но меня одного тут сожрут!

Смотрят друг на друга.

ХУДОЖНИК. Извини... Ты сам этого хочешь. *(Пауза.)*
Удачи.

РЕЖИССЕР. Стой! На могилку придешь?!

ХУДОЖНИК *(смеется)*. Сомневаюсь, что у тебя будет могила! *(Уходит.)*

Входит экспедитор с гильотиной.

ЭКСПЕДИТОР. Здравсьте, гильотину вы заказывали?

РЕЖИССЕР. Я.

ЭКСПЕДИТОР. Распишитесь. *(Подает квитанцию, режиссер расписывается.)*

Экспедитор уходит.

Входят актеры и завлит, медленно окружают режиссера, в ярости набрасываются.

Верхняя галерея: стоят Станиславский и Чехов, рядом ангел-хранитель режиссера, он плачет. Все трое смотрят вниз.

СТАНИСЛАВСКИЙ *(глядя вниз)*. Не могу на это смотреть, каждый раз содрогаюсь...

ЧЕХОВ. Да бросьте! Я вижу, вам это нравится.

СТАНИСЛАВСКИЙ. У меня сложные чувства. С одной стороны — это дикое варварство, но с другой... Это наши традиции!

ЧЕХОВ. Вы ему объясните. *(Указывает на ангела-хранителя.)*

СТАНИСЛАВСКИЙ. Объяснял, но он глух совершенно...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ. Спасите... Спасите... Спасите...

Все трое смотрят вниз.
Толпа актеров расступается, истерзанное тело режиссера
обезображено, он мертв.

КОРНЕЕВ. Ну, все.

Смотрят.

ГАДИН. Начнем?

АФИНОГЕНОВА. Я уже не хочу...

ФЛЯГИН. И я.

ЛОРА ПРУН. И я.

САТАНОВСКАЯ. Я тоже его расхотела.

КОРНЕЕВ. Ну, начались капризы...

ЛУРЬЕ. А ты забыл, как предыдущего съели? У всех не-
делю изо рта дерьмом пахло!

ВДУНОВ (*на режиссера*). Этот умник был самый говни-
стый.

КОРНЕЕВ. Да, в самом деле... (*Смотрит.*) Ну, тогда в
подвал его, где Кафрос лежит с Толстоноговым.
(*Громко*). Монтировщики! Унесите!

Входят монтировщики.

МОНТИРОВЩИК. А ключ?

КОРНЕЕВ. У директора.

Монтировщики берут за ноги мертвого режиссера, чтобы унести. За кулисами суета, крик уборщицы.

Вбегают два оперативника с оружием.

МЛАДШИЙ ОПЕР. Всем стоять! Ни с места, сказал!

СТАРШИЙ ОПЕР. Извините, граждане, у нас был сигнал, что здесь преступление.

Пауза.

КОРНЕЕВ. Кто вы такие?

СТАРШИЙ ОПЕР. Хамовничье РУВД.

ЧОХМАНДА. Это заметно...

СТАРШИЙ ОПЕР (*на тело режиссера, монтировщикам*).

Чо понесли?

ЛОРА ПРУН. Это часть декорации.

СТАРШИЙ ОПЕР (*смотрит в мертвое лицо режиссера*.)

Труп называете декорацией? (*Разглядывает тело*.)

САТАНОВСКАЯ. Простите, у нас репетиция!

СТАРШИЙ ОПЕР. Неужели? (*Сатановской*.) Красавица, это ты ему череп проломила? (*Чохманде*.) Или ты, старый пузач?

ЧОХМАНДА. Что вы себе позволяете?! Я народный артист!

СТАРШИЙ ОПЕР. Вы убийца, радость моя. А актерство — все уже в прошлом. Сидеть будете, я клянусь!

ЛУРЬЕ. Клоунада...

СТАРШИЙ ОПЕР. Влипли вы, братцы. Все поголовно. (*Младшему*.) Звони в спецотдел. Скажи — взяли целую банду актеров известных.

АФИНОГЕНОВА. Смешно...

КОРНЕЕВ. Голубчик, а можно ваш документик?

СТАРШИЙ ОПЕР. Ксиву? Прошу. (*Отдает удостоверение, младшему.*) Посчитай всех.

МЛАДШИЙ ОПЕР. Не могу... Их очень много...

СТАРШИЙ ОПЕР. Отойти всем к стене!

ЧОХМАНДА. Как это все неприятно...

Быстро входит директриса.

ДИРЕКТРИСА. Простите, могу я узнать, что тут такое?

СТАРШИЙ ОПЕР (*натягивает ленту через сцену*). Сюда не ходить, здесь отпечатки.

ДИРЕКТРИСА. Я директор театра.

СТАРШИЙ ОПЕР. Да что вы? А мы — Хамовничье РУВД.

ДИРЕКТРИСА. Очень приятно.

СТАРШИЙ ОПЕР. Да приятного мало. (*Указывает на труп.*)

ДИРЕКТРИСА. Ужас какой...

СТАРШИЙ ОПЕР. Это хуже, чем ужас... Это — ад, преисподняя. Смотрите, как они издевались над ним.

Такой страшный труп я вижу впервые. Маньяки-рецидивисты и то милосерднее.

ДИРЕКТРИСА. Чочкарев, это все вы?!

ЧОЧКАРЕВ. Я?!!

СТАРШИЙ ОПЕР. Нет-нет... Он был не один. Это было спланировано, организовано всеми. (*Смотрит на мертвого режиссера.*) Я кино больше люблю, чем театр... И спектакли этого... как его... режиссера... я не видел, но все равно — он был человек...

ДИРЕКТРИСА. Может, мы как-то... (*В руке сумка с деньгами.*)

СТАРШИЙ ОПЕР. Нет, я на принцип пойду, но вас всех упеку. И президент не поможет. Известные люди, артисты, а вытворяют такое... Хотели съесть человека. Съесть, как дикари! Ладно, я понимаю, были б голодные, а то ведь икра прет из ушей.

ВДУНОВ. Докажите.

СТАРШИЙ ОПЕР. Докажем. Я еще за это звездочку получу.

ЛОРА ПРУН. Что, мы одни? В Москве куча театров!..

СТАРШИЙ ОПЕР. А меня не интересуют другие театры.

Меня интересует только моя жена. Она служит в вашей клоаке. Месяц назад устроилась реквизит подносить, всю жизнь мечтала работать в среде любимых актеров... И увидела, блин... (*Чохманде.*) Вот вас вся страна любит, вы герой на экране, а здесь ну просто редкий подлец! (*Сатановской.*) А вы принцесс все играете, а в жизни бьете детей... Приходит вчера жена после спектакля и плачет: «Они человека сожрать собрались»... А сейчас домой приезжает, рыдает: «Спаси, у нас режиссера пытаются!» Я думал, моя бедняжка тронулась вовсе... Ведь это в здравом уме не придет, дикость такая! А потом думаю — дай-ка съезжу проверю... Проверил... (*На Чохманду.*) Чем известнее человек, тем он поганее. Горькая правда.

Пауза.

ЧОХМАНДА. Хотите признания?! Да, да! Это я его убил!

Я! И я требую открытого суда, чтобы вся страна знала! (*Задыхаясь от волнения.*) Раньше... я режиссеров очень любил... Они для меня... были как боги: все видят, все понимают и любят актеров больше, чем жизнь! Дурак был наивный!!! Сколько я этой братвы повидал... Есть режиссеры-всезнайки, я их называю «интеллект в грязных носках», такие всегда говорят о новых течениях, а на деле, кроме Беккета, ни черта не читали! Им поставить спектакль — как опорожниться... Шлеп, шлеп, и в упаковку! А еще есть эстеты. Такие ходят в шикарном костюме и галстук, говорят о прекрасном и вдруг забудутся во время репетиции и начинают в носу ковыряться... А есть алкаши, задорные парни, но любят подраться. Но хуже всех ненормальные! Этим только секс за кулисами подавай! (*Заплакал.*) А ты живешь и год за годом ждешь свою роль, а время уходит, стареешь, стареешь... И вот — появляется новый кровосос! Придет, концепцией соблазнит, разбередит твое сердце: «Вы же великий актер, вы же круче Богарта Хамфри, давайте играть “Дядю Ваню”»! И ты на крыльях летишь, его сивый бред исполняешь, а потом после премьеры сидишь в гримерке один и вдруг понимаешь — в таком дерьме я еще не играл... И бац! — получаешь инфаркт. (*Плачет.*) Все режиссеры, как близнецы, их где-то печатают под копирку! Чудовища, самодуры, подонки, тираны!!! Я их убивал, убиваю и буду мочить! Они гадят жизнь не только актерам, но и губят театр!

КОРНЕЕВ. Не оговаривай себя! Это я!

ЛУРЬЕ. Ты?! Да это я!!!

ФЛЯГИН. Да нет, это я!

ЛОРА ПРУН. Фляга, ты-то при чем, сволочь такая...

ВДУНОВ. Я! Я его убил! Я!!!

ЧЕРТИЛОВА. Нет, я!

АФИНОГЕНОВА. Я!

САЙДУЛЛАЕВ. Я!

Все тычут пальцами в себя, кричат, потасовка. Опер стреляет вверх, чтобы прекратить беспорядок.

Режиссер оживает, как ни в чем не бывало встает на ноги.

Все замирают, пораженно глядят на него.

РЕЖИССЕР. Что, опять перекур??? (*Бодро.*) Репетировать! Репетировать! Мы не успеем! На сцену!

Верхняя галерея. Стоят Станиславский, Чехов и ангел-хранитель, который смеется.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Вы же не в цирке, Антон Палыч!

ЧЕХОВ. Да, но цирк, по крайней мере, честней. (*Показывает дыру в шортюке.*) Глядите, сейчас в меня пуля попала, а мне хоть бы хны... Вот она — польза бессмертия.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Мы не имеем права вмешиваться!
Вы воскрешаете его третий раз!

ЧЕХОВ. Я автор, имею полное право.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Да он калечит вашу пьесу! Посмотрите, что он творит!

Смотрят вниз.

ЧЕХОВ. Не знаю... В этом есть что-то...

СТАНИСЛАВСКИЙ. Вы думаете, он разгадает ваш замысел? И не надейтесь! Слабо! Типичный прохвост!

ЧЕХОВ. А вдруг?

СТАНИСЛАВСКИЙ. «Вдруг» не бывает! Есть же система!

ЧЕХОВ. Нет, Станиславский. Есть человек.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Какой человек? Где человек?!
Сплошная механика! Он вас вывернул наизнанку!..

Унда-унда, годо-до! Рохчи-бохчи коромбо! А кто говорил, что уже надоело в гробу переворачиваться?

ЧЕХОВ. Это фигура речи. Вы же знаете, нет гробов никаких.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Ну да, есть только вечность! И вы вечно будете мне говорить, что ваш замысел так и не понят. (*Пауза.*) Дорогой мой, так нельзя...

ЧЕХОВ. Надо было мне писать понятнее, что ли...

СТАНИСЛАВСКИЙ. Успокойтесь, не мучьте себя. (*Указывая на ангела-хранителя.*) Вот ему давно все понятно...

Все трое смотрят вниз.

На сцене актеры изображают что-то невероятное. Режиссер сидит, внимательно смотрит, дает указания. Опер и его помощник глядят, открыв рот, на происходящее, переглянулись, покрутили пальцами у виска, уходят.

КОРНЕЕВ (*играя Фирса*). Ыт хэ! Апетоден! Огечин ьсолатсо, огечин... От-икшулис у ябет утен... Ужелоп я... (*Встает.*) Ынзиж алшорп, онволс и ен лиж... (*Бормочет.*) Одолом-онелез! От-я ен ледялгоп... (*Озабо-*

ченно вздыхает.) Диноел Чиерна, ьсобен, ыбуш ен ледан, в отьлап лахеоп! Янем орп илыбаз... *(Встает с дивана, магически пятится задом.)* Илахеу... Отрепаз.

ФАЙКО. Нелоб но.

АФИНОГЕНОВА. Адгесв как тедо Сриф, в екаждип и йолеб ектелиж!

САЙДУЛЛАЕВ. Хагон ан илфут.

ГАДИН. Зи иревд отч оварпан, ястеавызакот Сриф.

ВДУНОВ. Ясташылс игаш.

ЛУРЬЕ. Меди ым! *(Магически пятится назад.)* Меди ым!

ФЛЯГИН *(играя Трофимова)*. Уа!

САТАНОВСКАЯ *(играя Аню)*. Амам!

ЧОХМАНДА *(играя Гаева)*. Артсес яом, артсес яом...

ЧОЧКАРЕВ *(играя шкаф)*. Оп йотэ станмок алибюл ьтидох яанийокоп ьтам!

АФИНОГЕНОВА. В йинделсоп зар ьтунялгзв ан ьнетс, анко ан!

ФЛЯГИН. Уа!

САТАНОВСКАЯ. Амам!

ВДУНОВ. Йашорп... Йашорп...

ЧОХМАНДА. Дас йашорп...

ВСЕ. Йашорп!

Входит группа чиновников с портфелями. Актеры прекращают играть.

РЕЖИССЕР *(оглядывается)*. У нас репетиция! Почему посторонние в зале?!

Начальник управления культуры (*женского пола*).

Мы не посторонние, Константин Сергеич...

РЕЖИССЕР. Потом...

ЗАМЕСТИТЕЛЬ-МУЖЧИНА. У нас выездная комиссия.

Вы должны прервать репетицию.

РЕЖИССЕР. На каком основании?! Вы что, идиоты?!

Начальник-женщина. Не кричите... Ваш театр на нашем балансе, и вы подчиняетесь нам напрямую.

РЕЖИССЕР. Да кто они?!

ЗАМЕСТИТЕЛЬ-МУЖЧИНА. Мы — управление культуры.

Начальник-женщина. Мэр узнал о конфликте в вашем театре и дал срочное указание разобраться.

РЕЖИССЕР. Потом!

Начальник-женщина. Повторяю...

РЕЖИССЕР. У меня завтра премьера!

Начальник-женщина. Возможно. Но не в этом театре. Ваш контракт аннулирован.

Пауза.

РЕЖИССЕР. Контракт???

Начальник-женщина. Да, контракт.

РЕЖИССЕР. Простите... я... не сейчас... мне трудно понять...

ЗАМЕСТИТЕЛЬ-МУЖЧИНА. Понимать нечего. Вы свободны.

РЕЖИССЕР. В каком смысле???

ЗАМЕСТИТЕЛЬ-МУЖЧИНА. В прямом.

РЕЖИССЕР. Свободен?

Начальник-женщина. Абсолютно свободен.

Пауза.

РЕЖИССЕР. А... Как же спектакль???

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Спектакля не будет. Зато появятся новые...

Появляется директриса, она ведет под руку молодого человека, у него лицо динозавра.

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА (*актерам*). Друзья, позвольте представить — Георгий Бессмертный, ваш новый главный режиссер. (*Молодой человек кланяется актерам.*) У него далеко идущие планы относительно вас. Он хочет поставить современную пьесу... (*Режиссеру.*) Я забыла... Как называется?

НОВЫЙ РЕЖИССЕР. Вишневый ад.

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Ах, замечательно...

ДИРЕКТРИСА. Господа, прошу в фойе. Наш новый художник организовал маленький праздничный столик!

РЕЖИССЕР. Постойте! Постойте!

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Ну что там еще?

РЕЖИССЕР. Я вложил в это все! Все отдал, что имею!

ДИРЕКТРИСА. Где товарные чеки?

РЕЖИССЕР. Я про душу и сердце!

ЗАМЕСТИТЕЛЬ-МУЖЧИНА. Он про душу и сердце...

РЕЖИССЕР. Вся моя жизнь, чтобы сделать этот спектакль!!! Дайте закончить!

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Кончайте в другом месте.

РЕЖИССЕР. Постойте... (*Встает на колени.*)

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Оставьте меня!

РЕЖИССЕР. Так нельзя! Люди вы или нет?!

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Повторяю — контракт ваш закончен.

РЕЖИССЕР. Я прошу... Я... Пожалуйста! Господи!!!

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Да объясните ему...

РЕЖИССЕР. Я сделаю это! Я должен! Я должен! Я должен!

ЗАМЕСТИТЕЛЬ-МУЖЧИНА. Успокойтесь, вы никому ничего не должны.

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА (*режиссеру, который пытается поцеловать туфли начальницы*). Прекратите!

РЕЖИССЕР. Вы убьете спектакль! Он скоро родится!

Кто-нибудь... Ну скажите вы ей!!!

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Факт подтвердился, он совсем ненормальный.

ДИРЕКТРИСА. Вам же сказали — рожать в другом месте.

РЕЖИССЕР. Вы убьете меня!!! Так нельзя!!! (*Ползает на коленях от одного к другому.*)

Все двинулись к выходу, впереди — руководство.

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. А Будницкая играет еще?

КОРНЕЕВ. Нет, она год назад умерла.

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Жаль, прекрасная актриса была.

ДИРЕКТРИСА. Вы будете красное?

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Белое.

РЕЖИССЕР. Я прошу... (*Ползает на коленях, путается под ногами, цепляется за ноги актеров, за руки чиновников, его отталкивают.*)

ДИРЕКТРИСА. Нам бы одежду для «малой» и свет.
ЗАМЕСТИТЕЛЬ-МУЖЧИНА. Смету составить.

Актеры перешагивают через режиссера, уходят.

РЕЖИССЕР (*как собака, ползает на коленях*). Пожалуйста...

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА (*вдруг замечает, что на бутфорском дереве сквозь гипс пробивается живой, зеленый листочек, не понимает, отрывает, смотрит, что такое.*) Сколько ей было?

КОРНЕЕВ. Будницкой? Не помню. Старухой была.

НАЧАЛЬНИК-ЖЕНЩИНА. Да что вы, как жалко... (*Бросает листок, прислушивается к очень простой и очень знакомой мелодии, идущей с большой сцены.*) Знакомое что-то играет...

ДИРЕКТРИСА. Там конкурс красоты. Пройдемте.

Все уходят.

Остаются двое: Файко и Гадин. Глядят на режиссера.

ФАЙКО. Ну что, он хотел жирную точку. Поставим?

ГАДИН. Поставим.

Бьют ногами режиссера, потом мочатся на него, смеются, уходят.

Режиссер остается лежать неподвижно, уткнувшись лицом в сцену.

Осветитель выключает рубильник. Становится темно.

Слышно, как удаляются последние шаги.

Над дверью тускло горит красный фонарь с надписью:
«Тихо! Идет репетиция!»

Станиславский, Чехов и ангел-хранитель стоят над телом режиссера.

ЧЕХОВ. Странная штука — после смерти я узнал, что такое жизнь, но что такое театр — до сих пор не понимаю.

СТАНИСЛАВСКИЙ. Волшебство... Волшебство...

ЧЕХОВ. Жаль, ничего не успел... Ничего... Совсем ничего...

СТАНИСЛАВСКИЙ. А может, все к лучшему? Теперь он сможет лично встретиться с вами.

ЧЕХОВ. Через минуту его душа отлетит. Трудно привыкнуть... Загадка...

СТАНИСЛАВСКИЙ. Не волнуйтесь, ангел проводит его.

Чехов и Станиславский исчезают, превратившись в облако.

Режиссер неподвижно лежит, рядом ангел. Облако зависает над режиссером, взрыв света. На секунду декорация становится настоящим, живым садом с живыми птицами, голосами и апрельским ветерком.

Мгновение, и все исчезает.

Темнота.

Шаги в пустом зале, тихий плач.

Занавес

Письмо

(о пьесах Олега Богаева)

Язык — это такой кусок льда — теплого, холодного, горячего, нестерпимо жаркого, — который мы носим в себе. Лед то подтаивает, то опять нарастает, меняет температуру и очертания свои. Кто-то медленно истекает — речью — на протяжении многих лет, а кто-то плавит этот лед — усилием души и дара своего — быстро, сразу, молниеносно. Слякоть речи и потоп языка — вот два состояния языковой личности. Дело здесь в энергии душевной, в страсти, в замысле и в промысле Божьем, в силе таланта.

«Русская народная почта» — пьеса известная, ее ставили и ставят на сценах театров в России и за рубежом. Ее любят (это очевидно), она удивляет, и ее побаиваются. Почему? Причин такому противоречивому отношению к тексту много. Прежде всего, я думаю, остается загадочным качество таланта О. Богаева: откуда он

взялся — такой серьезный, глубокий, умный и страшноватый? «Русская народная почта» — художественный текст полижанровой природы. Это не только пьеса, но и повесть, и роман в письмах, и рассказ, и цикл новелл, и фольклорно стилизованный сказ, и поэма в письмах, и — просто — поэма. Очевидная повествовательность текста перепажана монологами и диалогами. Жанровая стереоскопичность пьесы проявляется еще и в том, что этот текст существует явно во внеаристотелевском пространстве, как любая художественная мысль обитает во внеевклидовом, полисферическом космосе Н.И. Лобачевского, А. Эйнштейна и в бытие-времени-смысле М. Хайдеггера. О. Богаев — явный последователь не Чехова («маленький человек» в «больших затруднениях»), и не Булгакова (трехслойный хронотоп), и не А.Н. Островского (среднестилевая идиоматика текста, персонажа, жизни), и уж совсем не А.М. Горького. Словесно и стилистически, бытийно и концептуально О. Богаев регенерирует энергию высокого стыда и ужаса красоты А. Пушкина (особенно в языке) и Н. Гоголя (преимущественно в многослойном хронотопе). Именно эти предтечи позволяют О. Богаеву соединять потоки сознания, мира, совести, души и Космоса. Богаевский ветер времени сдувает шелуху социально-бытового (оставляя убийственные детали) и выдувает из-под пепла рутинного сознания огромные, неподъемные валуны быто-бытийного. Богаев не просто упорядочивает хаос в космос, а вполне поэтически (вот почему «Русская народная почта» — поэма) создает третье состояние бытия — хаоскомос. Вот почему Иван Сидорович Жуков — не чеховский Ванька, однофамилец Ивана Сидоровича, который получает селедкой по морде от хозяйки, жены

сапожника, — богаевский Иван получает по морде, по голове, по сердцу, по душе всей тяжестью жизни, судьбы, всем ужасом России и русской жизни, всей свежестью любви, всей милостью смерти.

Стереоскопичность — главное свойство и текста пьесы-повести-романа-сказа-поэмы, и персонажа, и красоты, порождаемой болью расщепления человеческой личности на глобальные сущности страны (Иван — страна), войны (Иван — война), труда (Иван — рабочий человек), любви (Иван — любовь, дружба, муж и друг), жизни (Иван — жизнь), судьбы (Иван — мученик), смерти (Иван бессмертный), — а также на более конкретные и некрушимые субстанции города, улицы, магазина, котлет, комода, чайника, кошмарного торта, конвертов и т.д.

Письма Ивана Сидоровича — это не только материальный знак одиночества и спокойного, ледяного безумия: глубоко и объективно в пьесе-поэме происходит переписка сердца с разумом, разума с душой и души с сердцем. О. Богаев угадывает тайну старения на всех ее процессуальных стадиях: молодая старость, мудрая старость, старая старость и смертельная старость. Такая антропологическая точность/правда также манифестирует расщепление жизни на любовь (жена, друзья, работа, страна, государство и т.д.) и на смерть (Елизавета II, Ленин, Чапаев и др.). Антропологическое время расщепляется, и потоки его разносят в стороны Ивана-Ивана, Ивана-жену, Ивана-друзей, Ивана-войну, Ивана-страну и Ивана-злодея (Ленин, Сталин и др.), Ивана-квартиру, Ивана-чайника, Ивана-торта, Ивана-письма. Homo sapiens остается доминантой, и время выносит к нам, на наш берег живых, только Ивана-письмо.

Письмо — сущность летучая, перелетная, птичья. И Иван-письмо разводит свой эпистолярный птичник не только в своем дому, но и в наших умах, сердцах и душах. Письма появляются сами собой — как наши внутренние монологи. И это нормально (психиатр здесь должен усмехнуться). Автомонолог-письмо не нуждается в земле, он есть сущность небесная, т. е. душевная, безвидная и невесомая. В «Русской народной почте» — нет земли. Нет тверди земной. Нет вообще суши и тверди. Есть только твердь небесная. (Земля появится, чтобы умирать, в пьесе О. Богаева «Марьино поле»). Земли здесь и не должно быть, потому что Иван есть земля. Умрет Иван — исчезнет земля. Эмоционально-психологическая фабула, преодолевая оукливание безумием, становится душевной и, коснувшись эпилогической фабулы смерти, превращается в бытийную, духовную, онтологическую. Безумие в этом случае куда нормальнее прагматики современного российского мира: на твой безумный мир ответ один — отказ! Безумие Ивана есть отказ от безумия мира, пораженного пошлостью (деньги — деньги — деньги: Елизавета II делит квартиру еще не усопшего Ивана с его насильными наследниками — с Лениным, Сталиным и проч. [а также артисткой Орловой Любовью, ухотавшей в свое время все репрессированное население СССР], которые и есть воплощения современных людей — любителей русской халявы и халявной собственности [квартира Ивана — архетип раздаваемой Ельциным I страны; его роль здесь играет Елизавета II, — анаграмматичность имен этих деятелей очевидна]). Стереофабульность пьесы обеспечивает наличие в тексте, в подтексте, в предтексте, в затексте и в послетексте стереосмыслового эффекта: полиинтерпретативность и фабульной, и

образной основ текста — налицо, — всякий факт здесь может осознаваться множественно (а это признак большой литературы).

Был ли Иван Сидорович до своей автопереписки пошлым человеком? — Да. Несомненно. Как и все мы — в той или иной мере и степени. Однако одиночество (читай — безумие: мужик пишет письма себе!) излечило его: так сказать, пошлостью пошлость поправ, Иван просветляется — не водкой, не героином, не свальным грехом, а — смертью своей. («Здравствуй, Ваня! Пишет тебе твоя смерть <...> Ваня, живи вечно. Прощай. Твоя смерть»). Ивану ни к чему искать глазами смерть, чтобы заглянуть ей в лицо, в очи. Иван сам себе смерть. Сам себе жизнь, страна, война и любовь... Финал пьесы многозначен. Я понимаю его так: умирает Иван, и вместе с ним умирает война, страна, Ленин-Сталин, любовь, дура Елизавета II, торт, жизнь, занюханная квартирка, чайник, инфаркт, но главное, вместе с ним умирает сама смерть. Всё. Место и время сии — пусты и чисты. Можно начинать с самого начала, с того, где только Дух, безвиден и нестрашен, носится над хлябями.

Язык пьесы — синтаксически, лексически, грамматически и стилистически — предельно точен и ясен. Лапидарность, почти однословность. И при всей экономности и краткости язык пьесы-поэмы образует мощный смысловой, образный и ассоциативный поток. Концептуально «Русская народная почта» представляет собой сложную многоярусную структуру, в которой социальные слои общей концептосферы взаимодействуют с антропологическими, историческими и т. п. Однако базовый слой концептосферы наполняется смыслами и образами духовной природы. Поэтому один из интерпрета-

ционных путей обязательно приводит зрителя/читателя к мысли о том, что Иван, умирая, остается вечным (т. е. исчезает), — исчезает всё: инфаркт мироздания, но... Но письма остаются!

Письмо, письменность, словесность — вот гиперидея пьесы-поэмы. Пьеса открывается перечнем действующих лиц: дюжина Иванов Сидоровичей Жуковых в резюме «Итого: Человек, 1 штука». Двенадцать воплощений и перевоплощений Ивана исходят из бухгалтерско-канцелярского осознания Пошлостью стереоскопического феномена пьесы-поэмы: а человек-то один. Как и ответ один — отказ. Отказ от безумия мира. В финале пьесы можно было бы дать 12 занавесов, уточнив парадигму занавесов итогом: «Занавес, 1 штука». Двенадцатый занавес — это конец. Конец света.

Функциональный тип авторской речи в пьесе является опять же множественным. Повествовательность (проза) синтезируется с монологичностью речи героя, которая восполняется диалогичностью эпистолярного и бредового (Елизавета — Ленин — Сталин — другие) характера. Чередование таких порой несовместимых речевых актов создает особый гиперритм пьесы — поэтический. Весь текст воспринимается (в чтении вслух и про себя) как лиро-эпическое стихотворение-сказ-поэма. Пьеса просодически, несомненно, поэтична, а голый, почти одноклеточный синтаксис создает эффект доблестного бормотания-повествования-плача, плача по Ивану.

Стилистически пьеса странным образом парит и планирует между книжностью и городским просторечием: словно Олег Анатольевич (Богаев) и Иван Сидорович (Жуков), живя в дописьменную эпоху, вдруг в процессе

отчаяния обретают письменность. Боль дарует человеку письменность. Память и боль, потому что боль есть память. Боль есть главный герой пьесы.

«Русская народная почта» — это пьеса прежде всего для чтения. И — письма. Писем. Которые ждут ответа. Пьеса-поэма О. Богаева есть само по себе письмо, на которое всем нам еще придется отвечать.

Если «Русская народная почта» — плач по Ивану, то «Марьино Поле» («Поле» — с заглавной буквы!) — плач по земле и по нас, на ней стоящих и лежащих в ней. Если Иван путается в притяжательных местоимениях в письме себе — президент и не оговаривается, а проговаривается: «могу быть полезным **вашей** родине...» и «процветание **вашей** отчизны», вежливо исправляя форму второго лица на первое — «нашей», — то старухам, последним обитателям, может быть (и как оказывается), последней деревни, — этим несчастным, но витально вечным старухам и в голову не придет определять принадлежность земли: она просто земля — часть нас, и мы часть ее заброшенной, никому не нужной плоти... Под Иваном Сидоровичем нет земли; он где-то на каком-то этаже, почти в небе: он — вообще не человек, а письмо, человек-письмо, писанное жизнью, Богом и душой. Серафима, Марья и Прасковья — три составляющие жизни и земли: сомнение, любовь и вера — а это уже вещество памяти, нашей памяти, русской памяти.

«Марьино Поле» — пьеса старинная (поэтологически), странная, стереожанровая природа которой очевидна: «Марьино Поле» — это и пьеса-притча, и сказка, и сказ про трех старух-богатырей и корову, и аллегорическое повествование и т.д. и т.п., но главное (а здесь снова проявляется фольклорная способность таланта О. Бога-

ева), — она — плач. Плач как жанр устной поэтической речи и плач как таковой, — горький, долгий и безнадежный плач то ли человека, то ли уже самой земли.

В «Русской народной почте» О. Богаев реализует внутренний, имплицитный (не выраженный явно), имманентный хронотоп. Топос, в котором пишется Иван, и примитивен, и чрезвычайно сложен: он как бы загнан внутрь Ивана и не дает ему покоя, приводя простого мужика к эпистолярной горячке. Здесь, в Иване, полосуется топоры войны, любви, жизни, страны, идеи, насильственно внедренной в нас Лениным-Сталиным-Ужасом. Хронос Ивана может быть представлен одновременно в форме Вавилонской башни и Иванова само-сожженного, но недогоревшего, скорее — обожженного, как танкист, торта. Почему Время Ивана как Вавилонская башня? — Потому что Иван не понимает, вернее — не может понять, языков времен, втиснутых в него, а среди них есть и чуждые (социальное время, политическое etc.), и убийственные (война, российская звериная демократия etc.). — Иван накренился, затрепетал — и стал Письмом, которое пишется временем души, изболелшейся, изуродованной, но по-прежнему еще живой и, как это ни странно, доброй. Время Ивана в виде прогоревшего торта — это овеществленное представление о времени-катастрофе. Там всё катастрофа — от котлет до Любви Орловой, от погибших на фронте друзей до Смерти, от письма самому себе до своего ответа на свое письмо — самому себе. Время в пьесе-плаче «Марьино Поле» — это уже не метафорическое образование, а реальный разрыв — наперекор теории Альберта Эйнштейна — топоса и хроноса: топос сам по себе, — пуст, заброшен и непригляден; хронос — сам по себе, — ката-

строфичен и гибелен. (Так и хочется крикнуть Ленину-Сталину-Гитлеру-Ельцину: — Господа, вы — звери... Что же вы натворили... Вы же матерей своих изуродовали... Землю изнасиловали и бросили... Господибожетымой... Да на каждой станции русской нужно поставить памятник: стоят девушка, женщина и старуха — ждут своих женихов, сыновей, мужей и братьев, убитых этими гадами, в башке у которых только одно — ДЕНЬГИВЛАСТЬ!..) Именно здесь, в пропасти между топосом и хроносом, возникает логос.

Как и «Русская народная почта», пьеса-плач завершается появлением персонифицированной Смерти. И здесь Смерть милосерднее Жизни, потому что избавляет Ивана, Марью, Серфиму и Прасковью от Ужаса Современной Жизни, даруя Ивану вечность, а Марье молодость. Смерть у Богоева есть синтезатор всех видов времени, но результатом такого синтеза является не вечность, а человек: вечный Иван и вечно молодая Марья.

Олег Богоев в этих двух пьесах (поэме и плаче) представляет людей, «выхваченных» не из рутинного (а значит, милого нам и пошлого по определению) состояния жизни (или так называемой жизни), — писатель вырывает их из начинающего затвердевать вещества смерти — и заставляет жить (и Ивана, и Марью, и иже с ними, и нас с вами) жизнью невероятной, страшной, но и загадочной одновременно. Иван да Марья переживают особое состояние неопределенности, в котором в большей степени, нет — в максимальной степени проявляется душа, — они живут в жизнестерти, в котором нет ничего необычного/фантастического и пограничного. Богоевская тайна — не темная, она светоносна, потому что источает такую боль, что от нее видно всё и во все сторо-

ны света. Что толку сочинять гневные инвективы и проклятия веку, миру, тирании — куда как страшнее и честнее заглянуть в тайну жизнесмертия и, соединив свою боль с болью страны (а Иван да Марья — страна), стать частью той невидимой сегодня стороны нравственности и эстетики, которую раньше называли — гуманизм. Мы долго строили и строим до сих пор то социализм, то коммунизм, то демократический (читай — феодальный) капитализм. Может быть, пришла пора создать новую социально-этическую (экономическую, политическую и проч.) общественную формацию с забытым интеллигентским названием «гуманизм».

Юрий КАЗАРИН

Комментарии

Сансара. *Комедия в одном действии.* Первая пьеса, написана в 1993 г. Впервые опубликована в сборнике пьес уральских авторов «Арабески» (1998). Первая постановка: спектакль студентов Екатеринбургского театрального института (режиссер Азалия Блинова, 1994 г.). Позднее, в 1995 г., сделана телеверсия спектакля на Свердловской государственной телерадиокомпании.

Русская народная почта. *Комната смеха для одинокого пенсионера в одном действии.* Третья пьеса, написана в декабре 1994 г. Представлена на фестивале молодой драматургии «Любимовка» (1997), режиссер В. Долгачев, в гл. роли актер МХАТ В. Кашпур. Впервые опубликована в газете «Экран и сцена» (Москва, 1997). Впоследствии печаталась в журналах «Драматург» (Москва, 1997), «Theater der Zeit» (Берлин, Германия), сборнике пьес «Арабески» и др. Переведена на немецкий, английский, французский, греческий, сербский, болгарский, японский, польский и другие языки.

За пьесу «Русская народная почта» Олег Богаев удостоен премии «Антибукер» (1998).

Пьеса «Русская народная почта» впервые была поставлена в октябре 1998 г. на сцене Екатеринбургского театра драмы (режиссер Н. Коляда, в гл. роли В. Воронин). В ноябре этого же года состоялась московская премьера в театре п/р О. Табакова (режиссер Кама Гинкас, в гл. роли О. Табаков). Спектакль — победитель фестиваля «Золотая маска» (1999), участник фестиваля *Bonner bienalle-2000* (Бонн, Германия).

В 2002 г. создан телефильм «Русская народная почта» (режиссер В. Мирзоев, в гл. роли М.А. Ульянов, это последняя роль на телевидении известного русского актера.) Пьеса поставлена в Александринском театре (г. Санкт-Петербург), в театре Тихоокеанского флота (г. Владивосток), Комедия (Нижний Новгород) и многих других театрах России, а также в городах Софии, Париже, Констанце, Вашингтоне, Лондоне и проч.

Мертвые уши. *Новейшая история туалетной бумаги.* Написана в 1995 г. Впервые опубликована в газете «Экран и сцена» (Москва, 1997). Затем в журналах «Современная драматургия» (Москва, 1998), «Theater Heute» (Кельн, Германия), «Interplay» (Лондон, 2005), в сборнике пьес «Арабески» (1998), антологии современной

драмы «Гвоздени век» (Белград, 2000). Переведена на шведский, немецкий, английский, французский, венгерский, польский языки.

Впервые поставлена в Томском областном театре кукол (режиссер Роман Виндерман) в 1998 г. В разные годы спектакли по пьесе «Мертвые уши» поставлены в городах России, Германии, Франции, Венгрии, Болгарии, США.

В книге публикуется редакция пьесы 2011 г.

Великая Китайская стена. *Комедия в двух актах.* Написана в 1996 г. Впервые опубликована в сборнике пьес «Сюжеты» (Москва, 1997).

Первая постановка осуществлена как радиоспектакль в рамках проекта Радио России (1997). Премьера спектакля на сцене состоялась в 2003 г. в Центре драматургии и режиссуры п/р А. Казанцева и М. Рощина (режиссер Александр Вартаков).

В книге публикуется редакция пьесы 2011 г.

Страшный суп. *Продолжение преследует в двух актах.* Пьеса написана в 2000 г. Тема конца света связана с личным опытом автора. Являясь стипендиатом академии Schloss Solitude в Штутгарте (Германия), автор оказался свидетелем разрушительного урагана на юге Германии, когда было уничтожено 20% лесов Шварцвальда. Впервые опубликована в журнале «Современная драматургия» (Москва, 2002). Переведена на эстонский, датский, французский языки.

Первая постановка пьесы состоялась в октябре 2001 г. в Рижском театре русской драмы (г. Рига, Латвия). Режиссер Владимир Петров.

В разные годы спектакли по пьесе шли на сценах Иркутска, Риги, Томска, Новосибирска и др.

В книге публикуется редакция пьесы 2011 г.

Резиновый принц. *Комедия в двух действиях.* Пьеса написана в 2001 г. Первое название пьесы «Фаллоимитатор». Идея создания возникла в 1998 г., после знакомства с супругой самого известного в 90-х гг. олигарха. Пьеса опубликована в сборнике пьес «Репетиция» (2002). Переведена на французский и английский языки.

Премьера спектакля состоялась в 2003 г. в московском Театре эстрады (режиссер Нина Чусова, в гл. роли Лолита Милявская).

В книге публикуется редакция пьесы 2012 г.

Башмачкин. *Чудо шинели в одном действии.* Написана в 2002 г. Опубликована в сборнике пьес «Нулевой километр» (2003).

Впервые поставлена в феврале 2006 г. в Театре-студии-21 (Москва, режиссер Владимир Мирзоев, в гл. роли Е. Стычкин). Премьера в Екатеринбурге состоялась осенью 2006 г. (режиссер Николай Коляда, в гл. роли Олег Ягодин).

Тридцать три счастья. *Комедия в двух действиях.* Написана в 2003 г. Впервые опубликована в журнале «Урал» (2004).

Пьеса — лауреат драматургического конкурса «Сибирский транзит» (2004).

В 2005 г. впервые поставлена в театре «Театрон» (Екатеринбург). Здесь автор пьесы выступил в качестве режиссера (в гл. ролях И. Турышев и Т. Головина). Постановка спектаклей по пьесе осуществлена в городах Абакана, Томска, Челябинска, Новосибирска и др.

Тайное общество велосипедистов. *Комедия в двух действиях.* Написана в 2004 г. Впервые опубликована в сборнике пьес «Нулевой километр» (2003).

За пьесу «Тайное общество велосипедистов» Олег Богаев удостоен премии драматургического конкурса «Евразия» (2004).

Премьера пьесы состоялась в 2012 г. в Вильнюсском молодежном театре (режиссер Альгирдас Латенас).

В книге публикуется редакция пьесы 2012 г.

Марьино поле. *Пьеса в двух действиях.* Написана в 2004 г. Впервые опубликована в сборнике «Действующие лица» (Москва, 2004), издана в сборнике уральских драматургов «Все будет хорошо» (2005). Переведена на татарский, английский, польский, немецкий и испанский языки.

Премьера спектакля по пьесе состоялась в 2005 г. на сцене московского Театра им. Пушкина (режиссер Роман Козак).

Поставлена в театре на Литейном (г. Санкт-Петербург), DCA TUTA (г. Чикаго), областном театре драмы (г. Кемерово), театре «Свободное пространство» (г. Орел), Молодежном театре (г. Улан-Удэ) и др.

Пьеса — лауреат драматургического конкурса «Действующие лица» (2004).

Dawn-way. *Пьеса в одном действии.* Написана в 2006 г. Впервые опубликована в сборнике «Лучшие пьесы 2006 года», публиковалась в журнале «Современная драматургия» (2007).

В черновой редакции пьесы, появившейся в интернете, жанр обозначался как «дорога вниз без остановок». По этой причине появился

ряд спектаклей, где театры указывали заглавие как «Down-way» («Дорога вниз»). Оригинальное название пьесы переводится автором на русский язык как «Путь рассвета». Пьеса переведена на румынский, польский, казахский языки.

Премьера спектакля по пьесе произошла в 2007 г. на сцене Санкт-Петербургского центра «Оп-театр» (режиссер Юрий Костров).

Поставлена в Краснодарском театре драмы, Мурманском областном театре кукол, Национальном театре Румынии (г. Ясса) и др.

Шпильки. *Пьеса в одном действии.* Написана в 2009 г. Черновая редакция пьесы имела заглавие «Как я съела мужа», была напечатана в журнале «Урал» (2009). Окончательная редакция пьесы опубликована в сборнике «Лучшие пьесы 2010 года» под заглавием «Шпильки».

Не поставлена.

Вишневый ад Станиславского. *Обычная история в одном действии.* Пьеса написана в 2010 г. Опубликована в журнале «Урал» (2010).

Не поставлена.

Содержание

От автора.....	3
Сансара. <i>Комедия в одном действии</i>	5
Русская народная почта. <i>Комната смеха</i> <i>для одинокого пенсионера в одном действии</i>	47
Мертвые уши. <i>Новейшая история туалетной бумаги</i>	85
Великая Китайская стена. <i>Комедия в двух частях</i>	145
Страшный суп. <i>Продолжение преследует в двух актах</i>	207
Резиновый принц. <i>Комедия в двух действиях</i>	293
Башмачкин. <i>Чудо шинели в одном действии</i>	365
Тридцать три счастья. <i>Комедия в двух действиях</i>	425
Тайное общество велосипедистов. <i>Комедия в двух действиях</i>	499
Марьино поле. <i>Пьеса в двух действиях</i>	543
Dawn-Way. <i>Пьеса в одном действии</i>	599
Шпильки. <i>Пьеса в одном действии</i>	657
Вишневый ад Станиславского. <i>Обычная история в одном действии</i>	713
Юрий Казарин. <i>Письмо. О пьесах Олега Богаева</i>	761
Комментарии.....	771

Литературно-художественное издание

БОГАЕВ ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ

РУССКАЯ НАРОДНАЯ ПОЧТА

13 комедий

Ответственный редактор — Б.И. Годунов

Художник — А.Г. Сайфулин

Верстка — В.Э. Исхаков

Корректор — Т.В. СЕРГЕЕНКО

Подписано в печать 12.10.2012. Формат 76×108/32.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 24,25.

Тираж 1 000 экз. Заказ

Отпечатано в типографии

ООО «Издательство УМЦ УПИ»

620078, г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2.

тел. (343) 362-91-16, 362-91-17

ISBN 978-5-8295-0158-7

9 785829 501587 >